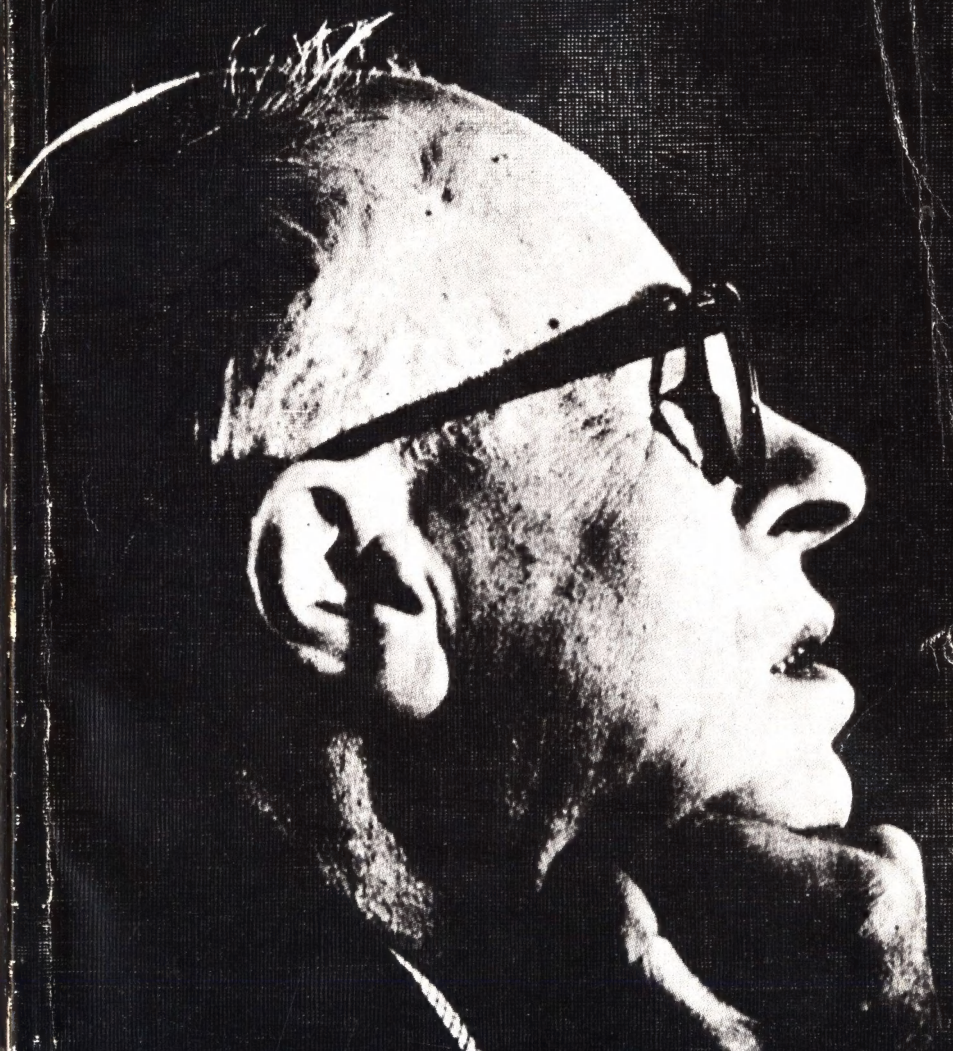

А.Д.САХАРОВ

ТРЕВОГА и НАДЕЖДА

А.Д.САХАРОВ

ТРЕВОГА и НАДЕЖДА

Второе издание

ИНТЕР-ВЕРСО

1991

Составитель — Елена БОННЭР

Совместное издание "Интер — Версо" — "Международные отношения"

Сахаров А. Д.
С22 Тревога и надежда. — 2-е изд. — М.: «Интер—Версо», 1991. — 336 с.

ISBN 5—85217—014—3 («Интер — Версо»)

ISBN 5—7133—0523—6 («Международные отношения»)

Книга академика, лауреата Нобелевской премии Мира, народного депутата СССР А. Д. Сахарова содержит основные общественно-политические работы, написанные за 22 года активной публицистической и правозащитной деятельности. В разделе «Интервью» помещены интервью с А. Д. Сахаровым, опубликованные в советской прессе за последний год его жизни (1989).

Второе издание печатается по многочисленным просьбам читателей и в связи с 70-летним юбилеем А. Д. Сахарова.

Для широкого круга читателей.

С 0803010200—006
«Интер—Версо»—91

Без объявл.

ББК 66.3(2)6

© Сахаров А. Д., 1990

© Составление — Е. Г. Боннэр, 1990

© Нобелевская лекция — The Nobel Foundation, 1975

ISBN 5—85217—014—3 © "Тревога и надежда" — The Norwegian Nobel Committee, 1977
(«Интер—Версо»)

ISBN 5—7133—0523—6 © Предисловие и оформление — совместное советско-британское предприятие (издательство) "Интер—Версо", 1990
(«Международные отношения»)

Андрей Дмитриевич Сахаров сам решил, что включить в эту книгу. Первую книгу работ по гуманитарным проблемам, выходящую на его Родине. Она вобрала все, что представлялось самому автору наиболее значительным из написанного за два с лишним десятилетия.

Это были годы гражданской деятельности, беспримерной, может быть, в истории нашего времени.

Ядерная опасность, экологическая ситуация, голод, перенаселение, ограниченность энергетических ресурсов... Размышления философов разных стран на эти темы редко бывают оптимистичны. Обычно человеческое сознание стремится оттолкнуть от себя эти мысли, не додумывать их до конца, поскольку "концы" представляются слишком печальными.

Но Сахаров раздумывал именно над такими, самыми тяжелыми и мучительными для людей, для всего человечества вопросами. Раздумывал, как внешне казалось, с обезоруживающей, почти детской наивностью. "Дилетант, непрофессионал", — раздавалось в его адрес. Но именно эта сахаровская будто бы наивность стала действительностью, одной из фундаментальных основ и наших перемен, и перемен, проходящих в мире.

Сахаров знал, что надо делать. Он додумывался до ответов, ибо во главу угла всех своих умозрений ставил человека: его интересы, его ценности. Это-то и принималось многими за наивность.

Андрей Дмитриевич глубоко и точно осмысливал ситуацию в своей стране и в мире — и находил пути для разрешения самых трагических, казавшихся неразрешимыми проблем. И адресовывал свои труды правительствам, народам и каждому из нас. Городу и миру.

Его работы подсказывают, как следует поступать, чтобы выжить и жить и чтобы жизнь была достойной, свободной, справедливой.

Считается, что пророков во все времена побивали камнями... Родина Андрея Дмитриевича, увы, не стала исключением из этого правила.

Сахаров всегда делал все, что мог. И не останавливался, предвидя для самого себя самые тяжелые последствия.

Великий ученый и мыслитель не только заступался за невинно осужденных, преследуемых и гонимых, единоборствуя с могучей государственной машиной. Он отстаивал права советских людей. И тем самым борьба его, безусловно, обретала общечеловеческий смысл. Можно уверенно сказать, что движение за права человека стало мировым благодаря Сахарову.

Сахаров еще **предстоит** — и своей собственной стране, и миру. Надо только его услышать и понять.

* * *

...Совместное советско-британское издательство "Интер — Версо" начинает свою деятельность изданием книги Андрея Дмитриевича Сахарова "Тревога и надежда". Выпуская в свет работы гуманиста, гуманиста на деле, мы, таким образом, декларируем и дальнейший смысл и основную цель всей нашей совместной деятельности.

Горько, что первая в СССР книга Андрея Сахарова выходит после его смерти. Горько, что без малого два десятилетия страницы советской прессы были заполнены клеветой и бранью в его адрес. В последние два года что-то изменилось, но читателю не объяснили, почему в прошлом так люто расправлялись с Сахаровым. Появление этой книги снимает необходимость объяснения. Читатель все поймет сам. Если он не боится труда. Читать Сахарова — это работа.

Книга составлена в хронологическом порядке. Такой принцип расположения материала раскрывает эволюцию взглядов автора и одновременно неизменность основных черт его личности и мировоззрения. "Тревога и надежда" — название одной из статей стало названием книги. Оно отражает две главных составляющих работ Андрея Сахарова — тревоги за общее будущее всех людей на планете и надежды, что альтруизм и чувство ответственности каждого в отдельности, народов и их руководителей способны перевесить их же эгоизм и сиюминутные интересы. Что разум сильнее безумия! Можно сказать, что это тревога и надежда идеалиста. Но Андрей Дмитриевич и был идеалистом. Я употребляю это понятие не в школьно-студенческом противопоставлении "идеализм — материализм", а как выражение стремления к идеалу и веры в то, что такое стремление свойственно не исключительно одиночкам, но большинству людей на Земле. Идеализм Сахарова удивительным образом сочетается с реализмом, с четким знанием предмета, деталей, ответственностью за рекомендации, в которых полностью отсутствует дидактичность. По форме все работы — скорее научные статьи, чем публицистика.

В книге собраны основные работы Сахарова. Однако она не содержит многого, что Андрей Дмитриевич написал или

сказал в других статьях, открытых письмах и интервью, напечатанных в журналах и газетах всего мира, кроме стран социалистического лагеря. Надеюсь, что скоро советский читатель познакомится с выступлениями Сахарова, непосредственно повлиявшими на его судьбу: интервью норвежскому корреспонденту Улле Стенхольму в 1973 году, после которого был вызов к заместителю Генерального прокурора и началась газетная кампания 1973 года, интервью Тони Остину ("Нью-Йорк таймс") и Бирбауэру ("Лос-Анджелес таймс") в январе 1980 года, ответом на которые была ссылка, с сотнями писем в защиту преследуемых и открытыми обращениями из Горького с января 1980-го по апрель 1984 года. За пределами настоящей публикации остались также лекции и выступления Сахарова в конце 1988-го и в 1989 году в США, Канаде, Японии и во многих странах Европы. В книге есть разрыв между 1977 и 1980 годами. Это не означает, что общественная активность Сахарова тогда снизилась. Но особенности жизни — постоянная слежка, незаконные изъятия и исчезновения из дома рукописей и книг — сделали невозможным для составителя быстро представить эти материалы издательству, которое стремилось к скорейшему выпуску книги.

Я не хочу предварять мнение читателя, но надеюсь, что книга будет хорошей. Во всяком случае она заполнит ту нишу, которая зияет в истории отечественной общественной мысли рядом с текстом из Советского энциклопедического словаря (Москва, 1980): "Сахаров А. Д. (р. 1921), сов. физик, акад. АН СССР (1953). Осн. тр. по теоретич. физике. В последние годы отошел от научной деятельности".

Елена Боннэр

Я родился 21 мая 1921 г. в Москве. Мой отец — преподаватель физики, известный автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходился со сверстниками.

Я с отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 году, в эвакуации, в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 года направлен на большой военный завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 году, работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и на-

правил их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 года я — аспирант Физического института АН СССР им. Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, — крупнейший физик-теоретик Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 году — включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был И. Е. Тамм. Последующие двадцать лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском секретном центре. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью.

В 1950 году я вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом стал одним из инициаторов работ по исследованию управляемой термоядерной реакции. Нами предложен принцип магнитной термоизоляции плазмы. Я предложил также в качестве ближайшей технической цели использование термоядерного реактора для производства делящихся ядерных материалов (ядерного горючего для атомных электростанций). Сейчас работы по управляемой термоядерной реакции получили очень большое развитие во всем мире. Наиболее близко к нашим первоначальным идеям приближается система "токамак", усиленно изучаемая в лабораториях многих стран. В 1952 году по моей инициативе начаты экспериментальные работы по созданию взрыво-магнитных генераторов (устройств, в которых энергия взрыва химической или ядерной реакции переходит в энергию магнитного поля). В 1964 году в ходе этих работ достигнуто рекордное магнитное поле — 25 млн. гаусс.

В 1953 году я был избран академиком Академии наук СССР.

В 1953–1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953–1962 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядер-

ного оружия. В 1961 году в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым, в 1962 году — с министром среднего машиностроения Славским. Я был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т. е. в атмосфере, в воде и в космосе). Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 году я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966–1967 годам относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". По существу это те же темы, которые через семь с половиной лет обозначены в названии Нобелевской лекции — "Мир, прогресс, права человека"; я считаю эти темы фундаментально важными и тесно связанными между собой. Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. Очень быстро оно стало широко известно во всем мире. В советской прессе "Размышления" долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас, спустя тринадцать лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

С 1970 года защита прав человека, защита людей, ставших жертвами политической расправы, выходит для меня на первый план. Участие вместе с Чалидзе и Твердохлебовым, а затем с Шафаревичем и Подъяпольским в Комитете прав человека являлось одним из выражений этой позиции. (В марте 1976 г. Григорий Подъяпольский трагически рано умер.) С июля 1968 года, после опубликования за рубежом моей статьи "Размышления", я отстранен от секретных работ и "отлучен" от привилегий советской "номенклатуры". С 1972 года все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

В 1975 году я удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 года я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где нахожусь в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно незаконен, это — одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в последние годы.

С лета 1969 года я — старший научный сотрудник Физического института АН СССР. Мои научные интересы — элементарные частицы, гравитация и космология.

Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

Горький, 24 марта 1981 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОГРЕССЕ, МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЕ

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1967 году я написал для одного распространявшегося в служебном порядке сборника футурологическую статью о будущей роли науки в жизни общества и о будущем самой науки. В том же году мы вдвоем с журналистом Э. Генри написали для "Литературной газеты" статью о роли интеллигенции и опасности термоядерной войны. ЦК КПСС не дал разрешения на публикацию этой статьи, однако неведомым мне способом она попала в "Политический дневник" — таинственное издание, как предполагают, нечто вроде "самиздата" для высших чиновников. Обе эти оставшиеся малоизвестными статьи легли через год в основу работы, которой суждено было сыграть центральную роль в моей общественной деятельности.

В начале 1968 года я начал работу над книгой, которую назвал "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством, — о войне и мире, о диктатуре, о запретной теме сталинского террора и свободе мысли, о демографических проблемах и загрязнении среды обитания, о той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. На общем настроении работы сказалось время ее написания — разгар "пражской весны". Основные мысли, которые я пытался развить в "Размышлениях", не являются очень новыми и оригинальными. В основном это компиляция либеральных, гуманистических и "наукokratических" идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное ("сырое") по форме. Тем не менее основные мысли его мне дороги. В работе четко сформулиро-

ван представляющийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем, сопровождающемся демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом как единственной альтернативе гибели человечества. Начиная с мая-июня 1968 года "Размышления" широко распространялись в СССР. Это моя первая работа, ставшая достоянием "самиздата". К июлю и августу относятся первые зарубежные сообщения о моем выступлении; в дальнейшем "Размышления" многократно публиковались за рубежом большими тиражами, вызвали огромный поток откликов в прессе множества стран. Наряду с содержанием работы в этом несомненно сыграло важную роль то, что это было одно из первых прорвавшихся на Запад произведений общественно-политического характера, к тому же автором был отмеченный высшими знаками отличия представитель "таинственной" и "грозной" специальности физика-атомщика (эта сенсационность, к сожалению, и сейчас еще окружает меня, особенно на страницах массовой западной печати).

* * *

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

Гете

Взгляды автора формировались в среде научной и научно-технической интеллигенции, которая проявляет очень большую озабоченность в принципиальных и конкретных вопросах внешней и внутренней политики, в вопросах будущего человечества. В частности, эта озабоченность питается сознанием того, что еще не стал реальностью научный метод руководства политикой, экономикой, искусством, образованием и военным делом. "Научным" мы считаем метод, основанный на глубоком изучении фактов, теорий и взглядов, предполагающий непредвзятое, бесстрастное в своих выводах, открытое обсуждение. Вместе с тем сложность и многоплановость всех явлений современной жизни, огромные возможности и опасности, связанные с научно-технической революцией и с рядом общественно-социальных тенденций, настоятельно требуют именно такого подхода, что признается и в ряде официальных высказываний.

В выносимой на обсуждение читателей брошюре автор

поставил себе целью с наибольшей доступной ему убедительностью и откровенностью изложить два тезиса, которые разделяются очень многими людьми во всем мире. Эти тезисы суть:

1. Разобщенность человечества угрожает ему гибелью. Цивилизации грозит: всеобщая термоядерная война; катастрофический голод для большей части человечества; оглушение в дурмане "массовой культуры" и в тисках бюрократизированного догматизма; распространение массовых мифов, бросающих целые народы и континенты во власть жестоких и коварных демагогов; гибель и вырождение от непредвидимых результатов быстрых изменений условий существования на планете.

Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий* и наций — безумие, преступление. Лишь всемирное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высоких нравственных идеалов социализма и труда, с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов отвечает интересам сохранения цивилизации.

Миллионы людей во всем мире стремятся покончить с нищетой, ненавидят угнетение, догматизм и демагогию (и их крайнее выражение — расизм, фашизм, сталинизм и маоизм), верят в прогресс на основе использования в условиях социальной справедливости и интеллектуальной свободы всего положительного опыта, накопленного человечеством.

2. Второй основной тезис: человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода — свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли — единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру. Это — единственная гарантия осуществ-

* Читатель понимает, что при этом не идет речь об идеологическом мире с теми фанатичными, сектантскими и экстремистскими идеологиями, которые отрицают всякую возможность сближения с ними, дискуссии и компромисса, например с идеологиями фашистской, расистской, милитаристской или маоистской, демагогии. (Здесь и далее сноски, отмеченные звездочкой, сделаны автором при написании этих работ. — Прим. ред.)

вимости научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре.

Но свобода мысли в современном обществе находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опиума "массовой культуры", со стороны трусливой и эгоистической мещанской идеологии, со стороны окостенелого догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного оружия — идеологической цензуры. Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей. Это задача не только интеллигенции, но и всех слоев общества, и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки — рабочего класса. Мировые опасности войны, голода, культа, бюрократизма — это опасности для всего человечества.

Осознание рабочим классом и интеллигенцией общности их интересов — примечательное явление современности. Можно сказать, что наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции*.

Эту брошюру мы разделили на две части. Первую озаглавим "Опасности", вторую — "Основа надежды".

Брошюра носит дискуссионный, спорный во многом характер и призывает дискутировать и спорить.

ОПАСНОСТИ

Угроза термоядерной войны

Три технических аспекта термоядерного оружия сделали термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Это — огромная разрушительная сила термоядерного

* Такое положение интеллигенции в обществе делает бессмысленными громогласные требования к интеллигенции подчинить свои стремления воле и интересам рабочего класса (в СССР, Польше и других социалистических странах). На самом деле в таких призывах подразумевается подчинение воле партии или, еще конкретней, ее центральному аппарату, его чиновникам. Но где гарантия, что эти чиновники всегда выражают истинные интересы рабочего класса в целом, истинные интересы прогресса, а не свои кастовые интересы?

взрыва, относительная дешевизна ракетно-термоядерного оружия и практическая невозможность эффективной защиты от массированного ракетно-ядерного нападения.

На сегодня "типичным" термоядерным зарядом можно считать трехмегатонный (это нечто среднее между зарядом ракеты "Минитмен" и ракеты "Титан II"). Площадь зоны пожаров при взрыве такого заряда в 150 раз больше, а площадь зоны разрушения в 30 раз больше, чем у хиросимской бомбы. При взрыве одного такого заряда над городом на площади 100 кв. км возникает зона сплошного разрушения и огня, десятки миллионов квадратных метров жилой площади уничтожаются, не менее 1 млн. людей гибнут под обломками зданий, от огня и радиации, задыхаются в кирпичной пыли и в дыму, гибнут в заваленных убежищах. В случае наземного взрыва выпадение радиоактивной пыли создает опасность смертельного облучения на площади в десятки тысяч квадратных километров.

Теперь о стоимости и возможном числе взрывов.

После того, как пройдена стадия поисков и исследований, массовое производство термоядерного оружия и ракетносителей оказывается не более сложным и дорогим, чем, например, производство военных самолетов, которые во время войны изготавливали десятками тысяч.

Сейчас годовое производство плутония во всем мире исчисляется десятками тысяч тонн. Если принять, что половина этой продукции идет на военные цели и что в одном заряде в среднем используется несколько килограммов плутония, становится очевидным, что уже сейчас накоплено достаточно зарядов для многократного уничтожения всего человечества.

Третьим техническим аспектом термоядерной опасности (наряду с мощностью и дешевизной зарядов) мы называем практическую неотразимость массированного ракетного нападения. Это обстоятельство хорошо известно специалистам; в научно-популярной литературе см., например, недавнюю статью Бете и Гарвина в журнале "Сайентифик америкэн" (№ 3 за 1968 г.).

Сейчас техника и тактика нападения далеко обогнали технику обороны, несмотря на создание очень маневренных и мощных противоракет с ядерными зарядами, несмотря на другие технические идеи (типа использования лазерного луча и т. п.).

Повышение стойкости зарядов к воздействию ударной волны, к радиационному воздействию нейтронного и рентгеновского облучения, возможность широкого использования относительно легких и дешевых "ложных целей", почти не отличимых от боевых зарядов и истощающих технические средства противоракетной обороны противника, совершенствование тактики массированных, концентрированных во времени и в пространстве ракетно-термоядерных атак, превышающих пропускную способность станций обнаружения и наведения и вычисления, использование орбитальных и настильных траекторий атаки, активных и пассивных помех и ряд других пока не освещенных в печати приемов — все это поставило перед созданием эффективной противоракетной обороны технические и экономические препятствия, которые в настоящее время практически непреодолимы*.

Исключением является случай очень большого различия технико-экономических потенциалов двух противостоящих друг другу противников. В этом случае более сильная сторона, создав систему противоракетной обороны с многократным запасом прочности, имеет соблазн попытаться навсегда избавиться от опасного неустойчивого равновесия — пойти на превентивную авантюру, затратив часть своего потенциала атаки на уничтожение большей части ракетных стартовых позиций противника и рассчитывая на безнаказанность на последней ступени эскалации, то есть при уничтожении городов и промышленности противника.

К счастью для стабильности мира, различие технико-экономических потенциалов СССР и США не настолько велико, чтобы для одной из этих сторон такая "превентивная агрессия" не была бы связана с почти неминуемым риском ответного сокрушительного удара, и это положение не изменится при расширении гонки вооружений на строительство систем ПРО. По мнению многих, разделяемому автором, дипломатическое оформление этой взаимопонимаемой ситуации (например, в виде договора о моратории строитель-

* Опыт прошлых войн дал множество примеров того, что первое применение нового технического или тактического приема нападения обычно оказывалось очень эффективным даже в том случае, если вскоре удавалось найти простое противоядие. Но в случае термоядерной войны уже первое применение может оказаться решающим и свести на нет многолетние работы и многомиллиардные расходы по созданию ПРО (противоракетной обороны).

ства ПРО) было бы полезной демонстрацией желания США и СССР сохранить статус-кво и не расширять гонку вооружений на безумно дорогие противоракетные системы, демонстрацией желания сотрудничать, а не воевать.

Термоядерная война не может рассматриваться как продолжение политики военными средствами (по формуле Клаузевица), а является средством всемирного самоуничтожения*.

Полное уничтожение городов, промышленности, транспорта, системы образования, отравление полей, воды и воздуха радиоактивностью, физическое уничтожение большей части человечества, нищета, варварство, одичание и генетическое вырождение под действием радиации оставшейся части, уничтожение материальной и информационной базы цивилизации — вот мера опасности, перед которой ставит мир разобщенность двух мировых сверхсил.

Каждое разумное существо, оказавшись на краю пропасти, сначала старается отойти от этого края, а уж потом думает об удовлетворении всех остальных потребностей. Для человечества отойти от края пропасти — это значит преодолеть разобщенность.

Необходимый шаг на этом пути — пересмотр традиционного метода в международной политике, который можно назвать "эмпирико-конъюнктурным". Попросту, — это метод максимального улучшения своих позиций всюду, где это возможно, и одновременно метод максимальных неприятностей противостоящим силам без учета общего блага и общих интересов.

Если политика — это игра двух игроков, то это единственно возможный метод. Но к чему такой метод приводит в современной беспрецедентной обстановке?

Во Вьетнаме силы реакции не надеются на желательный для них исход народного волеизъявления, применяют силу военного давления, нарушают все правовые и моральные

* Существуют два направления попыток вернуть термоядерной войне в глазах общественного мнения "обычный" политический характер. Это, во-первых, концепция "бумажного тигра", концепция безответственных маоистских авантюристов. Во-вторых, это выработанная научно-милитаристскими кругами США стратегическая доктрина эскалации. Не преуменьшая всей серьезности вызова, заключенного в этой доктрине, ограничимся здесь замечанием, что реальным противовесом этой доктрины является политическая стратегия мирного сосуществования.

нормы, совершают вопиющие преступления против человечности. Целый народ приносится в жертву предполагаемой задаче остановки "коммунистического потопа".

От американского народа пытаются скрыть роль соображений личного и партийного престижа, цинизм и жестокость, бесперспективность и неэффективность антикоммунистических задач американской политики во Вьетнаме, вред этой войны для истинных целей американского народа, которые совпадают с общечеловеческими задачами укрепления мирного сосуществования.

Прекращение войны во Вьетнаме — это в первую очередь дело спасения гибнущих там людей. Но это также дело спасения мира во всем мире. Ничто так не подрывает возможности мирного сосуществования, как продолжение войны во Вьетнаме.

Другой трагический пример — Ближний Восток. Если во Вьетнаме самая прямая ответственность лежит на США, то в этом случае косвенная ответственность ложится и на США, и на СССР (а в 1948 и 1956 гг. — и на Англию). С одной стороны, имело место безответственное поощрение так называемого арабского единства (которое ни в коей мере не носило социалистического характера, — достаточно вспомнить Иорданию, — а было чисто националистическим, антиизраильским); при этом утверждалось, что в своей основе борьба арабов носит антиимпериалистический характер. С другой стороны, имело место столь же безответственное поощрение израильских экстремистов.

Мы не можем здесь анализировать всей противоречивой, трагической истории событий последних 20 лет, в ходе которой и арабы, и Израиль, наряду с исторически оправданными действиями, совершали и весьма предосудительные действия, часто обусловленные действиями внешних сил. Так, в 1948 году Израиль вел оборонительную войну, но в 1956 году действия Израиля представляются предосудительными. Превентивная война "шести дней" перед лицом угрозы уничтожения безжалостными, многократно превосходящими силами арабской коалиции должна быть оправдана; но жестокость по отношению к беженцам и военнопленным, а также противозаконное стремление решать территориальные споры военными методами должны быть осуждены. Несмотря на это осуждение, разрыв отношений с Израилем представляется ошибкой, затрудняющей мирное урегулирование в этом райо-

не, затрудняющей необходимое дипломатическое признание Израиля арабскими государствами.

Аналогичный характер носит происхождение трудностей и международной напряженности в германском вопросе и в других местах.

По нашему мнению, необходимо внести определенные изменения в самые принципы проведения международной политики, последовательно подчинив все конкретные цели и местные задачи основной задаче **активного предупреждения** обострения международной обстановки, активно проводить и углублять до уровня сотрудничества политику мирного сосуществования, планировать политику таким образом, чтобы ее ближайшие и отдаленные последствия не обостряли международную обстановку, не вызывали бы ни у одной стороны **таких трудностей**, которые могут вызвать усиление сил реакции, милитаризма, национализма, фашизма, реваншизма.

Международная политика должна быть всецело пропитана научной методологией и демократическим духом, со стремлением к бесстрашному учету всех фактов, взглядов и теорий, с максимальной гласностью точно сформулированных главных и промежуточных целей, с принципиальной последовательностью.

Международная политика двух ведущих мировых сверхсил (США и СССР) должна основываться на повсеместном применении единых общих принципов, которые в первом приближении мы бы сформулировали следующим образом:

1) Все народы имеют право решать свою судьбу свободным волеизъявлением. Это право гарантируется международным контролем над соблюдением всеми правительствами Декларации прав человека. Международный контроль предполагает как применение экономических санкций, так и использование вооруженных сил ООН для защиты прав человека.

2) Все военные и военно-экономические формы экспорта контрреволюции и революции являются незаконными и приравниваются к агрессии.

3) Все страны стремятся к взаимопомощи в экономических, культурных и общеорганизационных проблемах в целях безболезненного устранения внутренних и международных трудностей, для предупреждения обострения международной напряженности и усиления сил реакции.

4) Международная политика не преследует целей использования местных конкретных условий для расширения зоны влияния и для создания трудностей другой стране. Цель международной политики – обеспечить повсеместное выполнение Декларации прав человека, предупредить обострение международной обстановки, усиление тенденции милитаризма и национализма.

Такая политика ни в коем случае не есть предательство революционной и национально-освободительной борьбы, борьбы с реакцией и контрреволюцией. Наоборот, при устранении всех сомнительных случаев увеличивается возможность решительных действий в тех крайних случаях реакции, расизма и милитаризма, когда не остается других средств, кроме вооруженной борьбы; углубление мирного сосуществования дало бы возможность предупреждения таких трагических событий, как в Греции и Индонезии.

Такая политика ставит перед советскими вооруженными силами четко ограниченные оборонительные задачи, задачи обороны нашей страны и наших союзников от агрессии. Как показывает история, при обороне Родины, ее великих социальных и культурных завоеваний наш народ и его вооруженные силы едины и непобедимы.

Угроза голода

Специалисты обращают внимание на возрастающую угрозу всеобщего голода в "более бедной" половине земного шара. Хотя на всей планете за последние 30 лет возрастание населения на 50% сопровождалось увеличением производства продовольствия на 70%, но в бедной половине баланс был неблагоприятным. Реальное положение в Индии, Индонезии, в ряде стран Латинской Америки и в огромном числе других слаборазвитых стран – отсутствие технико-экономических резервов, деловых кадров и культурных навыков, социальная отсталость, высокий уровень рождаемости; все это систематически ухудшает пищевой баланс и несомненно будет продолжать ухудшать его в ближайшие годы. Спасением было бы широкое применение удобрений, улучшение системы орошения, улучшение агротехники, более широкое использование ресурсов океана, постепенное освоение технически вполне возможных уже сейчас методов производства синте-

тической пищи (в первую очередь аминокислот). Однако это все хорошо для "богатых". В более отсталых странах, как очевидно из реального анализа ситуации сейчас и имеющихся тенденций, улучшение не может быть достигнуто в ближайшее время, до предполагаемой даты трагедии (1975–1980 гг.).

Речь идет о таком прогнозируемом из анализа существующих тенденций обострении "среднего" продовольственного баланса, при котором местные, локализованные в пространстве и времени, продовольственные кризисы сливаются в сплошное море голода, невыносимых страданий и отчаяния, горя, гибели и ярости сотен миллионов людей. Это — трагическая угроза всему человечеству. Катастрофа такого масштаба не может не иметь самых глубоких последствий во всем мире, для каждого человека, вызовет волны войн и озлоблений, общий упадок уровня жизни во всем мире, наложит трагический, цинический и антикоммунистический отпечаток на жизнь последующих поколений.

Первая реакция обывателя, когда он узнает о существовании проблемы: "они" сами виноваты, почему "они" так сильно размножаются? Несомненно, ограничение избыточной рождаемости очень важно, и общественность, например в Индии, принимает ряд мер в этом направлении; но эти меры остаются пока почти безрезультатными в условиях социальной и экономической отсталости, при наличии устойчивых традиций многодетности, в результате отсутствия страхования от старости, высокой детской смертности в совсем недавнем прошлом и непрерывной угрозы голодной смерти в будущем и других причин. Очевидно, бесполезно **только** призывать более отсталые страны ограничить рождаемость — необходимо в первую очередь помочь им экономически и технически, причем эта помощь должна быть такого масштаба, такого бескорыстия и широты, которые совершенно невозможны, пока не ликвидирована мировая разобщенность, эгоистический, мещанский подход к отношению между нациями и расами, пока две великие мировые сверхсилы — СССР и США — противостоят друг другу как соперники или даже противники.

Социальные факторы играют важную роль в трагическом положении и еще более трагическом будущем "бедных" районов. Но надо ясно понимать, что если угроза голода является, наряду со стремлением к национальному освобождению, главной причиной "аграрной" революции, то сама по себе

"аграрная" революция не устраняет угрозы голода (во всяком случае в ближайшем будущем). В сложившемся положении угроза голода не может быть устранена достаточно быстро без помощи развитых стран, и это потребует значительного изменения их внешней и внутренней политики.

Сейчас "белые" граждане США не проявляют желания пойти на минимальные жертвы для ликвидации неравноправного экономического и культурного положения "черных" граждан США, составляющих немногим более 10% населения. Но необходимо так изменить психологию граждан США, чтобы они добровольно и бескорыстно, во имя одних только высших и отдаленных целей, во имя сохранения цивилизации и гуманности на нашей планете поддерживали свое правительство и общемировые усилия в изменении экономики, техники и уровня жизни миллионов людей (что, конечно, потребует серьезного снижения темпов экономического развития в США).

Аналогичный перелом в психологии народа и практической деятельности правительств должен быть достигнут в СССР и в других развитых странах.

По мнению автора, необходим своеобразный "налог" на развитые страны в сумме порядка 20% их национального дохода на протяжении примерно 15 лет. Введение такого "налога" приведет автоматически к значительному уменьшению расходов на вооружение. Очень существенно влияние такой совместной помощи на стабилизацию и оздоровление положения в самых слаборазвитых странах, на ограничение влияния экстремистов всех типов.

При изменении экономического положения слаборазвитых стран проблема избыточной рождаемости разрешится относительно безболезненно, без варварских методов стерилизации, как это показывает опыт развитых стран. Все же определенные изменения в политике, представлениях и традициях в этом "деликатном" вопросе неизбежны и в развитых странах. Человечество может безболезненно развиваться, только рассматривая себя в демографическом смысле как единое целое, как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций.

Поэтому в политике правительства, в законодательстве о семье и браке, в пропаганде нельзя поощрять увеличение рождаемости в развитых странах и одновременно требовать ее ограничения в странах менее развитых, получающих по-

мощь. Ничего, кроме озлобления и национализма, такая двойная игра не вызовет.

В заключение я хочу подчеркнуть, что вопрос о регулировке рождаемости является очень "многоплановым", и его стандартное, догматическое решение "на все времена и народы" было бы неправильным. В частности, и все вышесказанное должно восприниматься с оговорками, как некоторое упрощение.

Проблема геогигиены

Мы живем в быстро меняющемся мире. Промышленное и гидротехническое строительство, лесозаготовки, распашка целинных земель, применение ядохимикатов — это все неконтролируемым, стихийным образом меняет облик Земли, нашу "среду обитания". Научное изучение всех взаимосвязей в природе и последствий нашего вмешательства явно отстает от темпов происходящих изменений. В воздух и воду выбрасывается огромное количество вредных отходов промышленности и транспорта, в том числе канцерогенных. Не будет ли перейден "предел безопасности" повсеместно, как это уже имеет место в ряде мест? Углекислота от сжигания угля меняет теплоотражательные свойства атмосферы. Рано или поздно это примет опасные масштабы. Но мы не знаем — когда. Ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями, проникают в тело человека и животных как непосредственно, так и в виде ряда видоизмененных, еще более опасных соединений, оказывают очень вредное влияние на мозг, нервную систему, кровеносные органы, печень и другие органы. Тут тоже нетрудно перейти предел, но вопрос не изучен, и очень сложно управлять всеми этими процессами.

Применение антибиотиков в птицеводстве способствует выработке новых форм болезнетворных микробов, устойчивых к антибиотикам.

Я мог бы упомянуть о проблеме сброса моющих веществ и радиоактивных отходов, об эрозии и засолонении почвы, о затоплении лугов, о вырубке лесов на горных склонах и лесов водоохранного значения, о гибели птиц и таких полезных животных, как жабы и лягушки, о многих других примерах неразумного хищничества, вызванных приматом ме-

стных, временных, ведомственных и эгоистических интересов, а иногда и просто вопросами ведомственного престижа, как это имело место в печально знаменитой проблеме Байкала. Проблемы геоигиены очень сложны и многообразны, очень тесно переплетаются с экономическими и социальными проблемами. Их полное решение в национальном и тем более местном масштабе поэтому невозможно. Спасение нашей внешней среды обитания настоятельно требует преодоления разобщенности и давления временного, местного интереса. Иначе СССР отравит США своими отходами, а США отравят СССР своими. Пока это — гипербола, но при возрастании количества отходов на 10% ежегодно за 100 лет общее возрастание достигнет 20 тыс. раз.

Угроза расизма, национализма, милитаризма и диктаторских режимов

Крайним выражением опасностей современного общественного развития является развитие расизма, национализма и милитаризма и в особенности возникновение демагогических, лицемерных и чудовищно жестоких полицейских, диктаторских режимов. В первую очередь это — режим Сталина, Гитлера и Мао Цзэдуна, а также ряд крайне реакционных режимов в меньших странах (Испания, Португалия, ЮАР, Греция, Албания, Гаити и ряд латиноамериканских стран).

Истоками всех этих трагических явлений всегда была борьба эгоистических групповых интересов, борьба за неограниченную власть, подавление интеллектуальной свободы, распространение в народе массовых эмоциональных и интеллектуально-упрощенных, удобных мещанину мифов (миф расы, земли и крови, миф о еврейской опасности, антиинтеллектуализм, концепция "жизненного пространства" в Германии, миф об усилении классовой борьбы и о пролетарской непогрешимости, дополненный культом Сталина и преувеличением противоречий с капиталистическими странами в СССР, миф о Мао Цзэдуне, крайний китайский национализм и воскрешение концепции "жизненного пространства", антиинтеллектуализм, крайний антигуманизм, определенные предрассудки крестьянского социализма в Китае).

Обычная практика — преимущественное использование демагогии штурмовиков и хунвэйбинов на первом этапе и террористической бюрократии надежных "кадров" типа Эйхмана, Гиммлера, Ежова и Берии на вершине обожествления неограниченной власти. Мир никогда не забудет костров из книг на площадях немецких городов, истерических, людоедских речей фашистских "вождей" и их еще более людоедских тайных планов уничтожения и порабощения целых народов, в том числе русского. Фашизм начал частичную реализацию этих планов во время развязанной им войны, уничтожая военнопленных и заложников, сжигая деревни, осуществляя преступнейшую политику геноцида (на период войны центральный удар геноцида был направлен по евреям, что, по-видимому, имело также определенный провокационный смысл, в частности на Украине и в Польше).

Мы никогда не забудем многокилометровые рвы, наполненные трупами, душегубки и газовые камеры, эсэсовских овчарок и врачей-изуверов, прессованные кипы женских волос, чемоданы с золотыми зубами и удобрения в качестве "продукции" фабрик смерти.

Анализируя причины прихода Гитлера к власти, мы не забываем о роли немецкого и международного монополистического капитала, не забываем также о преступно-сектантской, догматической, ограниченной политике Сталина и его соратников, натравивших друг на друга социалистов и коммунистов (об этом хорошо рассказано в известном письме Э. Генри И. Эренбургу).

Фашизм в Германии просуществовал 12 лет, сталинизм в СССР — вдвое дольше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия. Это — гораздо более изощренный заряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть, с коварным и внезапным использованием механизма цепной реакции пыток, казней и доносов, с запугиванием и оболваниванием миллионов людей, в большинстве совсем не трусов и не дураков. Эта "специфика" сталинизма имела одним из своих следствий то, что самый страшный удар был нанесен против советского народа, его наиболее активных, способных и честных пред-

ставителей. Не менее 10–15 млн. советских людей погибли в застенках НКВД от пыток и казней, в лагерях для ссыльных кулаков и так называемых "подкулачников" и членов их семей, в лагерях "без права переписки" (это были фактически прообразы фашистских лагерей смерти, где практиковались, например, массовые расстрелы тысяч заключенных из пулеметов при "перенаселенности" лагерей или получении "специальных указаний"), в холодных шахтах Норильска и Воркуты от холода, голода и непосильного труда на бесчисленных стройках, лесозаготовках, каналах*, просто на перевозках в заколоченных вагонах и затопленных трюмах "кораблей смерти" Охотского моря, при пересылке целых народов – крымских татар, немцев Поволжья, калмыков, многих других народов.

Сменялись помощники (Ягода, Молотов, Ежов, Жданов, Маленков, Берия), но антинародный режим Сталина оставался все таким же свирепым и в то же время догматически ограниченным, слепым в своей жестокости. Уничтожение военных и инженерных кадров перед войной, слепая вера в разумность собрата по преступлениям – Гитлера и другие истоки национальной трагедии 1941 года, хорошо освещенные в книге Некрича¹, в записках генерал-майора Григоренко² и в ряде других публикаций, – это далеко не единственный пример этого сочетания преступлений и преступной ограниченности, недальновидности.

Сталинский догматизм и отрыв от реальной жизни особенно проявился в деревне – в политике безудержной эксплуатации деревни – грабительскими заготовками по "символическим" ценам, с почти крепостным закабалением крестьянства, с лишением колхозников права владения ос-

* Недавно наш читатель имел возможность ознакомиться с описанием строительства "дороги смерти" Норильск – Игарка в журнале "Новый мир". – 1964. – № 8.

¹ Некрич А. 1941. 22 июня (Здесь и далее сноски, отмеченные цифрами, сделаны автором при подготовке данной книги в 1989 г. – Прим. ред.)

² Генерал П. Г. Григоренко по определению Ташкентского суда был направлен для принудительного лечения в специальную тюремную больницу МВД СССР в город Черняховск. Причиной этого являлись неоднократные открытые выступления Григоренко в защиту политзаключенных и в защиту прав крымских татар, которые в 1941 году были по сталинскому произволу с огромными жестокостями выселены из Крыма, а ныне не могут вернуться на родину.

новными средствами механизации, с назначением председателей колхозов по признаку угодливости и изворотливости. Результат налицо — глубочайшее и трудно поправимое разрушение экономики и всего уклада жизни в деревне, которое по "закону сообщающихся сосудов" подрывало также и промышленность.

Антинародный характер сталинизма ярко проявился в репрессиях военнопленных, выживших в фашистском плену и угодивших в сталинские лагеря, в антирабочих "указах", в преступном переселении целых народов, обрекая их на медленное вымирание, в свойственной сталинской бюрократии и НКВД (и лично Сталину) мещанско-зоологическом антисемитизме, в драконовских законах по охране социалистической собственности (пять лет за "колоски" и т. д.), которые фактически служили главным образом одним из средств удовлетворения спроса на "рынки рабов", в свойственной Сталину украинофобии и т. п.

Глубокий анализ генезиса и проявлений сталинизма содержит фундаментальная (тысяча страниц) монография Р. Медведева. Это написанное с социалистических, марксистских позиций выдающееся произведение, к сожалению, до сих пор не увидело света¹. Вероятно, автор не дожидется таких же комплиментов от товарища Р. Медведева, который найдет в его взглядах элементы "западничества". Ну, что ж, спор так спор! Но по существу взгляды автора являются глубоко социалистическими, и он надеется, что внимательный читатель это поймет.

Автор очень хорошо понимает, какие уродливые явления в области человеческих и международных отношений рождает эгоистический принцип капитала, когда он не испытывает давления социалистических, прогрессивных сил; он думает, однако, что прогрессивные люди на Западе понимают это лучше его и ведут борьбу с этими проявлениями. Автор концентрирует внимание на том, что у него перед глазами и что мешает, с его точки зрения, общемировым задачам преодоления разобщенности, борьбе за демократию, социальный прогресс и интеллектуальную свободу.

Сейчас наша страна вступила на путь самоочистки от скверны "сталинизма". Мы "по капле выдавливаем из себя раба" (выражение А. П. Чехова), научаемся выражать свое

¹ Медведев Р. Перед судом истории.

мнение, не глядя в рот начальству и не боясь за собственную жизнь.

Начало этого трудного и далеко не прямолинейного пути, по-видимому, следует датировать докладом Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС; это смелое, неожиданное для бывших сообщников Сталина по преступлениям выступление и ряд сопутствующих мероприятий — освобождение сотен тысяч политзаключенных и их реабилитация, шаги по восстановлению принципов мирного сосуществования, шаги по воссозданию демократии — все это заставляет нас очень высоко оценить историческую роль Н. С. Хрущева, несмотря на ряд допущенных им в последующие годы досадных ошибок волюнтаристского характера и несмотря на то, что при жизни Сталина Хрущев, конечно, являлся одним из соучастников его преступлений, занимая ряд достаточно крупных постов.

Разоблачению сталинизма в нашей стране далеко до окончания. Конечно, абсолютно необходимо опубликование всех имеющихся достоверных материалов (в том числе архивов НКВД), проведение всенародного расследования. Для международного авторитета КПСС и идей социализма было бы весьма целесообразно намечавшееся в 1964 году, но "почему-то" отмененное символическое исключение из КПСС Сталина — убийцы миллионов ее членов* и политическая реабили-

* Лишь в 1936—1939 годы было арестовано более 1,2 млн. членов ВКП(б) — половина всей партии. Только 50 тыс. вышло на свободу — остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тыс.) или погибли в лагерях. Только единицы из числа реабилитированных были допущены к работе на ответственных должностях, еще меньше смогли принять участие в расследовании преступлений, свидетелями и жертвами которых они были. В последнее время часто раздаются призывы "не сыпать соль на раны". Такие призывы обычно исходят от тех, у кого не было никаких ран. На самом деле лишь тщательный анализ прошлого и его последствий в настоящем даст возможность смыть всю безмерную кровь и грязь, которые запачкали наше знамя. В обсуждениях и литературе иногда проводится мысль, что политические проявления сталинизма есть "надстройка" над экономическим базисом антиленинского "неосоциализма", который привел к формированию в нашей стране особого класса — бюрократической "номенклатурной" элиты, присваивающей себе плоды общественного труда при помощи сложной цепи явных и тайных привилегий. Я не могу отрицать, что какая-то (непонятная, по моему мнению) доля истины в таком подходе содержится и, в частности, объясняет живучесть неосталинизма, но полный анализ этого круга идей выходит за пределы этой статьи, уделяющей главное внимание другой стороне проблемы.

тация жертв сталинизма. Необходимо всемерно ограничить влияние неосталинистов на нашу политическую жизнь. Здесь мы вынуждены коснуться одного персонального вопроса. Одним из очень влиятельных представителей неосталинизма сейчас является нынешний заведующий отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезников¹. Руководство нашей страны и наш народ должны знать, что позиция этого несомненно умного, хитрого и очень последовательного в своих взглядах и принципах человека является в своей основе сталинской (т. е., с нашей точки зрения, выражающей интересы бюрократической элиты), в корне расходится с чаяниями и стремлениями большей и наиболее активной части нашей интеллигенции (выражающей, с нашей точки зрения, истинные интересы всего нашего народа и прогрессивного человечества). Руководство нашей страны должно понимать, что пока такой человек (если я не ошибаюсь в характеристике его взглядов) пользуется влиянием, нельзя надеяться на укрепление позиций партийного руководства среди научной и художественной интеллигенции. Намек был дан на последних выборах в АН СССР, когда С. П. Трапезников был забаллотирован заметным большинством голосов, но не был "понят" руководством. Речь не идет о деловых или личных качествах тов. С. П. Трапезникова, о которых я мало знаю, речь идет о политической линии. Я основываюсь в вышенаписанном на устных сведениях, поэтому я в принципе не могу исключить (хотя и считаю маловероятным), что в действительности все обстоит как раз наоборот, в этом более приятном случае я бы просил извинения и взял бы все вышенаписанное обратно.

В последние годы стихия демагогии, насилия, жестокости и подлости вновь овладела великой страной, вставшей на путь социалистического развития. Я говорю, конечно, о Китае. Нельзя без ужаса и боли читать о массовой заразе антигуманизма, который насаждает "великий кормчий" и его соратники, о хунвэйбинах, которые, по сообщению китайского радио, "прыгали от радости" во время публичной казни "врагов идей" председателя Мао. Идиотизм культа личности принял в Китае чудовищные, гротескно-трагикомические формы, с доведением до абсурда многих черт сталинизма и

¹ Я переоценил роль С. Трапезникова. Если бы эта работа писалась сейчас, я бы исключил эти строки.

гитлеризма. Но этот абсурд оказался эффективным средством для оболванивания десятков миллионов людей, для уничтожения и унижения миллионов более честных и более умных. Полная картина постигшей Китай трагедии не ясна. Но во всяком случае ее нельзя рассматривать в отрыве от внутренних экономических трудностей Китая после провала авантюры большого скачка; от борьбы за власть различных группировок и в отрыве от внешнеполитической обстановки — войны во Вьетнаме, разобщенности в мире, неполноты и запоздалого характера борьбы со сталинизмом в СССР.

Часто в качестве главного ущерба от маоизма называют раскол мирового коммунистического движения. Это, конечно, не так. Раскол есть следствие "болезни" и в какой-то мере путь к ее преодолению. При наличии "болезни" формальное единство было бы опасным беспринципным компромиссом, который окончательно завел бы в тупик мировое коммунистическое движение. Фактически преступления маоистов против прав человека зашли слишком далеко, и китайский народ более нуждается в единстве мировых демократических сил для защиты своих прав, чем в единстве мировых коммунистических сил с его коммунистическими в маоистском смысле хозяевами для борьбы с так называемой империалистической опасностью где-нибудь в Африке или Латинской Америке, или на Ближнем Востоке.

Угроза интеллектуальной свободе

Угроза независимости и ценности человеческой личности, угроза смыслу человеческой жизни.

Ничто так не угрожает свободе личности и смыслу жизни, как война, нищета, террор. Однако существуют и очень серьезные косвенные, лишь немногим более отдаленные опасности. Одна из этих опасностей — оболванивание человека ("серой массы", по циничному определению буржуазной футурологии) "массовой культурой" с намерением или коммерчески обусловленным снижением интеллектуального уровня и проблемности, с упором на развлекательность или утилитарность, с тщательно охранительным цензурованием.

Другой пример связан с проблемами образования. Система образования, находящаяся под государственным контролем, отделение школы от церкви, всеобщее бесплатное обучение — все это величайшее достижение социального прогресса. Но все имеет свою оборотную сторону: в данном случае это излишняя унификация, которая распространяется и на само преподавание, и на программы, в особенности по таким предметам, как литература, история, обществоведение, география, и на систему экзаменов. Нельзя не видеть опасности в излишней апелляции к авторитетам, в определенном сужении рамок дискуссий и интеллектуальной смелости выводов в том возрасте, когда происходит формирование убеждений. В старом Китае система экзаменов на должность приводила к умственному застою, к канонизации реакционных сторон конфуцианства. Очень нежелательно иметь что-либо подобное в современном обществе.

Современная техника и массовая психология дают все новые возможности управления установочными критериями, поведением, стремлениями и убеждениями людских масс. Это не только управление через информацию с учетом теории рекламы и массовой психологии, но и более технические методы, о которых много пишут в зарубежной печати. Примеры — систематический контроль рождаемости, биохимическое управление психическими процессами, радиоэлектронный контроль психических процессов. С моей точки зрения, мы не можем полностью отказаться от новых методов, нельзя наложить принципиальный запрет на развитие науки и техники, но мы должны ясно понимать страшную опасность основным человеческим ценностям, самому смыслу жизни, которая скрывается в злоупотреблении техническими и биохимическими методами и методами массовой психологии. Человек не должен превратиться в курицу или крысу в известных опытах, испытывающую электронное наслаждение от вделанных в мозг электродов. Сюда примыкает также вопрос о возрастающем использовании успокаивающих и веселящих средств, разрешенных и неразрешенных наркотиков и тому подобное.

Нельзя забывать также о вполне реальной опасности, о которой пишет Винер в своей книге "Кибернетика", — об отсутствии у кибернетической техники устойчивых человеческих установочных критериев. Соблазнительное беспрецедентное могущество, которое дает человечеству (или, еще

хуже, той или иной группировке разделенного человечества) использование мудрых советов будущих интеллектуальных помощников — искусственных "думающих" автоматов, может обернуться, как подчеркивает Винер, роковой ловушкой: советы могут оказаться непостижимо коварными, преследующими не человеческие цели, а цели решения абстрактных, непредусмотренно трансформировавшихся в искусственном мозгу задач. Такая опасность станет вполне реальной через несколько десятилетий, если человеческие ценности, и в первую очередь свобода мысли, не будут подкреплены в этот период, если не будет ликвидирована разобщенность.

Вернемся к опасностям и требованиям сегодняшнего дня, к необходимости интеллектуальной свободы, которая дает народу и интеллигенции возможность контроля и общественной экспертизы всех действий, намерений и решений правящей группировки.

Как писал Маркс, "начальство все лучше знает", "могут судить только высшие сферы, обладающие знаниями об официальной природе вещей. Эту иллюзию разделяют и государственные чиновники, отождествляющие общественный интерес с авторитетом государственной власти".

И Маркс, и Ленин всегда подчеркивали порочность бюрократической системы управления как антипода демократической системы. Ленин говорит, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Сейчас многоплановость, сложность общественных явлений, опасности, лежащие перед человечеством, неизмеримо возросли, и тем важнее обезопасить человечество от опасности догматических и волюнтаристских ошибок, неизбежных при решении проблем "кабинетным методом" с негласными советниками "теневых кабинетов".

Не случайно проблема цензуры (в широком смысле этого слова) является одной из центральных в идеологической борьбе последних лет. Вот цитата из прогрессивного исследователя Л. Козера:

"Было бы абсурдно приписывать отчуждение многих авангардных авторов исключительно битве с цензорами, но можно утверждать, что эти битвы в немалой степени способствовали такому отчуждению. Для этих авторов цензор стал главным символом филистерства, лицемерия и низости буржуазного общества. Многие авторы, вначале аполитичные,

перешли к американской политической левой, потому что левые были в авангарде борьбы против цензуры. Тесный союз художественного авангарда с авангардом политического и социального радикализма объясняется, по крайней мере отчасти, тем фактом, что в сознании многих людей они в конце концов слились в единой битве за свободу против всякого угнетения..." (цитирую по статье И. Кона в номере первом журнала "Новый мир" за 1968 год).

Все мы знаем страстное, глубоко аргументированное обращение по этому вопросу выдающегося советского писателя А. Солженицына. А. Солженицын, Г. Владимов, Г. Свирский и другие писатели, выступавшие на ту же тему, ярко показали, как некомпетентная цензура убивает в зародыше живую душу советской литературы; но ведь то же самое относится и ко всем другим проявлениям общественной мысли, вызывая застой, серость, полное отсутствие каких-то свежих и глубоких мыслей. Ведь глубокие мысли появляются только в дискуссии, при наличии возражений, только при потенциальной возможности высказывать не только верные, но и сомнительные идеи. Это было ясно еще философам Древней Греции, и едва ли кто-нибудь сейчас в этом сомневается. Но после 50 лет безраздельного господства над умами целой страны наше руководство, похоже, боится даже намека на такую дискуссию. Здесь мы вынуждены коснуться позорных тенденций, которые проявились в последние годы.

Приведем лишь разрозненные примеры, без попыток создать цельную картину. Вновь усилились цензурные рогатки, калечащие советскую художественную и политическую литературу. Десятки глубоких, блестящих произведений не могут увидеть света, и в том числе лучшие произведения А. Солженицына, исполненные очень большой художественной и нравственной силы, содержащие глубокие художественно-философские обобщения. Разве все это — не позор? Большое возмущение вызывает принятый Верховным Советом РСФСР закон с дополнениями к Уголовному кодексу, которые прямо противоречат провозглашенным нашей Конституцией гражданским свободам.

Осужденный прогрессивной общественностью у нас и за рубежом (от Луи Арагона до Г. Грина) компрометирующий коммунистическую систему процесс Даниэля и Синявского до сих пор не пересмотрен, сами они томятся в лагере строгого

режима и подвергаются (особенно Даниэль) тяжелым издевательствам и испытаниям*.

Разве не позор арест, 12-месячное заключение без суда и осуждение на 5–7 лет Гинзбурга, Галанскова и других за деятельность, реальное содержание которой была защита гражданских свобод и персонально (отчасти в качестве примера) Даниэля и Синявского? Автор этих строк 11 февраля 1967 г. обратился в ЦК КПСС с просьбой о прекращении дела Гинзбурга и Галанскова. Однако он не получил никакого ответа на свое обращение, никаких разъяснений по существу дела. Лишь много позднее ему стало известно, что была принята (по-видимому, по инициативе бывшего председателя КГБ Семичастного) попытка оклеветать его и ряд других лиц при помощи инспирированных ложных показаний одного из обвиняемых по делу Галанскова – Гинзбурга (впоследствии показания именно этого обвиняемого – Добровольского – были использованы обвинением на процессе Гинзбурга – Галанскова для доказательства связи этих обвиняемых с зарубежной антисоветской организацией, что вызывает невольные сомнения).

Разве не позор осуждение (на 3 года лагерей) Хаустова и Буковского¹ за участие в митинге в защиту своих товарищей? Разве не позор преследование в лучшем стиле охотников за ведьмами десятков представителей советской интеллигенции, выступивших против произвола судебных и психиатри-

* В настоящее время большинство политзаключенных содержится в группе лагпунктов Дубровлага на территории Мордовии (вместе с уголовниками – около 30.000 заключенных). По имеющимся сведениям, начиная с 1961 года режим в этом лагере непрерывно ужесточался, все большую роль приобретали кадры, оставшиеся от сталинских времен. (Справедливость требует отметить, что в самое последнее время замечается некоторое улучшение. Можно надеяться, что этот поворот окажется устойчивым.) Несомненно, восстановление ленинских принципов общественного контроля над местами заключения было бы очень целесообразно. Не менее важна была бы полная амнистия политзаключенных (а не та "куцая" амнистия, которая по причине временной победы *правых тенденций* в нашем руководстве была объявлена к 50-летию Октября), а также пересмотр вызывающих сомнение у прогрессивной общественности судебных политических процессов.

¹ В. Буковский был арестован в 1972 году и обменян на Л. Корвалана. В настоящее время проживает в Англии. Леонид Хаустов был осужден несколько раз, последний раз в 1973 году. После освобождения стал священнослужителем в Красноярском крае.

ческих органов, попытка заставить честных людей подписать лживые, лицемерные "опровержения", увольнение с работы с занесением в черные списки, лишение молодых писателей, редакторов и других интеллигентов всех средств к жизни?

Вот типичный пример этой деятельности. Женщина, редактор литературы по кинематографии тов. В., вызывается в райком. Первый вопрос: кто дал вам подписать письмо в защиту Гинзбурга? — Разрешите мне на этот вопрос не отвечать. — Хорошо, выйдите, мы посоветуемся. — Решение: исключить из партии, рекомендовать снять с работы с запрещением работать в области культуры.

Партия с такими методами убеждения и воспитания вряд ли может претендовать на роль духовного вождя человечества.

Разве не позор выступление на Московской партконференции президента АН СССР — очевидно, либо слишком запуганного, либо слишком догматичного в своих взглядах? Разве не позор очередной рецидив антисемитизма в кадровой политике (впрочем, в высшей бюрократической элите нашего государства дух мещанского антисемитизма никогда полностью не выветривался после 30-х годов)? Разве не позор продолжающиеся ограничения прав народа крымских татар, потерявшего от сталинских репрессий около 46% населения (в основном детей и стариков)?* Разве не величайший позор и опасность участвовавшие попытки публичной прямой или косвенной (с помощью умолчания) реабилитации Сталина, его соратников и его политики, его лжесоциализма, террористической бюрократии, социализма лицемерия и показного роста — в лучшем случае, количественного и одностороннего роста с утерей многих качественных характеристик?*

Хотя все эти позорные явления еще далеки от чудовищных масштабов преступлений сталинизма и скорее приближаются по масштабам к печально знаменитому маккартизму эпохи "холодной войны", но советская общественность не

* Национальные проблемы будут долго служить причиной волнений и недовольства, если не признать и не проанализировать все имевшие место отклонения от ленинских принципов и не взять твердый курс на исправление всех ошибок.

** Речь идет об основных тенденциях и последствиях сталинской политики, сталинизма, а не о всесторонней характеристике всей многоплановой ситуации огромной страны с 200-миллионным населением.

может не быть крайне обеспокоена и возмущена, проявляет бдительность перед лицом даже незначительных проявлений возможности появления в нашей стране неосталинизма.

Мы уверены, что мировая коммунистическая общественность также отрицательно относится ко всем попыткам возрождения сталинизма в нашей стране — ведь это было бы страшным ударом по притягательной силе коммунистических идей во всем мире.

На сегодня ключ к прогрессивной перестройке государственной системы в интересах человечества лежит в интеллектуальной свободе. Это поняли, в частности, в Чехословакии, и мы, без сомнения, должны поддерживать их смелую и очень ценную для судеб социализма и всего человечества инициативу (и политически и, на первых порах, усилением экономической помощи).

Положение с цензурой (Главлитом) в нашей стране таково, что его вряд ли можно устойчиво, надолго исправить при помощи тех или иных "либеральных" инструкций. Необходимы очень серьезные организационные и законодательные меры, например принятие специального закона о печати и информации, который бы четко и аргументированно определил — что можно и чего нельзя, и возложил бы ответственность за это на компетентных и контролируемых общественностью лиц. Очень важно всемерно усиливать обмен информацией в международном масштабе (печать, туризм и т. д.), очень важно лучше знать самих себя, не жалеть денег на социологические, общеполитические, экономические исследования и обследования, в том числе не только по государственно контролируемым программам (в последнем случае мы можем поддаться соблазну избегать "неприятных" тем и вопросов).

ОСНОВА НАДЕЖДЫ

Сейчас перспективы социализма связаны с тем, удастся ли сделать социализм привлекательным, окажется ли нравственная **привлекательность** идей социализма и возвеличивания труда при ее сравнении с эгоистическим принципом частной собственности и возвеличивания капитала решающим фактором, который люди будут иметь в виду при нравственном сравнении капитализма и социализма, или люди будут в первую очередь вспоминать об ограничениях при социа-

лизме интеллектуальной свободы, или, еще хуже, о фашизмоподобных режимах культа. Я выдвигаю на первый план именно нравственные факторы, так как и в вопросе обеспечения высшей производительности общественного труда, и в развитии производительных сил, и в вопросе обеспечения высокого уровня жизни большей части населения капитализм и социализм "сыграли вничью". Остановимся на этом вопросе подробнее.

А. По глубокому снегу бегут два лыжника.

В начале соревнований один из них, в полосатой майке, находился на много километров впереди, но сейчас лыжник в красной майке вплотную приблизился к лидеру. Что можно сказать об их сравнительной силе? Не очень много, ведь бег двух лыжников происходит в разных условиях: "полосатый" прокладывает лыжню, а "красный" — нет (читатель понимает, что эта лыжня символизирует то бремя технического и организационного риска разработочных издержек, которое ложится на страну, лидирующую в технике). Можно лишь утверждать, что исключено очень большое различие в силе двух лыжников, и ничего кроме.

Приведенная притча, конечно, не отражает всей сложности сравнения динамики экономического и научно-технического прогресса СССР и США, сравнения жизнеспособности РРР и АМД (русского революционного размаха и американской деловитости).

Мы не можем не учитывать, что значительную часть отчетного периода СССР вел тягчайшую войну и залечивал нанесенные ею раны, не можем не учитывать, что некоторые нелепости нашего развития не были органическим следствием социалистического пути, а явились своего рода трагической случайностью, явились тяжелой, но не неизбежной болезнью; с другой стороны, при сравнении по большому счету нельзя не учесть, что сейчас мы догоняем США лишь по некоторым "традиционным" отраслям, в значительной мере потерявшим для США определяющее значение (черная металлургия и др.), а в более новых отраслях (например, в производстве средств автоматики и вычислительных машин, в нефтехимии и, в особенности, в научных, научно-технологических и научно-технических исследованиях) мы имеем не только отставание, но и меньшие темпы роста, и это исключает возможность полной победы нашей экономики в ближайшие десятилетия. Следует учесть наличие в нашей стране очень богатого, не-

оценимого комплекса природных условий (от чернозема до угля и леса, до нефти, марганца и алмазов). Следует учесть, что в "отчетный" период наш народ работал с предельным напряжением, что привело к определенному истощению ресурсов. Нам следует учесть упомянутый эффект "лыжни", использование в СССР принципов организации производства, технических направлений, уже опробованных в США (достаточно вспомнить проблему топливного баланса, методы организации массового поточного производства, антибиотики, ядерную энергетику, конверторное производство стали, гибридную кукурузу, самоходные комбайны, добычу открытым способом, роторными экскаваторами, полупроводники в электронике, переход от паровозов к тепловозам и многое другое).

По-видимому, единственно обоснованной будет следующая осторожная формулировка:

1) Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвел ижил нравственное значение труда.

2) Нет оснований утверждать (как это часто делают по догматической традиции), что капиталистический способ производства приводит в тупик производительные силы, является несомненно худшим с точки зрения производительности общественного труда, чем социалистический способ производства, и тем более нельзя утверждать, что капитализм всегда приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса.

Продолжающееся при капиталистическом строе развитие производительных сил является для всякого недогматического марксиста фактом первостепенного теоретического, принципиального значения, именно этот факт является теоретической основой мирного сосуществования, дает принципиальную возможность того, что заведенный в экономический тупик капитализм не будет **обязательно вынужден** броситься в отчаянную военную авантюру. И капиталистический, и социалистический строй имеют возможности длительно развиваться, черпая друг у друга положительные черты (и фактически сближаясь в существенных отношениях).

Я мысленно слышу тут вопли о ревизионизме и притуплении классового подхода, усмешки по поводу политической наивности, незрелости, но факты говорят о реальном

развитии производительных сил в США и других капиталистических странах, о реальном использовании капиталистами социальных принципов социализма, о реальных улучшениях в положении трудящихся. А самое главное, факты говорят, что на любом другом пути, кроме все углубляющегося сосуществования и сотрудничества двух систем и двух сфер, со сглаживанием противоречий и взаимной помощью, — что на любом другом пути человечество ожидает гибель. Выбора нет.

Б. Сравним распределение личного дохода и потребления по отдельным группам граждан в СССР и в США. Обычно в наших пропагандистских материалах пишут, что в США имеется вопиющее неравенство, а у нас — нечто весьма справедливое, нечто весьма в интересах трудящихся. На самом деле в обоих этих утверждениях содержится полуправда с изрядной долей лицемерного умалчивания.

Я не собираюсь приуменьшать трагизма нищеты, бесправия и унижения 22 млн. американских негров. Но надо ясно понимать, что эта проблема в первую очередь не классовая, а связанная с расизмом, в том числе с расизмом и эгоизмом белых рабочих, и что правящая группировка США заинтересована в решении этой проблемы (хотя пока еще не проявляет должной активности, будучи связанной рядом опасений избирательного характера, а также опасений расшатать неустойчивое равновесие в стране и оживить деятельность крайне левых и особенно крайне правых партий; я думаю, что мы, социалистический лагерь, заинтересованы в том, чтобы правящая группировка в США смогла решить негритянскую проблему без обострения положения в стране).

С другой стороны, наличие в США миллионеров не является слишком серьезным экономическим бременем в силу их малочисленности. Суммарное потребление "богачей" меньше 20%, то есть меньше, чем суммарный прирост народного потребления за 5 лет. С этой точки зрения революция, которая приостанавливает экономическое развитие более чем на 5 лет, не может считаться экономически выгодным для трудящихся делом. Я не говорю при этом о плате народной кровью, которая неизбежна при революции. Я не говорю тут и об опасности проявления той иронии истории, о которой так выразительно писал Энгельс в своем знаменитом письме В. Засулич, об "иронии", которая обернулась в нашей стране сталинизмом.

Конечно, существует ситуация, когда революция является единственным выходом из тупика. Особенно часто это относится к национальному восстанию.

Но в США и в ряде других развитых капиталистических стран дело обстоит не так (это отражено и в программах коммунистических партий этих стран). Что касается нашей страны, то тут тоже не следует предполагать идиллии.

Имеет место очень большое имущественное неравенство между городом и деревней, особенно плохо положение в районах, не имеющих транспортного выхода на частный рынок и не производящих особенно выгодных в частной торговле продуктов. Очень велико различие между городами с развитой промышленностью привилегированных отраслей и старыми, "доживающими свой век" городами. В результате около 40% населения нашей страны оказываются в очень трудном экономическом положении (в США грань бедности — это, примерно, 25% населения).

С другой стороны, около 5% населения, принадлежащих к "начальству", являются в той же мере привилегированными, как аналогичная группировка в США.

Развитие современного общества идет в СССР и США по одному и тому же закону усложнения структуры и усложнения задач кооперации в управлении, что приводит к выделению очень сходной по своей природе "управляющей" группировки.

Таким образом, мы должны признать, что не имеется качественной разницы в структуре общества по признаку распределения потребления. К сожалению, эффективность "управляющей" группировки в нашей стране (как, впрочем, и в США, но в меньшей мере) оценивается не только чисто экономической или производственной результативностью (ведь кто сейчас будет говорить о большой экономической роли социалистического соревнования?): имеется скрытая охраняющая функция, и ей соответствуют в сфере потребления скрытые тайные привилегии управляющей группировки. Очень мало кто знает о практиковавшейся в годы Сталина системе "зарплаты в конвертах", о непрерывно возникающей то в одной, то в другой форме системе закрытого распределения дефицитных продуктов и товаров и разных услуг, о привилегиях в курортном обслуживании и т. п. Хочу подчеркнуть, что я не против социалистического принципа оплаты по количеству и качеству труда, ведь относительно высокая

зарплата лучшим административным работникам, высококвалифицированным рабочим, педагогам и медикам, работникам опасных и вредных профессий, научным работникам и деятелям культуры и искусства (составляющая малый процент в общем фонде зарплаты), не сопровождающаяся тайными преимуществами, не угрожает обществу и, более того, полезна обществу, если она выплачивается по заслугам. Ведь каждая неправильно использованная минута крупного администратора означает крупные материальные потери, каждая потерянная минута деятеля искусства означает потери в эмоциональном, философско-художественном богатстве общества. Но когда что-то делается втайне, невольно возникает подозрение, что дело нечисто, что тут имеет место подкуп верных слуг существующей системы. Я думаю, что разумным методом решения этой "деликатной" проблемы являлся бы не партмаксимум или что-нибудь подобное, а запрещение всех привилегий и установление системы зарплаты с учетом общественной ценности труда и экономически рыночного подхода к проблеме зарплаты.

Я считаю, что в ходе углубления экономической реформы, усиления роли экономических рыночных факторов, при соблюдении необходимого условия усиления народного контроля над управляющей группировкой (это существенно и в капиталистических странах) все шероховатости нашего распределения будут благополучно и безболезненно ликвидированы. Еще больше и принципиально важна роль углубления экономической реформы для регулирования и стимулирования общественного производства методом правильного (рыночного) ценообразования, целесообразного направления и быстрого эффективного использования капиталовложений, правильного использования природных и людских ресурсов на основе соответствующей ренты в интересах нашего общества.

В настоящее время в ряде социалистических стран, в том числе и в СССР, Югославии, Чехословакии, проводится широкое экспериментирование в основных экономических проблемах соотношения роли плана и рынка, государственной и кооперативной собственности и т. п. Значение этих поисков и экспериментов очень велико.

Суммируя содержание первых разделов, мы приходим к нашему основному выводу о нравственном, морально-этическом характере преимущества социалистического пути

развития человеческого общества¹. С нашей точки зрения, это — ни в какой мере не умаление значения социализма. Ведь без социализма буржуазный практицизм и эгоистический принцип частной собственности рождал "людей бездны", описанных в известных очерках Дж. Лондона, а ранее — Энгельсом. Только конкуренция с социализмом, давление рабочего класса сделали возможным социальный прогресс XX века и, тем более, дальнейший, теперь уже неизбежный, процесс сближения двух систем. Только социализм поднял значение труда до вершин нравственного подвига. Без социализма национальный эгоизм рождал колониальное угнетение, национализм и расизм. Но теперь уже видно, что победа — за общечеловеческим, интернациональным подходом.

Капиталистический мир не мог не породить социалистического; но социалистический мир не должен разрушать методом вооруженного насилия породившую его почву — это было бы самоубийством человечества в сложившихся конкретных условиях. Социализм должен облагородить эту почву своим примером и другими косвенными формами давления и слиться с ней. Сближение с капиталистическим миром не должно быть беспринципным, антинародным "заговором правящих группировок" (что это в принципе возможно, видно на "крайнем" примере событий 39–40-х гг.), и оно должно происходить не только на социалистической, но и общенародной демократической основе, под контролем общественного мнения, через все демократические институты гласности, выборов и т. д.

Такое слияние подразумевает не только широкие социальные реформы в капиталистических странах, но и существенное **изменение** структуры собственности, с усилением государственной и кооперативной собственности, и одновременно **сохранение** основных черт структуры собственности на орудия и средства производства в социалистических странах. На этом пути нашими союзниками являются не только рабочий класс и прогрессивная интеллигенция, заинтересованные в мирном сосуществовании и социальном прогрессе, в демократическом, мирном вращении в социализм (как это и отражено в программах коммунистических партий раз-

¹ Я имел в виду утверждения о социализме как следующей за капитализмом формации, представляющей собой более высокую ступень общественного, экономического и социального развития.

ных стран), но и реформистская часть * буржуазии, практически силою вещей примыкающая к этой программе "конвергенции" (мы употребляем термин, принятый в западной литературе, однако — как видно из вышенаписанного — придавая этому термину социалистический и демократический смысл).

На московском съезде сторонников мира Б. Рассел говорил: "Мир будет спасен от термоядерной гибели, если руководители **каждой** из систем предпочтут полную победу **другой** системы термоядерной войне" (цитирую по памяти). Я думаю, что для большинства человечества в любой стране, как капиталистической, так и социалистической, такое решение является приемлемым. Я думаю, что постепенно и руководители капиталистической и социалистической систем силою вещей будут вынуждены принять точку зрения большинства человечества. Интеллектуальная свобода общества облегчит и сделает эволюционной эту трансформацию к терпимости, гибкости и безопасности от догматизма, страха и авантюризма. Все человечество, в том числе самые организованные, активные его силы — рабочий класс и интеллигенция — заинтересованы в свободе и безопасности.

Рассмотрев в первой части этой работы развитие человечества по "худшему" варианту, который приводит его к гибели, мы должны попытаться, хотя бы схематически, представить себе альтернативный, "лучший" вариант**.

* Типичными представителями этих реформистских кругов являются С. Итон, президенты Ф. Рузвельт и особенно Д. Кеннеди. Не желая бросать камень в адрес Н. С. Хрущева (наша высокая оценка его заслуг дана выше), я все же не могу не вспомнить об одном его высказывании, которое является, может быть, более типичным для всей окружавшей его среды, чем для него лично. 10 июля 1961 г., рассказывая на приеме специалистов о своей встрече с Кеннеди, тов. Хрущев упомянул о просьбе Кеннеди — при проведении политики и выдвижении требований учитывать реальные возможности и трудности "новой администрации Кеннеди" и не требовать от нее больше, чем можно сделать без опасности сорваться и быть сваленными правыми силами. Тогда Хрущев отнесся к беспрецедентной просьбе Кеннеди без должного внимания, мягко говоря (попросту говоря), начал ругаться. А сейчас, после выстрела в Далласе, никто не может сказать, какие благоприятные возможности в развитии мировой истории если не исчезли, то во всяком случае, значительно отодвинулись из-за отсутствия такого понимания.

** Сознывая примитивность своей попытки в области "футурологии", требующей усилий очень многих специалистов, автор здесь, более, чем в других местах статьи, надеется на позитивную критику.

1-й этап. В социалистических странах нарастающая идейная борьба между сталинистскими и маоистскими силами, с одной стороны, и реалистическими силами левых коммунистов-ленинцев и "левыми западниками", с другой стороны, приводит к глубокому идейному размежеванию в международном, национальном и внутрипартийном масштабе.

В СССР и других социалистических странах этот процесс приводит сначала к многопартийной системе кое-где* и острой идеологической борьбе, к дискуссиям, а затем к идейной победе реалистов, к утверждению курса на углубление мирного сосуществования, укрепление демократии и расширение экономической реформы (1968–1980 гг.). Даты относятся к самому оптимистическому варианту событий.

2-й этап. В США и других капиталистических странах настоятельные жизненные требования социального прогресса, мирного сосуществования, **давление примера** стран социализма и внутренних прогрессивных сил (рабочего класса и интеллигенции) приводят к победе левого, реформистского крыла буржуазии, которое в своей деятельности усваивает программу сближения ("конвергенции") с социализмом, т. е. социальных реформ, мирного сосуществования и сотрудничества с социализмом в мировом масштабе, изменение структуры собственности. Эта программа включает сильное увеличение роли интеллигенции и атаку на силы расизма и милитаризма (1972–1985 гг.). (Сроки этапов перекрываются.)

3-й этап. СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более "бедной" половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20%-ный налог на национальный доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому син-

* Автор не принадлежит к тем, кто считает многопартийную систему несомненно необходимым этапом развития социалистического строя или, тем более, панацеей от всех бед; но он предполагает, что в некоторых случаях возникновение многопартийной системы является неизбежным следствием хода событий, если правящая коммунистическая партия по тем или иным причинам отказывается осуществлять руководство научно-демократическим методом, который является исторически необходимым.

тезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972–1990 гг.).

4-й этап. Социалистическая конвергенция приводит к сглаживанию различий социальных структур, к развитию интеллектуальной свободы, науки и производительных сил, к созданию мирового правительства и сглаживанию национальных противоречий (1968–2000 гг.). В этот период можно предположить решающие успехи в развитии ядерной энергетики как на базе урана и тория, так и, вероятно, на базе дейтерия и лития.

В частности, ряду авторов кажется правдоподобным использование взрывного бридинга (размножение активных веществ плутония, урана-233 и трития при подземных или камерных взрывах).

В этот же период развитие космических полетов приведет к необходимости многим тысячам людей непрерывно работать и жить на других планетах и на Луне, на искусственных спутниках Земли и повернутых при помощи ядерных взрывов на новые орбиты астероидах. Можно предположить, что синтез веществ, сверхпроводящих при комнатной температуре, совершенно изменит технический облик всей электротехники, кибернетической техники, транспорта и связи. Успехи в биологических науках (в этот и последующие периоды) дадут возможность эффективно контролировать и направлять все жизненные процессы на биохимическом, клеточном, организменном, экологическом и социальных уровнях, от рождаемости и старения до психических процессов и наследственности включительно. Конечно, такая **все-проникающая, сулящая неисчислимые блага научно-техническая революция возможна и безопасна лишь при величайшей научной предусмотрительности и осторожности**, при величайшем внимании к **общечеловеческим ценностям морально-этического и личного плана**. Об опасностях бездумно бюрократического использования научно-технической революции в разобщенном мире я кратко писал в разделе "Опасности", но можно еще многое добавить. (Такая революция возможна и безопасна лишь при очень "интеллигентном", в широком смысле, общемировом руководстве.)

Итак, наши надежды основываются:

а) на наличии общемировой заинтересованности в преодолении разобщенности,

б) на наличии разнообразных явлений поисков и модификаций в советских и капиталистических странах, которые в ряде случаев носят характер уменьшения противоречий и различий,

в) на общемировой заинтересованности интеллигенции, рабочего класса и других прогрессивных сил в научно-демократическом подходе к политике, экономике и культуре,

г) на отсутствии непреодолимых препятствий в развитии производительных сил в обеих мировых экономических системах, которые могли бы в противном случае привести с неизбежностью к обстановке тупика, отчаяния и авантюризма.

Каждый честный и думающий человек, не отравленный ядом мещанского равнодушия, стремится к тому, чтобы развитие шло по "лучшему" варианту. Однако лишь широкое и открытое обсуждение, без давления, страха и предрассудков поможет большинству найти правильный и лучший метод действий.

В заключение я суммирую некоторые конкретные предложения разной степени важности, которые обсуждались в тексте. Эти предложения, обращенные к руководству нашей страны, не исчерпывают содержания статьи.

1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества. Разработать научные методы и принципы международной политики, основанные на научном предвидении отдаленных и ближайших последствий.

2. Проявить инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом.

3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять "Закон о печати и информации", преследующий цели не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе, поощрять дух бесстрашного обсуждения и поисков истины. Закон должен предусмотреть материальные ресурсы свободы мысли.

4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указания, нарушающие "права человека".

5. Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших в последнее время политических процессов (например, Даниэля и Синявского, Галанскова и Гинзбурга). Немедленно облегчить лагерный режим для политических заключенных.

6. Необходимо довести до конца — до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды — разоблачение сталинизма. Необходимо всемерно ограничить влияние неосталинистов на нашу политическую жизнь (в тексте упоминался в качестве примера пользующийся излишним влиянием С. П. Трапезников).

7. Необходимо всемерно углублять экономическую реформу, расширять сферу эксперимента и делать все выводы из его результатов.

8. Необходимо принять, после широкого научного обсуждения, "Закон о геогигиене", который впоследствии должен слиться с мировыми усилиями в этой области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С этой статьей автор обращается к руководству нашей страны, ко всем гражданам, ко всем людям доброй воли во всем мире. Автор понимает спорность многих положений статьи, его цель — открытое, откровенное обсуждение в условиях гласности.

* * *

В заключение — одно "текстологическое" замечание. В процессе обсуждения предварительных вариантов этой статьи известное распространение получили неполные и поэтому односторонние в том или ином отношении тексты; кроме того, в них содержался ряд неудачных, с точки зрения формы и такта, мест, которые автор включил по недосмотру. Автор просит читателей учесть это. Автор глубоко благодарит тех читателей предварительных вариантов, которые сообщили ему свои дружественные замечания и тем способствовали улучшению статьи и уточнению ряда принципиальных положений.

Июнь, 1968 г.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Памятная записка была написана в первые месяцы 1971 года и в марте 1971 года направлена на имя Л. И. Брежнева. "Памятная записка" представляет собой по форме нечто вроде конспекта воображаемого диалога с руководством страны. Я не уверен, что эта форма литературно удачна, но зато компактна. По содержанию же я стремился к отражению своих позитивных требований в политической, социальной и экономической областях. Через пятнадцать месяцев, не получив никакого ответа, я опубликовал "Памятную записку", дополнив ее "Послесловием", которое представляет собой самостоятельное произведение. Я обращаю особое внимание читателей на него.

Публикуя "Памятную записку", я не вносил исправлений в ее текст. В частности, я не изменил и трактовки проблемы советско-китайских отношений, о чем сожалею. Я не идеализую и сейчас китайский вариант социализма. Но я не считаю правильной ту оценку опасности угрозы китайской агрессии в отношении СССР, которая содержится в "Памятной записке", во всяком случае китайская угроза не может служить оправданием милитаризации нашей страны и отсутствия в ней демократических преобразований.

*Генеральному Секретарю ЦК КПСС
тов. Л. И. Брежневу*

Прошу об обсуждении общих вопросов, частично ранее обсуждавшихся в письме Р. А. Медведева, В. Ф. Турчина и в моем письме 1968 года. Прошу также о рассмотрении ряда частных злободневных вопросов, которые глубоко волнуют меня.

Ниже в двух общих списках перечислены вопросы разного масштаба, разной степени бесспорности. Но между ними есть определенная внутренняя связь. Дискуссия и частичная аргументация по поднятым вопросам содержатся в упомянутых письмах и в приложении к этой записке.

Я хочу также информировать Вас, что в ноябре 1970 года я вместе с В. Н. Чалидзе и А. Н. Твердохлебовым принял участие в учреждении Комитета прав человека в целях изучения проблемы обеспечения прав человека и содействия правовому просвещению. Некоторые документы комитета я прилагаю. Мы надеемся быть полезными обществу, стремимся к диалогу с руководством, к откровенному, гласному обсуждению проблемы прав человека.

А. Некоторые неотложные вопросы

Перечисленные ниже вопросы представляются мне неотложными. Для краткости они сформулированы в виде предложений. Отдавая себе отчет в том, что некоторые из вопросов нуждаются в дополнительном изучении, и сознавая, что список по необходимости является неполным и поэтому в какой-то мере субъективным (некоторые не менее важные вопросы я пытался отметить во второй части Записки, а некоторые вообще не могли быть упомянуты), я все же считаю необходимым просить об обсуждении компетентными инстанциями нижеследующих предложений.

1. О политических преследованиях:¹

а) Я считаю давно назревшей проблемой проведение общей амнистии политических заключенных, включая лиц, осужденных по статьям 70, 72, 190-1, 2, 3 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик, включая осужденных по религиозным мотивам, включая содержащихся в психиатрических учреждениях, включая лиц, осужденных за попытку перехода границы, включая политических заключенных,

¹ В 1987-1988 годах была освобождена большая часть заключенных по этим и другим политическим статьям, однако это не была общая амнистия, а помилование в индивидуальном порядке. За несколькими исключениями, ни один приговор не был пересмотрен, никто не реабилитирован. Также не отменены приговоры лицам, ранее вышедшим по этим статьям на свободу, приговоры умершим в заключении. Не отменены Указы о лишении гражданства СССР по политическим мотивам.

дополнительно осужденных за попытку побега из лагеря или пропаганду в лагере.

б) Принять меры по обеспечению широкой фактической гласности рассмотрения всех судебных дел, особенно политического характера. Считаю важным пересмотр всех судебных приговоров, постановленных с нарушением принципа гласности.

в) Я считаю недопустимым психиатрические репрессии по политическим, идеологическим и религиозным мотивам. По моему мнению, необходимо принять закон о защите прав лиц, подвергаемых принудительной психиатрической госпитализации; принять решения и необходимые законодательные уточнения для защиты прав лиц, предполагаемых психическими больными при судебном преследовании по политическим обвинениям. В частности, в обоих случаях допустить практику частных психиатрических обследований комиссиями, не зависящими от властей¹.

г) Независимо от решения этих вопросов в общем порядке, я прошу о рассмотрении компетентными органами ряда конкретных срочных дел; некоторые из них перечислены в прилагаемой Записке.

2. О гласности, о свободе информационного обмена и убеждений:

а) Вынести на всенародное обсуждение проект закона о печати и средствах массовой информации.

б) Принять решение о более свободной публикации статистических и социологических данных.

3. О национальных проблемах, о проблеме выезда из нашей страны:

а) Принять решения и законы о полном восстановлении прав выселенных при Сталине народов².

б) Принять законы, обеспечивающие простое и беспрепятственное осуществление гражданами их права на выезд за пределы страны и на свободное возвращение. Отменить ин-

¹ В 1987 году было принято Положение об оказании психиатрической помощи, частично отвечающее этим требованиям. Однако в применении его на практике все еще имеют место серьезные нарушения прав подвергаемых госпитализации.

² На ноябрь 1989 года окончательные решения еще не приняты. Президиумом Верховного Совета СССР подготовлена декларация по этому вопросу. (Съезд народных депутатов такую декларацию принял. — Прим. ред.)

струкции, содержащие ограничения этого права, противоречащие закону¹.

4. О международных проблемах:

а) Проявить инициативу и объявить (или подтвердить — сначала в одностороннем порядке) об отказе от применения первыми оружия массового уничтожения (ядерного оружия, химического, бактериологического и обжигающего). Допустить на свою территорию инспекционные группы для эффективного контроля за разоружением (в случае заключения соглашения о разоружении или частичном ограничении тех или иных типов вооружения)².

б) Для укрепления результатов изменения отношений с ФРГ выработать новую, более гибкую и реалистическую позицию по проблеме Западного Берлина.

в) Изменить свою политическую позицию на Ближнем Востоке и во Вьетнаме, активно добиваясь через ООН и по дипломатическим каналам скорейшего мирного урегулирования на условиях компромисса с отказом от одностороннего военного и политического прямого или косвенного вмешательства со стороны США или СССР, с выдвижением программы широкой экономической помощи на международной аполитичной основе (через ООН?) с предложением широкого использования войск ООН для обеспечения политической и военной стабильности в этих районах.

Б. Тезисы и предложения по общим проблемам

В порядке подготовки к обсуждению основных проблем развития и международной политики нашей страны я попытался сформулировать ряд тезисов. Некоторые из них носят дискуссионный характер. Я стремился к наиболее полному изложению своих мыслей, хотя и отдавал себе отчет в том, что некоторые из тезисов представляются неприемлемыми, а некоторые представляются неинтересными, малозначительными.

1. Начиная с 1956 года в нашей стране осуществлен ряд важных мероприятий, устраняющих наиболее опасные и урод-

¹ Есть существенные сдвиги в этой области, но окончательного решения еще нет. (Закон о выезде и въезде в СССР принят в первом чтении Верховным Советом СССР на второй сессии в 1989 г. — Прим. ред.)

² В этом пункте имеются наиболее существенные достижения.

ливые черты предыдущего этапа развития советского общества и нашей государственной политики. Однако одновременно имеют место определенные негативные явления — отступления, непоследовательность и медлительность в осуществлении новой линии. Необходима выработка четкой и последовательной программы дальнейшей демократизации и либерализации и осуществление ряда неотложных первоочередных шагов. Этого требуют интересы технико-экономического прогресса, постепенного преодоления отставания и изоляции от передовых капиталистических стран, благосостояния широких слоев населения, внутренней стабильности и внешней безопасности нашей страны. Развитие нашей страны идет в условиях существенных трудностей отношений с Китаем. Налицо серьезные внутренние трудности в области экономики и благосостояния населения, технико-экономического прогресса, культуры и идеологии.

Следует отметить обострение национальной проблемы, сложности взаимоотношений партийно-государственного аппарата и интеллигенции, взаимоотношений основной массы трудящихся, находящихся в относительно худшем положении в бытовом и экономическом отношениях, в отношении продвижения по работе и культурного роста, испытывающих в ряде случаев чувство разочарования в "громких словах", и привилегированной группы и "начальства", к которому более отсталые слои трудящихся нередко относят в силу традиционных предрассудков главным образом интеллигенцию. Внешняя политика нашей страны не всегда является достаточно реалистичной. Необходимы кардинальные решения для предупреждения возможных осложнений.

2. Я высказываю мнение, что было бы правильным следующим образом охарактеризовать общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан по развитию общественного сознания:

а) Основной своей целью государство ставит охрану и обеспечение основных прав своих граждан. Защита прав человека выше других целей.

б) Все действия государственных учреждений целиком основаны на законах (стабильных и известных гражданам). Соблюдение законов обязательно для всех граждан, учреждений и организаций.

в) Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой

в труде, в потреблении, в личной жизни, в образовании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения.

г) Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

д) Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан.

е) Имеется определенное расслоение общества по роду занятий, характеру способностей и отношений, но должна быть исключена дискриминация.

ж) Основная энергия страны направлена на гармоничное внутреннее развитие с целесообразным использованием трудовых и природных ресурсов. В этом основа ее силы и благосостояния. Страна и ее народ всегда готовы к дружескому, обусловленному общечеловеческим братством международному сотрудничеству и помощи, но общество не нуждается во внешней политике как средстве внутренней политической стабилизации или для расширения зоны влияния или экспорта своих идей; обществу чужды мессианство, заблуждения о единственности и исключительных достоинствах своего пути и отрицание пути других, органически чужды догматизм, авантюризм и агрессивность. В частности, в конкретных условиях нашей страны только концентрация ресурсов на внутренних проблемах позволит преодолеть трудности в области экономики и благосостояния населения при ряде дополнительных условий (демократизация, ликвидация информационной изоляции нашего народа от остального мира, экономические мероприятия), обеспечит надежду на постепенное преодоление отставания от передовых капиталистических стран, обеспечит безопасность страны от возможных обострений с Китаем, обеспечит большую возможность для помощи нуждающимся странам.

3. Внешняя политика:

а) Основная внешнеполитическая проблема — взаимоотношения с Китаем. Предлагая китайскому народу альтернативу экономической, технической и культурной помощи,

братского сотрудничества и совместного движения по демократическому пути, всегда оставляя возможность этого пути развития отношений, проявить одновременно особую заботу для обеспечения безопасности нашей страны, избегать всех других возможных внешних и внутренних осложнений, осуществлять свои планы освоения Сибири с учетом указанного фактора.

б) Стремиться к невмешательству во внутренние дела других социалистических стран и к экономической взаимопомощи.

в) Выступить с инициативой создания (в рамках ООН?) нового международного консультативного органа — "Международного совета экспертов по вопросам мира, разоружения, экономической помощи нуждающимся странам, по защите прав человека, по охране природной среды" — из авторитетных и беспристрастных лиц. Статут совета и процедура, определяющая его состав, должны обеспечивать максимальную независимость от интересов отдельных государств и групп государств. Вероятно, при определении состава совета и его статута необходимо учитывать пожелания основных международных организаций, заключить международный пакт, обязывающий к рассмотрению законодательными и правительственными органами рекомендаций "Совета экспертов", которые должны носить гласный и обоснованный характер. Решения национальных органов по этим рекомендациям тоже должны быть гласными, вне зависимости от того, приняты или отвергнуты рекомендации.

4. Экономические проблемы, управление, кадры¹:

а) Углубление экономической реформы 1965 года, увеличение хозяйственной самостоятельности всех производственных единиц, пересмотр ряда ограничительных положений в отношении подбора кадров, зарплаты и поощрения, системы материального снабжения и фондов, планирования, кооперирования, выбора профиля продукции, финансирования.

б) В области кадров и управления. Принять решения по расширению гласности в работе государственных учреждений всех ступеней в пределах, допускаемых интересами государ-

¹ Рассматриваемые в разделах № 4—8 идеи и предложения в значительной своей части вошли в программу перестройки. Они получили дальнейшее развитие в работах многих экономистов, политологов, публицистов. Полное осуществление задач этих разделов — важнейшая цель, стоящая перед нашей страной.

ства. В особенности существенен пересмотр традиции "кабинетности" в вопросах кадровой политики, расширение гласного общественного делового контроля над подбором кадров, выборности и фактической сменяемости при непригодности руководителей всех уровней. Я подразумеваю также обычное требование демократических программ о ликвидации системы выборов без избыточного числа кандидатов, то есть о ликвидации "выборов без выбора". Одновременно необходимы улучшение информированности, самостоятельность, право на эксперимент, перенос центра ответственности в сторону руководимого предприятия и его служащих. Улучшение методов специальной подготовки и делового обучения руководителей всех уровней. Ликвидация специальных привилегий, связанных со служебным и партийным положением, как очень вредных в социальном и деловом смысле. Публикация величины должностных окладов. Реорганизация отделов кадров, ликвидация номенклатурных списков и тому подобных пережитков предыдущей эпохи. Создание при руководящих органах научно-консультационных советов, включающих ученых разных специальностей и обладающих необходимой самостоятельностью.

в) Мероприятия, способствующие расширению сельскохозяйственного производства на приусадебных участках колхозников, рабочих совхозов и единоличников, — изменение налоговой политики, расширение земельных угодий этого сектора, изменение системы снабжения этого сектора сельскохозяйственной современной и специально разработанной техникой, удобрениями и др. Мероприятия, улучшающие снабжение села строительными материалами, топливом, расширение всех форм кооперативного хозяйствования на селе с изменением налоговой политики, разрешение найма рабочих и их оплаты в соответствии с интересами дела с изменением системы материального снабжения села.

г) Расширение возможностей и выгоды частной инициативы в среде обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании и т. п.

5. Рассмотреть вопрос о постепенной отмене паспортного режима как серьезного тормоза в развитии производительных сил страны и как нарушения прав граждан, в особенности сельских жителей.

6. В области информационного обмена, культуры, науки и свободы убеждений:

а) Поощрять свободу убеждений, дух изучения, делового беспокойства.

б) Прекратить глушение иностранных радиопередач, расширить ввоз иностранной литературы, войти в международную систему охраны авторских прав, облегчить международный туризм — для преодоления пагубной для нашего развития изоляции.

в) Принять решения, обеспечивающие фактическое отделение церкви от государства, фактическую (т. е. обеспеченную юридически, материально и административно) свободу совести и вероисповедания.

г) Пересмотреть те стороны взаимоотношений государственно-партийного аппарата и искусства, литературы, театра, органов образования и т. п., которые наносят ущерб развитию культуры в нашей стране, снижают смелость и разносторонность творческого поиска, приводят к казенщине, серости и ритуальности. В общественных и гуманитарных науках, роль которых в современной жизни непрерывно возрастает (в философии, истории, социологии, юриспруденции и т. п.), обеспечить ликвидацию застоя, расширение направлений творческого поиска, независимость от предвзятых точек зрения, использование всей гаммы зарубежного опыта.

7. В социальной области:

а) Рассмотреть вопрос о возможности отмены смертной казни. Отменить особый и строгий режимы лишения свободы как противоречащий гуманности. Принять меры по совершенствованию пенитенциарной системы с использованием зарубежного опыта и рекомендаций ООН.

б) Рассмотреть возможность учреждения общественного наблюдательного органа, имеющего целью исключить возможность применения физических мер воздействия (избиения, голод и холод и т. п.) к задержанным, арестованным и осужденным.

в) Резкое улучшение качества образования. Повышение оплаты и самостоятельности учителей школ и преподавателей вузов. Уменьшить формальную роль дипломов и ученых степеней. Уменьшение унифицированности системы образования, более широкое профилирование в школах. Увеличение гарантии права на убеждения.

г) Расширение мер борьбы с алкоголизмом с привлечением возможностей общественного контроля над всеми аспектами проблемы.

д) Усилить мероприятия по борьбе с шумом, с отравлением воздуха и воды, борьбе с эрозией, засолением почвы и отравлением ее химикатами. Улучшить защиту лесов, диких и домашних животных, защиту животных от жестокостей.

е) Реформа системы медицинского обслуживания. Расширение сети поликлиник и больниц, увеличение роли частнопрактикующего врача, медсестры, сиделки. Увеличение зарплаты медработникам всех уровней. Реформа медицинской промышленности. Повсеместная доступность современных лекарств и средств. Внедрение рентгенотелевизионных установок.

8. В правовой области:

а) Ликвидация явных и скрытых форм дискриминации — по убеждениям, по национальному признаку и т. п.

б) Фактическая гласность судопроизводства во всех случаях, где она не противоречит основным правам граждан.

в) Рассмотреть вопрос о ратификации Верховным Советом СССР Пактов о правах человека, принятых 21-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН, и о присоединении к Факультативному протоколу к этим пактам¹.

9. В области взаимоотношений с национальными республиками:

Наша страна провозгласила право нации на самоопределение вплоть до отделения. Реализация права на отделение в случае Финляндии была санкционирована советским правительством. Право на отделение союзных республик провозглашено Конституцией СССР. Имеется, однако, неясность в отношении гарантий права и процедуры, обеспечивающей подготовку, необходимое обсуждение и фактическую реализацию права. Фактически даже обсуждение подобных вопросов нередко преследуется. По моему мнению, юридическая разработка проблемы и принятие закона о гарантиях права на отделение имели бы важное внутреннее и международное значение как подтверждение антиимпериалистического и антишовинистического характера нашей политики. По всей видимости, тенденции к выходу какой-либо республики из СССР не носят массового характера, и они, несомненно, еще более ослабнут со временем в результате дальнейшей демократизации в СССР. С другой стороны, не подлежит сомнению,

¹ Ратифицирован в 1973 году. — Прим. ред.

что республика, вышедшая по тем или иным причинам из СССР мирным конституционным путем, полностью сохранит свои связи с социалистическим содружеством наций. Экономические интересы и обороноспособность социалистического лагеря в этом случае не пострадают, поскольку сотрудничество социалистических стран носит весьма совершенный и всеобъемлющий характер и, несомненно, будет еще более углубляться в условиях взаимного невмешательства социалистических стран во внутренние дела друг друга. По этим причинам обсуждение поставленного вопроса не представляется мне опасным.

Если изложение данной Записки носило кое-где излишне безапелляционный характер, это следует отнести за счет конспективности. Проблемы, стоящие перед нашей страной, находятся в глубокой взаимной связи с некоторыми сторонами общемирового кризиса XX века — кризиса международной безопасности, потери стабильности общественного развития, идеологического тупика и разочарованности в идеалах недавнего прошлого, национализма, опасности дегуманизации. Конструктивное разрешение наших проблем, осторожное, гибкое и одновременно решительное, в силу особого положения нашей страны в мире будет иметь важное значение для всего человечества.

5 марта 1971 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К "ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКЕ"

"Памятная записка" была направлена на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС 5 марта 1971 г. Она осталась без ответа. Я не считаю себя вправе далее откладывать ее опубликование. "Послесловие" написано в июне 1972 года. Оно содержит некоторые дополнения и частично заменяет упомянутое в тексте "Записки" приложение "О преследованиях по политическим мотивам".

Я начал общественную деятельность около 10–12 лет назад, осознав преступный характер возможной термоядерной войны и воздушных испытаний термоядерного оружия. С тех пор я пересмотрел многое в своих взглядах, в особенности начиная с 1968 года (для меня лично начало этого года ознаменовалось работой над "Размышлениями о прогрессе",

а конец, как и для всех, грохотом танков на улицах непокорившейся Праги).

Но основа моих взглядов все же осталась прежней.

Я по-прежнему не могу не ценить большие благотворные изменения (социальные, культурные, экономические), которые произошли в нашей стране за последние 50 лет, отдавая, однако, себе отчет в том, что аналогичные изменения имели место во многих странах и что они являются проявлением общемирового прогресса.

Я по-прежнему считаю, что преодоление трагических противоречий и опасностей нашей эпохи возможно только на пути сближения и встречной деформации капитализма и социалистического строя.

В капиталистических странах этот процесс должен сопровождаться дальнейшим усилением элементов социальной защиты прав трудящихся, ослаблением милитаризма и его влияния на политическую жизнь. В социалистических странах также необходимо ослабление милитаризации экономики и мессианской идеологии, жизненно необходимо ослабление крайних проявлений централизма и партийно-государственной бюрократической монополии как в экономической области производства и потребления, так и в области идеологии и культуры.

Я по-прежнему придаю решающее значение демократизации общества, развитию гласности, законности, обеспечению основных прав человека.

Я по-прежнему надеюсь на эволюцию общества в этих направлениях под воздействием технико-экономического прогресса, хотя мои прогнозы стали более сдержанными.

Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше, кажется, что единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру.

Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя — партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции — цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить

себе никакого "свободомыслия" и обречены на мучительный разлад самих с собой. Размеры национального бедствия приобрело пьянство. Оно является одним из симптомов нравственной деградации общества, которое все больше погружается в состояние хронического алкогольного отравления.

Для духовного оздоровления страны необходима ликвидация условий, толкающих людей на лицемерие и приспособленчество, создающих у них чувство бессилия, неудовлетворенности и разочарования. Необходимо обеспечение для всех на деле, а не на словах равных возможностей в продвижении на работе, в образовании и культурном росте, необходима ликвидация системы привилегий во всех областях потребления. Необходима большая идеологическая свобода, полное прекращение всех форм преследования за убеждения. Необходима коренная реформа образования. Эти мысли лежат в основе многих предложений "Памятной записки".

В "Записке" упомянута, в частности, проблема улучшения материального положения и самостоятельности двух наиболее многочисленных и социально весомых групп интеллигенции — учителей и медицинских работников. Плачевное состояние народного образования и здравоохранения тщательно скрывается от зарубежного глаза, но для всех желающих видеть не может являться секретом. Бесплатный характер здравоохранения и образования — не более чем экономическая иллюзия в обществе, где вся прибавочная стоимость экспроприируется и распределяется государством. В здравоохранении и образовании особенно пагубно отразилась иерархическая классовая структура нашего общества с его системой привилегий. Состояние образования и здравоохранения для народа — это нищета общедоступных больниц, бедность сельских школ, переполненные классы, бедность и придавленность народного учителя, казенное лицемерие в преподавании, распространяющее на подрастающее поколение дух равнодушия к нравственным, художественным и научным ценностям.

Особое место в числе условий оздоровления общества занимает прекращение преследований по политическим мотивам как в судебных и психиатрических формах, так и в любых других, на которые способна наша бюрократическая и косная система с ее тоталитарным вмешательством государства в жизнь граждан (увольнение с работы, исключение из вузов, отказ в прописке, ограничение в продвижении по работе и т. п.).

Ростки нравственного возрождения народа и интеллигенции, которые возникли после ограничения крайних проявлений слепой террористической системы сталинизма, не встретили должного понимания у правящих кругов. Основные классово-социальные и идеологические черты строя не претерпели существенных изменений. С болью и тревогой я вынужден отметить, что вслед за иллюзорным в значительной мере либерализмом вновь усиливаются ограничения идеологической свободы, стремление к пресечению не контролируемой государством информации, преследования по политическим и идеологическим мотивам, намеренное обострение национальных проблем. Пятнадцать месяцев, прошедших с момента подачи "Записки", принесли новые тревожные свидетельства развития этих тенденций.

Особенно волнует волна политических арестов в первые месяцы 1972 года. Многочисленные аресты имели место на Украине. Аресты имели место также в Москве, в Ленинграде и в других районах страны.

Внимание общественности в эти же месяцы привлекли суды над Буковским в Москве, над Строкатой в Одессе и другие. Необычайно опасным по своим последствиям для общества и совершенно недопустимым нарушением прав человека является использование в политических целях психиатрии; известны многочисленные протесты и высказывания по этому вопросу, сейчас по-прежнему в тюремных психиатрических больницах находятся Григоренко, Гершуни и многие другие; неизвестна судьба Файнберга и Борисова; есть и новые факты психиатрической репрессии (например, дело поэта Лупыноса на Украине).

Преследование и разрушение религии, с упорством и жестокостью проводящиеся на протяжении десятилетий, — несомненно, одно из самых серьезных по своим последствиям нарушений прав человека в нашей стране. Свобода религиозных убеждений и религиозной деятельности — неотъемлемая часть интеллектуальной свободы вообще. К сожалению, последние месяцы ознаменовались новыми фактами религиозных преследований, в частности в Прибалтике и в других местах.

Я не останавливаюсь в этом послесловии на ряде важных проблем, получивших отражение в "Памятной записке" и в других документах, опубликованных мною, — в открытых письмах членам Президиума Верховного Совета СССР "О

свободе выезда из страны" и министру МВД "О дискриминации в отношении крымских татар".

Не останавливаясь также на большинстве получивших отражение в "Записке" международных проблем, выделяю из их числа вопрос об ограничении гонки вооружений. Милитаризация экономики накладывает глубокий отпечаток на международную и внутреннюю политику, приводит к нарушениям демократии, гласности и законности, создает угрозу миру. Хорошо изучена роль военно-промышленного комплекса в политике США. Аналогичная роль тех же факторов в СССР и других социалистических странах менее изучена. Однако необходимо отметить, что ни в одной стране доля военных расходов, отнесенная к национальному доходу, не достигает таких размеров, как в СССР (более 40%). В обстановке взаимного недоверия особую роль играет проблема контроля, отмеченная в "Записке".

Я пишу это послесловие вскоре после подписания важных соглашений об ограничении ПРО и стратегических ракет. Хочется верить в чувство ответственности перед человечеством политических руководителей и деятелей военно-промышленных комплексов в США и СССР.

Хочется верить, что эти соглашения имеют не только символический смысл, но и приведут к реальному сокращению гонки вооружений и к дальнейшим шагам, смягчающим политический климат в нашем исстрадавшемся мире.

В заключение я считаю необходимым подчеркнуть то значение, которое я придаю предложению об организации международного консультативного органа — "Международного совета экспертов", обладающего правом рекомендаций с обязательным рассмотрением их национальными правительствами, — пункт Б.3 в "Записке". Я считаю это предложение реальным — при условии широкой международной поддержки, о которой я прошу, я обращаюсь не только к советским, но и к зарубежным читателям. Надеюсь также, что мой голос "изнутри" социалистического мира в какой-то мере поможет осмыслению исторического опыта последних десятилетий.

Июнь 1972 г.

О ПИСЬМЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА "ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"

Солженицын направил свое письмо советским руководителям 5 сентября 1973 г. Вскоре после его высылки из СССР оно было опубликовано за рубежом и в отрывках читалось по радио. Я считаю очень важным, чтобы выступление обладающего таким неоспоримым всемирным авторитетом автора, несомненно тщательно им продуманное и отражающее существенную часть его взглядов по принципиальным общественным вопросам, подверглось серьезному обсуждению, в особенности со стороны представителей независимой общественной мысли нашей страны. Лично для меня необходимость выступить с обсуждением письма Солженицына дополнительно усугубляется наличием ряда параллелей и скрытой дискуссии в письме с некоторыми из моих прежних общественных выступлений, частично пересмотренных мною впоследствии, а в основном по-прежнему представляющихся мне правильными. Но больше всего вынуждает меня выступить мое несогласие с некоторыми существенными концепциями письма Солженицына.

Солженицын несомненно является одним из самых выдающихся писателей и публицистов современности. В драматических коллизиях, в ярких образах и самобытном языке его произведений выражена глубоко выстрадавшая авторская позиция по важнейшим социальным, нравственным и философским проблемам. Особенная, исключительная роль Солженицына в духовной истории страны связана с бескомпромиссным, точным и глубоким освещением страданий людей и преступлений режима, неслыханных по своей массовой жестокости и сокрытости. Эта роль Солженицына очень ярко проявилась уже в его повести "Один день Ивана Денисовича" и теперь в великой книге "Архипелаг ГУЛАГ", перед которой я преклоняюсь. Как бы ни относиться к позиции Солженицына

по тем или иным вопросам, самая высокая оценка его творчества должна остаться незыблемой, и еще далеко не все им сказано. В своем письме Солженицын вновь говорит о страданиях и жертвах, выпавших на долю нашего народа за последние 60 лет. С особой убедительностью и болью он пишет об участии женщины, которой у нас из-за недостаточности семейного бюджета так часто приходится сочетать домашний труд и воспитание детей с самой тяжелой работой для заработка, о вытекающем отсюда упадке воспитания и распаде семьи, о всеобщем пьянстве, ставшем национальным бедствием, о неизбежном в наших условиях воровстве, бесхозяйственности и бездельничании на государственной работе, о гибели городов, сел, рек, лесов и почв. Так же, как Солженицын, я считаю ничтожными те достижения, которыми наша пропаганда так любит хвастать, по сравнению с последствиями перенапряжения, разочарования, упадка человеческого духа, с потерями во взаимоотношениях людей, в их душах.

Однако уже в этой критически-констатационной части письма проявляются некоторые особенности позиции автора, которые вызывают у меня беспокойство и чувство неудовлетворенности, усиливающиеся при дальнейшем чтении. В частности, бросается в глаза, что Солженицын особо выделяет страдания и жертвы именно русского народа. Конечно, право каждого писать и заботиться о том, что он лучше знает, что волнует его более лично, более конкретно. Но ведь все мы знаем, что ужасы гражданской войны, раскулачивания, голода, террора, Отечественной войны, неслыханных в истории антинародных жестоких репрессий миллионов вернувшихся из плена, преследования верующих, — что все это в совершенно равной мере коснулось и русских и нерусских подданных советской державы. А такие акции, как насильственная депортация — геноцид, как борьба с национальными освободительными движениями, подавление национальной культуры, — это даже в основном привилегия именно нерусских. А сегодня мы узнаем, что все школьники Узбекистана, прогрессом которого так любят удивлять зарубежных гостей, многие месяцы вынуждены проводить ежегодно вместо учебы на хлопковых плантациях и почти поголовно больны от вдыхания гербицидов. По моему мнению, при обсуждении вопросов такого масштаба, как поднимаемые в письме Солженицына, обо всем этом нельзя забывать. Нельзя также забывать, что своя доля исторической вины, своя доля участия в по-

зительной работе есть у каждого народа нашей страны и что в независимости от чьего-либо желания при любых обстоятельствах их судьбы еще долго будут тесно связаны.

Главными опасностями, стоящими перед страной, Солженицын провозглашает опасность войны с Китаем и опасность загрязнения среды обитания, истощение природных ресурсов, вызванное неумеренной индустриализацией и урбанизацией. Обе эти опасности он считает порожденными слепым следованием пришедшим с Запада идеям: догме неограниченного научно-технического прогресса, который он фактически отождествляет с неограниченным количественным расширением крупного промышленного производства, и, в особенности, марксистской догме, являющейся, по его мнению, воплощением антирелигиозной бездуховности Запада. Солженицын пишет, что именно марксистская догма создала экономическую бессмыслицу колхозов, которая лежит в основе трагедии крестьянства в 30-х годах и в основе экономических трудностей страны сейчас. Эта догма привела к бюрократизации народного хозяйства и к тому тупику, который сегодня вынуждает распродавать природные богатства страны. Эта же догма заставляет платить из народного кармана латиноамериканским революционерам, арабским националистам, вьетнамским партизанам. Эта же догма заставляет нас угрожать всему миру термоядерным оружием и тем самым ставить в положение крайней опасности и разорять не только остальной мир, но и самих себя. Эта же догма больше, чем территориальные споры, ссорит нас с Китаем и обезоруживает нас перед ним.

Я изложил тут рассуждения Солженицына несколько свободно, по-своему, так, как я их понял. Значительная часть этих мыслей представляется мне важной и справедливой, и я с большой радостью вижу новую талантливую их защиту. Но все же я должен заявить, что в некоторых важнейших отношениях рассуждения Солженицына кажутся мне неверными, причем как раз в наименее тривиальных вопросах. Я начну с вопроса, который, быть может, менее важен по своим конкретным последствиям, но тем не менее имеет принципиальное значение. Солженицын очень верно, с болью за страну и со справедливым возмущением описывает многие несоразности, дорогостоящие бессмыслицы нашей внутренней жизни и внешней политики, но его точка зрения на их внутренний механизм как порожденных непосредственно идео-

логическими причинами представляется мне несколько схематичной. Скорее, если говорить именно о современном состоянии общества, то для него характерны идеологическая индифферентность и прагматическое использование идеологии как удобного "фасада", при этом прагматизм и гибкость в смене лозунгов сочетаются с традиционной нетерпимостью к инакомыслию "снизу". Так же, как Сталин совершал свои преступления не непосредственно из идеологических мотивов, а в борьбе за власть в процессе формирования общества нового, "казарменного", по определению Маркса, типа, так и современное руководство страны главным критерием при любых трудных решениях имеет сохранение своей власти и основных черт строя.

Мне далека также точка зрения Солженицына на роль марксизма как якобы "западного" и антирелигиозного учения, которое исказило здоровую русскую линию развития. Для меня вообще само разделение идей на западные и русские непонятно. По-моему, при научном, рационалистическом подходе к общественным и природным явлениям существует только разделение идей и концепций на верные и ошибочные. И где эта здоровая русская линия развития? Неужели был хоть один момент в истории России, как и любой страны, когда она была способна развиваться без противоречий и катаклизмов?

То, что Солженицын пишет об идеологической ритуальности, о вредной затрате времени и сил миллионов людей на эту болтовню, приучающую их к пустословию и лицемерию, — бесспорно и производит сильное впечатление, но все дело в том, что эта лицемерная болтовня заменяет в наших теперешних условиях "присягу на верность", скрепляет людей круговой порукой общего греха лицемерия. Она тоже есть пример порожденной системой целесообразной несуразицы.

Особенно неточным представляется мне изложение в письме Солженицына проблемы прогресса. Прогресс — общемировой процесс, который ни в коем случае не тождествен, во всяком случае в перспективе, количественному росту крупного и промышленного производства. В условиях научного и демократического общемирового регулирования экономики и всей общественной жизни, включая динамику народонаселения, — это не утопия, по моему глубокому убеждению, а настоятельная необходимость. Прогресс должен непрерывно и целесообразно менять свои конкретные формы,

обеспечивая потребности человеческого общества, обязательно сохраняя природу и землю для наших потомков. Замедление научных исследований, международных научных связей, технологических поисков, новых систем земледелия может только отдалить решение этих проблем и создать критические ситуации для мира в целом.

Самый драматичный из тезисов Солженицына относится к проблеме Китая. Солженицын считает, что нашей стране из-за борьбы за идеологическое первенство и из-за демографического давления угрожает, причем очень скоро, тотальная война с Китаем за территорию азиатской части СССР. Эта война рисуется им как самая длительная и кровопролитная в истории человечества, как война, в которой не будет победителей, а лишь общая гибель и одичание. Солженицын призывает противопоставить этой угрозе отказ от идеологического соперничества, русский патриотизм, освоение Северо-Востока страны. Я в свое время отдал дань аналогичным опасениям в "Памятной записке". Сейчас я думаю, что такая точка зрения излишне драматизирует ситуацию, которая, конечно, не является простой и безоблачной. Большинство экспертов по Китаю, как мне кажется, разделяют ту оценку, что еще сравнительно долгое время Китай не будет иметь военных возможностей для большой агрессивной войны против СССР. Трудно представить себе, чтобы нашлись авантюристы, которые толкнули бы его сейчас на такой самоубийственный шаг. Но и агрессия СССР тоже обречена была бы на провал. Можно даже высказать предположение, что раздувание китайской угрозы — это один из элементов политической игры советского руководства. Переоценка китайской угрозы — плохая услуга делу демократизации и демилитаризации нашей страны, в которых она так нуждается и нуждается весь мир. Другое дело, что судьба китайского народа, как и многих других народов в нашем мире, трагична и должна быть предметом заботы всего человечества, в том числе ООН. Но это особая тема. В проблеме конфликта с Китаем, носящего, по-моему, геополитический характер борьбы за гегемонию, Солженицын, как и в других местах своего письма, излишне переоценивает роль идеологии. Китайские руководители, по-видимому, — не меньшие прагматики, чем советские.

Перейду к разбору позитивной программы Солженицына, направленной, по его словам, на предотвращение войны с

Китаем и предотвращение гибели русской природы, земли и нации. Я суммирую эти предложения в виде нижеследующих пунктов; конечно, опять я несу ответственность за формулировки, за порядок пунктов и тому подобное.

1. Отказ от официальной поддержки марксизма как государственной общеобязательной идеологии ("отделение марксизма от государства").

2. Отказ от поддержки революционеров, националистов, партизан во всем мире, сосредоточение усилий на внутренних проблемах.

3. Прекращение опеки Восточной Европы, отказ от насильственного удержания национальных республик в составе СССР.

4. Аграрная реформа по образцу Польши (моя формулировка).

5. Развитие Северо-Востока страны на основе не прогрессирующей, но совершенной технологии, без гигантских заводов, с сохранением среды, тишины, почвы и тому подобное. Очевидно, имеется в виду заселение Северо-Востока общинами добровольцев-энтузиастов. Солженицын, как мне кажется, рассматривает этих людей как патриотов, воодушевленных национальной и религиозной идеями. Именно им он предлагает отдать освободившиеся ресурсы государства, отдать результаты научных исследований, создать для них возможность высоких личных доходов от хозяйственной деятельности, но зато это будет форпост против Китая и заповедник ("отстойник", как он пишет) для русской нации, это будет основной источник богатства для всей страны.

6. Прекращение распродажи национальных богатств, природного газа, леса и тому подобное, экономический изоляционизм как дополнение изоляционизма военного, политического и идеологического.

7. Разоружение в пределах, допустимых китайской угрозой.

8. Демократические свободы, терпимость, освобождение политзаключенных.

9. Укрепление семьи, воспитания, свобода религиозного воспитания.

10. Сохранение партии, но с усилением роли Советов; допустимо сохранение основных авторитарных сторон строя, но с усилением законов и правопорядка при наличии свободы совести.

Несомненно, программа Солженицына есть плод серьезных размышлений ее автора, выражение системы мнений, в которых он искренне убежден. И все же я вынужден сказать, что эта программа вызывает у меня серьезные возражения. Нельзя не согласиться с целесообразностью предложений, содержащихся в пунктах 2, 3, 4. Впрочем, я в своем изложении невольно усилил акцент на представляющемся мне исключительно важном и с нравственной, и с политической точек зрения пункте 3. У Солженицына этот тезис дан только в сноске. Пункт 1, требующий отмены официальной государственной поддержки марксизма, — бесспорен. Но я уже писал, что, по моему мнению, не надо переоценивать роль идеологического фактора в сегодняшней жизни советского общества.

Бесспорны, хотя и не первый раз встречаются в демократических документах, пункты 7, 8, 9. Повторение их авторитетным автором не может быть излишним, и они хорошо аргументированы в письме.

Аргументируя 10-й пункт своей программы, Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе свое национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверцам, я считаю величайшей бедой, а не национальным здоровьем. Лишь в демократических условиях может выработаться народный характер, способный к разумному существованию во все усложняющемся мире. Конечно, тут существует нечто вроде порочного круга, который не может быть преодолен за короткое время, но я не вижу, почему в нашей стране это невозможно в принципе. В прошлом России было немало прекрасных демократических свершений, начиная с реформ Александра II. Я не признаю поэтому также аргументацию тех людей с Запада, которые считают неудачу социализма в России результатом ее специфики, отсутствием демократических традиций.

Главными, центральными в программе Солженицына являются пункты 5 и 6, и здесь необходим более подробный разбор. Я в первую очередь возражаю против стремления

отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада, от торговли, от того, что называется "обменом людьми и идеями". Единственная форма изоляционизма, которая разумна, — это нам не лезть с нашим социалистическим мессианством в другие страны, прекратить тайную и явную поддержку смуты на других континентах, прекратить экспорт смертоносного оружия.

Возможно ли сейчас интенсивное и высокопродуктивное освоение обширных северных пространств в условиях теперешней малонаселенности, сурового климата, бездорожья, если его проводить экономическими и техническими силами одной нашей страны, в которой так напряжены все ее резервы и долго еще будут напряжены? Я уверен, что невозможно. Поэтому отказ от международного сотрудничества с США, ФРГ, Японией, Францией, Италией, Англией, Индией, Китаем и другими странами в этом освоении, от импорта оборудования, капитала, технических идей, от иммиграции рабочих означал бы недопустимую с точки зрения общечеловеческих проблем задержку в освоении этих пространств (политику "собаки на сене"). И более широко: я глубоко убежден, в отличие от Солженицына, что нет ни одной важной, ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе. В частности, разоружение, которое так существенно для устранения опасности войны, очевидным образом возможно только параллельно во всех крупных державах на основе договоренности и доверия. То же самое относится к переходу на безвредную для сохранения среды технологию, которая неизбежно будет дороже, к вопросам ограничения рождаемости и промышленного роста. Все эти проблемы упираются в межгосударственное соперничество и национальный эгоизм.

Только в глобальном масштабе возможно решение основных научно-технических задач современности, например, таких, как создание ядерной и термоядерной энергетики, новой сельскохозяйственной технологии, производство синтетических заменителей белка, проблемы градостроительства, разработка безвредной для природы промышленной технологии, освоение космоса, борьба с раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями, разработка кибернетической техники и другие. Эти задачи требуют многомиллиардных затрат, непосильных для отдельного государства.

Обобщая сказанное, только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития че-

ловческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования человечества.

Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции, без мировой торговли, в том числе и без торговли природными богатствами страны, в отрыве от мирового научно-технического прогресса, который представляет собой не только опасность, но и одновременно единственный реальный шанс спасения человечества. Это сближение с Западом должно носить именно характер первого этапа конвергенции (вопреки тому, что считает Солженицын) и сопровождаться демократическими сдвигами в СССР, частью добровольными, а частью вынужденными экономическим и политическим давлением извне. В частности, очень важно демократическое решение проблемы свободы выезда из СССР и возвращения русских, немцев, евреев, украинцев, литовцев, турок, армян и всех других, поскольку при наличии такого решения станет невозможным сохранение и других антидемократических институтов в стране, возникнет необходимость приближения жизненных стандартов к западным, возникнут условия для свободного обмена людьми и идеями.

Более сложен вопрос о разукрупнении производства и об общинной его организации. Роль промышленного гигантизма в возникновении трудностей современного мира, с моей точки зрения, сильно переоценивается Солженицыным и родственными ему по духу публицистами. Оптимальная структура производства зависит от стольких конкретных технических, социальных, демографических, даже климатических причин, что навязывать что-либо определенное было бы неразумно. А община, в частности, тоже не представляется мне панацеей от всех бед, хотя я не отрицаю ее привлекательности в определенных условиях. Мечта Солженицына о возможности обойтись простейшей техникой, почти что ручным трудом, выглядит вообще непрактичной, а в трудных условиях Северо-Востока заранее обреченной на провал. Программа Солженицына — это скорее мифотворчество, чем реальный проект, но создание мифов не всегда безобидно, особенно в XX веке, жаждущем их. Миф об "отстойнике" для русской нации может обернуться трагедией.

Кратко резюмирую некоторые из моих возражений против письма Солженицына в целом. Солженицын, как я считаю, переоценивает роль идеологического фактора в современном советском обществе. Отсюда его вера в то, что замена марксизма на здоровую идеологию, в качестве которой ему рисуется, по-видимому, православие, спасет русский народ.

Эта уверенность лежит в основе всей его концепции. Но я убежден, что в действительности националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными.

Солженицын не только риторически, но и реально обращается в своем письме к руководителям страны, рассчитывая найти у них хотя бы частичное понимание. Против такого желания трудно спорить. Но есть ли в его предложениях что-либо, что одновременно является новым для руководителей страны и в то же время приемлемым для них? Великорусский национализм, энтузиазм в освоении целины — ведь все это уже использовалось и используется. Призыв к патриотизму — это уж совсем из арсенала официозной пропаганды. Он невольно сопоставляется и с пресловутым военно-патриотическим воспитанием, и с борьбой против "низкопоклонства" в недавнем прошлом. Сталин во время войны и до самой смерти широко допускал "прирученное" православие. Все эти параллели с предложениями Солженицына не только поразительны, они должны настораживать.

Могут сказать, что национализм Солженицына не агрессивен, что он носит мягкий оборонительный характер и преследует цели спасения и восстановления одной из наиболее многострадальных наций. Из истории, однако, известно, что "идеологи" всегда были мягче идущих за ними практических политиков. В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попад на подобную благодатную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными.

Я счел необходимым выступить с этой статьей главным образом из-за несогласия со многими положениями Солженицына. Но, с другой стороны, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что в целом опубликование письма Солженицына — важное общественное явление, еще один факт свободной дискуссии по принципиальным проблемам.

Солженицын, несмотря на то, что некоторые черты его мирозерцания представляются мне ошибочными, является гигантом борьбы за человеческое достоинство в современном трагическом мире.

3 апреля 1974 г.

Статья "Мир через полвека" написана мною весной 1974 года по заказу американского журнала "Сатердей ревью".

Временная грань (2024 г.) носит условный характер — просто я дал себе волю свободно поразмышлять о желаемом будущем, быть может, на самом деле более отдаленном по времени.

Я очень рад появлению моей статьи на страницах советской прессы.

22 октября 1988 г.

Сильные и противоречивые чувства охватывают каждого, кто задумывается о будущем мира через 50 лет, — о том будущем, в котором будут жить наши внуки и правнуки. Эти чувства — удрученность и ужас перед клубком трагических опасностей и трудностей безмерно сложного будущего человечества, но одновременно надежда на силу разума и человечности в душах миллиардов людей, которая только одна может противостоять надвигающемуся хаосу. Это также восхищение и живейшая заинтересованность, вызываемые многосторонним и неудержимым научно-техническим прогрессом современности.

Что определяет будущее?

По почти всеобщему мнению, из числа факторов, которые определяют облик мира в ближайшие десятилетия, бесспорными и несомненными являются:

рост населения (к 2024 г. более 7 млрд. человек на планете); истощение природных ресурсов — нефти, природного

плодородия почвы, чистой воды и т. п.; серьезное нарушение природного равновесия и среды обитания человека.

Эти три бесспорных фактора создают удручающий фон для любых прогнозов. Но столь же бесспорен и весом еще один фактор — научно-технический прогресс, который накапливал "разбег" на протяжении тысячелетий развития цивилизации и только теперь начинает полностью выявлять свои блистательные возможности.

Я глубоко убежден, однако, что огромные материальные перспективы, которые заключены в научно-техническом прогрессе, при всей их исключительной важности и необходимости, не решают все же судьбы человечества сами по себе. Научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной, нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации.

Самое главное неизвестное в наших прогнозах — это возможность гибели цивилизации и самого человечества в огне большой термоядерной войны. До тех пор, пока существуют термоядерно-ракетное оружие и враждующие, полные недоверия государства и группы государств, эта страшная опасность является самой жестокой реальностью современности.

Но, избегнув большой войны, человечество все же может погибнуть, истощив свои силы в "малых" войнах, в международных и межгосударственных конфликтах, от соперничества и отсутствия согласованности в экономической сфере, в охране среды, в регулировании прироста населения, от политического авантюризма.

Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали, проявляющийся уже сейчас в глубоком распаде во многих странах основных идеалов права и законности, в потребительском эгоизме, во всеобщем росте уголовных тенденций, в ставшем международным бедствием националистическом и политическом терроризме, в разрушительном распространении алкоголизма и наркомании. В разных странах причины этих явлений несколько различны. Все же мне кажется, что наиболее глубокая, первичная причина лежит во внутренней бездуховности, при которой личная мораль

и ответственность человека вытесняются и подавляются абстрактным и бесчеловечным по своей сущности, отчужденным от личности авторитетом (государственным или классовым, или партийным, или авторитетом вождя — это все не более, чем варианты одной и той же беды).

При современном состоянии мира, когда имеется огромный и имеющий тенденцию увеличиваться разрыв в экономическом развитии различных стран, когда налицо разделение мира на противостоящие друг другу группы государств, — все опасности, угрожающие человечеству, в колоссальной степени увеличиваются.

Значительная доля ответственности за это ложится на социалистические страны. Я должен тут об этом сказать, так как на меня, как на гражданина влиятельнейшего из социалистических государств, тоже ложится своя часть этой ответственности. Партийно-государственная монополия во всех областях экономической, политической, идеологической и культурной жизни; неизжитый груз скрываемых кровавых преступлений недавнего прошлого; перманентное подавление инакомыслия; лицемерно самовосхваляющая, догматическая и часто националистическая идеология; закрытость этих обществ, препятствующих свободным контактам их граждан с гражданами любых других стран; формирование в них эгоистического, безнравственного, самодовольного и лицемерного правящего бюрократического класса — все это создает ситуацию не только неблагоприятную для населения этих стран, но и опасную для всего человечества. Население этих стран в значительной степени унифицировано в своих стремлениях пропагандой и некоторыми несомненными успехами, частично развращено приманками конформизма, но в то же время оно страдает и раздражено из-за постоянного отставания от Запада и реальных возможностей в материальном и социальном прогрессе. Бюрократическое руководство по своей природе не только неэффективно в решении текущих задач прогресса, оно еще, кроме того, всегда сосредоточено на сиюминутных, узкогрупповых интересах, на ближайшем докладе начальству. Такое руководство плохо способно на деле заботиться об интересах будущих поколений (например, об охране среды), а главным образом может лишь говорить об этом в парадных речах.

Что противостоит (или может противостоять, должно противостоять) разрушительным тенденциям современной

жизни? Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке.

Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования.

Очень большой должна быть роль международных организаций – ООН, ЮНЕСКО и др., в которых я хотел бы видеть зачаток мирового правительства, чуждого каких-либо целей, кроме общечеловеческих.

Но необходимо как можно скорее осуществить существенные промежуточные, возможные уже сейчас шаги. По моему мнению, это должно быть расширение деятельности по экономической и культурной помощи развивающимся странам, в особенности помощи в решении продовольственных проблем и в создании экономически активного, духовно здорового общества; это создание международных консультативных органов, следящих за соблюдением прав человека в каждой стране и за сохранением среды. И самое простое, насущное – повсеместное прекращение таких недопустимых явлений, как любые формы преследования инакомыслия; повсеместный допуск уже существующих международных организаций (Красного Креста, Всемирной организации здравоохранения, "Эмнести интернешнл" и др.) туда, где можно предполагать нарушения прав человека, в первую очередь в места заключения и психиатрические тюрьмы; демократическое решение проблемы свободы перемещения по планете (эмиграции, реэмиграции, личных поездок).

Решение проблемы свободы перемещения по планете особенно существенно для преодоления закрытости социалистических обществ, для создания атмосферы доверия, для сближения правовых и экономических стандартов в разных странах.

Я не знаю, понимают ли до конца люди на Западе, что представляет собой сейчас декларируемая свобода туризма

в социалистических странах, — как много в этом показного, казенщины, жесточайшей регламентации. Для немногих, пользующихся доверием, подобные поездки чаще всего просто оплаченная конформизмом притягательнейшая возможность приодеться "по-западному", вообще войти в элиту. Я уже много писал о проблемах отсутствия свободы перемещения, но это тот Карфаген, который должен быть разрушен.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что борьба за права человека — это и есть реальная сегодняшняя борьба за мир и будущее человечества. Именно поэтому я считаю, что основой деятельности всех международных организаций должна стать Всеобщая декларация прав человека, в том числе основой деятельности провозгласившей ее 25 лет назад Организации Объединенных Наций.

Гипотезы о техническом облике будущего

Во второй части статьи я изложу некоторые футурологические гипотезы, в основном научно-технического характера. Большинство из них уже публиковалось в той или иной форме, и я не выступаю тут ни как автор, ни как эксперт. Моя цель другая — попытаться набросать общую картину технических аспектов будущего. Естественно, что эта картина является весьма гипотетической и субъективной, а местами условно-фантастической. Я не считал себя при этом слишком связанным датой 2024 года, то есть писал не о сроках, а о возможных, по моему мнению, тенденциях. Предсказатели недавнего прошлого чаще всего завышали сроки своих прогнозов, но для современных футурологов нельзя исключить и обратной ошибки.

Я предполагаю постепенное (далеко не завершенное к 2024 г.) выделение из перенаселенного, плохо приспособленного для жизни людей и сохранения природы индустриального мира двух типов территорий. Назову их условно: "Рабочая территория" (РТ) и "Заповедная территория" (ЗТ). Большая по площади "Заповедная территория" предназначена для поддержания природного равновесия на Земле, для отдыха людей и активного восстановления равновесия в самом человеке. На "Рабочей территории" (меньшей по площади и с гораздо большей средней плотностью населения) люди проводят большую часть своего времени, ведется интенсивное

сельское хозяйство, природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в "сверхгородах", в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта – искусственного климата, освещения, автоматизированных кухонь, голографических стен-пейзажей и т. п. Однако большую часть этих городов составляют пригороды, растянувшиеся на десятки километров. Я рисую себе эти пригороды будущего по образцу наиболее благополучных сейчас стран – застроенными семейными домиками-коттеджами с садами, огородами, детскими учреждениями, спортплощадками, купальными бассейнами, со всеми предприятиями быта и современным городским комфортом, с бесшумным и удобным общественным транспортом, с чистым воздухом, с кустарным и художественным производством, со свободной и разнообразной культурной жизнью.

Несмотря на довольно высокую среднюю плотность населения, жизнь в РТ при разумном решении социальных и межгосударственных проблем может быть ничуть не менее здоровой, естественной и счастливой, чем жизнь человека из средних классов в современных развитых странах, то есть гораздо более здоровой, чем это доступно подавляющему большинству наших современников. Но у человека будущего, как я надеюсь, будет возможность часть своего времени, хотя и меньшую, проводить в еще более "естественных" условиях ЗТ. Я предполагаю, что в ЗТ люди тоже живут жизнью, имеющей реальную общественную цель, – они не только отдыхают, но и трудятся руками и головой, читают книги, размышляют. Они живут в палатках или в домах, построенных ими, как дома их предков. Они слышат шум горного ручья или просто наслаждаются тишиной, красотой дикой природы, лесов, неба и облаков. Основная их работа – помочь сохранению природы и сохранению самих себя.

Условный числовой пример. Площадь РТ – 30 млн. кв. км, средняя плотность населения – 300 человек на 1 кв. км. Площадь ЗТ – 80 млн. кв. км, средняя плотность населения – 25 человек на 1 кв. км. Общее население Земли – 11 млрд. человек, люди около 20% своего времени могут проводить в ЗТ.

Естественным расширением РТ явятся "летающие города" – искусственные спутники Земли, выполняющие важные

производственные функции. На них сосредоточена гелио-энергетика, возможно, значительная часть ядерных и термоядерных установок с лучистым охлаждением энергетических холодильников, что даст возможность избежать теплового перегрева Земли; это предприятия вакуумной металлургии, парникового хозяйства и т. п.; это космические научные лаборатории, промежуточные станции для дальних полетов. Как под РТ, так и под ЗТ — широкое развитие подземных городов — для сна, развлечений, для обслуживания подземного транспорта и добычи полезных ископаемых. Я предполагаю индустриализацию, механизацию и интенсификацию земледелия (в особенности в РТ) не только с самым широким использованием классических типов удобрений, но и с постепенным созданием искусственной сверхпродуктивной почвы, с повсеместным применением обильного орошения, в северных районах — широчайшее развитие парникового хозяйства с использованием подсветки, подогрева почвы, электрофореза, возможно, и других физических методов воздействия. Конечно, сохранится и даже усилится первостепенная, решающая роль генетики и селекции. Таким образом, "зеленая революция" последних десятилетий должна продолжаться и развиваться. Возникнут также новые формы земледелия — морское, бактериальное, микроводорослевое, грибное и т. п. Поверхность океанов, Антарктиды, а в дальнейшем, возможно, Луны и планет будет постепенно втягиваться в орбиту земледелия.

Сейчас очень острой проблемой в области питания является белковый голод, от которого страдают многие сотни миллионов людей. Решение этой проблемы за счет расширения объема животноводства в перспективе невозможно, так как уже сейчас производство кормов поглощает около 50% продукции земледелия. Более того, многие факторы, и в том числе задачи сохранения среды, толкают на сокращение животноводства. Я предполагаю, что в течение ближайших десятилетий будет создана мощная промышленность производства заменителей животного белка, в частности производства искусственных аминокислот, главным образом для обогащения продуктов растительного происхождения, что приведет к резкому сокращению животноводства.

Почти столь же радикальные изменения должны произойти в промышленности, энергетике и быте. В первую очередь, задачи сохранения среды обитания диктуют повсе-

стный переход на замкнутый по отходам цикл, с полным отсутствием вредных и засоряющих отходов. Гигантские технические и экономические проблемы, связанные с таким переходом, могут быть решены лишь в международном масштабе (так же как проблемы перестройки сельского хозяйства, демографические проблемы и т. п.).

Другой чертой промышленности, как и всего общества будущего, будет гораздо более широкое, чем сейчас, использование кибернетической техники.

Я предполагаю, что параллельное развитие полупроводниковой, магнитной, электронно-вакуумной, фотоэлектронной, лазерной, криотронной, газодинамической и иной кибернетической техники приведет к огромному возрастанию ее потенциальных и экономическо-технических возможностей.

В области промышленности можно предполагать большую степень автоматизации и гибкости, "перестраиваемости" производства — в зависимости от спроса и потребностей общества в целом. Такая перестраиваемость промышленности будет иметь далеко идущие социальные последствия. В идеале можно думать, в частности, о преодолении социально-вредных и пагубных для сохранения ресурсов и среды явлений искусственной стимуляции "сверхспроса", которые сейчас имеют место в развитых странах и частично связаны с консерватизмом массового производства.

В бытовой технике все большую роль будут играть простейшие автоматы.

Но особенную роль будет играть прогресс в области связи и информационной службы.

Одним из первых этапов этого прогресса представляется создание единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи. В перспективе, быть может, позднее, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая и сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки. ВИС должна включать индивидуальные миниатюрные запросные приемники-передатчики, диспетчерские пункты, управляющие потоками информации, каналы связи, включающие тысячи искусственных спутников связи, кабельные и лазерные линии. Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого челове-

ка, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих из наших современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности.

Но поистине историческая роль ВИС будет в том, что окончательно исчезнут все барьеры обмена информацией между странами и людьми. Полная доступность информации, в особенности распространенная на произведения искусства, несет в себе опасность их обесценивания. Но я верю, что это противоречие будет как-то преодолено. Искусство и его восприятие всегда настолько индивидуальны, что ценность личного общения с произведением и артистом сохранится. Также сохранит свое значение книга, личная библиотека — именно потому, что они несут в себе результат личного индивидуального выбора, и в силу их красоты и традиционности в хорошем смысле этого слова. Общение с искусством и с книгой навсегда останется праздником.

Об энергетике. Я уверен, что в течение 50 лет сохранится и даже возрастет значение энергетики, основанной на сжигании угля на гигантских электростанциях с полным поглощением вредных отходов. В то же время, несомненно, огромное развитие получит атомная энергетика и к концу этого периода — термоядерная энергетика. Проблема "захоронения" отходов атомной энергетики — уже сейчас чисто экономическая, и в перспективе это будет не более сложно и дорого, чем столь же необходимое в будущем извлечение сернистого газа и окислов азота из топочных газов тепловых электростанций.

О транспорте. В области семейно-индивидуального транспорта, который в основном будет применяться в ЗТ, на смену автомобилю, по моим предположениям, придет аккумуляторная повозка на шагающих "ногах", не нарушающих травяного покрова и не требующих асфальтовых дорог. Для основных грузовых и пассажирских перевозок — гелиевые дирижабли с атомным двигателем и, главным образом, быстроходные поезда с атомным двигателем на эстакадах и в туннелях. В ряде случаев, в особенности в городском транспорте, получит распространение погрузка и выгрузка на ходу с использованием специальных подвижных "промежуточных" устройств (движущиеся тротуары, подобные описанным в рома-

не Герберта Уэллса "Когда спящий проснется", разгрузочные вагоны на параллельных путях и т. п.).

О науке, новейшей технике, космических исследованиях. В научных исследованиях еще большее значение, чем теперь, получит теоретическое вычислительное "моделирование" многих сложных процессов. Использование вычислительных машин с большим объемом памяти и быстродействием (машины параллельного действия, возможно, фотоэлектронные или чисто оптические, с логическим оперированием информационными полями-картинами) даст возможность решить многомерные задачи, задачи с большим числом степеней свободы, квантово-механические и статистические задачи многих тел и т. п. Примеры подобных задач: прогноз погоды, магнитная газодинамика Солнца, Солнечной короны и других астрофизических объектов, расчеты органических молекул, расчеты элементарных биофизических процессов, расчеты свойств твердых и жидких тел, жидких кристаллов, расчеты свойств элементарных частиц, космологические расчеты, расчеты "многомерных" производственных процессов, например, в металлургии и химической промышленности, сложные экономические и социологические расчеты и т. п. Хотя вычислительное моделирование ни в коем случае не может и не должно заменить эксперимент и наблюдения, оно дает тем не менее огромные дополнительные возможности развития науки. Например, это великолепная возможность контроля правильности теоретического объяснения того или иного явления.

Возможно, будут достигнуты успехи в синтезе веществ, обладающих сверхпроводимостью при комнатной температуре. Такое открытие означало бы революцию в электротехнике и многих других областях техники, например в транспорте (сверхпроводящие рельсы, на которых повозка скользит без трения на магнитной "подушке"; конечно, сверхпроводящими могут быть, наоборот, полозья повозки, а рельсы — магнитными).

Я предполагаю, что достижения физики и химии (быть может, с использованием математического моделирования) позволят не только создать синтетические материалы, превосходящие природные по всем существенным свойствам (тут первые шаги уже сделаны), но и воспроизвести искусственно многие уникальные свойства целых систем живой природы. Можно представить себе, что в автоматах будущего будут применяться экономичные и легко управляемые искус-

ственные "мускулы" из обладающих свойством сокращаемости полимеров, что будут созданы высокочувствительные анализаторы органических и неорганических примесей в воздухе и воде, работающие по принципу искусственного "носа", и т. п. Я предполагаю, что возникнет производство искусственных алмазов из графита при помощи специальных подземных ядерных взрывов. Алмазы, как известно, играют очень важную роль в современной технике, и более дешевое их производство может еще более способствовать этому.

Еще более важное место, чем сейчас, в науке будущего должны занять космические исследования. Я предполагаю расширение попыток установления связи с инопланетными цивилизациями. Это — попытки принять сигналы от них во всех известных видах излучений, а одновременно проектирование и осуществление собственных излучающих установок. Это — поиски в космосе информационных снарядов инопланетных цивилизаций. Информация, полученная "извне", может оказать революционизирующее воздействие на все стороны человеческой жизни — на науку, технику, может быть полезной в смысле обмена социальным опытом. Бездействие в этом направлении, несмотря на отсутствие каких-либо гарантий успеха в обозримом будущем, было бы неразумным.

Я предполагаю, что мощные телескопы, установленные на космических научных лабораториях или на Луне, дадут возможность увидеть планеты, обращающиеся вокруг ближайших звезд (альфа Центавра и других). Атмосферные помехи делают нецелесообразным увеличение зеркал наземных телескопов сверх уже существующих.

Вероятно, к концу 50-летия начнется хозяйственное освоение поверхности Луны, а также использование астероидов. Произведя на поверхности астероидов взрывы специальных атомных зарядов, возможно, удастся управлять их движением, направлять их "поближе" к Земле.

Я изложил некоторые свои предположения о будущем науки и техники. Но я почти полностью обошел то, что составляет самое сердце науки и часто оказывается наиболее значительным по практическим последствиям, — наиболее абстрактные теоретические исследования, порождаемые неистощимой любознательностью, гибкостью и мощью человеческого разума. В первой половине XX века такими исследованиями явились создание специальной и общей теории

относительности, создание квантовой механики, раскрытие строения атома и атомного ядра. Открытия такого масштаба всегда были и будут непредсказуемы. Единственное, на что я могу рискнуть, да и то с большими сомнениями, это назвать несколько достаточно широких направлений, в которых, по моему мнению, возможны особенно важные открытия. Исследования в области теории элементарных частиц и в области космологии могут привести не только к большому конкретному прогрессу в уже существующих областях исследований, но и к формированию совершенно новых представлений о структуре пространства и времени. Большие неожиданности могут принести исследования в области физиологии и биофизики, в области регуляции жизненных функций, в медицине, в социальной кибернетике, в общей теории самоорганизации. Каждое крупное открытие окажет прямо или косвенно глубочайшее влияние на жизнь человечества.

Неизбежность прогресса

Мне кажется неизбежным продолжение и развитие основных существующих сейчас тенденций научно-технического прогресса. Я не считаю это трагичным по своим последствиям, несмотря на то что мне не совсем чужды опасения тех мыслителей, которые придерживаются противоположной точки зрения.

Рост населения, истощение природных ресурсов — это все такие факторы, которые делают абсолютно невозможным возвращение человечества к так называемой "здоровой" жизни прошлого (на самом деле очень тяжелой, часто жестокой и безрадостной) — даже если бы человечество этого захотело и могло осуществить в условиях конкуренции и всевозможных экономических и политических трудностей. Разные стороны научно-технического прогресса — урбанизация, индустриализация, механизация и автоматизация, применение удобрений и ядохимикатов, рост культуры и возможностей досуга, прогресс медицины, улучшение питания, снижение смертности и продление жизни — теснейшим образом между собой связаны, и нет никакой возможности "отменить" какие-то направления прогресса, не разрушая всей цивилизации в целом. Только гибель цивилизации в огне

всемирной термоядерной катастрофы, от голода, эпидемий, всеобщего разрушения — может обратить вспять прогресс, но надо быть безумцем, чтобы желать такого исхода.

Сейчас в мире неблагоприятно в самом прямом, самом грубом смысле слова, голод и преждевременная смерть непосредственно угрожают множеству людей. Поэтому сейчас первой задачей истинно человеческого прогресса является противостоять именно этим опасностям, и всякий другой подход явился бы непростительным снобизмом. При всем том я не склонен абсолютизировать одну только технико-материальную сторону прогресса. Я убежден, что "сверхзадачей" человеческих институтов, и в том числе прогресса, является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной смерти, но и сохранить в человечестве все человеческое — радость непосредственного труда умными руками и умной головой, радость взаимопомощи и доброго общения с людьми и природой, радость познания и искусства. Но я не считаю непреодолимым противоречие между этими задачами. Уже сейчас граждане более развитых, индустриализованных стран имеют больше возможностей нормальной здоровой жизни, чем их современники в более отсталых и голодающих странах. И уж во всяком случае прогресс, спасающий людей от голода и болезней, не может противоречить сохранению начала активного добра, которое есть самое человеческое в человеке.

Я верю, что человечество найдет разумное решение сложной задачи осуществления грандиозного, необходимого и неизбежного прогресса с сохранением человеческого в человеке и природного в природе.

ВВЕДЕНИЕ

В первые послевоенные годы впервые (во всяком случае для меня и многих людей моего поколения) обрисовались контуры тех общемировых проблем, которые и сегодня продолжают оставаться самыми важными, самыми актуальными.

Около тридцати лет назад только что окончилась кровопролитная и разрушительная война, оставившая после себя море человеческого горя, которое не смогли до конца осушить прошедшие десятилетия. На большей части планеты свирепствовал голод, унося миллионы жизней и угрожая дальнейшим распространением. Научно-технический прогресс в развитых странах исподволь подготавливал "зеленую революцию", которая должна была в будущем смягчить эту грозную беду, но одновременно он приближал другую опасность для человечества, масштабы и близость которой тогда мало кто осознал, — экологическую катастрофу.

Еще не существовало термоядерного оружия, но тень атомной бомбы уже нависла над миром, впервые за историю человечества угрожая всеобщей гибелью. В Хиросиме и Нагасаки ежедневно умирали облученные.

В Китае разгоралось пламя гражданской войны. В социалистических странах тела и души сотен миллионов людей были до предела зажаты в чудовищных тисках сталинизма. Погасли печи Освенцима, но тысячи людей ежедневно погибали в холодных забоях Колымы, Норильска и Воркуты, на бесчисленных сталинских стройках смерти. Число жертв ГУЛага к этому времени уже достигло страшной цифры — 20 млн.

В эти годы многие благородные и проницательные мыслители — физики и математики, экономисты, юристы, общест-

венные деятели, философы — выступили с идеями, порожденными осознанной ими уже тогда глубокой тревогой за судьбу человечества (хотя они, по-видимому, и не понимали многого, скрытого от Запада "железным занавесом"). В их числе были Эйнштейн, Рассел, Бор, Кассен и многие другие. Высказанные ими идеи произвели глубокое впечатление на современников.

Они призывали к защите прав человека во всем мире, к национальному альтруизму, к осуществлению "открытого мира". Разъясняя эту мысль, Нильс Бор, в частности, подчеркивал, что ничто не должно препятствовать обмену информацией и свободному передвижению людей. Они выступали за демилитаризацию, за помощь слаборазвитым странам, за укрепление ООН, за мировое правительство.

Мне уже тогда удалось узнать про выступление Нильса Бора — одно из тех, в которых были заложены новые идеи. Но лишь через 20 лет, в разгар "пражской весны" 1968 года, длительный путь жизни, общения с выдающимися людьми, собственных раздумий привел меня к решению самому выступить со статьей, примыкавшей по основному направлению к этим идеям. Статья называлась "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Она получила широкое распространение, особенно на Западе, как одно из первых выступлений такого рода из немых недр социалистических стран. Я и сейчас в главном не отошел от сформулированной тогда позиции. Но прошедшие годы, изобиловавшие драматическими международными событиями, очень много значившее для меня расширение общения с людьми нашей и других стран, расширение личного опыта — не могли пройти бесследно. Сегодня я чувствую потребность вновь вернуться к темам "Размышлений", уделив главное внимание не "оптимистической футурологии", то есть мечте, а опасностям, заблуждениям, драмам сегодняшнего дня, всему тому, что стоит между мечтой и реальностью.

Я считаю необходимым с самого начала подчеркнуть, что я хотел бы видеть в той новой фазе отношений между капиталистическими и социалистическими странами, которая получила название "разрядки", осуществление близких мне идей. Действительно, произошли большие изменения к лучшему, по крайней мере в стиле высказываний государственных деятелей, а отчасти и в более материальной сфере. Но одновременно возник определенный разрыв между словами и делами, создались условия для оживления опасных иллю-

зий. Все это требует, по-моему, откровенного обсуждения, не связанного дипломатическими условностями и конформизмом "восточного" или "западного" типа.

Как и семь лет назад, я вполне понимаю свою недостаточную компетентность в сложных вопросах общественных отношений. Но все же мне кажется, что мое выступление будет полезным.

Одним из толчков к написанию этой статьи явились беседы с посетившими меня недавно иностранными гостями — группой американских ученых, приехавших в СССР для неофициальных переговоров по SALT и с сенатором США мистром Дж. Бакли. Бакли был первым государственным деятелем США, который считал возможным встретиться со мной. Во время этой встречи, очень важной для меня, мы обсуждали внешнеполитические и некоторые внутренние проблемы. Тогда же у меня возникло желание изложить обсуждавшиеся вопросы в письменной форме. Но я пишу медленно и трудно, процесс писания растянулся на семь месяцев, и за это время произошли новые очень важные события, которые тоже отразились на содержании этой работы.

Окончательно выкристаллизовался следующий план:

I. О советском обществе. Именно недостаточным пониманием того, что скрывается за его фасадом, непониманием потенциальных опасностей советского тоталитаризма объясняются многие иллюзии западной интеллигенции и в конечном счете удивительные просчеты и неудачи западной политики, без боя отдающей кусок за куском своему партнеру по разрядке.

II. О свободе выбора страны проживания. Это важное право имеет большое общесоциальное значение как гарантия многих других основных прав человека, а также как гарантия международного доверия и открытости общества. События, развернувшиеся в связи с поправкой к закону о торговле, принятому конгрессом США, отразили отношение к этой проблеме социалистического и западного миров, их тактику, принципы и расстановку сил. Они показали разобщенность, неорганизованность и дезинформированность Запада. Я надеюсь, однако, что будущее покажет также стойкость Запада и его способность извлекать уроки из трудностей. Защита свободы выбора страны проживания является как бы пробной моделью, полигоном для определения всего стиля разрядки.

III. Проблемы разоружения. Спасение человечества от угрозы термоядерной гибели имеет несомненный приоритет перед всеми остальными задачами, но нельзя отделить эту задачу от других политических, экономических, гуманистических и нравственных проблем, и в первую очередь от проблемы "открытости" общества и международного доверия, от преодоления разобщенности Запада. Подлинное решение проблемы разоружения должно включать: а) совершенную систему контроля, и в том числе инспекции; б) снижение вооружений до уровня одинаковой мощности, притом достаточно низкого (это относится как к переговорам по ограничению стратегического оружия сверхдержав, так и к региональным переговорам); в) устранение факторов, способствующих гонке вооружений; г) устранение факторов стратегической неустойчивости.

IV. Индокитай и Ближний Восток. Мы все, наверное, еще не в состоянии полностью оценить значение и масштаб трагедии, происшедшей в Индокитае. Но несомненно, что эта трагедия стала возможной в значительной мере в результате ослепления во всем мире относительно целей и методов тех сил, которые стояли за спиной брошенных в огонь войны юношей. Очень важно, чтобы этот урок не прошел даром. Долг честных людей во всем мире — всемерно помогать беженцам, обездоленным войной детям, не допустить нового предательства, подобного совершенному по отношению к "перемещенным лицам" 30 лет назад¹.

V. Либеральная интеллигенция на Западе, ее иллюзии и ответственность. Несмотря на многие распространенные в ее среде опасные заблуждения, я верю, что внутренняя честность, разум и альтруизм возобладают в этом влиятельном и самом активном слое западного общества.

VI. Заключение. Миру нужна демилитаризация, национальный альтруизм и интернационализм, свобода обмена информацией и перемещения людей, гласность, международная защита социальных и гражданских прав человека. Страны "третьего мира" должны получать всестороннюю помощь и со своей стороны полностью принять на себя свою долю ответственности за будущее мира, обратить большее внимание

¹ Казакам, карачаевцам и другим народностям, находившимся за границей, была обещана свобода в СССР, однако более 0,5 млн. человек оказались в лагерях для "перемещенных лиц".

на развитие материального производства, прекратить спекуляцию нефтью.

Все это — неперенные условия преодоления разобщенности человечества, спасения его от опасности термоядерной гибели, голода, экологической катастрофы, дегуманизации; неперенные условия устранения опасностей научно-технического прогресса и использования его во имя всеобщего блага.

Работа над этой книгой проходила в обстановке нарастающего напряжения, вызванного международными, внутренними и личными событиями. Я благодарен помогавшим мне друзьям, благодарен издателям книги. Особенное значение имели для меня самоотверженная поддержка и помощь моей жены, сделавшие возможным завершение задуманного вопреки всем бедам, болезням, угрозам, всему тому, что несет наша жизнь.

I. О СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Жизнь нашей огромной страны, конечно, очень сложна и многолика. Как в каждой стране, труд людей, хотя и не всегда производительный и разумно организованный, и возрастающее использование достижений науки и природных ресурсов так или иначе приносят свои зримые плоды. Тысячи оживленных и, видимо, довольных судьбой людей снуют у подножия стройных небоскребов нового Арбата, высоко поднявшихся в небе Москвы. Но за этим фасадом скрывается, как, впрочем, тоже не только у нас, много такого, что недоступно постороннему глазу, скрывается море человеческого несчастья, трудностей, озлобления, жестокости, глубочайшей усталости и безразличия, которые накопились десятилетиями и подтачивают устой общества. В стране необыкновенно много несчастных, обойденных судьбой людей: одиноких стариков с ничтожными пенсиями; людей, не устроенных в жизни, не имеющих работы или возможности учиться, или приличного, даже по нашим нищенским нормам, жилья; хронических больных, которые не могут попасть в больницу; бесчисленное множество спившихся, опустившихся людей; полтора миллиона заключенных, жертв слепой и часто несправедливой, продажной и зависимой от властей и местной "мафии" судебной машины, которые навсегда выкинуты из нормальной жизни; просто неудачников, не сумевших вовремя сунуть

кому надо взятку. Всем им практически невозможно помочь, да и мало кто пытается это делать в общей обстановке трудной, изнуряющей борьбы за пропитание большинства населения, сытой самодовольной замкнутости у меньшинства, показной и малоэффективной социальной структуры. Отчаявшиеся люди осаждают высокие приемные, откуда многих из них, особенно надоедливых, прямым ходом увозят в психиатрические больницы. Я очень люблю природу и культуру своей родины, ее людей и вовсе не стремлюсь выступать в роли "очернителя". Но сейчас я считаю необходимым фиксировать внимание на тех отрицательных особенностях, которые имеют принципиальное значение для международных отношений и понимания обстановки в стране, и замалчиваются советской и просоветской пропагандой.

Одним из "догматов веры" советской и просоветской пропаганды всегда являлся тезис о якобы особой исключительности советской политико-экономической системы, которая, как утверждается, является универсальным прообразом для всех остальных стран — самой справедливой, гуманной, прогрессивной, обеспечивающей самую высокую производительность труда, самый высокий уровень жизни и т. п.

Догмат этот поддерживается тем настойчивей, чем очевидней полный провал большинства из содержащихся в нем обещаний. Догмат не выдерживает сравнения с передовыми капиталистическими странами — и вот необходимость поддержания и гипноз слепой веры являются одной из причин беспрецедентной закрытости советского общества. Многим памятна вариация тезиса — зачем нам учиться у других, ведь мы впереди на целую историческую эпоху. Закрытость же общества создает в свою очередь условия для множества негативных явлений внутренней и внешней жизни. Под знаком веры в исключительную общемировую цель прошли десятилетия величайшего насилия, не замеченного западными либералами, одними — по наивности, другими — по равнодушию, третьими — по цинизму. Трагический пример — позиция умного и глубоко гуманного писателя¹, который сознательно закрыл глаза на частично очевидные уже тогда преступления сталинизма, рассматривая СССР как единственную альтернативу нацизму. Еще до этого другой писатель²

¹ Имеется в виду Л. Фейхтвангер.

² Имеется в виду Б. Шоу.

объявил преувеличенными слухи о голоде в СССР — нигде я так хорошо не обедал, как в СССР, сказал он, в то время, как заградительные отряды НКВД из пулеметов расстреливали умирающих от голода детей, пытавшихся прорваться за границу. Остатки этого ослепления существуют до сих пор, сейчас они уже более всего опасны для самого Запада. Сегодня понимание сущности советского общества, того, что скрывается за респектабельным фасадом, необходимо для правильного отношения к почти любой проблеме общемирового значения.

Современное советское общество, как я думаю, наиболее кратко следует охарактеризовать как "общество государственного капитализма", то есть строя, отличающегося от современного капитализма западного типа полной национализацией, полной партийно-правительственной монополией в области экономики — а тем самым и в области культуры, идеологии и в других основных областях жизни.

Такое мнение, по-видимому, разделяется очень многими за рубежом и в СССР — последними, разумеется, в большинстве случаев не вслух. Когда два года назад я высказался в этом духе в интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Стенхольму, это послужило одним из главных поводов для нападок на меня в советской прессе; вскоре и Стенхольма лишили визы. Но на самом деле речь шла о почти тривиальном высказывании.

Полная государственная монополия, как отмечают многие авторы, неизбежно оборачивается несвободой, вынужденным конформизмом. Ведь каждый полностью зависит от государства. В критические периоды несвобода рождает террор, в более спокойные — власть бездарной бюрократии, серость и апатию.

Остановимся сначала на экономических и социальных чертах советского общества, затем на идеологических, культурных, правовых чертах и на проявлении его особенностей в международных отношениях.

Несомненно, нет у нас самой высокой в мире производительности труда, нет даже надежды догнать по этому показателю передовые капиталистические страны в обозримом будущем. Налицо постоянная милитаризация экономики, невиданно высокая для мирного времени — тяжелая для населения и опасная для всего мира. Налицо хроническое экономическое перенапряжение, отсутствие резервов — это

при наших-то природных ресурсах — черноземе, угле, нефти, лесе, климатическом разнообразии, низкой плотности населения.

Особенно существенно, что при таких ресурсах после 58 лет гигантских усилий, из них 30 лет в условиях непрерывного мирного времени, нет и в помине самого высокого в мире уровня жизни. Рабочий любой передовой капиталистической страны — не только США, но и, скажем, Франции, ФРГ, Италии, Швеции и т. п. — не станет работать за нашу зарплату и с нашим уровнем социальной защиты своих прав.

В СССР минимальная месячная зарплата равна 60 рублям, а средняя зарплата — 110 рублям. По покупательной способности эта минимальная зарплата приблизительно соответствует 30 долларам в месяц, или 150 новым французским франкам, а средняя зарплата — 55 долларам или 275 франкам*. Сравните эти цифры с американскими стандартами — 600 или 800 долларов в месяц — это средняя зарплата, доход же 400 долларов в месяц для семьи отец, мать, двое детей — официальный порог бедности; при меньшем доходе государство предоставляет специальные блага, которые и не снились советскому гражданину. В других странах — таких, как Франция, Италия, ФРГ, зарплата несколько меньше, чем в США, но зато меньше и стоимость жизни. В СССР те люди, которые живут на зарплату, большую часть ее тратят на питание. Об этом, должно быть, дико читать американскому рабочему, у которого на гораздо лучшее по качеству питание уходит, как правило, не более 25% зарплаты, да и жена может, если хочет, не работать.

Особенно тяжело низкая зарплата сказывается на наиболее массовых слоях интеллигенции — учителях, рабочих медицины, рядовых инженерах. У них, как правило, нет приусадебных участков и существенных для многих "левых" источников дохода (часто полузаконных).

* Доллар принят мной, возможно, несколько произвольно, эквивалентным 2 рублям, что, по-видимому, несколько завышает покупательную способность рубля. Использовано отношение цен на продовольственные товары (основной траты советского горожанина), но без учета огромной разницы в качестве. Хорошие по зарубежным стандартам продукты у нас продаются только на рынке и по ценам, которые в два и более раза выше государственных. Отношение цен в рублях и долларах на одежду, обувь и другие промышленные товары ближе к четырем, а не к двум.

Сейчас вся мировая пресса полна сообщениями об инфляции, о топливном кризисе, о нарастающей безработице в капиталистических странах. Я не хочу тут анализировать сложные и разнообразные причины этих явлений (среди которых не последнее место занимает дезорганизующий фактор советской экономической и общеполитической активности), не хочу преуменьшать их далеко идущих психологических и политических последствий. Но мне все же хочется сказать — ведь вы не умираете с голоду, вам есть куда отступать, ведь даже снизив уровень жизни в пять раз, вы все еще будете жить богаче людей самой богатой в мире социалистической страны. Перед лицом действительно страшной угрозы непрерывного наступления тоталитаризма, перед угрозой экологической катастрофы очень важно, чтобы основная масса населения, профсоюзы, предприниматели нашли возможность поступиться какой-то частью уже достигнутого уровня жизни, пойти на временные самоограничения. Западная цивилизация должна обладать свободой экономического маневра. Это необходимо в первую очередь для защиты самой западной цивилизации, для защиты нравственных и демократических ценностей во всем мире.

Как же государство распоряжается присвоенными им благодаря искусственно заниженной зарплате гигантскими средствами? Они идут, конечно, в значительной доле на расширенное воспроизводство, но также в столь же большой доле на гигантские военные расходы, на финансирование тайной и явной экспансии во всех частях света — от Ближнего Востока до Латинской Америки, на обеспечение более высокого уровня жизни привилегированных слоев общества, на покрытие дорогостоящих нелепостей бюрократического стиля руководства. Некоторая доля присвоенных государством средств возвращается на социальные нужды — в частности, на пенсии, медицину, образование, которые, таким образом, никак не могут считаться бесплатными.

В социальном плане очень важно отметить следующее:

1) Очень короткий (двухнедельный для большинства) отпуск, момент которого определяется администрацией. (Во Франции — два отпуска: летом и зимой, общей продолжительностью 4 недели).

2) 41-часовая рабочая неделя, то есть продолжительней, чем в большинстве западных стран.

3) Отсутствие реального права на забастовки, на любые организованные обращения в вышестоящие инстанции. Годами длится борьба рыбаков Мурманска против безжалостного обсчитывания, против огромных взяток за право пойти в плавание, но пока результат — многочисленные жертвы среди жалобщиков: уволенные, посаженные в психдома, арестованные. Столь же трудно протекает борьба за улучшение техники безопасности на шахтах и химических предприятиях, которая во многих местах находится в крайне запущенном состоянии.

4) Очень низкие пенсии и пособия, даже после нескольких существенных прибавок в "хрущевские" и "брежневские" годы. Если исключить "персональные" и военные пенсии, то максимальная пенсия составляет 120 рублей (60 долларов), а средняя — вдвое меньше. Лишь недавно введены пенсии колхозникам, они очень малы. Пенсии на погибшего кормильца не выдаются, если он покончил самоубийством. Введенные во время войны пособия многодетным матерям, несмотря на неоднократные прибавки, покрывают лишь малую часть расходов на содержание детей. Матери-одиночки (не многодетные) получают пособие в размере 5 рублей в месяц на каждого ребенка.

5) Ежегодно несколько воскресений или суббот объявляются рабочими днями. Так называемые "коммунистические" субботники формально считаются добровольными, а попробуй не пойти. Зарплата за них перечисляется в фонд государства. В этом году первый день Пасхи — 4 мая — был объявлен рабочим, хотя и прибавлен к оплаченному отпуску. Никто не осмелился протестовать, кроме двух священников, — один из них был арестован.

6) Жилищные и бытовые условия для большинства населения остаются плохими, несмотря на осуществляемое во многих городах большое жилищное строительство.

Это неправда, что у нас самые дешевые жилища в мире. Оплата одного квадратного метра, выраженная в единицах средней зарплаты, не ниже, чем в большинстве развитых стран. Получение семьей отдельной квартиры — счастье, которого многие ждут всю жизнь. Обычно это многоэтажный, многоквартирный дом, внешне соответствующий американскому "дому для бедных", но с меньшими удобствами и большей теснотой. Отдельная комната для каждого члена семьи — у ничтожно малой части населения. За исключением несколь-

ких "элитарных" городов — плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами. Хлеб низкого качества с наполнителями — добавками; еще хуже с мясом, в большинстве мест за ним многочасовые очереди, а качество не всегда удовлетворит даже собак *. Почти полное отсутствие бытового сервиса. Плохо с водой. В большинстве городов до сих пор нет современной канализации.

7) Очень низкое качество образования, особенно в сельской местности. Переполненные душные и темные классы. Почти всюду отсутствует организованная доставка детей, живущих далеко от школ, обычная для стран Запада. Очень плохо организовано питание детей. Бесплатность образования не распространяется, как во многих несоциалистических странах, на питание детей, снабжение их школьной формой и учебными пособиями. Формально очень сложные и большие программы, выматывающие силы учеников, многочасовые домашние задания, реально же — очень низкий интеллектуальный уровень образования. Нищие, задержанные учителя. При приеме в высшие учебные заведения и в аспирантуру — множество сознательных несправедливостей; из них особенно известна антиеврейская дискриминация; но существует и столь же несправедливая дискриминация выходцев из деревни, интеллигенции, детей диссидентов, верующих, лиц немецкой национальности и вообще всех, у кого нет "блата" **. Разрушение системы образования характеризует нарастающий антиинтеллектуализм общества.

* В тысячах деревень и маленьких городов страны с утра у дверей продмагов собираются очереди людей, ожидающих, когда привезут хлеб. Они надеются также, что "выбросят" еще что-нибудь, если это будет такой дефицитный продукт, как треска, то в очередь сбежится вся округа. Люди сидят или стоят у магазинов (в большинстве женщины) по много часов в день даже в период самых горячих сельскохозяйственных работ — тяга к земле, внутренний стимул, который был доминирующим у крестьянки и крестьянина еще 40 лет назад, ныне исчез вместе с исчезновением материального стимула. А по площади перед магазином целые дни без дела шатаются полупьяные и пьяные мужчины и парни, среди них очень много подростков. Старухи потихоньку судачат о том, что "раньше мужики и парни так не пили, больше — по праздникам".

** Дискриминация при приеме осуществляется очень просто — создаются отдельные группы для нежелательных абитуриентов, из которых почти никого не принимают.

8) Очень низкое качество медицинского обслуживания большинства населения. Попасть на прием в поликлинике – полдня потерять, а что может сделать и понять врач за те десять минут, которые он имеет на прием одного больного? Больной почти не может выбирать, к какому врачу обратиться. В больницах больные лежат в коридорах, в духоте или на сквозняках, совсем нет сиделок, очень мало уборщиц и нянечек, мало медсестер, плохо с бельем, с лекарствами и с питанием. На одного больного в рядовой больнице в день выделяется по бюджету менее одного рубля в день на все; естественно, что ничего нет, и условия ужасные. Зато в привилегированных больницах – на одного больного по бюджету тратится до 15 рублей в день. Не случайно, все известные мне иностранцы, проживающие в Москве, своих жен посылают рожать в капиталистические страны, хотя для них здесь обеспечены условия несравненно лучшие, чем для рядовых советских граждан.

В провинции почти нет современных медикаментов, но и в столице их ассортимент очень отстает от западных стран, (исключение – привилегированные больницы и поликлиники для "начальства"). Посылка медикаментов с Запада в СССР по почте запрещена. Врачу запрещается выписывать дефицитные и зарубежные препараты, даже упоминать об их существовании. Такое лишение больного помощи, даже знания о том, что помощь в принципе возможна, – вопиющее нарушение принципов традиционной медицинской этики. Многие больные и их родственники, без сомнения, пошли бы на любые усилия и затраты для облегчения страданий или спасения.

Другим примером нарушения принципов медицинской этики является приказ Министерства здравоохранения, согласно которому внимание следует уделять в первую очередь работающему контингенту. Этот приказ сообщался, в частности, участковым врачам.

Сильно подорвана система медицинского образования, медицинское оборудование в большинстве мест – на уровне прошлого века. Общий нравственный и профессиональный упадок распространился на врачей, которые держались дольше других. Под угрозой те несомненные достижения (в педиатрии, в борьбе с инфекционными заболеваниями и др.), которые были достигнуты советской медициной в первые десятилетия советской власти.

9) Низкая зарплата приводит к тому, что заработка мужа не хватает прокормить семью даже с одним ребенком; отсюда — невозможность нормального семейного воспитания детей, имеющая серьезные социальные последствия, отсюда также разрушение здоровья миллионов женщин на тяжелых работах.

10) Ограничение свободы передвижения в пределах страны — паспортная система, которая оборачивается для миллионов колхозников невозможностью уехать в город. Численность сельского населения очень велика по западным стандартам, однако молодежь стремится уйти из деревни, парни почти не возвращаются после службы в армии. Много ручного, непроизводительного труда, особенно женского, только механизаторы зарабатывают хорошо. Много людей просто прозябают. Всюду повальное пьянство. Очень грустный фольклор:

”Что такое глухомань?
Много Мань и мало Вань,
Много водки, мало бань,
И над каждым колоском
В барабаны бьет райком”.

Жесткие ограничения разрешенных мест проживания для бывших заключенных, часто ломающие всю их жизнь.

Весь мир должен знать о безмерных страданиях крымских татар, 31 год назад ставших жертвой преступной депортации, когда половина детей и стариков погибла от голода и холода, и сейчас все еще лишенных права вернуться на родную крымскую землю, ждущую их трудолюбивых рук. Аналогична судьба немцев Поволжья, месхов-турков и других.

11) Абсолютная — для большинства — невозможность заграничных поездок, даже туристических, не говоря уж о поездках для работы, на заработки, для ученья или лечения. Для сравнения: в 1975 году в ФРГ предполагается, что из 32 млн. отпускников, идущих в августе в свой четырехнедельный оплаченный отпуск, 16 млн. (часто с семьями) проведут его за границей. Вот она — закрытость советского общества в действии. Такое общество — угроза для соседей (а сейчас на Земле — все соседи).

12) Венец социального портрета общества — люмпенизация, развращение и трагическое спаивание огромной массы населения, в том числе женщин и молодежи. Потребление

алкоголя на душу населения втрое больше, чем в царской России. Отношение власти к этой самой страшной беде народа двойственное — с одной стороны, жалко, что прогулов много и руки у рабочего с утра дрожат, а с другой — этак ведь народ спокойней, требований — меньше, а деньги сами собой текут обратно в государственный карман. И вообще, так, дескать, повелось на Руси, и не нам это менять. А тем временем только в РСФСР десятки тысяч пьяных ежегодно тонут и замерзают на улицах. А все города, где нет таких армий милиционеров, как в Москве, стонут от нарастающей эпидемии бессмысленного жестокого хулиганства и преступности¹.

Чрезвычайно существенно, что наше общество ни в коей мере не является обществом социальной справедливости. Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не производятся, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 20–30-е годы и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая прослойка — “номенклатура”*, как они себя сами называют, “новый класс”, как их назвал Джилас. У этой прослойки свой образ жизни, свое четко определенное положение в обществе — “хозяина”, “головы”, свой язык и образ мыслей. Номенклатура фактически неотчуждаема и в последнее время становится наследственной. Благодаря сложной системе тайных и явных служебных привилегий, а также связей, знакомств, взаимных “одолжений”, благодаря большей зарплате эти люди имеют возможность жить в гораздо лучших жилищных условиях**.

¹ Принятие указа 1985 года было попыткой широкой борьбы с алкоголизмом. Несмотря на то, что в проведении борьбы было много “кампанейщины”, я считаю эту меру правильным действием в нужном направлении.

* В знаменитом пророческом романе Оруэлла “1984” это “внутренняя партия”. В ГДР недавно появилось забавное выражение “Sie-Genossen” — “товарищи на Вы”.

** По специальному решению правительства всех без исключения “рядовых” граждан выселяют из центральной части Москвы — им предоставляют отдельные квартиры на каждую семью, конечно, очень тесные по западным стандартам, но много лучше московских “коммуналок”, их поселяют в окраинных новых районах, застраиваемых стандартными многоэтажными домами, — и они этому очень рады. Между тем, старинные особнячки и другие памятники старой Москвы безжалостно сметаются для строительства люкс-домов, заселяемых тщательно отобранной элитой. Все снабжение и обслуживание тут — по самому высшему стандарту, строится даже специальный канал для

лучше питаться и одеваться (часто за меньшие деньги в специальных "закрытых" магазинах или за валютные сертификаты*, или с помощью заграничных поездок — в наших условиях — особой, высшей формы награды за лояльность)**.

В широких слоях населения существует определенное раздражение как привилегиями номенклатуры, идущими за счет рядовых граждан, так и, в особенности, часто очень чувствительными нелепостями бюрократического стиля руководства. Даже очень далекому от политики человеку бросаются в глаза такие факты, как ежегодное сгнивание значительной части урожая овощей, фруктов и зерна, как гибель в пути на поля почти 50% минеральных удобрений, хищнический лов рыбы, в том числе молоди, гибель рыбы в загрязненных водоемах и от нарушения условий нереста, уничтожение лесов, эрозия почвы — этих великих богатств страны; пышные и хищнические начальственные охоты в заповедниках, затопление лугов, вопиющие нелепости планирования и практики промышленного строительства, отсутствие заботы об удобном транспорте, водоснабжении, сервисе и вообще быте рядовых граждан, жестокая и бессмысленная регламентация кадровой, финансовой и хозяйственной деятельности всех учреждений.

водоснабжения особо чистой водой (говорят, очень нежелательный в экологическом отношении). Крутом Москвы — кольцо персональных роскошных дач, окруженных непроницаемыми высокими заборами — это главный бастион торжествующей номенклатуры, символ власти и благополучия. Дача, оставшаяся у меня от моего прошлого, выглядит примерно так же.

* Сертификаты у нас называют "деньгами для белых", в отличие от "денег для черных" — советских рублей (белые — привилегированные, а черные — униженные, согласно стереотипному представлению). Валютные операции государства — это особая и довольно щекотливая тема, недаром те граждане, которые посягают на эти права, караются вплоть до смертной казни.

** Недавно большую группу хороших студентов-выпускников различных вузов страны собрали на месяц в Ленинграде под каким-то благовидным предлогом (комсомольцев, конечно; сейчас в вузах практически одни комсомольцы). Их сытно кормили и много поили в лучших ресторанах, всячески развлекали — все бесплатно. В общем, дали "покататься как сыр в масле". А потом спросили — хотите всегда так жить? Поступайте в ВПШ! (Высшая партийная школа, самый бездарный станет там минимум вторым секретарем райкома). История, как мне кажется, говорит о многом. В 20-х годах она была бы невозможной.

Правда, часто это раздражение в силу традиций, невежества, предрассудков и различных форм конформизма переадресовывается на интеллигенцию (которая сама является угнетенным слоем), на людей других национальностей (на евреев в России, Белоруссии и на Украине, на русских в среднеазиатских и прибалтийских республиках, на армян в Азербайджане и Грузии и т. д. Даже немногочисленные "цветные" и практиканты из стран "третьего мира" — объект дикой расовой ненависти*. Той же "переадресованной" природы — распространённая нелюбовь к Хрущеву, который, несмотря на многочисленные болезненные для страны "загибы"**, все же внес ценный вклад во многих отраслях жизни (освобождение узников сталинизма, повышение выплат на трудодень в колхозах, значительное увеличение пенсий, расширение жилищного строительства, поиски новых путей в международных отношениях, попытки улучшения стиля руководства, попытки ограничения привилегий "номенклатуры", попытки сокращения непомерных военных расходов — эти два последних начинания явились главной причиной падения Хрущева 11 лет назад).

Справедливости ради следует заметить, что нынешнее "брежневское" руководство страны, относясь формально более чем холодно ко всему, что связано с именем Хрущева, на деле усвоило существенную часть позитивных начинаний той эпохи, никак не афишируя этой преемственности и проявляя большую осторожность. Но кое-что при этом было утеряно. А самое главное, развитие событий шло все эти годы по объективным законам социалистической системы, мало поддающимся коррективам и сверху и снизу, и все более выявляло несоответствие между основами системы и требованиями современности.

Иностранные гости иногда задают вопрос: почему, если у вас действительно так много недостатков, народ не примет мер к их исправлению? Однозначно ответить на этот вопрос

* Этот великорусский, или "великосоветский", шовинизм часто проявляется советскими гражданами и за рубежом. Недаром в арабских и других странах, где много советских специалистов, их часто ненавидят за презрительное отношение к местному населению.

** Такие, например, как жесткие ограничения приусадебных участков, бессмысленное и пагубное администрирование в сельском хозяйстве и в области культуры, усиление религиозных преследований, ужесточение режима в местах заключения и др.

не просто. Одним из факторов стабильности режима является то обстоятельство, что материальный уровень жизни, хотя и медленно, но все же растет. Каждый человек, естественно, сравнивает свою жизнь не с далеким и недоступным Парижем, а с собственным нищим прошлым. Но еще важнее другое — имманентная крепость тоталитарного режима — инерция страха и пассивности. Нет ни одного народа, который за одно поколение принес бы такие ни с чем не сравнимые жертвы. Наш рабочий — это не английский и даже не польский докер, который при нужде может выйти на улицу. Хотя радиорупора каждый день внушают рядовому советскому гражданину, что он — хозяин страны, но он-то прекрасно понимает, что истинные хозяева — это те, кто по утрам и вечерам проносятся в бронированных черных лимузинах по замершим, перекрытым улицам. Он не забыл, как раскулачивали его деда, и он знает, что и сегодня его личная судьба целиком зависит от государства — от близкого и дальнего начальства, от председателя жилищной комиссии, от председателя профкома, который может устроить, а может и не устроить его ребенка в детский сад, а возможно, и от работающего с ним рядом осведомителя КГБ. Во время выборов он опускает в избирательную урну бюллетень, на котором стоит только одна фамилия. Он не может не сознавать, насколько политически унижают его такие "выборы без выбора", не может не чувствовать заключенного в этой пышной церемонии издевательства над здравым смыслом и человеческим достоинством. Его дрессируют — и он поддается дрессировке, чтобы жить. Он обманывает самого себя. Советский гражданин — порождение тоталитарного общества и до поры до времени — его главная опора. И я могу только молить судьбу, чтобы выход из этого исторического тупика не сопровождался такими гигантскими потрясениями, о которых мы пока не имеем даже представления. Вот почему я эволюционист, реформист.

Особенно разрушительны последствия партийно-государственного монополизма в области культуры и идеологии. Полная унификация идеологии повседневно — от школьной парты до профессорской кафедры — требует от людей лицемерия, приспособленчества, серости и самооглупления. Непрерывно разыгрывается трагикомический ритуальный фарс всеобщей присяги на верность, оттесняющий на задний план все соображения дела, здравого смысла и человеческого достоинства. Писатели, художники и артисты, педагоги,

ученые-гуманитарии существуют под таким чудовищным идеологическим прессом, что приходится удивляться, как искусство и гуманитарные науки не исчезли вовсе в нашей стране. Воздействие тех же антиинтеллектуальных факторов на точные науки и технику более косвенное, но не менее разрушительное. Сравнение научных, технических и экономических достижений в СССР и за рубежом говорит об этом с полной ясностью. Я уже не раз писал об этом. Не случайно именно в нашей стране многие годы не могли нормально развиваться новые и многообещающие научные направления в биологии и кибернетике, а на поверхности пышным цветом расцветали откровенная демагогия, невежество и шарлатанство. Не случайно все крупные научные и технические открытия последнего времени — создание квантовой механики, открытие новых элементарных частиц, открытие деления урана, открытие антибиотиков и большинства новых высокоэффективных медицинских препаратов, изобретение транзисторов, изобретение электронных вычислительных машин, изобретение лазера, выведение новых высокопродуктивных сортов в растениеводстве, открытие других компонентов "зеленой революции", создание новой технологии в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве — все это произошло не в нашей стране.

Эффектные достижения первого десятилетия космической эры, обусловленные личными качествами покойного академика С. П. Королева и некоторыми случайными особенностями наших программ военного ракетостроения, допускавшими их непосредственное использование в космосе, — исключение, никак не опровергающее общую закономерность. Определенные успехи в военной технике — результат чудовищной концентрации сил в этой области.

Идеологический монизм, нетерпимость вместе с холодным (хотя и неразумным) политическим расчетом приводят к непрекращающимся преследованиям инакомыслящих. По-видимому, в СССР от 2 до 10 тыс. человек, которых можно назвать политзаключенными. Эта цифра не включает тех, кто страдает за свои религиозные убеждения, — их число, вероятно, еще значительно. Следует также оговориться, что наша информация может оказаться очень неполной. Все политзаключенные считаются, по действующему кодексу, уголовными преступниками — отдельного статуса политзаключенного у нас не существует — и делят с заключенными

других категорий (тоже часто невиновными) все тяготы и унижения их существования, носящие позорный, недопустимый для нашего времени характер. Попытки разглашения подробностей о содержании и быте заключенных жестоко преследуются – и это лучшее доказательство того, что есть что скрывать. Но все же многое известно: тяжелый принудительный труд, часто с нарушением правил безопасности; недостаточное и плохое питание при практической невозможности улучшить его за счет посылок и передач, которые жестоко ограничиваются (заметим, что подобные ограничения существуют даже при предварительном заключении), жесткие ограничения свиданий, переписки, возможности иметь книги; жестокие, произвольные репрессии. Борьба политзаключенных за свои человеческие права – в последнее время стало известно о многих героических забастовках и голодовках – как правило, приводит только к новым репрессиям.

Советская система мест заключения несет на себе многие черты описанной Солженицыным, Шаламовым, Гинзбург, Дьяковым, Олицкой и сотнями других очевидцев и исследователей еще более страшной и грандиозной системы ГУЛАГа, уничтожившей более 20 миллионов человек*.

Время от времени в СССР объявлялись амнистии (две последние – к 50-летию образования СССР и к 30-летию окончания войны). Но они носили очень ограниченный частный характер и не распространялись, в частности, на политзаключенных. Кроме того, за администрацией мест заключения сохранилось право не применять амнистию к любому заключенному под предлогом нарушения им режима.

Я считаю, что для исправления существующего недопустимого положения необходимо установление международного контроля над местами заключения и специальными психиатрическими больницами (где условия еще тяжелей) и всеобщая амнистия политзаключенных.

Кто же они – советские политзаключенные? Подавляющее число из них не совершали никаких преступлений в том понимании этого слова, которое принято в демократических странах, не совершали насильственных действий и не призы-

* Для нас, выросших в этой стране, весомей книг личные впечатления и воспоминания, свидетельства родных и друзей, часто не менее ужасные, чем описанное в книгах.

вали к ним. Одна из распространенных причин политических репрессий – чтение, хранение и передача друзьям рукописей самиздата и книг нежелательного содержания (хотя обычно вполне безобидного по существу). В списке таких явившихся причиной ареста и осуждения книг (никакого "индекса" запрещенных книг не существует, но каждый должен соображать сам): "Доктор Живаго" Пастернака, "Реквием" Ахматовой, "Истоки и смысл русского коммунизма" Бердяева, "1984" Орвелла, "Все течет" Гроссмана, "Размышления о прогрессе..." автора этих строк, "Технология власти" Авторханова, "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына, книги Джиласа, "Большой террор" Конквиста, такие самиздатские журналы, как "Хроника текущих событий", "Вече", "Хроника Литовской католической церкви" и очень многое другое*. При этом следует учитывать, что в то время, как в столицах органы государственной безопасности отказались от сталинской практики превентивного изымания из общества потенциальных критиков, в провинции подобная практика, хотя и в ограниченных масштабах, продолжается до сих пор и множество (обычно молодых) людей, часто из рабочего класса и провинциальной интеллигенции, у которых первые робкие сомнения сочетаются с обезоруживающими иллюзиями относительно советской власти, прямым ходом попадает в тюрьмы и лагеря (большинство рабочих, членов партии и людей, объявляющих себя марксистами, – в страшные спецпсихушки, очевидно из соображений "приличия").

Тюрьмы, и особенно психиатрические больницы, переполнены людьми, пытавшимися тайно уехать из страны или прорывавшимися для этого в посольства, после того как они отчаялись осуществить это свое право официальным путем; надоедливыми жалобщиками и "борцами за справедливость". В заключении – десятки крымских татар и месхов-турков**.

Среди страдающих за убеждения очень многочисленную группу составляют верующие. Религиозные преследования являются ужасной традицией всех социалистических стран,

* Пирогову инкриминировалась передача родным попавшей в его руки записки самоубийцы якобы клеветнического содержания, Некипелову и Петрову-Агатову инкриминировались их собственные стихи.

** Сегодня третий срок угрожает одному из наиболее мужественных борцов за право крымских татар жить на родной земле – Мустафе Джемилеву.

но мало где, кроме, быть может, Албании, достигли такого размаха и глубины, как в СССР. Уже в 20–30-х годах удар был нанесен по наиболее массовым религиям – православию и мусульманству, понесшим неисчислимые жертвы. Сейчас положение этих религий настолько унижено и бесправно, что они (по крайней мере, на поверхности) стали почти что придатком государства. Я никак не хочу при этом умалить значение веры и внутреннего неконформизма их сторонников.

Сейчас центр тяжести репрессий явно перенесен на относительно малочисленные в нашей стране религиозные группы, проявляющие большую строптивость, – на униатов, баптистов, католиков, сторонников истинно православной церкви, пятидесятников, буддистов. Широко известно о преследованиях представителей этих групп, об экономических санкциях, о судебных процессах с осуждением на длительные сроки. Особое внимание привлекло недавнее осуждение баптистов Румачика и Винса, трагическая смерть в лагере осужденного за религиозную деятельность буддиста Бидии Дандарона, зверское убийство диакона-пятидесятника, выразившего желание вместе с паствой эмигрировать в США. Одной из наиболее изуверских форм религиозных преследований является отбирание детей от родителей – с целью отгородить их от "пагубного" религиозного воспитания. Религиозные преследования являются вопиющим нарушением принципа отделения церкви от государства, нетерпимым в демократическом обществе вмешательством государства в личные убеждения граждан.

Многочисленная группа политзаключенных – так называемые "националисты" из Украины, прибалтийских республик, Армении. Приговоры этим людям, которым в вину в большинстве случаев ставится их озабоченность сохранением национальной культуры перед лицом вполне реальной угрозы русификации, – особенно суровые. В Армении на восемь лет осужден 27-летний Паруйр Айрикян¹, ранее отсидевший уже 7 лет.

Одна из особенностей судебных процессов по политическим обвинениям – нарушение принципа гласности (попросту, никого не пускают в зал, кроме двух-трех ближайших родственников и представителей КГБ) и отсутствие даже

¹ В 1988 году выслан из СССР. – Прим. ред.

видимости беспристрастного разбирательства. До сих пор западному читателю трудно в это до конца поверить, такие вещи надо видеть собственными глазами, как и многое другое в нашей стране.

Так называемые "заведомо ложные клеветнические измышления" — основное обвинение в политических процессах — никогда не проверяется судом по существу, достаточно того, что они кажутся (должны казаться) клеветническими прокурору, судьям, КГБ.

Особо следует сказать о судьбе людей, осужденных за их заботу об участии несправедливо, по их мнению, осужденных, за стремление к гласности и справедливости. Это судьба Леонида Плюща, члена инициативной группы по защите прав человека в СССР, подвергающегося ужасным мучениям, граничащим с психическим убийством, в Днепропетровской психиатрической больнице, Буковского и Глузмана, осужденных за разоблачение психиатрических репрессий на 7 лет заключения каждый, недавно арестованных Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева и многих других. Фактически именно такие люди, сплоченные репрессиями и благородной решимостью не поступаться велением сердца и убеждениями, и образуют то, что можно назвать "демократическим движением". Несмотря на крайнюю малочисленность этих людей, в основном сосредоточенных в двух-трех крупнейших городах страны и никак организационно не объединенных, нравственное значение самого факта их существования в монолите советского общества очень велико.

Я убежден, что защита советских политзаключенных и других инакомыслящих, борьба за большую гуманность в местах заключения, за права человека вообще — не только нравственный долг честных людей во всем мире, но и непосредственная защита прав человека в их собственных странах. Однако мы часто сталкиваемся с отсутствием интереса к нашим бедам. После визита премьер-министра Великобритании Г. Вильсона (к которому я обратился с очередным посланием) я услышал по радио спокойный комментарий какого-то журналиста, что, дескать, Вильсону нельзя было вмешиваться в дела о правах человека в СССР, так как этими проблемами в основном интересуются "правые" элементы и он не мог с ними солидаризоваться. Я надеюсь, что позиция Вильсона совсем иная, но каков все же возможный уровень цинизма!

В феврале этого года с обращением об амнистии политзаключенных, об облегчении их участи выступили совместно Генрих Бёль и я. В нашем письме особо были выделены Владимир Буковский, Семен Глузман, Леонид Плющ и ряд других политзаключенных, в том числе женщины мордовского политического лагеря. Я надеюсь, что это обращение не прошло незамеченным за рубежом и в нашей стране стало известно тем, от кого зависит восстановление справедливости¹.

В предыдущие десятилетия миллионы погибали в полной безвестности. Изменение обстановки в стране создало физическую возможность пробить брешь в заговоре молчания, и многие самоотверженные, смелые и талантливые люди решились и сумели воспользоваться этой возможностью. Но это вновь был подвиг, повлекший новые жертвы. В самое последнее время особенно велика заслуга издателей анонимного информационного самиздатского журнала "Хроника текущих событий" и некоторых других групп и смелых одиночек. Очень велика роль писателей, которые сумели открыть миру тщательно скрываемые стороны нашей действительности — я имею в виду не только лагеря, но и всю психологическую, социальную, нравственную и экономическую обстановку. В разоблачении же лагерных преступлений особенно велика роль непосредственных свидетелей, многие из которых, в частности, удивительные люди страшной судьбы, как Марченко, Шумук, Шухевич, вновь лишены свободы за свои правдивые показания. На длительные сроки заключения осуждены Хаустов и Суперфин, имевшие, по утверждению судов, отношение к опубликованию за рубежом тюремных дневников одного из участников ленинградского "самолетного" дела Э. Кузнецова.

На протяжении многих лет органы государственной безопасности особенно яростно преследовали всех, имеющих хотя бы малейшее отношение к "Хронике текущих событий", к ее распространению или, предположительно, к изданию, а услужливые судьи бездоказательно объявляли ее "клеветнической" и щедро клеили сроки. Один следователь недавно заявил: "Хроника" — клеветническое издание, если 10% ее материалов ошибочны. Но никто еще не привел примеров даже 1% ошибок, хотя они, конечно, в принципе воз-

¹ Преследования за убеждения стали исключениями. Необходимо, чтобы они исчезли совсем.

можны и анонимные издатели показали свою готовность к их исправлению. Среди людей, у которых обвинение в распространении "Хроники" было главным, я хочу особо напомнить о двух ученых, осужденных в 1972 году, — об известном астрофизике Крониде Любарском и о математике Александре Болонкине.

За эти годы находились отдельные люди, которые каялись в своих якобы ошибочных поступках, но в целом история "Хроники" — это полное моральное поражение органов власти. В мае прошлого (1974) года три человека — Сергей Ковалев, Татьяна Ходорович и Татьяна Великанова — объявили, что они берут на себя ответственность за распространение "Хроники". Значение этого смелого акта только подтверждается недавним арестом одного из них — талантливого биолога Сергея Ковалева. Сергей Ковалев является одним из членов советской группы Международной амнистии — международной организации, ставящей своей целью защиту во всем мире политзаключенных, "узников совести", по ее определению, не совершавших действий насилия или призывов к ним. Эта организация пользуется большим уважением во всем мире за свою политическую беспристрастность, гуманность и активность. Тем более печален факт ареста ее члена в СССР. Но этим дело не ограничилось. 18 апреля в Москве арестован секретарь советской группы Международной амнистии Андрей Твердохлебов, также пользующийся большой известностью как человек безупречных принципов, выдающегося ума и душевных качеств, очень много сделавший для защиты прав человека. В тот же день был произведен обыск на квартире председателя группы Международной амнистии Валентина Турчина, а также члена группы Владимира Альбрехта, и задержан (тоже после обыска) еще один член группы, украинский писатель Микола Руденко; 27 мая Руденко был исключен из Союза писателей Украины (заочно, т. е. с нарушением устава, причем на собрании отмечалось его членство в "буржуазной организации"). Факты преследования членов Международной амнистии в СССР уже вызвали протесты во всем мире. Подобные преследования, конечно, совершенно недопустимы в демократической стране.

Я надеюсь, что Международная амнистия пошлет представителей на процессы своих членов, отказать ей в этом было бы огромным позором для советских властей.

Наряду с судебными преследованиями инакомыслящих

очень существенны внесудебные — увольнения с работы, препятствия к получению образования и работы детьми и т. п. Мне кажется, что на Западе очень плохо понимают, насколько все это серьезно в нашем тоталитарном государстве. Судьба двух крупных ученых — председателя Советской группы Международной амнистии физика и математика доктора наук Валентина Турчина и физика члена-корреспондента Армянской Академии наук Юрия Орлова, члена той же группы, уволенных более года назад за открытые выступления в мою защиту в сентябре 1973 года, чрезвычайно показательна.

Необходимо подчеркнуть, что оба эти выступления были в высшей степени спокойными, лояльными, что вполне соответствует терпимому и доброжелательному умонастроению их авторов, и содержали мысли, к которым не грех было бы прислушаться. Но где тут. Сигнал из КГБ — и на смерть перепуганные начальники и сослуживцы принимают меры. Поступить же после подобного "идеологического" увольнения на какую-либо другую работу Орлов и Турчин абсолютно не могут, тем самым лишены всех средств к существованию, даже частные уроки им получить нелегко. Люди, попавшие в подобное положение, счастливы, когда, работая подсобным рабочим на стройке, могли за 10 дней заработать 100 рублей (40 долларов).

Формами внесудебного преследования являются также: высылка за границу (примененная к Александру Солженицыну); создание для человека условий, при которых он вынужден эмигрировать, что фактически эквивалентно высылке (очень много примеров), последний по времени наиболее трагичен — это Анатолий Марченко; (после того как Марченко отказался по принципиальным соображениям от желательной для его притеснителей эмиграции через Израиль, он был арестован и осужден на ссылку); лишение советского гражданства лиц, оказавшихся за рубежом (Валерий Чалидзе, Жорес Медведев). Мой друг Валерий Чалидзе явился первым, кто стал жертвой этого последнего варианта. Я тогда, поддавшись эмоциям и безосновательным опасениям, опубликовал по этому поводу двусмысленно звучащее заявление; мало есть действий, в которых я так раскаиваюсь, как в этом.

Очень трагична судьба людей, осужденных на 25 лет заключения до принятия в 1958 году нового законодательства, устанавливающего максимальный срок заключения в 15 лет.

Обычно любой закон, смягчающий участь осужденных, имеет обратную силу. Но по специальному решению Верховного Совета СССР (ни у одного из депутатов рука не дрогнула) эти люди до сих пор в лагерях. Вот судьба одного из них. Литовский учитель Петр Паулайтис в 1943 году за спасение группы евреев был направлен гитлеровцами в лагерь уничтожения, но бежал. В 1946 году за издание подпольной националистической газеты осужден на 25 лет. В 1956 году амнистирован, но через два месяца без каких-либо новых причин вновь осужден на 25 лет; сейчас находится в мордовском политическом лагере (срок заключения — до 1981 г.). Другой литовец — глубоко уважаемый друзьями за честность и принципиальность Людвигас Симутис досиживает свой 25-летний срок (до 1980 г.), будучи большую часть времени прикован к больничной койке — у него костный туберкулез. Не менее драматична судьба украинцев Пронюка и Караванского* и десятков других. Я, как и большинство читателей этих строк, никого из них никогда не видел в глаза; но судьба, напоминающая о судьбе узников средневековых тюрем, а в наши дни — несчастного Гесса, — не может не потрясать. Я пишу о Гессе, зная о его соучастии в создании преступной системы нацизма, но пожизненное заключение почти эквивалентно смертной казни, которую я отрицаю принципиально, безотносительно к тяжести совершенных преступлений¹.

Уже несколько столетий мыслители многих стран — в их числе Беккариа, Гюго, Толстой — настойчиво призывали к отмене смертной казни как безразличного, бесчеловечного и вредного института. В последние годы казнь отменена в большинстве развитых стран, но в СССР этот шаг считается "несвоевременным" и ежегодно расстреливается (по моей приближенной оценке) от 700 до 1000 человек по широкому перечню обвинений — от убийства с отягчающими обстоятельствами до "хищения государственного имущества в особо крупных размерах", запрещенных валютных операций и других необычных для западного права оснований. Все эти дела никак не освещаются в печати и обычно остаются

* Караванский в заключении почти непрерывно с 1944 года. Последний срок — за подборку сведений о Катынской трагедии.

¹ Упоминание о Гессе вызвало негативную реакцию. Но я не имел в виду оправдание нацизма и приумаление личной ответственности Гесса.

известными лишь очень узкому кругу лиц, общая же картина преступности, в особенности статистические данные, вообще тщательно засекречиваются. Существенно также, что юридический и нравственный уровень судопроизводства в стране — ниже всякой критики*.

В нашей стране действительно совершается много тяжелых преступлений, часто на почве пьянства и других социальных причин; я знаю также, что эти беды, хотя и с различной степенью остроты, носят общемировой характер. Я убежден, что смягчить их можно не продолжением и усилением репрессий, а только нравственным подъемом, обращением людей к простым и истинным общечеловеческим ценностям, общечеловеческим сближением — тем, что сделает людей более счастливыми и внутренне свободными. Отмена смертной казни особенно необходима нашей стране, отравленной духом жестокости и безразличия к человеческим страданиям.

Завершая главу, хочу коснуться нескольких отдельных вопросов.

Недавно в самиздате и в зарубежной печати развернулась дискуссия, вызванная острыми выступлениями А. И. Солженицына, И. Р. Шафаревича и др. по принципиальным вопросам настоящего и будущего нашей страны. Некоторые из тезисов Солженицына показались мне неверными и вызывающими опасения, я счел необходимым отметить это в небольшой опубликованной мною заметке. Позже Солженицын разъяснил и уточнил свою позицию; сегодня я не вижу поводов для продолжения дискуссии. Но уже никому специально не возражая, я все же хочу сформулировать свою точку зрения: спасение страны — в ее взаимодействии со всем миром и невозможно без спасения всего человечества. Необходимы демократические реформы, затрагивающие все стороны жизни; будущее страны — в ориентации на прогресс, науку, личное и общественное нравственное возрождение. Нельзя ограничить пути этого возрождения только религиозной или националистической идеологией или какими-либо патриархальными устремлениями в духе Руссо. Никто не должен

* В 60-х годах во время очередной кампании по борьбе с коррупцией большинство судей и прокуроров одного из районов Москвы были сняты за систематическое взяточничество. Принцип презумпции невиновности официально признается, но это — тарабарская грамота не только для народных заседателей, но и для большинства судей по уголовным делам.

рассчитывать на быстрое и универсальное решение великих проблем. Все мы должны набраться терпения и терпимости, соединяя их, однако, со смелостью и последовательностью мысли, но нельзя призывать наших людей, нашу молодежь к жертвам; люди в нашей стране тотально зависимы от государства, и оно проглотит каждого, не поперхнувшись, а что касается жертв, то их уже было более чем достаточно.

Выстраданный призыв к национальному покаянию России — благороден. Он противопоставлен великорусской экспансии, национальной вине и беде. Но не связано ли и то и другое одной и той же роковой философской ошибкой, которая неминуемо влечет за собой моральные изъяды и трагические последствия? Ведь не случайно религия и философско-этические жизнеутверждающие системы, например, близкие взглядам Швейцера, обращают свое внимание к человеку, а не к нации, именно человека призывают к осознанию вины и к помощи ближнему.

Принципиальные трудности осуществления глубокой реформы без дополнения ее целым спектром политических и социальных демократических преобразований отразились в одном трагическом эпизоде, о котором я сейчас хочу рассказать. Около года назад в тюрьме умер Худенко, руководитель разрешенного при Хрущеве "социально-экономического" эксперимента. Руководя большим совхозом, он имел право полной самостоятельности во всех финансовых, кадровых и экономических вопросах. Ему удалось уменьшить число рабочих совхоза в пять раз при одновременном увеличении производства продукции. Себестоимость продукции была уменьшена, зарплата же каждого рабочего возросла в несколько раз. Ясно, что такие изменения очень выгодны рабочему и стране, но они идут вразрез с консерватизмом, трусостью и эгоистическими интересами номенклатуры. Поэтому от Худенко предпочли избавиться. Уже после того, как совхоз был закрыт по приказу министерства республики, Худенко подал заявление в суд с требованием о выплате рабочим заработанных ими денег. Он был обвинен в попытке нанесения государству ущерба в особо крупных размерах. Такое преступление влечет наказание вплоть до смертной казни, но к нему было проявлено "снисхождение" (с учетом заслуг в прошлом, семейного положения и состояния здоровья), и он был осужден на восемь лет заключения, оказавшихся все же для него смертным приговором.

Внутренние особенности строя имеют очень существенные последствия во внешнеполитических проявлениях. Я буду писать об этом в следующих главах. Сейчас подчеркну только некоторые обстоятельства, в первую очередь — закрытость общества и тоталитарный, кабинетный характер руководства, способного принимать решения втайне, без какого-либо предварительного открытого обсуждения, а также огромные бесконтрольные финансовые возможности тайных действий в других странах. Чрезвычайно существенно также, что все отношения нашей страны с внешним миром, как тайные, так и открытые — дипломатические, торговые, научные, пропагандистские, — могут целенаправленно контролироваться по единому плану, единой волей. Все эти особенности дают советской внешней политике особые качества — большую динамичность, прагматическую беспринципность, которая проявляется, например, в поддержке громадными поставками советского оружия тиранических режимов Амина в Уганде, Каддафи в Ливии и во многих других странах, в поддержке геноцида народа ибо в Нигерии, курдов в Ираке и т. п., в использовании национальной, религиозной и политической вражды во многих районах мира для расширения влияния. Они дают возможность при необходимости легко нарушить любые соглашения, жестокость, огромные возможности тайных подрывных действий в других странах — подкупа, обмана, шантажа, организации "пятых колонн". Несомненно, что эти особенности создают дополнительную опасность, дополнительный вызов для всего человечества, и без того находящегося в крайне сложном положении.

Очень существенно также, что благодаря сохраняющейся сверхмилитаризации именно СССР поддерживает необходимость высоких военных расходов во всем мире. Советские поставки оружия — один из способов расширения зон влияния, влекущий за собой одновременно расширение зон конфронтации и кровавых конфликтов, нарушающий нормальное экономическое развитие стран, в которые поставляется оружие.

Хроническое неблагополучие сельского хозяйства нашей страны, которая до революции была житницей Европы, является одной из важнейших причин, затрудняющих решение мировой продовольственной проблемы.

Отсутствие в социалистических странах экономических рычагов управления хозяйством, бюрократическое лже-

планирование, закрытость страны, хищная безответственность бюрократии — все это очень затрудняет сотрудничество с ними по проблемам охраны среды.

Необычайно важно широкое осознание всех этих фактов в их взаимосвязи. Только при этом условии можно рассчитывать на осуществление согласованных и целенаправленных действий, противостоящих опасностям, угрожающим человечеству.

Эта глава получилась-таки, по обычным нашим стандартам, довольно "злопахательской". В мучительные часы после работы я время от времени невольно ощущаю чувство неловкости, почти стыда. Делом ли я занят? Я думаю о тех, кому имя легион, кто делает свое безусловно непосредственно полезное дело — выращивает пшеницу и свеклу, строит дома, мосты и автомобили, лечит детей и пломбирует зубы, пишет стихи и работает в лаборатории — и мечтает о том, что он полезен людям, мечтает о личном счастье. Но нет, я не предаю никого из них, не бросаю тень на их честный труд и мечту, не предаю и самого себя, свои возможности (такое самопредательство ведь тоже очень плохое дело). Быть может, мне не хватает таланта для этой моей работы, остроты ума и способности к обобщению, наблюдательности и знания жизни для задачи, которую передо мной поставила судьба. Но если я внутренне честен, то мне не в чем упрекнуть себя, и моя работа должна оказаться полезной, так же как и работа любого другого труженика.

II. О СВОБОДЕ ВЫБОРА СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ

В последние годы внимание общественного мнения было привлечено к проблеме свободы эмиграции из СССР, которая представляет собой часть более общей, исключительно важной проблемы свободного выбора страны проживания и места проживания и работы в пределах данной страны. Эти права провозглашены Всеобщей декларацией прав человека (ст. 13) и получили подтверждение в Пактах о правах человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1968 году. Правительство СССР ратифицировало Пакты в 1973 году, раньше других великих держав, однако практика осуществления многих прав, в том числе права на свободный выбор страны проживания, и отсутствие соответствующих гарантий во внутреннем законодательстве вызывают серьезное беспокойство.

В последние месяцы в этой области произошли очень важные события. В декабре 1974 года конгресс США принял закон о торговле с поправкой, согласно которой предоставление СССР и другим социалистическим странам статуса наибольшего благоприятствования и кредитов было обусловлено выполнением некоторых гарантий, относящихся к праву на эмиграцию. О том, что такие гарантии в закрытом дипломатическом порядке были даны советским правительством, конгрессу сообщил ранее государственный секретарь Г. Киссинджер. Незадолго до принятия закона конгрессом советское правительство в опубликованной ноте дезавуировало сообщение Киссинджера, а после принятия закона объявило об одностороннем разрыве торгового соглашения 1972 года, включая соглашение о платежах по ленд-лизу. Вскоре ряд капиталистических стран (Англия, Франция, Иран, Япония) заключили с СССР соглашения, в результате которых СССР получил кредиты на 8 млрд. долларов (по сообщению президента Форда), то есть на сумму, во много раз превышающую предоставленный США кредит в 350 млн. долларов.

После этих событий авторы поправки к закону о торговле и ее сторонники подверглись чрезвычайно острой и, как я считаю, несправедливой, критике.

Те из американских бизнесменов, которые рассчитывали получить крупные барыши от торговли с СССР (заметим, что главным образом — за счет американского налогоплательщика), были очень разочарованы таким поворотом дела, когда этот бизнес в значительной степени переходит в руки их европейских и японских конкурентов. Политические деятели, принадлежащие к противникам и конкурентам сенатора Джексона и его сторонников, тоже сочли возможным воспользоваться ситуацией, чтобы опорочить авторов поправки. В ряде статей и выступлений Джексона и его сторонников упрекают в авантюризме, нанесшем ущерб американским экономическим интересам и политике разрядки, а также эмиграции из СССР. Аргументация при этом следующая — якобы Советский Союз как могущественное суверенное государство не мог согласиться с вмешательством в его внутренние дела, и поэтому "экономический шантаж" Джексона привел к "противоположному результату". К сожалению, к этим критикам присоединился президент США Форд. В своем выступлении он сказал, что хотя конгресс, по его мнению, руководствовался гуманными целями, но принятая поправ-

ка оказалась антиэффективной, якобы затруднила проблему эмиграции и нанесла ущерб экономическим интересам США. Он сказал также, что более успешными были методы "тайной дипломатии", которые привели к увеличению эмиграции, а теперь по вине конгресса она вновь упала.

Конечно, далеко не все американцы придерживаются позиции осуждения поправки. Большинство членов конгресса, насколько я знаю, стоят на твердой и принципиальной позиции и не отступают перед советским давлением. С особой симпатией я услышал по радио изложение выступления профсоюзного лидера Дж. Мини, который отразил точку зрения рабочего класса США — более дальновидную, чем у иных бизнесменов и политиков.

Свою точку зрения на проблему я выразил в целом ряде документов — в "Открытом письме членам Верховного Совета СССР" (сентябрь 1971 г.), в четырех открытых обращениях к конгрессу США в 1973–1975 годах, в выступлении, написанном для собрания "Еврейских активистов США" в мае 1975 года. Я полностью солидаризируюсь в этих документах с аргументацией сенатора Джексона и его сторонников и выдвигаю некоторые дополнительные соображения.

Я считаю, что принятие конгрессом США поправки к закону о торговле является актом исторического значения, который продолжает лучшие демократические и гуманистические традиции американского народа. Я отрицаю утверждения критиков поправки, что она представляет собой вмешательство во внутренние дела СССР. Право на свободный выбор страны проживания подтверждено в ратифицированных СССР Пактах о правах человека. Это право имеет первостепенное международное значение для обеспечения международного доверия и открытости советского общества, что существенно для безопасности всего человечества. Это право имеет также исключительное общесоциальное значение для всех граждан — и уезжающих, и особенно остающихся как гарантия выполнения остальных социальных и гражданских прав, — но лишь при наличии внутреннего законодательства, защищающего каждого желающего уехать от ничем не ограниченного бюрократического произвола. Я особенно подчеркиваю гуманистическую сторону вопроса — тысячи людей, желающих соединиться со своими близкими, исходящих из национальных побуждений, стремящихся избежать национальной или иной дискриминации, национального унижения,

преследуемых властями, не имеющих по тем или иным причинам возможности жить и работать в СССР, не имеющих в СССР свободы творчества, пришедших по каким-либо иным причинам к трудному, но бесповоротному решению уехать — все они должны иметь это право. Я повторяю также, что право уехать должно быть у всех, в том числе и у тех составляющих подавляющее большинство, которые не собираются уезжать. Только имея все права, человек свободен. Живя в доме с дверью на замке, ты чувствуешь себя узником, даже если у тебя и нет необходимости выйти на улицу и ты не бьешься головой об эту дверь день и ночь. Такие узники — сейчас мы все.

Я отрицаю также утверждения, что принятие поправки фактически повредило эмиграции, — наоборот, только непрерывное давление на власти нашей страны сделало возможным те частичные успехи, которых удалось достигнуть за последние годы, во всяком случае в деле еврейской эмиграции. Но прогресс в эмиграции других групп отстает. Сейчас чисто еврейская эмиграция переживает незначительный временный спад (главная причина — что большинство более решительных людей смогли уехать; есть и другие временные причины). Конечно, этот спад никак не связан с поправкой к закону о торговле (он начался много раньше) и, тем более, не может служить аргументом против нее. Анализ хода событий вокруг поправки показывает, что истинной причиной возникших трудностей явилось вовсе не вмешательство во внутренние дела СССР (ведь заверения, о которых говорил Киссинджер, несомненно, имели место), а недостаток единства стран Запада. Парламенты западных стран никак не поддерживали инициативу конгресса США. В Лондоне, Бонне, Париже и Токио не только не были приняты какие-либо государственные акты, аналогичные американской поправке, но даже не было намека на обсуждение этой проблемы. "Кредитная приманка" была обесценена встречными предложениями других западных стран. Отсутствие единого фронта, чувства локтя, согласованности — вот что сделало возможным советский контрманевр. Но европейцы, пережившие ужасы гитлеровского фашизма, должны не хуже американцев понимать необходимость защиты прав человека. Поэтому я надеюсь, что в будущем эта защита не только будет лейтмотивом в Европейском совещании по безопасности, но и проявится в разнообразных государственных актах.

Я убежден, что какое-либо отступление конгресса в принципиальном вопросе, имеющем такое большое международное гуманистическое и нравственное значение, совершенно недопустимо*. Я надеюсь, что все международные гуманистические организации (а не только еврейские организации) будут способствовать более дальновидной, более единой политике всех западных стран. Вопрос о свободе выбора страны проживания оказался пробным камнем для всего хода процесса разрядки. В какой-то мере именно сейчас решается вопрос о том, что такое разрядка — глубокий, всесторонний

* (Добавление от 2 июля 1975 г.). 29 июня — 2 июля в Москве находилась делегация сената США; по сообщениям зарубежного радио, она вела переговоры с целью нахождения компромисса в вопросе о поправке к закону о торговле. По дошедшим до меня непроверенным сведениям, некоторые из сенаторов в качестве компромисса предлагали следующее соглашение — советские руководители дают обещание существенно облегчить эмиграцию и увеличить квоту, конгресс снимает поправку, и после этого СССР возобновляет торговые соглашения. Если это верно, то этими сенаторами предлагается капитуляция. Но разве не ясно, что соглашение, не подкрепленное законодательным оформлением права на эмиграцию, будет в любой подходящий момент нарушено, а до этого оставляет каждого желающего эмигрировать лицом к лицу с ничем не ограниченным произволом. В любых других аспектах разрядки после такой позорной капитуляции уже нельзя будет никак противостоять советскому шантажу, долгосрочные последствия могут быть ужасающими. Так же очевидно, что предлагаемое соглашение означает фактическую сделку, предающую возможность эмиграции немцев и всех других нееврейских эмигрантов. Как раз сегодня я узнал о новых арестах среди немцев (подготовка к визиту Брандта). И ради чего все это делается? Ради расширения торговли с СССР? Но что она дает американской и западной экономике, если не говорить о русской водке и других столь же необязательных предметах? Говорят, золото, сырье, нефть и газ. Но золото — это не товар, и выбрасывание на мировой рынок больших масс золота Колымы в обмен на реальные, "живые" товары только увеличивает инфляцию, ничего не давая людям. Что же касается сырья и топлива, то неужели США хотят возможности повторения в более крупных масштабах событий нефтяного шантажа 1973 года? Зачем ставить американскую и мировую экономику в такую зависимость от тоталитарных стран. Я уж не говорю о стратегической опасности такой зависимости. Остается одно — гуманная и социальная цель разрядки: демократизировать социалистические общества, сделать их более открытыми для свободного обмена людьми и информацией и тем самым менее опасными для всего человечества. Но не капитуляцией перед шантажом достигается такая цель! Я по-прежнему надеюсь, что большинство конгресса США понимает это.

процесс исторического значения, который включает демократизацию, увеличение открытости советского общества, или беспринципная политическая игра, которая соответствует чьим-то локальным и временным политическим и экономическим интересам, а в целом представляет собой сговор за спиной народов и капитуляцию перед советским давлением и шантажом.

Я пользуюсь случаем отметить — это замечание имеет значение не только для данной проблемы, — что, несмотря на инфляцию, топливный кризис, трудности с занятостью, экономика США и других развитых стран Запада стоит на гораздо более здоровой основе, чем хронически перенапряженная, милитаризованная и хаотически управляемая экономика СССР. Поэтому, если Запад найдет в себе возможности пойти на временные (очень несущественные по нашим стандартам) ограничения, то никакое экономическое давление на него не будет эффективным и, наоборот, он получит рычаги для достижения важнейших целей долгосрочного значения.

Эту главу я хочу закончить одним замечанием. Во многих газетных статьях, в некоторых передачах зарубежных радиостанций, в частности "Голоса Америки", даже в некоторых выступлениях ответственных государственных деятелей содержится подмена общего вопроса о свободе выбора страны проживания более частным вопросом о еврейской эмиграции в Израиль. Я считаю такую подмену не только неточной, но и крайне вредной. При всем том я несколько не хочу умалить значения еврейской эмиграции в Израиль и ее трудностей, я считаю ее явлением общечеловеческого значения и принципиально важной в тысячелетней трагической истории еврейского народа. Я понимаю и уважаю национальные чувства евреев, едущих строить и защищать свою новообретенную родину, возникшую вновь после столетий рассеяния. Я знаю, что у очень многих евреев родственники за рубежом, что обстановка то скрытого, то явного национального унижения, иногда фактической дискриминации, бесперспективность в работе особенно часто заставляет людей еврейской национальности принимать решение об отъезде. Я знаю о трудностях, с которыми встречается еврейская эмиграция, о сотнях отказников, которые годами не могут добиться разрешения на выезд, о репрессиях и преследованиях, которые в последнее время вновь усили-

лись*. Но сводить всю проблему к еврейской эмиграции — недопустимо. Такая подмена выхолащивает общесоциальное и международное значение права на свободную эмиграцию и возвращение людей. Она оставляет без защиты право на эмиграцию лиц других национальностей, дает возможность расправляться с ними "втихую". Наконец, эта подмена дает возможность нашим властям поддерживать традиционный антисемитизм и использовать его, в частности, против демократического движения.

Особо я хочу упомянуть проблему эмиграции в ФРГ лиц немецкой национальности. Для советских немцев национальное унижение стало повседневной судьбой. В каждой семье — погибшие во время депортации, в резервациях и лагерях. Почти полное отсутствие людей с высшим образованием. Невозможность поддерживать национальную культуру, даже язык полузабыт. В школе, на работе — то и дело кличка "фашисты", плод националистически военизированной полукультуры, влияния радио, телевидения и, увы, школы. До сих пор эмиграция советских немцев в ФРГ встречает очень слабую поддержку за рубежом, тут большая доля вины ложится на их соотечественников, на общественные организации, на государственных деятелей ФРГ. Для немцев особенно чувствительно требование властей при подаче заявления на выезд иметь вызов от близких родственников (часто — по произволу властей, только родителей, которые давно похоронены в казахстанских степях), характеристики с места работы и т. д. Тысячи людей годами получают формальные отказы, выбиты из жизненной колеи. Десятки немцев находятся в заключении за свое желание выехать. Некоторые мои зарубежные друзья говорят, что многим прибывшим в ФРГ немцам трудно приспособиться к новой жизни, что они становятся там обузой. Но ведь здесь всем, решившимся на выезд, просто невозможно жить, они просто погибают.

Я очень благодарен навестившему меня сенатору Дж. Бакли, который с пониманием отнесся к этой проблеме и согла-

* Недавнее осуждение двух евреев — Нашпица и Цытленка — за 15 секунд демонстрации на 5 лет ссылки каждого — новое подтверждение этой тревожной тенденции. В осуждении в Виннице заслуженного врача Штерна я вижу также пренебрежительное отношение к врачебной профессии, невысказанное, как мне кажется, в любой другой стране. Есть сведения о подготовке новых репрессий.

сился взять у меня список 6 тыс. немцев из Казахстана, желающих репатрироваться в ФРГ. Этот список, конечно, далеко не полный, составлен группой самоотверженных людей; некоторые из них находятся за это в заключении. Список был передан мне недавно уехавшим в ФРГ немцем Ф. Руппелем. Бакли передал список канцлеру ФРГ; я надеюсь, что в трудной судьбе перечисленных в списке лиц наступит долгожданное улучшение.

Очень трагично положение с эмиграцией многих других групп — армян, в том числе, репатрировавшихся в СССР и сейчас желающих уехать обратно, украинцев и русских, литовцев, латышей, эстонцев, представителей преследуемых религиозных групп — пятидесятников, баптистов и других. Особую группу составляют люди, желающие эмигрировать или поехать в социалистические страны, чаще всего по семейным мотивам; в силу зависимости этих стран от СССР их положение особенно беззащитно. Все эти люди нуждаются в международной защите.

III. ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

Человечество стоит перед угрозой гибели цивилизации и физического уничтожения от бесконтрольного наращивания термоядерных арсеналов и нарастания конфронтации. Устранение этой угрозы имеет безусловный приоритет перед всеми остальными проблемами международных отношений — я много раз об этом писал и считаю необходимым повторить еще раз. Поэтому так важны переговоры о разоружении, дающие проблеск надежды в темном мире самоубийственного ядерного безумия. Но мне кажется, что и в этой критической проблеме сказываются те же недостатки подхода к "разрядке", о которых я уже говорил, — разобщенность Запада, иллюзии у одних и политическая игра других. Особенно важно подчеркнуть, что проблемы разоружения неотделимы от других основных аспектов разрядки — от преодоления закрытости советского общества, от укрепления международного доверия, от ослабления тоталитарного характера советского общества. Поэтому, даже если стремиться к решению только одной проблемы разоружения как самой важной, все равно для ее решения необходимо неослабное внимание к человеческим проблемам, к защите прав человека, к облег-

чению обмена людьми и информацией как основы международного доверия. Эту "неделимость разрядки" нельзя забывать. Соглашения Никсона и Брежнева, Форда и Брежнева о противоракетной обороне, о наступательном стратегическом оружии очень важны. Но я, выступая в качестве "аутсайдера", в первую очередь хочу подчеркнуть то, что в них кажется мне несовершенным, даже опасным.

Если говорить в общем плане — это недостаточное внимание к проблемам контроля, недооценка особенностей нашего тоталитарного государства, возможных особенностей его стратегической доктрины и закрытости.

Советская сторона во всех переговорах о разоружении всегда занимала очень жесткую позицию в вопросах контроля. Причин тут много — закрытость советского общества, традиционная (и бессмысленная в наше время) шпиономания, желание блефовать (то есть создавать впечатление большей силы, чем на самом деле), желание получить преимущества внезапности и неожиданности. Этой жесткой (и в конечном счете неразумной) позиции необходимо противопоставить большую твердость Запада, основанную на реальной силе и доброй воле.

Другой столь же принципиальный вопрос — опасение, что стратегическая доктрина и практика тоталитарного государства может оказаться более безжалостной к населению своей страны и ко всему человечеству, более авантюристической, более подверженной случайностям, зависящим от личности и кабинетных решений, чем в более демократическом государстве.

Прежде чем конкретно обсуждать соглашения, я еще хочу остановиться на распространенном недоразумении, что советская сторона по экономическим причинам в большей степени заинтересована в истинном разоружении, чем ее западные партнеры по переговорам. Из этого предположения делаются далеко идущие и опасные, по-моему, выводы о целесообразности одностороннего разоружения Запада. К сожалению, дело обстоит гораздо сложнее. Конечно, экономическая система нашей страны, несущая огромный груз военных расходов, крайне перенапряжена, и перевод многих миллионов рублей на мирные цели — в высшей степени в интересах большинства народа. Но реально кардинальное изменение в таком определяющем вопросе, как милитаризация экономики нашей страны, невозможно без глубоких общеполитических

изменений. Сейчас доминирующая черта политики властей — по возможности ничего существенного не менять, чтобы не нарушить сложившегося равновесия вещей, а в конечном счете — чтобы не поставить под удар положение элиты и ее привилегии, тесно вплетенные в это существующее положение*. Можно опасаться, что одностороннее разоружение Запада не повлечет за собой ответной реакции — тогда это чревато нарушением равновесия.

Я убежден, что соглашения, которые имели бы реальное, а не только символическое значение, должны включать:

1) В качестве первого этапа, предшествующего полному запрещению ракетно-термоядерного наступательного оружия, — достаточно низкий и сбалансированный по суммарной мощности зарядов предельный верхний уровень для носителей термоядерных зарядов стратегического назначения. Эта формулировка подразумевает, что предельная суммарная мощность зарядов, размещенных на носителях стратегического назначения, устанавливается одинаковой для СССР и США и, самое главное, такой, что даже при попадании всех зарядов в города противника лишь меньшая часть застройки подвергнется разрушению и может погибнуть лишь малая часть населения.

2) Запрещение развертывания и усовершенствования противоракетной обороны стратегического назначения. Полное запрещение разделяющихся боеголовок независимого наведения. Эти требования представляются мне реальными, так как осуществление этих систем оружия находится в начальной стадии. Отказ от осуществления этих систем важен как в силу исключительной их дороговизны (в свое время писалось, что ПРО в четыре раза дороже противостоящей ей по мощности наступательной системы), так и потому, что их осуществление может способствовать стратегической неустойчивости: у каждой из сторон может появиться соблазн нанести первый удар для получения решающего преимущества**.

* Я уже писал выше, что одной из основных причин падения Хрущева была его попытка уменьшить непомерные военные расходы и покушение на привилегии "номенклатуры".

** Связь "стратегической неустойчивости" с разработкой разделяющихся боеголовок подробно обсуждается ниже. В применении к противоракетной обороне то же смотри в ряде зарубежных работ и публикаций 1966–1968 годов (и мою статью "Размышления..."), где обсуждается гипотетическая схема внезапного ракетно-термоядерного

3) Совершенную систему контроля, включающую инспекции на местах. Дальнейшее развитие этих соглашений должно иметь целью полное запрещение термоядерного и атомного оружия.

К сожалению, заключенные соглашения не соответствуют этому идеалу. Более того, создается впечатление, что они в некоторых отношениях как бы ведут в другую сторону.

В частности, возражения и опасения вызывает соглашение Никсона — Брежнева о ПРО. Это соглашение оставляет за СССР и США право защиты одного района (в случае СССР — района Москвы), охраняемого небольшим числом противоракет.

По некоторым оценкам, необходимое для эффективной защиты число установок во много раз (например, в 30 раз) больше установленного соглашением. Поэтому при отсутствии контроля на местах не исключено, что одна из сторон тайно увеличит число своих установок.

Далее, все мы в СССР знаем, что Московский район — это не только военно-промышленное сердце страны, но главным образом ее элитарная часть. Страшное подозрение невольно закрадывается в душу, рисуется схема того, что при такой оборонной системе большая часть территории и населения страны приносится в жертву соблазну получить решающее преимущество первого ракетно-ядерного удара при относительной безопасности московских чиновников.

Лишь дальнейшие соглашения могут прояснить дело. Я надеюсь, что эти соглашения будут достигнуты в самое ближайшее время.

Не меньшую тревогу вызывают некоторые стороны соглашений о наступательном ракетно-термоядерном оружии.

Опять недостаток контроля. Если подземные и наземные стационарные стартовые позиции еще как-то можно засечь с разведывательных спутников, то все остальные формы размещения ракет с подводными и подвижными стартовыми установками, стартовый вес ракет, мощность зарядов, истин-

нападения стороны, имеющей столь же мощную наступательную систему, как и ее противник, и первой осуществляющей более эффективную противоракетную оборону. Эта сторона может рассчитывать нанести решающий удар своему противнику и избежать эффективного ответного удара. Сложность и опасность ситуации, связанной с проблемой противоракетной обороны, увеличивается несовершенством системы контроля.

ная доля ракет с разделяющимися боеголовками остаются вне контроля. Чрезвычайно высок установленный потолок числа носителей — даже малой доли от разрешенного предела достаточно для нанесения ужасающего ущерба.

Существует большая опубликованная литература о действии ядерного оружия. Я напомним поэтому лишь несколько показательных цифр. Взрыв, при котором выделяется такая же энергия, как при взрыве одного миллиона тонн тротила (условно говоря — взрыв "мощностью в одну мегатонну" — таков, по-видимому, взрыв легкого термоядерного заряда ракет типа "Полярис" и подобных ей по грузоподъемности) разрушает строения городского типа на площади около 50 кв. км и сжигает все, что может гореть, на той же площади; убивает, даже при наличии убежищ, сотни тысяч людей. Наземный или относительно низкий взрыв сопровождается выпадением радиоактивных осадков в "радиоактивном следе" по ходу ветра. Осадки состоят из песчинок и пылинок, поднятых с поверхности земли взрывом и "напитавшихся" с поверхности радиоактивными продуктами деления урана. След от мегатонного взрыва создает смертельную дозу облучения (600–1000 рентген, а в центре еще выше) на площади в несколько тысяч квадратных километров. Действие излучаемых в момент взрыва гамма-лучей (которые принесли так много несчастья в Хиросиме и Нагасаки) отступает для мегатонных взрывов на второй план, так как эти лучи поглощаются в воздухе на расстояниях много меньших радиуса действия ударной волны.

По Владивостокскому соглашению каждая из сторон, СССР и США, может иметь по 2400 носителей зарядов. Мощность зарядов, переносимых одним носителем, соглашением никак не оговорена.

По данным из литературы, мощность современных термоядерных зарядов лежит в пределах от одной мегатонны (мелкие ракеты типа "Полярис" и ей подобные) до 30 мегатонн или выше (авиабомбы, самые тяжелые ракеты). В 1961 году в Советском Союзе был испытан термоядерный заряд, который имеет в полном по закладке боевом ("грязном") варианте мощность более 100 мегатонн (об этом было заявлено Н. С. Хрущевым на XXII съезде КПСС).

При использовании некоторой части ракет для подавления стартовых позиций противника и в предположении, что большая часть ракет сбивается ПРО, так что до городов про-

тивника долетает только 5% наличного (разрешенного по соглашению) арсенала (120 ракет с термоядерным зарядом суммарной мощности, которую мы оценим в 600 мегатонн) — даже в этих "скромных" предположениях неизбежно разрушение большей части городов и гибель большей части населения в обоих вступивших в термоядерную войну странах — СССР и США.

До сих пор я писал о доставленных к цели зарядах. Но при взрыве очень большого числа зарядов или единичных сверхмощных зарядов особое значение приобретает эффект глобального (общего для всей Земли) радиоактивного поражения. Так как ветры способны разносить радиоактивные продукты по всей Земле, то для глобального эффекта место взрывов с суммарной энергией 200–500 тыс. мегатонн — полное уничтожение всего живого на Земле! Даже этот роковой предел не так уж далек от установленного потолка. Если суммарное число зарядов СССР и США достигнет разрешенной цифры 4800 при средней мощности 10 мегатонн, то суммарная мощность составит 48 тыс. мегатонн (а ведь есть еще Англия, Китай и Франция).

Сложность положения усугубляется известным из опубликованных материалов различием стартовых весов советских и американских ракет. Как заявил весной 1975 года министр обороны США Шлезингер, советская ракета может нести 8 разделяющихся боеголовок против 3 американских, то есть налицо трехкратное отличие стартовых весов.

Я предполагаю, что если в ходе дальнейших переговоров не будет достигнуто соглашение, ограничивающее суммарную мощность зарядов, причем достаточно низким пределом, то США в ближайшем будущем перевооружат свой ракетный парк более тяжелыми ракетами, СССР предпримет ответные меры, и в результате гонка вооружений только усилится¹.

Тревогу вызывает также, что Владивостокские соглашения как бы узаконили разделяющиеся боеголовки независимого наведения. Неоднократно отмечалось, что эта новая мода военной ракетной техники расширяет область гонки вооружений и увеличивает опасность возникновения так

¹ Более подробное обсуждение всех вопросов по разоружению содержится в других публикациях. В настоящее время сокращение стратегического вооружения является предметом интенсивных переговоров. Очень крупным достижением явилось соглашение об уничтожении ракет средней дальности.

называемой "неустойчивой стратегической ситуации" — то есть попросту ситуации, в которой каждой из сторон стратегически выгодно и относительно безопасно нанести первый ракетно-ядерный удар (на человеческом языке — совершить величайшее в истории преступление). Западные авторы, которых мне довелось читать, следующим образом объясняют суть проблемы.

Пусть число носителей и их грузоподъемность у обоих потенциальных противников примерно одинаковы, и половина носителей у каждого оснащена 4–6 разделяющимися боеголовками. Примем условно также, что на поражение одной стартовой установки требуется в среднем две боеголовки. Очевидно, тот из противников, который неожиданно наносит первый удар, получает возможность частью (70–100%) своих ракет с разделяющимися боеголовками сразу уничтожить все стартовые позиции противника, а оставшимися "обычными" ракетами уничтожить все его города, военно-промышленные и транспортные объекты, и тем самым нанести противнику сокрушительное поражение, причинить решающий ход войны ущерб, не получив ответного удара. Это и есть "соблазн первого удара", или на более ученом языке "стратегическая неустойчивость". Конечно, во всем приведенном рассуждении содержится много упрощений гораздо более сложной реальной ситуации (не учтены подводные и скрытые старты и многое другое), но все же ясно, что разделяющиеся боеголовки дополнительно осложняют и без того необычайно трудную проблему устранения опасности ракетно-ядерной войны. В 1968 году я писал почти то же самое о противоракетной обороне (см. сноску выше). С тех пор положение усложнилось еще больше.

Ракетно-термоядерная война — это уже сейчас вошедшая в нашу жизнь весомая мрачная реальность современности, подобная уже осуществившейся реальности Освенцима, ГУЛАГа, голода. Быть может, я ощущаю это острее многих, ведь я более 20 лет вплотную соприкасался с этим фантастически страшным миром. Хотя последние семь лет я не принимаю участия в секретных работах и не имею к ним допуска и технически мои знания, конечно, сильно устарели, но психологический опыт прошедших напряженных десятилетий живет во мне и, как мне кажется, дает мне право и обязывает писать о том, что я думаю, — пусть спорно, но откровенно. Я ни на минуту не могу забыть, что все это время

сотни тысяч рабочих, тысячи талантливых инженеров и ученых многих специальностей работают по расширению и усовершенствованию систем нападения, которые труднее всего отразить, — с синхронизированным ударом тысяч ракет с разделяющимися мультимегатонными боеголовками и ложными целями, и по созданию фантастически сложных и дорогих систем обороны, служащих тем же целям войны.

В ноябре 1955 года происходили очень важные испытания термоядерного оружия (в ходе которых произошли трагические события — гибель молодого солдата, заваленного в траншее, и гибель двухлетней девочки, дочери одинокой немки, убитой обрушившейся в бомбоубежище балкой). Вечером после испытания, на небольшом банкете в узком кругу руководителей испытаний и ведущих ученых, я поднял тост за то, чтобы, как я сказал, "наши изделия никогда не взрывались над городами". Проводивший испытания крупный военачальник счел необходимым ответить мне притчей, суть которой сводилась к тому, что задача ученых — укреплять оружие, а как оно будет использовано — это не их забота, не их ума дело. По существу, он сказал то же самое, что несколькими годами позже в более развернутой форме на встрече с учеными в Кремле заявил Н. С. Хрущев (я уже имел случай писать об этом).

Но и тогда, и сейчас я думаю, что ни один человек не может снять с себя своей доли ответственности за дела, от которых зависит существование человечества.

IV. СОБЫТИЯ В ИНДОКИТАЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Те трагические опасности разобщенности и близорукого эгоизма западных стран, недооценки коварства тоталитарного противника, которые в относительно скрытом виде проявляются в описанных в предыдущих главах гуманистических и дипломатических проблемах, с ужасающей, смертельной наглядностью обнажены в военных драмах Индокитая, Ближнего Востока и других горячих точек планеты.

На протяжении нескольких недель мировая печать была переполнена сообщениями о трагедии миллионов вьетнамских и камбоджийских беженцев, бегущих от коммунистических войск, об истощенных детях, минометных обстрелах

колонн женщин, стариков и детей, о самолетах, которые взлетают с отрезанных аэродромов, обвешанные обезумевшими от ужаса людьми. Сейчас в Южном Вьетнаме и Камбодже — полная победа коммунистических сил; Лаос и Таиланд — на очереди.

Из Камбоджи, где победители — красные кхмеры — не скрывают своей прокитайской ориентации, уже поступают ужасные сообщения о массовых казнях офицеров и их жен (где те голоса, которые так дружно протестовали против эксцессов Пиночета?), о беспрецедентной акции насильственного поголовного выселения из городов в деревни миллионов горожан и беженцев — включая умирающих, подготовленных к операции больных, рожениц и новорожденных. Один из министров Таиланда недавно сообщил, что многие из добровольно вернувшихся в Камбоджу беженцев были немедленно казнены.

В Южном Вьетнаме устанавливается порядок по образцу северовьетнамского — с портретами Хо Ши Мина на каждом шагу, с жесткой дисциплиной и организованностью, с определенной респектабельностью (или ее видимостью). Доходят глухие слухи о чьих-то самосожжениях. Можно быть уверенным, что населению Южного Вьетнама еще предстоит многолетние тяжелые испытания, которые до сих пор не миновали ни одной коммунистической страны, — культурные революции, массовые репрессии, власть бюрократии. Положение усугубляется неизбежной борьбой за влияние во Вьетнаме между СССР и Китаем, которая не обойдется дешево ее "предмету".

Что же произошло? Как известно, в середине 60-х годов в США возникла сильная оппозиция участию США во вьетнамской войне, особенно среди интеллигенции. Если в конце 50-х годов большинству казалось естественным помочь союзнику против неприкрытой агрессии, угрожающей распространением на целый обширный район земного шара, и аналогии с недавно закончившейся корейской войной вселяли надежду в возможность сравнительно легкого успеха, то спустя десять лет всем стало ясно, что эти аналогии оказались обманчивыми. Война среди непроходимых джунглей и рисовых полей с неуловимым, великолепно организованным, безжалостным и самоотверженным противником, снабженным новейшим советским оружием, выглядела совсем иначе, чем блистательная молниеносная операция в Инчоне в 1950 го-

ду. Война становилась все более бесперспективной, все более жестокой с обеих сторон. Гибли десятки тысяч американцев и сотни тысяч вьетнамцев, женщины, дети, старики. Южно-вьетнамское общество, формально демократическое, на деле в значительной мере являлось коррумпированным обществом военной и полицейской бюрократии, мало отвечающим задачам момента. Может быть, тут я, пользуясь односторонней информацией, несправедлив.

Американские критики вьетнамской войны ясно видели, что победа никак не приближается, и ошибочно, с моей точки зрения, считали, что она возможна лишь при условии таких решительных действий, которые поставят под угрозу весь современный мировой порядок. Короче говоря, они заранее считали войну проигранной и только искали из нее более или менее достойный выход, стремясь к прекращению бомбардировок, убийств мирных жителей напалмом, фосфорными и шариковыми бомбами и прочими адскими выдумками современной войны, к прекращению гибели американских солдат. Я говорю о наиболее честных, исторически ответственных критиках войны (к числу которых я отношу, например, Элсберга, братьев Берриганов, Пола Майера и других). Наряду с ними была целая армия гораздо более шумных и безответственных критиков, фактических дезертиров и саботажников и политиканов, использовавших великую трагедию для своих узкополитических целей. Особенно возмутительна позиция многих европейцев, которые не ударили палец о палец для реальной помощи, но часто демагогически искажали сложное реальное положение и историческую перспективу.

Многие критики участия США во вьетнамской войне полностью игнорировали, что война началась в результате прямого военного нарушения Женевских соглашений, что все эти годы непрерывно имело место мощное военное, экономическое и политическое вмешательство СССР и Китая, не только якобы бескорыстная помощь, но и прямое давление, что война и коммунизм фактически были навязаны большинству южновьетнамцев и камбоджийцев без права выбора и сравнения. Игнорировалось, что зверства имели место не только с одной стороны, в частности "не замечались" такие ужасные факты, как массовые казни тысяч людей во время кратковременного захвата северовьетнамцами Гуэ, как систематическое похищение из деревень людей, якобы плохо помогавших партизанам или сотрудничавших с врагом, и т. п.

Не учитывалось огромное значение верности США своим союзническим обязательствам для сохранения чувства уверенности во всем противостоящем коммунизму мире.

Я считаю, что при большей решительности и последовательности в американских действиях в военной и особенно в политической областях можно было бы предупредить трагическое развитие событий. Политическое давление на СССР с целью не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, своевременная посылка мощного экспедиционного корпуса, привлечение ООН, более эффективная экономическая помощь, привлечение других азиатских и европейских стран — все это могло повлиять на ход событий, тем самым предупредить войну со всеми ее обоюдными ужасами.

Очень велика ответственность других стран Запада, Японии и стран "третьего мира", никак не поддержавших своего союзника, оказывающего им огромную помощь в трудной, почти безнадежной попытке противостоять тоталитарной угрозе в Юго-Восточной Азии. Но ведь то, что сегодня угрожает Таиланду, завтра, пусть в других формах, может стать судьбой всего мира.

Я уж не говорю об ответственности СССР, КНР и других социалистических стран, хотя, на самом деле, в чем еще должна проявляться разрядка, как в первую очередь не в попытках найти выход из военных конфликтов. Даже когда война зашла в тупик, сочетание дипломатических и решительных военных усилий, разъясненных народу США и всему миру, могло бы привести к стабилизации ситуации — подобно тому, как удалось стабилизировать ее в Европе, где раздел Германии является трагическим и, я надеюсь, временным явлением, но не угрожающим международному миру.

Но все это без поддержки мирового и американского общественного мнения оказалось невозможным. Были заключены Парижские соглашения, освободившие из вьетнамского плена американских военнопленных еще до окончания войны и одновременно предавшие Южный Вьетнам, а может быть, и будущность других обширных районов земного шара.

Вооруженные новейшим советским оружием северо-вьетнамцы в подходящий момент без колебаний нарушили все свои обязательства по Парижским соглашениям и смели южновьетнамскую армию. Дальнейшее известно.

Последний штрих — протесты в США против приема беженцев, которые якобы могут явиться обузой для этой самой

богатой в мире страны. Это позорное завершение цепи событий осветило миру, какие глубины эгоизма, сытого безразличия к величайшей трагедии могут соседствовать с героизмом американских моряков и летчиков, которые вырывали беженцев из огня Вьетнама, с благородством семей, готовых приютить вьетнамских детей.

Я хочу верить, что ужасный урок трагедии Индокитая не пропадет даром для всего мира, не пропадет для американцев. Не изоляционизм, а самоотверженная, щедрая и смелая забота о судьбах всего человечества. Не иллюзии, а трезвое понимание серьезности того вызова, который поставила перед лидерами западного мира история. Не половинчатая, непоследовательная внешняя политика, не разъясненная народу, а всесторонне взвешенный выбор ключевых целей и максимальная решительность в их осуществлении. Не межпартийные дрязги, мелкие экономические и политические расчеты, а готовность идти на необходимые жертвы и самоограничение для спасения человечества и тем самым и своей страны. Этого надо ждать от страны Линкольна, Рузвельта, Эйзенхауэра и Маршалла, от других стран Запада и Востока.

Другая зона кровавых событий — Ближний Восток. Десятилетия конфронтации, подогреваемой начиная с 50-х годов своекорыстной советской политикой, так запутали там положение, что сейчас уже очень трудно найти общеприемлемое решение.

Я часто вспоминаю, как в 1955 году высокопоставленный работник Совета Министров СССР говорил группе собравшихся на совещание в Кремле ученых, что сейчас (в связи с недавно закончившейся тогда поездкой в Египет члена Президиума ЦК КПСС Шепилова) в Президиуме обсуждаются принципы новой советской политики на Ближнем Востоке. Он сказал, что сформулирована долгосрочная цель этой политики — используя арабский национализм, создать для европейских стран трудности в снабжении нефтью и таким образом сделать их более управляемыми. Сейчас, когда мировая экономика дезорганизована нефтяным кризисом, видно все коварство и действенность нефтяного подтекста "защиты справедливого дела арабских народов" — правда, Запад делает вид, что СССР здесь ни при чем.

Во время октябрьской войны 1973 года, начатой Египтом и Сирией, вмешательство американской дипломатии, государственного секретаря Киссинджера, который находился в

контакте с озабоченными советскими руководителями, остановило и отвело назад вырвавшиеся на оперативный простор бронетанковые дивизии Шарона. Существует мнение, что это вмешательство в тех конкретных условиях явилось почти что предательством безопасности Израиля, лишило его плодов трудно доставшейся победы. Я не разделяю полностью этой точки зрения. Но я считаю, что США и европейские страны приняли на себя в октябре 1973 года ответственность за судьбу Израиля и что сейчас время платить по этому счету.

Я считаю, что, как и в других аналогичных проблемах, необходимо единство стран Запада, необходимы готовность идти на временные экономические жертвы, вплоть до временного эмбарго на арабскую нефть, твердое требование к Советскому правительству и к другим государствам о прекращении или ограничении поставок оружия, стремление к компромиссу и учету реальных потребностей обеих сторон. Я убежден, что только такая политика будет соответствовать долгосрочным интересам всех стран мира, в том числе и западных.

Одна из центральных проблем ближневосточного конфликта — судьба народа Палестины. Я убежден, что заинтересованные стороны — палестинский народ, Израиль, Иордания — несомненно найдут приемлемое для всех сторон решение. Но очень важно, чтобы руководители палестинского народа на деле доказали свою лояльность к будущему урегулированию арабо-израильского конфликта в целом, к безопасности Израиля, свое уважение к международному праву, отмежевались от экстремистских и террористических группировок.

Другим последствием советского присутствия на Ближнем Востоке явилась трагедия иракских курдов, во многом аналогичная ужасной трагедии народа ибо в Нигерии, за которую тоже частично ответственно советское вмешательство. Ирак, получивший от СССР огромную военную помощь — самолеты, танки, ракеты, напалм, военных специалистов, возможность использовать данные разведывательных спутников, — все это обратил против маленького трудолюбивого и гордого народа, который хочет так немного — автономии в рамках Ирака. Я дважды обращался к Генеральному секретарю ООН, к Генеральной Ассамблее с просьбой о вмешательстве: в первый раз с целью смягчить ужасы войны, прекратить доставку иностранного оружия, во второй раз с

целью добиться присутствия в Курдистане иностранных наблюдателей, чтобы предупредить эксцессы мести победителей. Я по-прежнему считаю, что международное вмешательство и внимание к событиям в иракском Курдистане — долг человечества.

Обстановка во многих других районах земного шара также вызывает беспокойство. Одной из самых трагических проблем является судьба политзаключенных в Индонезии. Опираясь на объективную информацию, сообщенную мне членами советской группы Международной амнистии, я в 1974 году обратился к президенту Индонезии с призывом об амнистии политзаключенных. К сожалению, этот призыв пока остался без ответа. Эта и многие другие аналогичные проблемы (апартеид в ЮАР — еще один вопиющий пример), конечно, не должны быть забыты международной общественностью. Роль Международной амнистии во всех подобных делах традиционно велика и благородна. Особой поддержки заслуживает поднятая этой организацией международная кампания против применения пыток.

V. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ЗАПАДЕ, ЕЕ ИЛЛЮЗИИ, ЕЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В последние годы мне впервые пришлось встретиться с людьми с Запада, личными впечатлениями проверить и дополнить заочное представление об этом мире, во многом контрастном с нашим, а в главном, глубинном — по-человечески понятном.

Я с глубокой симпатией, с надеждой и уважением, граничащим почти с завистью, отношусь к зарубежной интеллигенции, к тем людям, которых мне довелось узнать лично. Я вижу и очень ценю в лучших людях с Запада внутреннюю свободу, готовность к дискуссии с полным уважением к мнению собеседника, отсутствие национальных предрассудков, реалистический и практический склад мышления, готовность к практическим добрым делам.

И все же есть, по-моему, одна характерная, общая для многих западных интеллигентов черта, которая вызывает определенное беспокойство. Речь идет о том, что я мысленно называю "леволиберальной модой". В наивном виде она частично отразилась в реплике одного американца в разго-

воре с эмигрантом из СССР: "Ну, хорошо, вам не нравится многое в России, вас там обидели. Я могу это понять. Но против Китая-то у вас, я думаю, нет предубеждений. Вам ведь нравится то, что у них там сейчас происходит?"

Если я не прав в том, что я пишу, в своих оценках и объяснениях, я надеюсь, мои друзья на Западе простят мне мою неинформированность. Но если я хоть частично "попал в точку", то мне кажется, они должны очень призадуматься.

Я не сомневаюсь в альтруизме и гуманности большинства западной либеральной интеллигенции, в ее стремлении к благу для всех людей, к справедливости с одинаковыми мерками для всех. Но я боюсь, что недостаток информации или возможности ее критического осмысления, всесильная на Западе мода, боязнь отстать от века (в особенности "от собственных детей", как откровенно признаются многие), недостаток воображения при наличии эффекта дистанции, недостаточное представление о трагической сложности реальной жизни, в особенности жизни социалистических стран могут привести и уже приводят к очень опасным ошибкам как во внутривнутриполитической жизни западных стран, так и при оценке сложных вопросов международных отношений. Эффект дистанции заставляет сомневаться в том странном, страшном и чудовищном, о чем узнаешь только из книг и рассказов *.

Либеральная интеллигенция Запада, несомненно, имеет веские причины быть неудовлетворенной многими сторонами окружающей ее действительности. В сотнях газет она читает об актах насилия и жестокости, о социальной и расовой несправедливости, об ужасах голода в слаборазвитых странах, об ужасах войн — и не только читает, но и видит собственными глазами, благо проехать по своей стране или получить визу в Африку или Латинскую Америку — не проблема.

Люди на Западе живут в обстановке избытка доступной информации, избытка различных идей и сосуществования конкурирующих политических течений. Некоторые из этих течений преследуют весьма частные интересы, но все имеют

* Живущий во Франции близкий родственник матери моей жены, которая отсидела в сталинских лагерях много лет как ЧСИР (член семьи изменника родины), допытывался, "есть ли хоть крупица правды" в том, что пишет Солженицын (кстати, этот родственник занимает видное место во французской компартии). Ей осталось только горько усмехнуться.

ту или иную идейную одежду. Политическая деятельность на Западе, публикация и пропаганда общественных идей так же легко становятся профессией, как любой другой вид деятельности, и связаны с групповыми и личными материальными интересами.

Многие на Западе, так же как у нас, оказываются не в состоянии самостоятельно критически переосмыслить обрушивающийся на них поток фактов, оценок и идей, и на первое место выходит мода со своими иррациональными законами. Нередко на поверхности оказываются не более логичные, но более экстравагантные или более доступные идеи-однодневки.

"Левая мода", как мне кажется, является сейчас господствующей на Западе и заняла свое положение по сложному сплетению различных факторов. Один из них — вечное стремление молодежи к самым радикальным переменам и боязнь более опытных и осторожных представителей старшего поколения отстать от своих детей (я уже говорил об этом). На Западе, как и всюду, существуют сложные социальные проблемы, которые нельзя решить немедленно в рамках существующего строя, — а радикальные средства создают иллюзию возможности их быстрого решения, подкупающего своей кажущейся простотой. Я предполагаю, что еще одним немаловажным фактором господства левых идей является также то, что на протяжении десятилетий в западный мир свободной борьбы идей непрерывно вливается струйка социалистической просоветской или прокитайской пропаганды, в которой тенденциозно переплетены различные, в основном правильные, социальные идеи с полуправдой и прямой ложью. Этот последний фактор, быть может не главный, но он тоже действует, и он довольно эффективно по многим каналам подкрепляется прямым и косвенным подкупом отдельных литераторов и политических деятелей.

Такова, как мне думается, почва, на которой сформировался господствующий стереотип "леволиберального" западного интеллигента со всеми его иллюзиями и ошибками. В основе позиции большинства все же — благородная и гуманная, имеющая реальные основания неудовлетворенность окружающей действительностью, альтруизм и стремление к справедливости и общему благу. И это позволяет надеяться, что в конечном счете западный интеллигент "не подведет". С тоталитаризмом, с фашизмом любого толка, с демагогами и

политиканами любого толка ему, как я надеюсь, не по пути.

В применении к своей стране западный либеральный интеллигент — за более полную реализацию гражданских свобод, за экономические и социальные реформы социалистического типа. Эти стремления действительно в духе времени, и при осторожном осуществлении они, по-видимому, способствуют справедливости, счастью и процветанию, способствуют устранению шероховатостей и социальных дефектов общества.

Но я не случайно подчеркнул необходимость осторожности. Я глубоко убежден, что бездумное, легкомысленное следование левوليберальной моде чревато величайшими опасностями. Одна из международных опасностей существующих тенденций — это потеря единства Запада и ясного понимания неисчезающей глобальной угрозы со стороны тоталитарных стран. Запад не должен ни в коем случае допускать ослабления своих позиций перед лицом тоталитаризма. Внутренняя (для каждой страны) опасность — "сползание" к госкапиталистическому тоталитарному социализму. Конечно, эти две угрозы тесно связаны между собой. И есть еще одно: увлечение "левыми" идеями не должно приводить к ослаблению международной защиты прав человека во всем мире, с одинаковыми мерками для англичанина, француза, негра из ЮАР, крымского татарина, русского, украинца, китайца и вьетнамца. Многие из повседневных проблем, волнующих рядового человека на Западе сегодня, — на самом деле очень малозначительны по сравнению с этими тремя. Если он, его дети или внуки будут жить при строе, даже отдаленно похожем на наш или китайский, они это поймут, не было бы только это слишком поздно.

Покойный Белинков, так холодно и недоверчиво встреченный на Западе, писал в свое время в письме Пэн-клубу: "Социализм такая штука, которую легко попробовать, да трудно выплюнуть". Действительно, тоталитарный социализм (при желании его можно называть лжесоциализмом) в силу присущих ему свойств имманентной стабильности, инерции страха и пассивности — своего рода исторический тупик, из которого трудно выбраться.

Некоторые на Западе выражают мнение, что все неудачи и беды в СССР и других восточных социалистических странах объясняются тем, что это "темные азиатские страны",

без демократических традиций, без привитого веками уважения к правам личности, к индивидууму. Для этих стран — для русских, для китайцев, вьетнамцев — все, что происходит (террор, бестолковщина, грязь в роддоме, нарушение свобод — я нарочно назвал разноплановые вещи), — якобы привычно и даже "прогрессивно", они таким странным способом делают шаг вперед. А Запад, с его демократическими традициями, сразу якобы встанет на более высокую ступень "социализма с человеческим лицом", гуманного и эффективного. В частности, такие аргументы, насколько я знаю, весьма распространены среди западных коммунистов, особенно среди интеллигентов и руководящего состава (но для рядовых коммунистов при этом применяют более простые приемы искажения и сокрытия правды о странах победившего социализма).

Эти типичные леволиберальные аргументы (я их называю "славянофильство наоборот") никак не оправданы историческим опытом, они представляются мне опасной иллюзией и аморальным использованием (может быть, чтобы успокоить совесть) различных мерок для "своих" и "чужих".

До сих пор социализм всюду неизбежно означал однопартийную систему, власть алчной и неспособной бюрократии, экспроприацию всей частной собственности, террор ЧК или ее синонимов, разрушение производительных сил и последующее их восстановление и развитие ценой непомерных жертв народа, насилие над свободой совести и убеждений. Так было в СССР, в странах народной демократии, в КНР, на Кубе. Пример Югославии, наиболее независимой от советской опеки и наиболее свободной, открытой, особенно показателен.

Фатально ли все это? Не знаю. Но что несомненно — полная национализация всех средств производства, однопартийная система, насилие над убеждениями неизбежно приводят к тоталитаризму. При условии проведения социальных реформ капиталистические, но демократические государства ближе к истинно человеческому обществу, чем любые тоталитарные режимы.

Человечество наблюдало в 1968 году попытку чехословацких коммунистов, поддержанную всем народом, в особенности интеллигенцией и рабочим классом, очистить тоталитарный социализм от всех его уродств (именно тогда и возник сам термин "социализм с человеческим лицом") и одно-

временно избавить страну от унижительной и опасной опеки СССР. Эта попытка имела определенные успехи и вызвала восхищение во всем мире. Но именно успехи вызвали страх в СССР, ГДР и Польше как опасный пример и послужили причиной позорной интервенции. Тоталитаризм защитил себя танками.

Опасности тоталитаризма, связанные с социалистическим, так называемым "прогрессивным" путем развития, в особенности в конкретной современной обстановке разделенного мира, неоднократно наглядно проявлялись в новейшей истории.

Сейчас внимание всего мира приковано к Португалии, где вновь действует механика сползания к тоталитаризму. Пользуясь, по-видимому, поддержкой из Москвы португальская компартия все же потерпела поражение на выборах и стала расталкивать своих конкурентов теми же бесцеремонными методами демагогии, провокаций, полицейского произвола и шантажа, которые в свое время с успехом применяли ее предшественники в 1917, 1933 и 1948 годах.

Признаки стремления к тоталитаризму "военно-социалистического" типа замечаются и в некоторых некоммунистических кругах "Движения вооруженных сил". Особенно зловещим является рост влияния в жизни общества органов тайной полиции, которые все больше становятся бесконтрольным "государством в государстве", опричниной XX века, подобно НКВД сталинской эпохи. В тайной полиции Португалии, по-видимому, особенно велика роль коммунистов. Хочется надеяться, что исторический опыт других стран все же чему-то научил и португальский народ, и он избежит угрожающей ему участи. Мировая общественность должна сделать все возможное, чтобы помочь избежать трагедии.

Не менее серьезны проявления "левой позиции" в международных отношениях. Распространенные в среде леворадикальной интеллигенции иллюзии относительно характера общества в СССР и в других социалистических странах, относительно подлинных внутренних и геополитических целей правящих кругов этих стран очень затрудняют оценку истинного значения разрядки и иногда толкают правительства западных стран на ложные и опасные шаги, на односторонние уступки и "подарки" в ходе разрядки. Позиция большинства в условиях Запада оказывает самое непосредственное влияние на практические действия политических руководителей,

которые там, как я думаю, глядя отсюда, обычно считаются со своими избирателями, с прессой, с общественным мнением.

Левая интеллигенция толкает, в частности, правительства своих стран на одностороннее разоружение. Но такое разоружение может привести к нарушению международного равновесия, к ослаблению позиции Запада перед тоталитарной угрозой и спровоцировать усиление экспансии социалистических стран, особенно в узловых, стратегически важных районах "третьего мира" (например, в Индийском океане).

Внутренние социальные и экономические проблемы западных стран должны быть решены путем мобилизации ресурсов, путем временных экономических ограничений, а не за счет ослабления перед лицом угрозы. Сбалансированное разоружение чрезвычайно важно, но такой результат нельзя достичь с позиции "слабости".

Чрезвычайно важно экономическое и политическое объединение западных стран, подобное Европейскому сообществу (конечно, без противопоставления лидеру западного мира — США, в самом тесном с ним сотрудничестве). Недавно я с чувством облегчения узнал об исходе референдума в Англии, о предстоящем вступлении в ЕЭС Греции. Экономическая сиюминутная сторона проблемы во всех этих случаях должна отступать на второй план, важнее всего противостоять экспансии тоталитарных стран. До сих пор лево-"прогрессивные" силы занимали в этих вопросах недостаточно четкую позицию.

Я уже писал выше о роли позиции "левых" в США и во всем западном мире во вьетнамской трагедии; с некоторыми вариантами эти ошибки повторялись и в других случаях.

Леволлиберальные интеллигенты часто готовы поддерживать и защищать любые экстремистские и даже террористические группировки в своей стране и во всем мире, если они выступают под "левой" вывеской, и в то же время сурово осуждать за консерватизм, реакционность тех, кто не солидаризируется с ними. Опасность такой позиции для человечества огромна.

Последнее, о чем я хочу здесь сказать, — о защите прав человека во всем мире, в особенности же в социалистических странах, которые слишком часто обходятся вниманием. "Левые" обычно с излишней доверчивостью воспринимают догмат о преимуществах социалистического строя и не хотят знать ничего, что идет с ними вразрез. Некоторые из них склонны до

сих пор не доверять свидетельствам об ужасных событиях прошлого, собранных в таких книгах, как "Большой террор" Конквиста, "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына, "Перед судом истории" Медведева и в десятках других исторических сочинений; они часто рассматривают как преувеличенные и искусственно подобранные сообщения о политических, национальных и религиозных преследованиях и о социальных и экономических трудностях, которые имеют место сейчас.

Но даже в самые страшные годы сталинского террора, когда туман дезинформации и просоветской пропаганды был особенно непроницаемым, все же на Западе находились отдельные честные и мужественные люди, которые понимали и умели высказать правду. Сейчас положение во многом изменилось, туман начинает рассеиваться. XX съезд, события в Венгрии и Чехословакии, культурная революция и "большой скачок" в КНР, корейская и вьетнамская войны, ближневосточные события, Португалия, Чили, Куба — все это прошло не бесследно.

Среди факторов, которые привели к важным психологическим сдвигам, особую роль играют выступления из социалистических стран. Мне хочется тут напомнить, что каждое такое выступление дается очень дорогой ценой. В одних случаях следуют репрессии против самого выступающего, в других — долгосрочные последствия для его любимого дела, для друзей, для детей и близких родственников. Я выше привел много примеров подобных репрессий в СССР. Сейчас внимание мировой общественности приковано к судьбе писателя Михайло Михайлова, осужденного в Югославии за важные, смелые общественные выступления, в том числе за выступление в мою защиту*.

* Обращаясь непосредственно к западной интеллигенции, я хочу заявить следующее. Меня не оставляет ощущение, что аресты моих ближайших друзей — Сергея Ковалева и Андрея Твердохлебова, о которых я писал выше, в какой-то мере связаны с их близостью ко мне. То же самое относится к преследованиям В. Турчина, Ю. Орлова и выступившей в мою защиту в том же 1973 году Лидии Чуковской, исключенной из Союза писателей в начале 1974 года. Давление на членов моей семьи, превращенных в заложников, — другая часть той же тактики. Сейчас, публикуя настоящую работу, я думаю не только о предстоящих крайне желательных серьезных дискуссиях по ее содержанию, но и о различных неожиданностях, которые могут последовать совсем с другой стороны, — вроде газетных выступлений моих собратьев-академиков или угроза лжехристиан, или еще чего-либо похуже.

Сейчас, в век научно-технической революции, интеллигенция является, наряду с рабочим классом, самой активной и влиятельной частью современного общества. От четкости, обоснованности ее позиции, от отсутствия у нее опасных заблуждений, от ее организованности и сбалансированной беспристрастности зависит очень многое. Я хотел бы надеяться, что это мое выступление будет услышано и окажется полезным. Я надеюсь, в частности, на более активную защиту со стороны представителей западной интеллигенции прав человека в нашей стране и в других социалистических странах: права на свободный выбор страны проживания, прав национальных меньшинств — крымских татар, немцев, литовцев, эстонцев, латышей, украинцев и многих других, преследуемых религиозных групп, за защиту узников совести, таких людей, как Михайлов в Югославии, Плющ, Буковский, Мороз, Любарский, братья Джемилевы, Чиннов и сотни других (о некоторых из них я писал выше и в других своих обращениях). Год назад международная поддержка спасла супругов Пановых, которые добивались выезда в Израиль. Тогда знаменитые артисты демонстрировали у стен советского посольства в Лондоне, рабочие сцены и артисты объявили бойкот гастролям Большого театра, то есть угрожали карману и престижу, этим двум ахиллесовым пятам советского строя. Открытое выступление главы английского правительства Г. Вильсона сыграло, безусловно, решающую роль, донеся протесты в те высокие сферы, куда обычно не проникает шум с улицы. Но ведь то же самое возможно и в других случаях! История Пановых подтверждает, что только самое сильное и чувствительное для советских властей давление может иметь шансы на успех, только оно вынуждает не имеющих права самостоятельно отступить от инструкции чиновников обратиться за разъяснениями к высшему руководству, которое способно иногда прореагировать нестандартно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В "Размышлениях о прогрессе...", "Памятной записке" и в других своих выступлениях я выдвигал ряд предложений

Люди с Запада часто спрашивают, как мне помочь, но когда я говорю: помогите моим друзьям — иногда проявляют некоторое недоумение. В этом тоже какая-то иллюзия, недооценка особенностей нашего общества.

о необходимых внутренних реформах в нашей стране, о желательных изменениях в международных отношениях, призывал к международной защите прав человека.

Большинство из этих мыслей вовсе не были оригинальными. Я уже отмечал их преемственность с выступлениями послевоенных лет. Те же мысли потом неоднократно повторялись во многих статьях и выступлениях за рубежом и в самиздате. Никакого отклика советских руководителей на свои предложения на протяжении всех этих лет я никогда не имел, да и трудно было на это рассчитывать. И все же я по-прежнему считаю полезными подобные попытки — не только как наиболее компактное изложение взглядов и стремлений, но и как необходимую альтернативу официальной позиции. Какие же внутренние реформы в СССР представляются мне необходимыми, чтобы вывести нашу страну из устойчивого состояния всестороннего кризиса и устранить связанную с этим опасность для всего человечества (то же относится в основном и к другим социалистическим странам):

1) Углубление экономической реформы 1965 года (как известно, свернутой на ранней стадии ее осуществления) — полная экономическая, производственная, кадровая и социальная самостоятельность предприятий.

2) Частичная денационализация всех видов экономической и социальной деятельности, вероятно, за исключением тяжелой промышленности, тяжелого транспорта и связи. В особенности существенна частичная денационализация в сфере обслуживания (ремонт, гостиницы, столовые и т. п.), в мелкой торговле, в сферах образования и медицинского обслуживания. В сельском хозяйстве необходима частичная деколлективизация и государственная поддержка частного сектора как наиболее продуктивного и наиболее способствующего социальному и психологическому оздоровлению деревни, ныне находящейся под угрозой полного спаивания и отупления. Работа на земле — это для миллионов людей с момента возникновения оседлости было не только средством к жизни, но и нечто придававшее ей внутренний смысл. Это "нечто" варварски уничтожено во время коллективизации вместе с физическим истреблением наиболее жизнеспособных его обладателей. Но все же этот дух, надо надеяться, возродится опять при появлении соответствующих условий.

3) Полная амнистия всех политзаключенных, включая узников специальных психиатрических больниц, включая

всех осужденных за религиозные убеждения, национальные стремления, попытку покинуть страну. Облегчение положения заключенных всех категорий, отмена принудительного труда, отмена ограничений питания, свиданий, передач и посылок, улучшение медицинской помощи, разрешение передачи лекарств и т. п. Допуск представителей международных наблюдательных органов во все места заключения. Отмена смертной казни. Амнистия всем находящимся в заключении более 15 лет.

4) Закон о свободе забастовок.

5) Серия законодательных актов, обеспечивающих реальную свободу убеждений, свободу совести, свободу распространения информации. Отмена ряда статей Уголовного кодекса, противоречащих этим принципам.

6) Законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятием важнейших решений (как международных, так и внутренних, социального, экономического и экологического значения).

7) Закон о свободе выбора места проживания и работы в пределах страны.

8) Законодательное обеспечение свободы выезда из страны (эмиграции, поездок с той или иной целью) и возвращения в нее.

9) Запрещение всех форм партийных и служебных привилегий, не обусловленных непосредственно необходимостью выполнения служебных обязанностей. Равноправие всех граждан как основной государственный принцип.

10) Законодательное подтверждение права на отделение союзных республик, права на обсуждение вопроса об отделении.

11) Многопартийная система.

12) Валютная реформа — свободный обмен рубля на иностранную валюту. Ограничение монополии внешней торговли.

Эти реформы я рассматриваю как необходимую предпосылку постепенного улучшения социальной обстановки в стране, улучшения материального положения большинства трудящихся, создания нравственной обстановки свободы, счастья и доброжелательности, восстановления утраченных общечеловеческих ценностей и ликвидации той опасности, которую наша страна как закрытое тоталитарное полицейское государство, вооруженное сверхмощным оружием и обладающее огромными средствами и ресурсами, представляет для мира.

Я считаю необходимым специально подчеркнуть, что являюсь убежденным эволюционистом, реформистом и принципиальным противником насильственных революционных изменений социального строя, всегда приводящих к разрушению экономической и правовой системы, к массовым страданиям, беззакониям и ужасам.

Теперь некоторые заключительные замечания о международных проблемах в дополнение к тем соображениям, которые содержатся в основном тексте.

Я писал о многих тревожных и трагических фактах современного международного положения, свидетельствующих о существенной слабости и дезорганизованности Запада перед лицом тоталитарного вызова. События в Индокитае — наиболее драматический пример. Политика социалистических стран сейчас приняла более утонченный характер, при одновременном возникновении новых целей и форм взаимодействия с внешним миром. Какие изменения в стратегии и тактике Запада, в политике стран "третьего мира" представляются мне в этих новых условиях наиболее важными?

1. Важней всего единство стран Запада, единая стратегия для всего расширившегося комплекса проблем взаимоотношений с социалистическими странами и странами "третьего мира". Это проблемы совместной обороны, торговые соглашения, защита прав человека, переговоры о разоружении, предоставление кредитов, экономическая, в частности продовольственная, помощь, помощь в развитии технологии, проблемы охраны среды, урегулирование послевоенных границ, ликвидация военных конфликтов в горячих районах, защита свободы обмена людьми и информацией.

Единство требует лидера, таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада — США.

Единая стратегия не может исходить из частных и временных интересов, она должна быть дальновидной, решительной и альтруистической. В условиях тесной оборонной, экономической и политической взаимосвязанности всех стран Запада станут невозможными те, слишком сейчас частые, удручающие эпизоды предательства общих интересов ради частных, о которых я писал выше (такие, например, как отсутствие поддержки в других странах Запада поправки к закону о торговле США, имеющей общечеловеческое гуманное значе-

ние и принципиально важной для всего процесса разрядки; между тем союзники США, пользующиеся их оборонной и экономической поддержкой, не только не выступили единым фронтом, но, наоборот, — наперебой и наперегонки помогают сорвать все начинание).

Я призываю интеллигенцию Запада, международные организации гуманистического характера всемерно способствовать единству Запада.

2. Я по-прежнему (см. "Памятную записку") призываю к созданию под эгидой ООН Международного консультативного комитета экспертов по юридическим, социальным, экологическим проблемам и по проблеме разоружения с правом обязательного получения обоснованных ответов по запросам и рекомендациям от всех правительств. Я надеюсь, что США или какая-либо другая страна поддержит эту инициативу перед Генеральной Ассамблеей ООН.

3. Я по-прежнему призываю к более широкому использованию вооруженных сил ООН для купирования вооруженных конфликтов (в том числе "внутреннего" характера, подобных событиям в Нигерии или Иракском Курдистане).

4. Я подчеркиваю следующие принципы при рассмотрении проблем разоружения:

а) Согласованное сокращение вооружений до равных по мощности уровней у обеих сторон на каждом этапе сокращения, с постепенным, все более существенным снижением этого уровня. Этот принцип должен быть распространен на переговоры об ограничении стратегического оружия, в особенности ракетно-термоядерного наступательного оружия ядерных держав и на региональные переговоры, в частности на переговоры между НАТО и странами Варшавского Пакта.

б) Установление совершенной системы контроля, предусматривающей использование инспекционных групп, включающих представителей противной стороны и международных организаций, со свободным допуском на всю территорию инспектируемой страны.

в) Введение международных ограничений на поставку оружия другим государствам. Я придаю особое значение этому предложению. Я считаю особенно важным согласованное сокращение поставок оружия в горячие районы, подобные Ближнему Востоку. Исторический опыт свидетельствует, что наличные пушки всегда рано или поздно начинают стрелять. Я призываю государственных деятелей Запада исполь-

зовать все средства дипломатии — нажима и торга — для достижения этой цели. Если продолжает литься кровь, то что же такое разрядка?

г) Устранение технических факторов, способствующих гонке вооружений. Прекращение новых разработок по согласованному списку. Смягчение режима секретности, в перспективе — соглашение о полном запрещении секретных работ. Роль такого соглашения для будущего человечества трудно переоценить.

д) Устранение всех факторов стратегической неустойчивости. Запрещение упомянутых выше разделяющихся боеголовок и ограничение ПРО.

5. Одной из центральных задач согласованной политики западных стран должна стать забота о большей открытости социалистических стран, о свободном обмене людьми и информацией. Европейские западные страны формулируют эту цель перед европейским совещанием по обеспечению безопасности в Европе, однако сейчас, как я опасаясь, они не проявляют достаточно большого нажима на социалистические страны, давая последним возможность "торговаться" и шаг за шагом добиваться бессодержательных, угодных им формулировок. Я считаю, между тем, что те цели, которые ставят социалистические страны (в особенности фиксирование послевоенных границ), не полностью отвечают интересам будущего Европы, во всяком случае до достижения объединения Германии. Именно открытость социалистических стран вместе со сбалансированным разоружением могут обеспечить безопасность Европы и всего мира. Необходимо, в частности, свободный обмен туристами, людьми, едущими для работы, ученья, лечения, занятий наукой (в особенности молодежи) на свободной народной основе, а не по рабским советским традициям ОВИРа, отделов кадров, КГБ и иже с ними. Необходимо добиться свободного обмена книгами, журналами, газетами и кинофильмами. Необходимо добиться отмены позорного капитулянтского решения Генеральной Ассамблеи ООН о запрете свободного телевидения со спутников (телевизор смотрят миллионы людей, и они имеют право видеть то, что им нужно). Необходимо добиться расширения и улучшения иностранного радиовещания на СССР с полным запрещением всех форм глушения. При этом нам нужны в первую очередь точные, сжато поданные факты о политически значимых вещах.

6. Защита прав человека во всем мире с равными мерками для всех стран должна быть предметом заботы не только отдельных энтузиастов, но и правительств и международных организаций. Всеобщая декларация прав человека в 1948 году провозгласила международный характер проблемы защиты прав человека, однако до сих пор очень мало сделано для воплощения этого принципа в жизнь. Ключевая проблема — свободный выбор страны проживания. Без осуществления этого права полмира являются большим концентрационным лагерем, угрожающим другой половине. Именно в этом — принципиальное значение этой проблемы.

7. Особое значение имеет проблема взаимоотношений с "третьим миром", в котором сосредоточена половина человечества. Всесторонняя помощь в развитии технологии, в обучении кадров, продовольственная и прочая материальная помощь сейчас осуществляется широко, но все же еще в недостаточных размерах. Необходимо ее дальнейшее расширение, в особенности странами Европы, развитыми социалистическими странами, Японией, а также США, которые и сейчас несут это бремя в наибольшей степени. Но с другой стороны, сами развивающиеся страны должны перестроить свою национальную психологию в сторону большей ответственности за свою судьбу и за судьбу всего человечества. Пора перестать валить все свои беды на колониализм и неоколониализм. Сейчас судьба народов этих стран в их собственных руках (у многих — уже несколько десятилетий), и только созидательная энергия, в особенности в сфере материального производства, может обеспечить их будущее. Особая ответственность ложится на страны — производители нефти. Начиная с октября 1973 года повышение цен на нефть носило спекулятивный характер и дезорганизовало мировую экономику. В особенности пострадали развивающиеся страны, где миллионы людей оказались перед лицом голода. Необходимо установление цен, не разрушающих мир, в котором мы все вместе живем. Это в общих интересах, в том числе и стран — производителей нефти.

И еще одно, быть может, бестактное замечание. Страны "третьего мира" чаще всего голосуют в ООН вместе с тоталитарными государствами и тем самым почти парализовали эту организацию. Но ведь ООН, наряду с другими международными организациями, — одна из немногих сил, на которых основывается наша общая надежда на лучшее буду-

щее. Губить эту надежду из-за политической игры, из-за узко национальных временных интересов и предрассудков — по меньшей мере неразумно.

Вот все, что я хотел высказать, точнее, что уместилось на этих страницах. Я писал, как строят современный дом, или, верней, как грач строит свое гнездо, — сначала каркас, затем идут в ход припасенные веточки. Все видимые для строителя дыры заплетены, но неиспользованные веточки еще остались.

Действительность современного мира очень сложна, многопланова. В ней причудливо смешаны трагедия, безысходность, апатия, предрассудки, невежество и динамичность, самоотверженность, надежда, разум. Будущее может быть еще более трагично. Оно может быть и более достойным человека, более добрым и разумным. Но его также может не быть совсем. Все это зависит от всех нас — живущих в СССР, Китае, Индии, США, Египте, Израиле, Таиланде, Италии, Англии, Франции, Японии, Австралии, Голландии, Германии, Сирии, Вьетнаме, Иране.., во всех странах мира, от нашей мудрости, свободы от иллюзий и предрассудков, нашей готовности к труду, разумному самоограничению, от нашей активной доброты и общечеловеческой широты. Проявлением такой мудрости должно явиться истинное сближение стран первого, второго и третьего мира, преодоление разобщенности во имя человека и его прав. Будущее разума, научного предвидения и прогресса, будущее общего блага должно осуществиться.

Москва, июнь 1975 г.

НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ "МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА"

Глубокоуважаемые члены Нобелевского комитета!
Глубокоуважаемые дамы и господа!

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. Такова главная мысль, которую я хочу отразить в этой лекции.

Я глубоко благодарен за присуждение мне высокой, волнующей награды — Нобелевской премии мира — и за предоставленную возможность выступить сегодня перед вами. Я с особым удовлетворением воспринял формулировку Комитета, в которой подчеркнута роль защиты прав человека как единственного прочного основания для подлинного и долговечного международного сотрудничества. Эта мысль кажется мне очень важной. Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества. Эта точка зрения существенно отличается от широко распространенных марксистских, а также от технократи-

ческих концепций, согласно которым определяющее значение имеют именно материальные факторы, социальные и экономические права. (Сказанное не означает, конечно, что я в какой-либо мере отрицаю значение материальных условий жизни людей.)

Все эти тезисы я собираюсь отразить в лекции и особо остановиться на некоторых конкретных проблемах нарушения прав человека, решение которых представляется мне необходимым и срочным.

В соответствии с этим планом выбрано название лекции: "Мир, прогресс, права человека". Это, конечно, сознательная параллель к названию моей статьи 1968 года "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", во многом близкой по своей направленности, по содержащимся в ней предостережениям.

Имеется много признаков того, что начиная со второй половины XX века человечество вступило в особо ответственный, критический период своей истории.

Создано ракетно-термоядерное оружие, способное в принципе уничтожить все человечество, — это самая большая опасность современности. Благодаря экономическим, промышленным и научным достижениям несравненно более опасными стали также так называемые "обычные" виды вооружения, не говоря уже о химическом и бактериологическом оружии.

Несомненно, успехи промышленного и технологического прогресса являются главным фактором преодоления нищеты, голода и болезней; но они одновременно приводят к угрожающим изменениям в окружающей среде, к истощению ресурсов. Человечество, таким образом, столкнулось с грозной экологической опасностью.

Быстрые изменения традиционных форм жизни привели к неуправляемому демографическому взрыву, особенно мощному в развивающихся странах "третьего мира". Рост населения создает необычайно трудные экономические, социальные и психологические проблемы уже сейчас и неотвратимо угрожает гораздо более серьезными опасностями в будущем. Во многих странах, в особенности в Азии, Африке, Латинской Америке, недостаток продовольствия продолжает оставаться постоянным фактором жизни сотен миллионов людей, обреченных с момента рождения на нищенское полуголодное существование. При этом прогнозы на будущее, несмотря на несомненные успехи "зеленой революции",

являются тревожными, а по мнению многих специалистов — трагическими.

Но и в развитых странах люди сталкиваются с очень серьезными проблемами. Среди них — тяжелые последствия неумеренной урбанизации, потеря социальной и психологической устойчивости общества, непрерывная изнуряющая гонка моды и сверхпроизводства, бешеный, безумный темп жизни и ее изменений, рост числа нервных и психических заболеваний, отрыв все большего числа людей от природы и нормальной, традиционной человеческой жизни, разрушение семьи и простых человеческих радостей, упадок морально-этических устоев общества и ослабление чувства цели и осмысленности жизни. На этом фоне возникают многочисленные уродливые явления — рост преступности, алкоголизма, наркомании, терроризма и т.п. Надвигающееся истощение ресурсов Земли, угроза перенаселения, многократно углубленные международными политическими и социальными проблемами, начинают все сильнее давить на жизнь также и в развитых странах, лишая (или угрожая лишить) многих людей ставших уже привычными изобилия, удобства и комфорта.

Однако наиболее существенную, определяющую роль в проблематике современного мира играет глобальная политическая поляризация человечества, разделившая его на так называемый первый мир (условно назовем его "западный"), второй (социалистический), третий (развивающиеся страны). Два крупнейших социалистических государства фактически стали враждующими тоталитарными империями с непомерной властью единственной партии и государства над всеми сторонами жизни своих граждан и с огромным экспансионистским потенциалом, стремящимся подчинить своему влиянию обширные районы земного шара. При этом одно из этих государств — КНР — находится пока на относительно низком уровне экономического развития, а другое — СССР, — используя уникальные природные ресурсы, пройдя через десятилетия неслыханных бедствий и перенапряжения всех сил народа, достигло в настоящее время огромной военной мощи и относительно высокого (хотя и одностороннего) экономического развития. Но и в СССР уровень материальной жизни населения низок, а уровень гражданских свобод ниже даже, чем в малых социалистических странах. Очень сложные общемировые проблемы связаны также с "третьим миром", с его относительной экономической пассивностью,

сочетающейся с растущей международной политической активностью.

Эта поляризация многократно усиливает и без того очень серьезные опасности, нависшие над миром, — опасности термоядерной гибели, голода, отравления среды, истощения ресурсов, перенаселения, дегуманизации.

Обсуждая весь этот комплекс неотложных проблем и противоречий, следует прежде всего сказать, что, по моему убеждению, любые попытки замедлить темп научно-технического прогресса, повернуть вспять урбанизацию, призывы к изоляционизму, патриархальности, к возрождению на основе обращения к здоровым национальным традициям прошлых столетий — нереалистичны. Прогресс неизбежен, его прекращение означало бы гибель цивилизации.

Еще не так давно люди не знали минеральных удобрений, машинной обработки земли, ядохимикатов, интенсивных методов земледелия. Есть голоса, призывающие вернуться к более традиционным и, возможно, более безопасным формам земледелия. Но возможно ли осуществить это в мире, где и сейчас сотни миллионов людей страдают от голода? Несомненно, наоборот, необходима дальнейшая интенсификация и распространение ее на весь мир, на все развивающиеся страны. Нельзя отказаться от все более широкого применения достижений медицины и от расширения исследований во всех ее отраслях, в том числе и в таких, как бактериология и вирусология, нейрофизиология, генетика человека и генохирургия, несмотря на потенциальные опасности злоупотребления и нежелательных социальных последствий некоторых из этих исследований. То же относится к исследованиям в области создания систем имитации интеллекта, к исследованиям в области управления массовым поведением людей, к созданию единых общемировых систем связи, систем сбора и хранения информации и т.п. Совершенно очевидно, что в руках безответственных бюрократических, действующих под покровом секретности учреждений все эти исследования могут оказаться необыкновенно опасными, но в то же время они могут стать крайне важными и необходимыми для человечества, если их осуществлять под контролем гласности, обсуждения, научного социального анализа. Нельзя отказаться от все более широкого использования искусственных материалов, синтетической пищи,

от модернизации всех сторон быта людей. Нельзя отказаться от возрастающей автоматизации и укрупнения промышленного производства, несмотря на связанные с этим социальные проблемы.

Нельзя отказаться от строительства все более мощных тепловых и атомных электростанций, от исследований в области управляемой термоядерной реакции, поскольку энергетика — одна из основ цивилизации. Я позволю себе вспомнить в этой связи, что 25 лет назад мне, вместе с моим учителем, лауреатом Нобелевской премии по физике Игорем Евгеньевичем Таммом, довелось стоять у начала исследований управляемой термоядерной реакции в нашей стране. Сейчас эти работы приобрели огромный размах, исследуются самые различные направления, от классических схем магнитной термоизоляции до методов с использованием лазеров.

Нельзя отказаться от расширения работ по освоению околоземного космоса и по исследованию дальнего космоса, в том числе от попыток приема сигналов от внеземных цивилизаций — шансы на успех таких попыток, вероятно, малы, но зато последствия успеха могут быть грандиозными.

Я назвал только некоторые примеры, их можно умножить. В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации; прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы. Недооценка этих факторов, особенно распространенная в социалистических странах, возможно, под влиянием вульгарных идеологических догм официальной философии, может привести к извращению путей прогресса или даже к его прекращению, к застою. Прогресс возможен и безопасен лишь под контролем Разума. Важнейшая проблема охраны среды — один из примеров, где особенно ясна роль гласности, открытости общества, свободы убеждений. Только частичная либерализация, наступившая в нашей стране после смерти Сталина, сделала возможными памятные всем нам публичные дискуссии первой половины 60-х годов по этой проблеме, но эффективное ее решение требует дальнейшего усиления общественного и международного контроля. Военные применения достижений науки, разоружение и контроль над ним — другая столь же критическая область, где международное доверие зависит от гласности и открытости общества. Упомянутый при-

мер управления массовым поведением людей, при своей внешней экзотичности, тоже вполне актуален уже сейчас.

Свобода убеждений, наличие просвещенного общественного мнения, плюралистический характер системы образования, свобода печати и других средств информации — всего этого сильно не хватает в социалистических странах вследствие присущего им экономического, политического и идеологического монизма. Между тем, эти условия жизненно необходимы не только во избежание злоупотреблений прогрессом, вольных и по неведению, но и для его поддержания. В особенности важно, что только в атмосфере интеллектуальной свободы возможна эффективная система образования и творческой преемственности поколений. Наоборот, интеллектуальная несвобода, власть унылой бюрократии, конформизм, разрушая сначала гуманитарные области знания, литературу и искусство, неизбежно приводят затем к общему интеллектуальному упадку, бюрократизации и формализации всей системы образования, к упадку научных исследований, исчезновению атмосферы творческого поиска, к застою и распаду.

Сейчас в поляризованном мире тоталитарные страны благодаря детанту приобрели возможность своеобразного интеллектуального паразитизма. И похоже, если не произойдет тех внутренних сдвигов, о необходимости которых все мы думаем, скоро им придется встать на этот путь. Один из возможных результатов детанта именно таков. Если это произойдет, взрывоопасность общемировой ситуации может только возрасти. Миру жизненно необходимо всестороннее сотрудничество между странами Запада, социалистическими и развивающимися странами, включая обмен знаниями, технологией, торговлю, экономическую, в частности продовольственную, взаимопомощь. Но это сотрудничество должно происходить на основе доверия открытых обществ, как говорят, с открытой душой, на основе истинного равноправия, а не на основе страха демократических стран перед их тоталитарными соседями. Сотрудничество в этом последнем случае означало бы просто попытку задарить, задобрить жуткого соседа. Но подобная политика всегда лишь отсрочка беды, которая вскоре возвращается в другую дверь с удесятиренными силами, это попросту новый вариант мюнхенской политики. Устойчивый успех детанта возможен, только если с самого начала он сопровождается непрестанной заботой об

открытости всех стран, об увеличении уровня гласности, о свободном обмене информацией, о непременном соблюдении во всех странах гражданских и политических прав — короче говоря, при дополнении разрядки в материальной сфере разоружения и торговли разрядкой в духовной, идеологической сфере. Об этом прекрасно сказал президент Франции Жиска́р д'Э́стен во время своего визита в Москву. Право, стоило пережить упреки некоторых недалековидных прагматиков из числа его соотечественников ради того, чтобы поддержать важнейший принцип!

Прежде чем перейти к обсуждению проблем разоружения, я хочу воспользоваться возможностью и еще раз напомнить некоторые свои предложения общего характера. Это прежде всего идея создания под эгидой ООН Международного консультативного комитета по вопросам разоружения, прав человека и охраны среды. Комитету, согласно моей мысли, должно быть предоставлено право получения обязательных ответов от всех правительств на его запросы и рекомендации. Такой Комитет явился бы важным рабочим органом для обеспечения общемировых дискуссий и гласности по самым важным проблемам, от которых зависит будущее человечества. Я жду поддержки и обсуждения этой идеи.

Я также хочу подчеркнуть, что я считаю особенно важным более широкое использование войск ООН для купирования международных и межнациональных вооруженных конфликтов. Я очень высоко оцениваю возможную и необходимую роль ООН, считая ее одной из главных надежд человечества на лучшее будущее. Последние годы — трудные, критические для этой организации. Я писал об этом в книге "О стране и мире", уже после ее выхода в свет заслуживающим сожаления событием было принятие Генеральной Ассамблеей (причем почти без обсуждения по существу) резолюции, объявившей сионизм формой расизма и расовой дискриминации. Все беспристрастные люди знают, что сионизм — это идеология национального возрождения еврейского народа после 2-х тысяч лет рассеяния и что эта идеология не направлена против других народов. Принятие подобной резолюции, по моему мнению, нанесло удар престижу ООН. Несмотря на подобные факты, часто порождаемые отсутствием чувства ответственности перед человечеством у руководителей некоторых более молодых членов ООН, я все же верю, что рано или поздно ООН сумеет играть в жизни

человечества достойную роль в соответствии с целями Устава.

Перехожу к одной из центральных проблем современности — к разоружению. Я подробно изложил свою позицию в книге "О стране и мире". Необходимо укрепление международного доверия, совершенный контроль на местах силами международных инспекционных групп. Все это невозможно без расширения разрядки на область идеологии, без увеличения открытости общества. В этой же книге я подчеркнул необходимость международных соглашений об ограничении поставок оружия другим государствам, прекращение новых разработок систем оружия по специальным соглашениям, соглашение о запрещении секретных работ, устранение факторов стратегической неустойчивости, в частности запрещение разделяющихся боеголовок.

Как же я представляю себе идеальное общемировое соглашение о разоружении в техническом плане?

Я думаю, что такому соглашению должно предшествовать официальное (не обязательно сразу открытое) заявление об объеме всех видов военного потенциала (от запасов термоядерных зарядов до прогнозов контингентов военнообязанных), с указанием **примерной условной разбивки** по районам "потенциальной конфронтации". Соглашение должно предусматривать в качестве первого этапа ликвидацию преимуществ одной стороны над другой отдельно для каждого стратегического района и для каждого вида военного потенциала (конечно, это только схема, от которой неизбежны некоторые отклонения). Таким образом, будет исключено, во-первых, что соглашение в одном стратегическом районе (скажем, в Европе) будет использовано для усиления военных позиций в другом районе (скажем, на советско-китайской границе); и, во-вторых, исключены возможные несправедливости из-за трудности количественно сопоставить значимость разных видов потенциала (например, трудно сказать, скольким зенитным установкам ПРО эквивалентен один крейсер, и т.п.). Следующим этапом сокращения вооружений должно явиться пропорциональное сокращение одновременно для всех стран и всех стратегических районов. Такая формула "сбалансированного" двухэтапного сокращения вооружений обеспечит непрерывающуюся безопасность каждой страны, непрерывное равновесие сил в каждом районе потенциальной конфронтации и одновременно радикаль-

ное решение экономических и социальных проблем, порождаемых милитаризацией. На протяжении многих десятилетий варианты подобного подхода выдвигаются многими экспертами и государственными деятелями, однако до сих пор успех очень незначителен. Но я надеюсь, что сейчас, когда человечеству реально угрожает гибель в огне термоядерных взрывов, разум людей не допустит этого исхода. Радикальное сбалансированное разоружение действительно необходимо и возможно как часть многостороннего и сложного процесса разрешения грозных, неотложных мировых проблем. Та новая фаза межгосударственных отношений, которая получила название разрядки, или детанта, и, вероятно, имеет своим кульминационным пунктом совещание в Хельсинки, в принципе открывает определенные возможности продвижения в этом направлении.

Заключительный акт совещания в Хельсинки в особенности привлекает наше внимание тем, что в нем впервые официально отражен тот комплексный подход к решению проблем международной безопасности, который представляется единственно возможным; в акте содержатся глубокие формулировки о связи международной безопасности с защитой прав человека, свободы информации и свободы передвижения и важные обязательства стран-участниц, гарантирующие эти права. Очевидно, конечно, что речь идет не о гарантированном результате, а именно о новых возможностях, которые могут быть реализованы лишь в результате длительной планомерной работы, с единой и последовательной позицией всех стран-участниц, в особенности демократических стран.

Это относится, в частности, к проблеме прав человека, которой посвящена последняя часть лекции. В нашей стране, о которой я теперь буду говорить преимущественно, за месяцы, прошедшие после совещания в Хельсинки, вообще не произошло сколько-нибудь существенного улучшения в этом направлении; в отдельных же вопросах замечаются даже попытки сторонников жесткого курса "завинтить" гайки.

Все в том же состоянии находятся важные проблемы международного информационного обмена, свободы выбора страны проживания, поездок для учения, работы, лечения, просто туризма. Чтобы конкретизировать это утверждение, я сейчас приведу некоторые примеры — не в порядке их важности и не стремясь к полноте.

Вы все знаете лучше чем я, что дети, скажем, из Дании могут сесть на велосипеды и весело доехать до Адриатики. Никто не увидит в них "малолетних шпионов". Но советские дети этого не могут! Вы сами можете мысленно развить этот пример (и все нижеследующие) на множество аналогичных ситуаций.

Вы знаете, что Генеральная Ассамблея под давлением социалистических стран приняла решение, ограничивающее свободу телевизионного вещания со спутников. Я думаю, что сейчас, после Хельсинки, есть все основания для его пересмотра. Для миллионов советских граждан это очень важно и интересно.

В СССР качество протезов для инвалидов крайне низкое. Но ни один советский инвалид, даже имея вызов от иностранной фирмы, не может выехать по этому вызову за границу.

В советских газетных киосках нельзя купить некоммунистические зарубежные газеты, да и коммунистические продаются далеко не каждый номер. Даже такие информационные журналы, как "Америка", крайне дефицитны и продаются в ничтожном числе киосков, расходятся же мгновенно и обычно с "нагрузкой" неходовых изданий.

Каждый желающий эмигрировать из СССР должен иметь вызов от близких родственников. Для многих это неразрешимая проблема, например для 300 тыс. немцев, желающих уехать в ФРГ (к тому же квота на выезд составляет для немцев всего 5 тыс. человек в год, то есть выезд распланирован на 60 лет!). За этим — огромная трагедия. Особенно трагично положение лиц, желающих соединиться с родственниками в социалистических странах, — за них никому заступиться, и произвол властей не знает пределов.

Свобода передвижения, выбора места работы и жительства продолжает нарушаться для миллионов колхозников, продолжает нарушаться для сотен тысяч крымских татар, 30 лет назад с огромными жестокостями выселенных из Крыма и до сих пор лишенных права вернуться на родную землю.

Заключительный акт совещания в Хельсинки вновь подтвердил принципы свободы убеждений. Но требуется большая и упорная борьба, чтобы эти положения акта имели не только декларативное значение. В СССР многие тысячи людей преследуются сегодня за убеждения в судебном и внесудебном порядке — за религиозные верования и желание воспитывать своих детей в религиозном духе; за чтение и

распространение (часто простое ознакомление 1 – 2 человек) нежелательной властям литературы, обычно абсолютно легальной по демократическим нормам, например религиозной; за попытку покинуть страну; особенно важна в моральном плане проблема преследования лиц, страдающих за защиту других жертв несправедливости, за стремление к гласности, в частности за распространение информации о судах, преследованиях за убеждения, об условиях мест заключения.

Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале, сотни и тысячи узников совести страдают от тяжелого многолетнего голода, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия лекарств (витамины и лекарства запрещено пересылать в места заключения), от непосильной работы, дрожат от холода, сырости и истощения в полутемных карцерах, вынуждены вести непрестанную борьбу за свое человеческое достоинство, за убеждения, против машины "перевоспитания", а фактически слома их души. Особенности системы мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за ее разоблачение – это лучшее доказательство реальности обвинений в ее адрес. Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. Но что сказать о муках невинных? Самое же страшное – ад спецпсихбольниц Днепропетровска, Сычевки, Благовещенска, Казани, Черняховска, Орла, Ленинграда, Ташкента...

Я не могу сегодня рассказывать конкретные судебные дела, конкретные судьбы. Есть большая литература (я обращаю здесь ваше внимание на издания издательства "Хроника-пресс" в Нью-Йорке, перепечатающего, в частности, советский самиздатский журнал "Хроника текущих событий" и издающего аналогичный информационный бюллетень). Я просто назову здесь, в этом зале, имена некоторых известных мне узников. Как уже вы слышали вчера, я прошу вас считать, что все узники совести, все политзаключенные моей страны разделяют со мной честь Нобелевской премии Мира.

Вот некоторые известные мне имена: Плющ, Буковский, Глузман, Мороз, Мария Семенова, Надежда Светличная, Стефания Шабатура, Ирина Калинец-Стасив, Ирина Сеник, Нийоле Садунайте, Анаит Карапетян, Осипов, Кронид Любарский, Шумук, Винс, Румачик, Хаустов, Суперфин, Паулайтис, Симутис, Караванский, Валерий Марченко, Шухевич,

Павленков, Черноглаз, Абанькин, Сусленский, Мешенер, Светличный, Сафронов, Роде, Шакиров, Хейфец, Афанасьев, Мо-Хун, Бутман, Лукьяненко, Огурцов, Сергиенко, Антонюк, Лупынос, Рубан, Плахотнюк, Ковгар, Белов, Игрунов, Солдатов, Мяттик, Юшкевич, Кийренд, Здоровый, Товмасян, Шахвердян, Загробян, Айрикян, Маркосян, Аршакян, Мираускас, Стус, Сверстюк, Кандыба, Убожко, Романюк, Воробьев, Гель, Пронюк, Гладко, Мальчевский, Гражис, Пришляк, Сапеляк, Калинец, Супрей, Вальдман, Демидов, Берничук, Шовковский, Горбачев, Верхов, Турик, Жукаускас, Сенькив, Гринькив, Навасардян, Саартс, Юрий Вудка, Пуце, Давыдов, Болонкин, Лисовой, Петров, Чекалин, Городецкий, Черновол, Балахонов, Бондарь, Калининченко, Коломин, Плумпа, Яугялис, Федосеев, Осадчий, Будулак-Шарыгин, Макаренко, Малкин, Штерн, Лазарь Любарский, Фельдман, Ройтбурт, Школьник, Мурженко, Федоров, Дымшиц, Кузнецов, Менделевич, Альтман, Пэнсон, Хнох, Вульф Залмансон, Израиль Залмансон и многие, многие другие. В несправедливой ссылке — Анатолий Марченко, Нашпиц, Цитленок. Ожидают суда — Мустафа Джемилев, Ковалев, Твердохлебов. Я не мог назвать всех известных мне узников за неимением места, еще больше я не знаю или не имею под рукой справки. Но я всех подразумеваю мысленно и всех не названных явно прошу извинить меня. За каждым названным и не названным именем — трудная и героическая человеческая судьба, годы страданий, годы борьбы за человеческое достоинство.

Кардинальное решение проблемы преследования за убеждения — освобождение на основе международного соглашения, возможно, решения Генеральной Ассамблеи ООН, всех политзаключенных, всех узников совести в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах. В этом предложении нет никакого вмешательства во внутренние дела какой-либо страны, ведь оно в равной мере распространяется на все страны, на СССР, Индонезию, Чили, ЮАР, Испанию, Бразилию, на все другие страны, и потому, что защита прав человека провозглашена Всеобщей декларацией ООН международным, а не внутренним делом. Ради этой великой цели нельзя жалеть сил, как бы ни был долг путь, — а что он долг, это мы видели во время последней сессии ООН. США на этой сессии внесли предложение о политической амнистии, но затем сняли его после попытки ряда стран чересчур (по мнению делегации США) расширить рамки амнистии. Я сожалею о проис-

шедшем. Но снять проблему нельзя. И я глубоко убежден, что лучше освободить некоторое число людей в чем-то виновных, чем держать в заключении и истязать тысячи невинных.

Не отказываясь от кардинального решения, сегодня мы должны бороться за каждого человека в отдельности, против каждого случая несправедливости, нарушения прав человека — от этого зависит слишком многое в нашем будущем.

Стремясь к защите прав людей, мы должны выступать, по моему убеждению, в первую очередь как защитники невинных жертв существующих в разных странах режимов, без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов. Нужны реформы, а не революции. Нужно гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем. Что это — разрядка? конвергенция? — дело не в словах, а в нашей решимости создать лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок.

Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость; и в этой борьбе было важно не только умение владеть дубинкой, но и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более "удачные", чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более "удачные", должны существовать бесконечное число раз на "предыдущих" и "последующих" к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели.

1 декабря 1975 г.

ПИСЬМО В ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СИМПОЗИУМА ПО ПРОБЛЕМЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ*

Я благодарен за приглашение принять участие в симпозиуме, посвященном давно волнующему меня вопросу о необходимости отмены смертной казни. Я не могу приехать и прошу считать это письмо заменой выступления.

Я полностью поддерживаю основные аргументы, выдвигаемые противниками смертной казни.

Я считаю смертную казнь жестоким и безнравственным институтом, подрывающим нравственные и правовые устои общества. Государство в лице своих чиновников, как все люди, склонные к поверхностным выводам, как все люди, подверженные влияниям, связям, предрассудкам и эгоцентрической мотивации поведения, — присваивает себе право на самое страшное и абсолютно необратимое действие: лишение жизни. Такое государство не может рассчитывать на улучшение нравственной атмосферы в стране. Я отрицаю скольконибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Я уверен в обратном — жестокость порождает жестокость.

Я отрицаю практическую необходимость и эффективность смертной казни как средства защиты общества. Необходимая в некоторых случаях временная изоляция преступников должна осуществляться более гуманными, более гибкими мерами, допускающими корректировку в случае судебной ошибки или изменений в обществе или в личности преступника.

Я убежден, что общество в целом и каждый его член в отдельности, а не только те, кто предстает перед судом, не-

© Хроника-пресс. — Нью-Йорк, 1977.

* Прочитано на симпозиуме, организованном Международной амнистией в декабре 1977 года.

сут ответственность за происходящие преступления. У задачи уменьшения и ликвидации преступности нет простых решений, и во всяком случае не смертная казнь является таким решением. Только длительная эволюция общества, общий гуманистический подъем, воспитывающий в людях глубокое преклонение перед жизнью и человеческим разумом, и большее внимание к трудностям и проблемам ближнего могут привести в будущем к снижению преступности и даже полной ее ликвидации. Такое гуманное общество сейчас не более чем мечта, и только акты проявления гуманности сегодня создадут надежду на возможность ее осуществления в будущем. Я считаю, что принципиальная важность полной отмены смертной казни дает основания не рассматривать те возражения сторонников ее сохранения, которые основываются на частных исключительных случаях.

Еще в детстве я с содроганием читал замечательный сборник "Против смертной казни", изданный в России в 1906–1907 годах, в годы послереволюционных казней. (Изд. Сытина, с участием моего деда И.Н. Сахарова.) Я знаю страстные высказывания писателей – Л. Толстого, Достоевского, Гюго, Короленко, Розанова, Андреева и многих других. Из упомянутого сборника я знаю аргументацию ряда ученых – Баженова (психология казнимых), Соловьева, Гернета, Гольдовского, Давыдова и др. Я разделяю их убежденность в том, что смертная казнь по своему психологическому ужасу несоизмерима с большинством преступлений и что поэтому она никогда не является справедливым возмездием, наказанием. Да и о каком наказании может идти речь по отношению к человеку, который перестает существовать. Так же, как они, я убежден, что смертная казнь не имеет моральных и практических оправданий и представляет собой пережиток варварских обычаев мести. Мести, осуществляемой хладнокровно и обдуманно, без личной опасности для палачей и без аффекта у судей, и поэтому особенно позорной и отвратительной.

Кратко останавлиюсь на часто обсуждаемом сейчас вопросе о терроризме. Я считаю совершенно неэффективной смертную казнь для борьбы с терроризмом и другими политическими преступлениями, совершаемыми из фанатических убеждений, – в этом случае смертная казнь является только катализатором более массового психоза беззакония, мести и жестокости. Сказанное не значит, что я в какой-то мере оправдываю современный политический терроризм, сопровождающийся часто гибелью не причастных, случайных людей, взятием заложников, в том числе детей, и другими ужасными

преступлениями. Но я убежден, что тюремное заключение, быть может, с принятием закона, запрещающего в установленных судом случаях досрочное освобождение, является более разумным для физической и психологической изоляции террористов, для предупреждения дальнейших актов террора.

Особенно важна отмена смертной казни в такой стране, как наша, с неограниченным господством государственной власти и бесконтрольной бюрократии, с широко распространенным пренебрежением к закону и моральным ценностям. Вы знаете о десятилетиях массовых казней неверных, которые осуществлялись без какого-либо подобия правосудия (а еще большее число людей погибло вообще без судебного приговора). Мы все еще живем в созданной этой эпохой нравственной атмосфере.

Я особо хочу обратить ваше внимание на то, что в СССР смертная казнь назначается за многие преступления, никак не связанные с покушением на человеческую жизнь. Многим памятно, например, дело Рокотова и Файбишенко, обвиненных в 1961 году в подпольной торговле драгоценностями и незаконных валютных операциях. Президиум Верховного Совета принял тогда закон, предусматривающий смертную казнь за крупные имущественные преступления, когда они уже были присуждены к тюремному заключению. Состоялся новый суд, и задним числом — что нарушает важнейший юридический принцип — их приговорили к смерти. А затем по этому и аналогичным законам были осуждены многие, в частности за частнопредпринимательскую деятельность, за организацию артелей и т.п. В 1962 году был расстрелян старик, изготовивший несколько фальшивых монет и зарывший их во дворе.

Общее число смертных казней в СССР неизвестно — эти данные засекречены, но есть основания предполагать, что оно составляет сейчас несколько сот человек в год, то есть больше, чем в большинстве других стран, где еще существует этот варварский институт. Есть и другие особенности нашей современной действительности, которые имеют отношение к обсуждаемой проблеме. Это удручающе низкий культурный и нравственный уровень нашего теперешнего уголовного правосудия, его зависимость от государства, а часто — коррупция, взяточничество и зависимость от местного "начальства". Я получаю огромное количество писем от осужденных по уголовным делам. Хотя я не могу проверить эти дела в каждом конкретном случае, но в своей совокупности они создают неоспоримую и ужасную картину беззакония и бесправия, поверхностного и предвзятого разбирательств

ва, невозможности добиться пересмотра явно ошибочных или сомнительных приговоров, избиений на допросах. Среди этих дел есть и связанные со смертными приговорами. Вот одно из них. Передо мной копия приговора Рафкату Шаймухамедову, документы, составленные адвокатом, письма матери. Рабочий, татарин по национальности, Шаймухамедов приговорен к расстрелу 31 мая 1974 г. в Иссык Куле по обвинению в убийстве с целью грабежа продавщицы магазина в соучастии с двумя другими молодыми людьми (приговоренными тогда же к нескольким годам заключения). Шаймухамедов, отрицая свою виновность, отказался просить о помиловании и объявил голодовку. 20 месяцев он провел в камере смертников, ожидая или казни, или пересмотра дела. За это время мать и адвокаты направили десятки жалоб, но все вышестоящие инстанции безо всякого рассмотрения возвращали их обратно. В январе 1976 года приговор был приведен в исполнение с санкции зам. прокурора СССР Малярова. Приговор Шаймухамедову поразителен своей безграмотностью в прямом и юридическом смыслах, бездоказательностью и противоречивостью. Из жалоб адвокатов и из письма матери выявляется еще более впечатляющая картина. Не доказано присутствие осужденного на месте преступления. Игнорируются все противоречащие версии обвинения показания свидетелей, а также данные экспертизы (согласно которой группа крови потерпевшей не совпадает с группой крови в пятне на одежде Шаймухамедова). В письме матери утверждается, что причина такой пристрастности — корыстная заинтересованность двух прокуроров (Бекбоева и Клешина); она рассказывает о сценах вымогательства, о взятке, полученной от другого обвиняемого, о фабрикации — уже после расстрела Рафката — уголовного дела против второго сына с той же целью вымогательства. Я не могу проверить этих сообщений, но мне ясно главное — с какой легкостью и отсутствием аргументации вынесен смертный приговор, как легко такое страшное дело становится рутинной.

Я так подробно остановился на этом деле потому, что в нем, как мне кажется, наглядно отразился весь ужас смертной казни и ее разрушающее влияние на общество.

Я надеюсь, что симпозиум внесет вклад в благородные усилия многих поколений, направленные на полную отмену смертной казни во всем мире.

19 сентября 1977 г.

Часто приходится слышать по радио и читать о бурных многотысячных демонстрациях, о выступлениях известных и неизвестных общественных деятелей, о всевозможных кампаниях в странах Запада, направленных против развития ядерной энергетики, против строительства ядерных электростанций, реакторов-"бридеров" и т.п. Долгое время я про себя удивлялся этому и слегка возмущался, но воздерживался от каких-либо публичных выступлений, тем более что в СССР, естественно, ничего подобного не происходит. Но постепенно я пришел к мысли, что тема заслуживает внимания и что мне есть что по этому поводу сказать.

Основой, почвой для антиядерных настроений людей является, вероятно, их недостаточная информированность в сложных специальных вопросах, направляющая по ложному пути естественную и законную озабоченность современного человека вопросами сохранения окружающей среды. Очень трудно объяснить неспециалистам (хотя это именно так), что ядерный реактор электростанции — вовсе не атомная бомба, что реальная опасность и ущерб среде обитания, биологический ущерб людям от электростанции, работающей на угле, во много раз больше, чем от ядерной электростанции той же мощности или от бридерного реактора.

Сейчас многие ответственные государственные деятели Запада, руководящие работники промышленности, ученые-атомщики осознали (правда, с некоторым опозданием) необходимость довести до широкой общественности основные технические факты в этой области, осознали необходимость широкой научно-технической пропаганды. Это действительно очень важно. Прекрасную, глубоко аргументированную статью под заглавием "Необходимость ядерной энергетики"

написал Ганс Бете, лауреат Нобелевской премии по физике, автор вошедших в историю физики теоретических работ по термоядерным реакциям в звездах, по квантовой электродинамике и ядерной физике. Статья Бете опубликована в 1976 году в журнале "Сайентифик америкэн". Европейскому читателю должно быть известно имя работающего в Швеции физика Ф. Яноуха, неоднократно выступавшего на ту же тему.

Я совершенно согласен с аргументацией этих и многих других авторитетных авторов.

Развитие ядерной энергетики шло с гораздо большим вниманием к вопросам техники безопасности и охраны среды, чем развитие таких отраслей техники, как металлургия и коксохимия, горное дело, химическая промышленность, угольные электростанции, современный транспорт, химизация сельского хозяйства. Поэтому сейчас положение в ядерной энергетике в смысле безопасности и возможного влияния на среду обитания относительно благополучное, и ясны пути его дальнейшего улучшения. Принципиальная особенность, отличающая ядерную энергетику от использующей химическое топливо, — высокая концентрированность, малая объемность опасных отходов и всего процесса в целом. Это облегчает и удешевляет решение задач безопасности и охраны окружающей среды (по сравнению с такими же задачами для энергетики, использующей уголь, нефть и т.п.).

Вместе с тем очевидна жизненная необходимость в форсированном развитии ядерной энергетики как единственной экономически равноценной и реальной в ближайшие десятилетия замены нефти (которая, по большинству оценок, уже к концу столетия станет малодоступной из-за истощения удобных месторождений и удорожания).

При этом чрезвычайно важно не только строительство "обычных" ядерных электростанций на обогащенном уране, в которых используется редкий изотоп урана — U^{235} , но и решение проблемы производства делящихся материалов из основного изотопа урана и в перспективе тория. Это даст возможность экономически целесообразного использования бедных урановых руд, которых очень много в земной коре, а в дальнейшем — ториевых руд, которых еще больше. Как известно, реакторы на быстрых нейтронах ("бридеры", т.е. размножители) представляют собой одно из возможных решений этой проблемы. Они далеко продвинуты в техническом отношении и в отношении техники безопасности. По-видимому, в

ближайшие годы необходимо будет приступать к строительству промышленных реакторов на быстрых нейтронах, конечно, с максимальным вниманием к их безопасности.

Об одной альтернативной возможности решения проблемы размножения делящихся материалов я уже в свое время писал, уместно упомянуть об этом и здесь (я подчеркиваю также, что не являюсь автором идеи). Речь идет о проекте, предусматривающем устройство большой подземной камеры (вероятно, герметизированной жаропрочной гофрированной оболочкой), в которой периодически производятся взрывы специально сконструированных термоядерных зарядов максимально малой мощности, с последующим извлечением продуктов взрыва. В таких зарядах можно достичь большого коэффициента размножения делящихся материалов, образующихся при захвате в уране или в тории нейтронов термоядерной реакции. Конечно, в осуществлении этой идеи, при всей ее привлекательности, много серьезных трудностей.

Еще один технический вопрос, много обсуждаемый в литературе, — возможность похищения делящихся материалов с ядерных электростанций или химико-металлургических заводов и использования их для производства примитивных атомных бомб. Что касается возможности похищения, то я думаю, что при помощи соответствующих организационных и технических мер ее вероятность будет сведена к минимуму. Кроме всего прочего, не позавидуешь грабителю, который решится похитить облученный стержень с ядерного реактора; сам он скорее всего погибнет, но содержащегося в стержне плутония ни в коем случае не хватит для изготовления атомного заряда. Что же касается возможности изготовления "самодельной" атомной бомбы, то в этом вопросе я, так же как, очевидно, Бете, связан ограничениями секретности. Так же как он, могу, однако, заверить читателя, что это дело чрезвычайно трудное, не более легкое, например, чем, скажем, постройка самодельной космической ракеты. Изготовление работоспособного заряда будет, как можно предполагать, дополнительно затруднено при "денатурировании" плутония и других делящихся материалов нейтронно-активными добавками.

Проблема ядерной энергетики не исчерпывается техническими и экономическими аспектами. В оставшейся части статьи я хочу остановиться на связи этой проблемы с международной политикой. Когда я уже начал работу над статьей,

я услышал по радио передачу о книге английского астрофизика Фреда Хойла. Я не читал этой книги, но, судя по радиопередаче, точка зрения и опасения Хойла близки к моим.

Политические деятели всегда, и не без оснований, исходят из той предпосылки, что уровень экономического развития страны, ее экономическая независимость — один из главных факторов, определяющих политическую независимость, военную и дипломатическую ее силу, международное влияние. Такое мнение должно быть вдвойне основательным, когда речь идет о двух противостоящих друг другу мировых системах. Но уровень экономики в свою очередь определяется энергетикой, т.е. использованием нефти, газа и угля сейчас, урана и тория в сравнительно недалеком будущем (и, быть может, также дейтерия и лития в более отдаленном будущем, когда будут решены очень сложные научно-технические проблемы управляемого термоядерного синтеза). Поэтому я утверждаю: развитие ядерной энергетики — одно из необходимых условий сохранения экономической и политической независимости каждой страны, как уже достигшей высокого уровня развития, так и развивающейся. Особенно велико значение ядерной энергетики для стран Западной Европы и Японии. Если экономика этих стран будет и дальше в сколько-нибудь существенной степени зависеть от поставок химического топлива из СССР и находящихся под его влиянием стран, Запад будет находиться под постоянной угрозой перекрытия этих каналов, и это будет иметь следствием унижительную политическую зависимость. Одна уступка в политике всегда влечет за собой другую, и к чему это приведет в конце концов, трудно предсказать.

Я уже имел возможность рассказать (в книге "О стране и мире") о высказывании одного из крупных советских чиновников, услышанном мною в 1955 году, когда меня еще можно было считать "своим". Речь шла о переориентации советской политики на Ближнем Востоке, о поддержке Насера — с целью создания нефтяного голода в Западной Европе и тем самым эффективных рычагов давления на нее. Сейчас ситуация гораздо сложнее и богаче оттенками. Но какие-то параллели, несомненно, существуют. Существует политическая заинтересованность СССР в использовании энергетических трудностей Запада.

Инспирирует ли СССР (или другие страны Восточной Европы) нынешние кампании против развития ядерной энер-

гетики? Мне не известны какие-либо достоверные факты этого рода. Если да, то при широко распространенных анти-ядерных предубеждениях и непонимании неизбежности ядерной эры достаточно незначительных и незаметных усилий, чтобы существенно повлиять на размах этих кампаний.

Я должен закончить эту статью тем же, чем начал. Люди должны иметь возможность — знания и права — трезво и ответственно взвесить взаимосвязанные экономические, политические и экологические проблемы, относящиеся к развитию ядерной энергетики, и альтернативные пути развития экономики без необоснованных эмоций и предрассудков. Речь идет не только о комфорте, не только о сохранении так называемого "качества жизни". Речь идет о более кардинальном вопросе — об экономической и политической независимости, о сохранении свободы для ваших детей и внуков. Я уверен, что правильное решение будет достигнуто.

ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

Несправедливость в одном месте земного шара — угроза справедливости во всем мире.

Мартин Лютер Кинг

Вероятно, в каждой из статей этого сборника¹ авторы подчеркивают ответственный, критический характер переживаемого нами времени. Нет необходимости еще раз перечислять трагические общемировые проблемы современности, среди которых, безусловно, на первом месте стоит угроза всеобщей гибели в большой термоядерной войне. Эти проблемы в огромной степени создаются и утяжеляются расслоением человечества на противостоящие друг другу капиталистическую и социалистическую мировые системы и на так называемый "третий мир" развивающихся стран.

Широко признано, что именно противостояние социалистической и капиталистической мировых систем в особенности определяет собой трудности и выбор возможных путей решения всех мировых проблем общего значения.

На протяжении нескольких десятилетий — большей части своего существования — тоталитарно-социалистическая система находится в состоянии глобального наступления, неуклонного расширения своего влияния как вширь — за счет географического распространения, так и вглубь — за счет изменения массовой психологии и реального влияния в странах, формально не примыкающих к социалистической системе. А капиталистическая система соответственно находится в состоянии обороны. Это различие ролей необходимо постоянно учитывать при обсуждении спорных вопросов, таких, как проблема разоружения, идеологические споры, проблема прав человека. Необходимо также учитывать важные изменения, происшедшие в этом отношении в самое последнее время и известные под названием "разрядка международной напряженности", а также весьма существенные кон-

© Norwegian Nobel Committee, 1977.

¹ Alarm and Hope. — New York, 1977.

клетные различия между разными социалистическими странами.

Экспансионизм в самой грубой, откровенно хищнической форме был характерен для национал-социализма гитлеровской Германии. Этот строй, принесший ужасные бедствия многим народам и запятнавший себя чудовищными преступлениями, просуществовал всего двенадцать лет и бесславно окончил свое существование в 1945 году.

Тоталитарно-социалистический строй, возникший около тридцати лет тому назад в результате многолетней гражданской войны в Китае, представляет собой гораздо более сложное и противоречивое явление. На его счету ликвидация хронического голода в гигантской отсталой стране, который периодически уносил миллионы человеческих жизней. И сейчас этот строй, по-видимому, больше всего занят внутренними проблемами, внутренней борьбой. Мы очень мало знаем о реальной жизни людей в КНР и не имеем никаких оснований предаваться иллюзиям. Во всяком случае мы знаем, что материальный и духовный уровень жизни и общее экономическое развитие все еще относительно низки. Соответственно низкому экономическому и военному потенциалу низка и внешнеполитическая активность, почти полностью ограничивающаяся борьбой с СССР за зоны влияния в развивающихся странах, в новых коммунистических странах и в некоторых коммунистических партиях. Конечно, не следует недооценивать при этом потенциальные возможности поворота в сторону экспансионизма в будущем, на более высоком уровне экономического и военного развития; и с учетом гигантских ресурсов и особенно огромного населения Китая такой поворот событий мог бы иметь чрезвычайно серьезные последствия. Но пока это не более чем мыслимая возможность.

Наиболее рафинированная, развитая форма тоталитарно-социалистического общества сформировалась в СССР. 60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных внутренних и международных преступлений, гибели, страданий, унижения и развращения миллионов людей. Но в ней были также, особенно первые десятилетия, большие надежды, трудовые и нравственные усилия, дух воодушевления и самопожертвования. Сейчас все это — безобразное и жестокое, трагическое и героическое — ушло под поверхность относительного материального благополучия и массо-

вого безразличия. Возникло кастовое, глубоко циничное и, как я считаю, опасно (для себя и всего человечества) больное общество, в котором правят два принципа: "блат" (сленговое словечко, означающее "ты — мне, я — тебе") и житейская квазимудрость, выражающаяся словами — "стену лбом не прошибешь". Но под этой застывшей поверхностью скрывается массовая жестокость, беззаконие, бесправие рядового гражданина перед властями и полная бесконтрольность властей — как по отношению к собственному народу, так и по отношению ко всему миру, что взаимосвязано. И пока все это существует, ни в нашей стране, ни во всем мире никто не должен предаваться самоуспокоенности.

Но опасность распространения нашей несправедливости, нашей больной несвободы — это даже не просто потенциальная опасность, следующая из общих принципов. Чрезвычайно существенна огромная материальная и организационная сила, которой обладает СССР и страны, идущие в настоящее время в фарватере его политики.

В СССР на костях миллионов рабов ГУЛАГа, путем безжалостной эксплуатации человеческих и богатейших природных ресурсов огромной страны удалось создать мощную, хотя и односторонне развитую, экономику.

Концентрация материальных и интеллектуальных сил в военной области обеспечила СССР примерное качественное военно-техническое равенство с наиболее развитыми странами Запада, а в ряде отношений — большое количественное преимущество (в танках, в подводных лодках, артиллерии и др.). Особое значение имеет обладание СССР чрезвычайно мощным арсеналом ракетного и ядерного оружия (в том числе термоядерного). СССР имеет самую большую для мирного времени армию. Не менее важна централизованная, военная по существу, структура управления экономикой, пропагандой, транспортом, связью, международной торговлей, дипломатией и т.п. Но главная особенность общества, обеспечивающая, по замыслу его руководителей, мобилизационные возможности, — его "закрытость". Я употребляю этот термин в широком смысле, подразумевая: блокирование большинства необходимых в демократическом обществе внутренних каналов информации, в частности отсутствие свободной печати, почти полную невозможность для рядовых граждан заграничных поездок, трудности эмиграции и полную невозможность возвращения обратно. Именно "закрытость" обес-

печивает экспансионистские, мобилизационные возможности и одновременно антидемократическую стабильность общества, несмотря на весьма неудовлетворительное, по западным стандартам, решение основных социальных проблем (относительно низкий уровень жизни, особенно жилья, питания и одежды; низкое качество образования и здравоохранения; территориальная неоднородность уровня жизни; огромные преимущества для привилегированного меньшинства и др.). Но, не имея возможностей сравнения, гражданин СССР как бы не замечает всего этого, а человек с Запада вообще не знает о многих тщательно скрываемых особенностях строя. Это незнание западного человека делает его нередко беззащитным перед просоветской пропагандой, представляющей собой одну из форм экспансии. Как работает "закрытость" общества, наглядно проявилось во время вторжения в Чехословакию в 1968 году, когда большинству советского населения очень легко удалось внушить пропагандистские выдумки о реставрации капитализма в ЧССР, об угрозе со стороны немецких реваншистов и т.п. Важнейшее следствие "закрытости" общества — полное отсутствие демократического контроля за деятельностью властей, правящей партийно-государственной верхушки как в области внутренней политики, экономики, охраны среды, социальных проблем, так и в области внешнеполитической. Последнее особенно опасно, недопустимо, если вспомнить, что речь идет о пальце, лежащем на кнопке всеобщей термоядерной войны. Проблема "закрытости" общества вплотную смыкается с проблемой гражданских и политических прав граждан, почти тождественна ей. Именно поэтому вопрос о правах человека — не только нравственный, но и первостепенный практический вопрос международного доверия и безопасности. Этот тезис на протяжении многих лет является лейтмотивом моих общественных выступлений.

Маркс и его последователи утверждали, что капиталистическая система давно исчерпала свои возможности и что преимущества социалистической системы в области организации производства, производительности труда, уровня жизни трудящихся и полного участия граждан во всех областях управления жизнью общества приведут к вытеснению капиталистической системы. Однако действительность оказалась совсем другой. Расширение социалистической системы, причем в ее тоталитарной форме, действительно имеет место,

но вовсе не по причинам этих ее преимуществ и прогрессивного характера. Ведь именно в это время капиталистическая система доказала свою способность к развитию и трансформации. В странах Запада обеспечен невиданный в истории человечества уровень и "качество" жизни, произошли большие сдвиги в социальных областях. Современное капиталистическое общество, с некоторыми оговорками, уже сейчас можно назвать "капитализмом с человеческим лицом". Эти сдвиги, как я считаю, базируются на развитии материального производства, на огромных достижениях науки и техники, создавших изобилие предметов потребления и тем самым снявших остроту проблемы распределения материальных благ. Но не меньшую роль играют также идеи социальной справедливости, прав человека, демократии, проникшие в общественное сознание первоначально из христианства и других религиозных учений, а в последние 100–150 лет — из социалистических учений, в том числе из марксизма.

Можно предполагать, что Запад в ближайшие десятилетия сможет разрешить и такие сложные проблемы, как истощение природных ресурсов, регуляция прироста народонаселения, охрана среды, национальные проблемы, проблемы урбанизации, преступности, наркомании и т.п., причем сделает это демократическим путем, без массового ограничения принципов личной свободы. При этом, как можно предполагать, определенную роль в социальной трансформации западного общества вновь будут играть социалистические идеи, в их плюралистической, антитоталитарной модификации. Это и будет движение Запада в направлении сближения с социалистическим миром. Гораздо более проблематично встречное движение тоталитарного социализма к плюралистическому, его возможность зависит от многих внутренних и внешних условий. Главное из этих условий — преодоление "закрытости" тоталитарно-социалистического общества.

Конечно, такие серьезные проблемы, стоящие перед Западом и перед человечеством в целом, не решаются мгновенно, и неизбежно появление "нетерпеливых врачей", предлагающих быстродействующие лекарства, которые на самом деле опасней самой болезни. Но в демократическом западном обществе, с присущим ему широким, открытым обсуждением острых вопросов, влияние таких экстремистов будет в конечном счете, как я надеюсь, нейтрализовано.

Очень показательна эволюция позиции ряда влиятельных западных компартий, которые давно уже не только не являются ни в каком смысле экстремистскими, но и все больше отходят от просоветского догматизма в сторону классической социал-демократической идеологии.

Так обстоит дело с перспективами Запада, рассматриваемыми вне проблем, созданных противостоянием с социалистическим лагерем. А тоталитарно-социалистический строй — способен ли он в свою очередь к самостоятельному гармоническому поступательному развитию в своих географических рамках? Этот строй, по-видимому, нуждается для своего функционирования одновременно в экспансии, в информационной изоляции, в демагогическом самовосхвалении — в особенности в отношении своей исторической всемирной миссии, несущей "светлое будущее", и в использовании плодов научно-технического прогресса атакуемого им капитализма. Этот строй встретился с существенными трудностями внутреннего развития и отношений с внешним миром, которые в конце концов заставили его руководителей существенно изменить тактику своего поведения, быть может, вначале без изменения конечных целей по существу. Первоначальную тактику, которую можно назвать "тактикой Коминтерна", после некоторых промежуточных этапов сменила современная тактика, условно называемая "разрядкой". Термин "разрядка" не новый: в свое время (1938–1939 гг.) им определяли характер взаимоотношений между западными странами и гитлеровской Германией. Но я далек от мысли, что "разрядка" — это в чистом виде ловушка для Запада. Тактические изменения оказались столь существенными, что, по-видимому, повлекли за собой важные изменения на более глубоких уровнях. Особенно важно, что "разрядка" несет с собой новые возможности взаимного влияния, а тем самым — шанс вывода человечества из трудного исторического положения, шанс, которой ни в коем случае нельзя упустить. Но "разрядка" несет с собой и новую опасность, заключающуюся в том, что тоталитарно-социалистическая экспансия не исчезла, а приобрела скрытую форму, то есть стала еще более коварной.

Какой должна быть политика Запада в его отношениях с социалистическими странами в этих новых, более сложных условиях? Мне кажется несомненным, что главной целью "разрядки" является обеспечение международной безопас-

ности. Для этой цели существенны: разоружение, укрепление международного доверия, преодоление закрытости социалистической системы, защита прав человека во всем мире. Эти направления не являются независимыми. Хотя разоружение обладает определенным приоритетом, но оно не может быть достигнуто путем ограничения чисто военными аспектами разрядки. Совершенно недопустимо для западных руководителей создавать видимость успехов в области разоружения без реальных достижений и таким образом обманывать общественное мнение своих стран, хуже всего — провоцировать таким образом фактически одностороннее разоружение Запада. Эта опасность является реальной как в силу большой засекреченности в социалистических странах, так и из-за недалновидности и внутренних политических маневров некоторых политиков Запада, которые из-за сиюминутных интересов внутривнутриполитической борьбы готовы поставить под удар шаткое равновесие в нашем мире. Переговоры о разоружении возможны лишь с позиции равновесия сил. Нельзя исходить из того, что только Запад заинтересован в разоружении, а СССР идет ему навстречу в обмен на экономические льготы, политические и идеологические уступки. Глубинные интересы СССР, задыхающегося от сверхмилитаризации, на самом деле в гораздо большей степени требуют уменьшения военных расходов, сокращения армии и военно-строительных частей и т.д. Для практического ведения дипломатических переговоров чрезвычайно существенно, что идея разоружения стала центральной в советской пропаганде, и этот аспект ее не может быть отставлен в сторону так же легко, как какой-либо договор о торговле или что-либо аналогичное. Поэтому опасения, что выступления в западных странах в защиту прав человека могут повредить переговорам о разоружении, представляются мне несерьезными. Но не менее важно учитывать, что без истинной разрядки, требующей в идеале глубоких внутренних преобразований, фактические масштабы разоружения СССР будут незначительными. Нравственная сила демократической традиции западных стран должна найти свое выражение в спокойной, твердой защите прав человека во всем мире. Защита прав человека в социалистических странах имеет также то значение, что она способствует преодолению закрытости социалистической системы. Торговля, научные и культурные контакты важны сами по себе (особенно для социалистических стран) и

как средство продолжения разрядки. Но в определенных рамках они могут быть использованы как средство косвенного давления для достижения основных целей разрядки — разоружения и обеспечения прав человека.

Я хотел бы пояснить и дополнить некоторые из этих концептивно изложенных тезисов.

Прежде всего — о разоружении. Сейчас особенно много говорят об ограничении стратегических вооружений как о первом этапе на пути к их сокращению, а в перспективе к полному запрещению всех видов ядерного оружия. Это абсолютно оправдано, так как уже сейчас ракетно-термоядерное оружие угрожает существованию цивилизации, а в будущем — существованию всего живого на Земле. Кроме того, в ряде отношений переговоры об этом "избыточно мощном" оружии оказываются дипломатически и технически более простыми. Но сейчас, в условиях огромного развития техники, технологии, массового производства, все большую опасность представляют так называемые обычные виды вооружения. Я уже писал неоднократно (в частности, в своей Нобелевской лекции), что для реального достижения международной безопасности необходимо "сбалансированное" разоружение, в котором на каждом этапе сохраняется "детальное равновесие" (термин заимствован из статической физики) всех видов военных сил у всех противостоящих друг другу потенциальных противников. То есть имеется в виду равенство по отдельности в танках, в живой силе, в ядерном оружии, в авиации и т.д. и равенство по отдельности в каждом стратегическом районе — например, в Европе, на советско-китайской границе, в Индийском океане и т.д. Так как каждая сторона неизбежно будет испытывать соблазн попытаться сохранить преимущества в тех областях, где она его добилась, и одновременно будет пытаться ликвидировать свое отставание в других областях, то любые переговоры по разоружению будут очень сложными и длительными. Но пока идут переговоры, а не война, время работает на нас — я употребил это слово в смысле всех жителей Земли.

О проблеме прав человека. Усилиями многих мужественных людей мы многое знаем о нарушениях прав человека в странах Восточной Европы и в СССР. В Чехословакии, давшей нам в 1968 году вдохновляющий пример смелых и крайне необходимых реформ, а затем героического всенародного сопротивления вторжению СССР и его партнеров, опублико-

ван важнейший программный документ — "Хартия 77". В Польше — смелая инициатива и успешная борьба Комитета защиты рабочих. Движение за права человека развивается во всех странах Восточной Европы. Оно расширяет свою базу за счет широких слоев населения, возмущенных недопустимым диктатом СССР, и опирается в какой-то степени на определенные демократические и культурные традиции, обусловленные историческим положением этих стран между Западом и Востоком; особо я хочу отметить роль католической церкви. В СССР движение за права человека за последние годы осуществилось в широко известном информационном журнале "Хроника текущих событий", в деятельности Инициативной группы по защите прав человека, в Комитете прав человека, в широких движениях за право эмиграции и сохранение национальной культуры (евреи, немцы, украинцы, литовцы, эстонцы, армяне, грузины, татары Крыма и другие), в деятельности Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Весь мир знает об имеющих место в СССР и странах Восточной Европы судебных и внесудебных преследованиях за убеждения и открытые лояльные, но нежелательные властям выступления, о недопустимо суровом режиме в местах заключения, о преследованиях за религиозную деятельность, о противоправных ограничениях свободы выбора страны проживания и места проживания в пределах своей страны и о других нарушениях гражданских и политических прав. Всеобщая декларация прав человека, Пакты о правах человека, имеющие ныне силу международного закона, Заключительный акт Хельсинки являются юридической и политической базой для борьбы с этими нетерпимыми нарушениями.

Я приветствую новую активную позицию, занятую некоторыми парламентами, правительствами и главами государств — участников Хельсинкского совещания, в частности позицию президента США Д. Картера. Картер со всей силой своего авторитета, опирающегося на волю американского народа, провозгласил, что защита прав человека во всем мире основана на высших моральных обязательствах и не может и не должна мешать другим аспектам разрядки. Эта доктрина имеет огромное значение как ответ тем, кто считает открытые и активные выступления в защиту прав человека угрозой разрядке. Я убежден, что можно и нужно пойти далее и принять борьбу за права человека во всем мире важнейшей сос-

тавной частью всех международных отношений, гарантией их нравственной силы и практического, прочного успеха.

В рамках борьбы за права человека особое значение и моральную обязательность имеет защита узников совести во всем мире, тех, кто принес в жертву высоким и чистым принципам свою судьбу, свои профессиональные и личные интересы и судьбу своих близких.

Высокой и благородной целью борьбы за права человека во всем мире является всемирная политическая амнистия. Несмотря на неудачу первой попытки в 1975 году, мировая общественность должна вновь приложить максимальные усилия, чтобы ООН приняла всемирную политическую амнистию как одну из своих целей.

Защита прав человека не носит политического характера. Она целиком исходит из нравственных принципов и ее связи с защитой мира на Земле. Поэтому все люди доброй воли, безотносительно к их "правым" или "левым" политическим убеждениям, могут и должны принять в ней участие. В частности, меня радует, что профсоюзы и коммунистические партии некоторых стран начали принимать участие в этой борьбе, — это один из залогов ее эффективности и массовости.

О возможных формах давления с целью обеспечения прав человека. Следует иметь в виду, что решение какого-либо конкретного вопроса прав человека возможно только в том случае, если этот вопрос стал политической проблемой для высших руководителей стран-нарушителей. Разрядка создает разнообразные рычаги для такого давления, которое, "не перегружая корабль разрядки", то есть не угрожая исчезновением ее возможностей, тем не менее доводит конкретные вопросы и общие проблемы до высших сфер управления. Эти рычаги — в руках правительственных и законодательных инстанций, но также и всех неправительственных организаций и граждан, участвующих в контактах, — фирм, научных ассоциаций, профсоюзов, рабочих, ученых, деятелей культуры. Речь, конечно, идет не о шантаже, а о согласовании интересов, что всегда составляет неременное условие преодоления конфронтации. Безусловно не угрожают разрядке такие меры, как частичный временный бойкот научных или культурных контактов или временное прекращение поставок каких-либо видов оборудования, или забастовка портовых рабочих и т.п. Другой пример более общего характера — поправка Джексона — Вэника. Она, как известно, имеет своей целью предупредить нарушения важнейшего права на эмиграцию; так как это поправка к американскому закону о торговле,

то ее нельзя считать вмешательством во внутренние дела других стран и угрозой разрядке.

Говоря о торговых, промышленных и вообще экономических отношениях, советская пропаганда обычно подчеркивает их взаимовыгодный характер. К этим утверждениям следует относиться с осторожностью. Конечно, вырвавшись вперед и растолкав конкурентов, отдельная западная фирма или страна получает временные выгоды (примеры известны), но в целом именно СССР и страны Восточной Европы жизненно заинтересованы в приобщении к техническому опыту, кредитам и т.п. И будет совершенно непростительно, если Запад не использует этого для достижения глобальных целей преодоления закрытости советского общества как главного препятствия на пути к истинной разрядке, обеспечения международной безопасности, обеспечения прав человека.

Я, однако, считаю недопустимым по моральным соображениям использование в качестве средства давления продовольственную помощь. Это замечание не относится к тем случаям, когда продовольственная помощь используется в спекулятивных целях или для пополнения мобилизационных запасов. Совершенно недопустимо, с моей точки зрения, обуславливать какими-либо условиями переговоры о разоружении, которые должны иметь абсолютный приоритет.

Концепция активной международной защиты прав человека, положенная в основу Всеобщей декларации прав человека, Пактов о правах человека, Заключительного акта в Хельсинки, устава "Эмнести интернэшнл", устава Международной лиги прав человека и многих других международных документов и общественных движений современности, сейчас приобрела значение международной идеологии. Дискуссии по поводу этой концепции становятся все более широкими, по мере того как растет число ее сторонников. Особенную остроту они приобрели в последние месяцы, после того как президент США и новая администрация официально провозгласили эту концепцию составной частью своей глобальной политики в США и во всем мире. Наряду с приветственными и ободряющими голосами усилились голоса сомнения и даже яростного отрицания. Такова, в частности, официальная реакция в социалистических странах — со ссылкой на недопустимость "вмешательства во внутренние дела" и подкрепляемая вызывающим и жестоким усилением репрессий против инакомыслящих. На Западе отрицательная реакция исходит либо от очень недалековидных людей, не понимающих взаимосвязи мировых проблем, а в конечном счете и их местных проблем с защитой прав человека, или от людей, корыстно

или политически заинтересованных в потакании советскому диктату. Возникла действительно критическая ситуация, когда определяется характер международных отношений на длительный период, судьба многих и многих жертв нарушений прав человека и, как я пытался показать, прочность разрядки и международная безопасность. В этих условиях от политических лидеров, принявших на себя ответственность за судьбы мира, требуется исключительная последовательность позиции, широта и смелость решений, ясное понимание ситуации.

Политические лидеры, все люди на Западе должны знать, что любое проявление слабости или непоследовательности самым тяжелым образом скажется на судьбе многих людей, в том числе на судьбе инакомыслящих в СССР и странах Восточной Европы, которые сейчас принимают на себя лобовой удар репрессий. К сожалению, даже в самое последнее время имели место подобные неточности политической линии, имевшие тяжелые последствия.

Лидеры социалистических стран в свою очередь должны понимать, что здравый смысл, чувство ответственности, стремление к стабильности в мире, престижные соображения диктуют им необходимость сделать решительные шаги на встречу требованиям всего мира.

Инакомыслящие требуют соблюдения прав человека, демократизации в рамках существующей системы и выполнения принятых международных обязательств; они принципиально отвергают насилие. Их голос не доходит до тех, кто вправе принять важные решения; лишь репрессии служат ответом на их призывы. Поэтому общественность Запада, его политические лидеры, вступая в диалог с руководителями социалистических стран, на самом деле представляют не только свои народы, но и тех, кто лишен голоса в своей стране.

Эпиграфом к этой статье я взял слова лауреата Нобелевской премии Мира Мартина Лютера Kinga. Мне кажется, что они лучше всего выражают важную для меня мысль, стержень всей статьи.

Надежда человечества — активные, открытые, умные действия людей доброй воли во всем мире, вдохновляемые высокими моральными принципами. Произволу, беззаконию, ограничению прав человека не должно быть места на планете, так же как войне, голоду и бедности. Таковы высшие интересы всех нас вместе и каждого в отдельности.

Москва, 9 марта 1977 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР А.П. АЛЕКСАНДРОВУ

Уважаемый Анатолий Петрович!

Непосредственным поводом для этого письма явилось содержание Вашей беседы о моем деле с президентом Нью-Йоркской Академии наук доктором Дж. Лейбовицем. Эта беседа состоялась 15 апреля, но только сейчас ее запись стала мне доступной. Независимо от этого, я считаю важным изложить свою позицию по принципиальным вопросам, дать оценку действиям органов власти в моем деле, ответить на некоторые публичные обвинения, а также дать оценку позиции, занятой моими коллегами в СССР, в частности Академией наук и ее руководителями.

Моя жизнь сложилась так, что я на протяжении двух десятилетий находился среди тех, кто был занят военно-научными и военно-конструкторскими работами, и сам принимал в них активное участие, а затем более двенадцати лет — среди людей, ставящих своей задачей ненасильственную борьбу за соблюдение прав человека и законность. Эта судьба заставила меня с особой остротой воспринимать вопросы войны и мира, международной безопасности, международного доверия и разоружения и вопросы прав человека, открытости общества, напряженно размышлять об этих проблемах в их взаимосвязи. Так сформировалась моя позиция. Во многом она оказалась неортодоксальной, идущей вразрез с официальной линией и с моей собственной оценкой в более ранние годы. Это в конечном итоге полностью изменило мою жизнь, изменило цели и идеалы.

Еще очень рано я пришел к выводу, что при страстной воле всего народа к миру и при несомненном желании руководителей государства избежать большой войны в своей практической внешней политике они зачастую руководст-

вуются крайне опасной, по моему мнению, "геополитической" стратегией силы и экспансии и стремлением подавить, разложить потенциального противника. Но, разлагая "противника", мы разлагаем мир, в котором живем. Так, еще в 1955 году я узнал, что наша ближневосточная политика совершает крутой поворот, целью которого является создать "нефтяную зависимость стран Запада". Этот поворот принес в последующие годы огромные бедствия народам этого региона — арабам, Израилю, Ливану, а также способствовал остроте энергетического кризиса во всем мире. По мере того, как возрастали военные возможности СССР, такого рода политика становилась все более доминирующей и опасной, разрушая одной рукой то, что пыталась строить другая. Афганистан — последний и наиболее трагический пример того вреда, который приносит это экспансионистское геополитическое мышление.

Я убежден, что предотвращение термоядерной войны, угрожающей человечеству гибелью, является самой важной задачей, имеющей абсолютный приоритет над всеми остальными проблемами нашей жизни. Пути ее решения — политические, политико-экономические, создание международного доверия открытых обществ, безусловное соблюдение основных гражданских и политических прав человека и — разоружение.

Разоружение, в особенности ядерное, — важнейшая задача человечества. Разоружение (реальное, а не демагогическое) возможно, по моему убеждению, лишь на исходной основе стратегического равновесия сил. Я поддерживаю ОСВ-2 как удовлетворительное воплощение этого принципа и как предпосылку ОСВ-3 и других дальнейших соглашений. Я выступаю за соглашение об отказе от первого применения ядерного оружия на предварительной основе достижения стратегического равновесия в области обычных вооружений. Выступаю за всеобъемлющее соглашение о химическом и бактериологическом оружии. Сообщение о недавней разоблачительной катастрофе в Свердловске подтверждает актуальность этого. Я осудил бы попытку Запада добиться существенного стратегического превосходства над СССР как крайне опасную. Но я также крайне озабочен милитаризацией СССР и нарушением с советской стороны стратегического равновесия в Европе и других районах Азии и Африки, советским диктатом и демагогией в них.

Я против международного терроризма, разрушающего мир, какими бы целями ни руководствовались его участники. Государства, реально стремящиеся к стабилизации в мире, не должны его поддерживать ни при каких обстоятельствах.

Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, — неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы. Я узнал о масштабах и цинизме, с которыми нарушаются основные гражданские и политические права в СССР, в том числе право на свободу убеждений и свободу информации, право на свободный выбор страны проживания (т.е. на эмиграцию и возвращение), на выбор места проживания в пределах страны, право на беспристрастный суд и защиту в суде, право на свободу религии. Без соблюдения этих прав общество является "закрытым", потенциально опасным для человечества и осужденным на деградацию. Я узнал людей, которые поставили своей целью бороться за права человека путем гласности, принципиально отвергая насилие, и о жесточайших преследованиях их властями, увидел воочию несправедливые суды, увидел наглость КГБ, узнал о тяжелейших условиях в местах заключения. Я стал одним из этих людей, которых Вы назвали "чуждой кликой" и даже обвинили в измене, но они мои друзья, и я именно в них вижу светлую силу нашего народа.

Я узнал о борьбе за освобождение узников совести во всем мире — и она стала близка мне как важнейшая цель. Я поддерживаю Международную амнистию в ее борьбе за отмену смертной казни во всем мире, и я неоднократно выступал с призывом об отмене смертной казни в нашей стране.

Другими глазами посмотрел я на экономические, и в особенности продовольственные, трудности в СССР, на кастовую партийно-бюрократическую элиту с ее привилегиями, на косность системы производства, на угрожающие признаки бюрократического извращения и омертвления всей жизни страны, на всеобщее равнодушие к результатам труда, на безликое государство (когда всем все до лампочки), на коррупцию, блат и уродующие человека вынужденные лавирование и лицемерие, на алкоголизм, на цензуру и наглое вранье прессы, на безумные нарушения среды обитания —

почвы, лугов, чистоты воздуха, лесов, рек и озер. Необходимость глубоких экономических и социальных реформ в СССР очевидна многим в стране, но их проведение наталкивается на противодействие части правящей бюрократии, и все продолжается по-старому — приевшиеся лозунги, все же что-то делается, а больше — проваливается. Между тем военно-промышленный комплекс и КГБ набирают силу, угрожая стабильности во всем мире, а сверхмилитаризация поедает все ресурсы.

Моим идеалом стало открытое плюралистическое общество с безусловным соблюдением основных гражданских и политических прав человека, общество со смешанной экономикой, осуществляющее научно регулируемый всесторонний прогресс. Я высказал предположение, что такое общество должно возникнуть как результат мирного сближения ("конвергенции") социалистической и капиталистической систем и что в этом — главное условие спасения мира от термоядерной катастрофы.

Наша страна половину своей истории прожила в обстановке чудовищных преступлений сталинского режима. Хотя на словах действия Сталина официально осуждены, но масштабы сталинских преступлений и их конкретные проявления тщательно скрываются от народа, а разоблачители преследуются за мнимую клевету. Террор и голод эпохи коллективизации, убийство Кирова и уничтожение культурных, гражданских, военных и партийных кадров, геноцид при переселении "наказанных" народов, лагеря каторжного труда и гибель многих миллионов в них, заигрывание с Гитлером, обернувшееся национальной трагедией, репрессии против оказавшихся в плену, антирабочие законы, убийство Михоэлса и возрождение государственного антисемитизма — все эти язвы должны быть вскрыты с абсолютной окончательностью. Народ без исторической памяти обречен на деградацию. Как мне известно, Вы в той или иной мере разделяли эту точку зрения раньше, и я надеюсь, что Ваша позиция не изменилась.

Свою концепцию я изложил в 1968–1980 годах в серии статей, выступлений и интервью. Вместо серьезной дискуссии официальная пропаганда ответила умышленными искажениями моей позиции, ее окариатурированием, руганью и клеветой. А в жизни я столкнулся со все большими преследованиями, угрозами мне и особенно моим близким — и, на-

конец, с бессудной депортацией. Уже первые мои попытки занять непредвзятую позицию встретили противодействие. 22 ноября 1955 г., в день триумфального и трагического испытания термоядерного оружия (когда еще не были преданы земле тела погибших), на этой почве произошло мое столкновение с маршалом М.И. Неделиным, а 10 июля 1961 г. столкновение (в Вашем присутствии) с Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым.

И все же мне удалось (министр среднего машиностроения Е.П. Славский может подтвердить это) быть одним из инициаторов Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, который явился первым (и пока наиболее бесспорным) шагом на трудном пути к предотвращению ядерной угрозы.

В 1975 году я удостоен Нобелевской премии Мира — единственный из граждан СССР. В 1980 году я в Горьком, и Вы, президент Академии наук СССР, беседуете с президентом Нью-Йоркской Академии наук, специально прилетевшим из США, чтобы встретиться с Вами. Что же Вы ему ответили? К сожалению, Вы говорили в духе позорного заявления со-рока академиков 1973 года, которое тогда положило основу моей травли в печати, но только с еще большим цинизмом и неуважением к здравому смыслу собеседника, Вашего и моего коллеги по науке.

Да, я в лучших условиях, чем те мои друзья, которые осуждены на многолетние сроки или ждут суда, среди них много наших с Вами коллег, назову лишь некоторых — биолог Ковалев, физик-теоретик Орлов, математики Великанова и Лавут, молодой ученый-кибернетик Щаранский, медики Некипелов и Терновский, математик-кибернетик Болонкин (только последнего я не знаю лично). Все они не нарушали законов страны, не прибегали и не призывали к насилию, словом и пером пытаясь осуществить свои идеалы, как и я, и нас нельзя отделять. Я считаю, что было бы естественно, если б Академия наук защищала репрессированных ученых, а не допускала в лице ее президента клеветы в их адрес. Но мое дело отличается тем, что в нем власти отбросили даже ту жалкую имитацию законности, которую они изображали при преследовании инакомыслящих в последние годы. И это недопустимо — как прецедент и как рецидив. Ни одно из официальных учреждений, призванных осуществлять закон, не взяло на себя ответственности за акт моей депортации.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что по общепринятым юридическим нормам *только суд* может установить виновность человека, определить ему меру наказания и обязательно — его срок. Мое же дело во всех этих трех аспектах — вопиющее беззаконие, поэтому мое требование открытого суда — глубоко серьезно и принципиально. Вы говорите, что я могу заниматься в Горьком наукой. Да, я работаю, но не представителю Академии наук, способствующей для меня организации шарашки на одного, говорить об этом как о чуде. Да, у меня есть крыша над головой (в Горьком говорят, что эта квартира — бывшая явка КГБ), а жена привозит из Москвы мясо, масло, творог и сыр, которых нет в Горьком. Нарушение закона, которое Вы пытаетесь этим оправдать, от этого не меньше. Совершенно незаконным (ссылным согласно Исправительно-трудовому законодательству такого не устанавливают) является режим, который установили для меня — кто? КГБ, МВД, Прокуратура, — я этого не знаю, и Вы тоже не сможете ответить на этот вопрос. У моей двери круглосуточно стоит милиционер, любой посетитель попадает в милицию и имеет крупные неприятности. Я узнаю лишь через много времени о таких попытках близких мне людей, врача и друга, восьмидесятидвухлетней тети, об остальных могу и никогда не узнать. Но помимо милиционера и втайне от него — через окно — в квартиру проникают сотрудники КГБ, нарушая право неприкосновенности жилища и создавая тем потенциальную опасность для меня. Вы не ответили на телеграмму моей жены об этом в июле этого года, я считаю это недопустимым. Для меня установлена персональная глушилка — фирма не жалеет затрат — еще до того, как в СССР возобновили глушение. Круглосуточно — бесстыдная, наглая слежка, агенты следуют по пятам всюду, заглядывают в окно, забегают впереди меня на почту, чтобы я не мог позвонить.

В беседе с доктором Лейбовицем Вы намекаете на нарушение мной государственной тайны и при этом голословно обвиняете моих друзей, утверждая, что кто-то пытался вывезти какие-то секреты, полученные им прямо от меня или через друзей. Станным образом отождествляя себя и Академию наук с органами сыска, Вы говорите, что "мы задержали этого человека". Но юридические факты отличаются от демагогии и обывательских разговоров конкретностью. Тут ее не было — и быть не могло. В таких серьезных вещах го-

лословное утверждение имеет и другое название — клевета. Вы с удивительным юридическим легкомыслием заявляете, что за мои призывы к иностранным правительствам меня можно осудить на пять лет заключения — почему пять? Статья 190-1 УК РСФСР — срок три года, ст. 70 — срок 7 лет, ст. 64 — до 15 лет или смертная казнь; Вы также заметили, что меня можно было и убить, как Кеннеди или Кинга. Но я считаю себя обязанным высказывать свое мнение по острым вопросам и осуждать те действия СССР, которые прямо противоречат принятым им на себя международным обязательствам и международным нормам. Я одобряю те лежащие в рамках закона действия иностранных правительств, которые могут способствовать исправлению этого. Я поддержал в свое время поправку Джексона. Я и сейчас продолжаю считать ее чрезвычайно важной. Это поправка к американскому закону о торговле, речь идет об американских торговых правилах. Я обратился к правительству Индонезии с просьбой об амнистии политзаключенных. Меня обвиняют в печати в восхвалении переворота в Чили — но я тогда вместе с Галичем и Максимовым писал о судьбе писателя Пабло Неруды. Я дважды выступил против жестоких антикурдских акций в Ираке. Я обратился несколько лет назад с просьбой проявить гуманность при осаде палестинского лагеря Телль-Заатар. Осенью 1979 года я обратился к правительству КНР с просьбой пересмотреть жестокий приговор смелому диссиденту, противнику военной акции против Вьетнама Вэй Циншену и правительству ЧССР — пересмотреть приговор членам "Хартии — 77". Я не поддерживал предложения о бойкоте Московской Олимпиады, о техническом и тем более продовольственном бойкоте до советского вторжения в Афганистан. Моя позиция изменилась, когда, по моему мнению (и по мнению 104 государств — членов ООН), произошло опасное нарушение международного права, международного равновесия. Я поддержал меры бойкота, считая их в этих условиях направленными также и на благо нашей страны. Я передал Президенту Франции Жискар Д'Эстену письмо группы активистов крымско-татарского народа, а от своего имени обратился к Л.И. Брежневу с просьбой положить конец национальной дискриминации крымских татар, явившихся жертвой сталинского пресупления в 1944 году. В октябре 1979 года я просил Л.И. Брежнева способствовать беспрепятственной доставке продовольственной помощи голодающим в Кампучии. Уже после депор-

тации в Горький я обратился к Л.И. Брежневу с большим письмом, содержащим приемлемые, по моему мнению, предложения по политическому урегулированию афганистанской трагедии, копии письма послал главам государств — постоянных членов Совета Безопасности. Я высказал в этом письме мнение о вторжении в Афганистан как об ошибке, имеющей огромные негативные последствия — внешнеполитические и внутри страны. Я пишу, в частности, об усилении роли репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля. Таковы некоторые из моих внешнеполитических выступлений за последние годы. Во всех этих моих действиях нет нарушений законов СССР. Эти выступления продиктованы моими убеждениями и, по моему мнению, ни в чем не противоречат интересам нашей страны и ее народа.

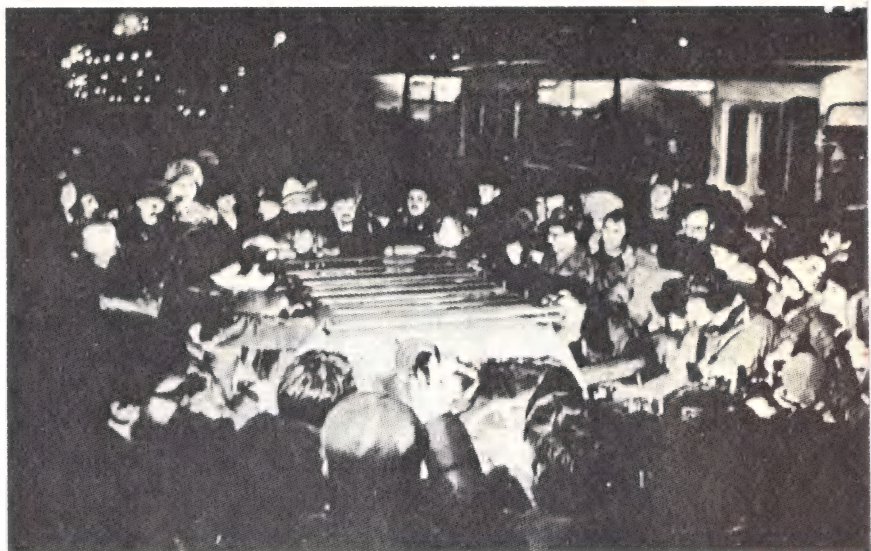
12 августа 1980 г. я обратился к вице-президенту АН СССР академику Е.П. Велихову и в его лице к президенту АН и к Вам лично с просьбой помочь в деле, которое стало особенно важным для меня. История его такова. Неоднократные угрозы в адрес детей и внуков (начиная с "визита" террористов Черного сентября в 1973 г.), притеснения и провокации вынудили нас уговорить их эмигрировать. Это решение было непростым и до сих пор воспринимается трагически. У сына осталась в СССР невеста Елизавета Алексеева, вот уже три года она не может выехать к любимому человеку, подвергается шантажу и угрозам КГБ. Ко мне в Горький ее, члена нашей семьи, не пускают. Опасаясь за ее жизнь, моя жена вынуждена большую часть времени проводить в Москве. Фактически Лиза Алексеева стала заложницей. Я просил ходатайствовать о получении ею разрешения на выезд. В течение двух месяцев вице-президент вообще не отвечал мне на это письмо и на неоднократные телеграммы. Лишь 14 октября вечером пришла телеграмма, что им "предпринимаются меры по выяснению возможности выполнения Вашей просьбы". Совершенно непонятно, почему это так сложно, если человек никогда не имел отношения ни к каким государственным секретам. У меня создается впечатление, что эта телеграмма не более как уловка КГБ с целью оттяжки времени. Сам факт заложничества, связанный со мной, для меня совершенно непереносим. Я вынужден и в этом деле обратиться за поддержкой к моим коллегам за рубежом.

Вы говорили доктору Лейбовицу о приезде ко мне моих коллег из ФИАН как о доказательстве того, что у меня есть

Использованы уникальные фотографии Ю. Роста, АПН, АНЦА (Италия).

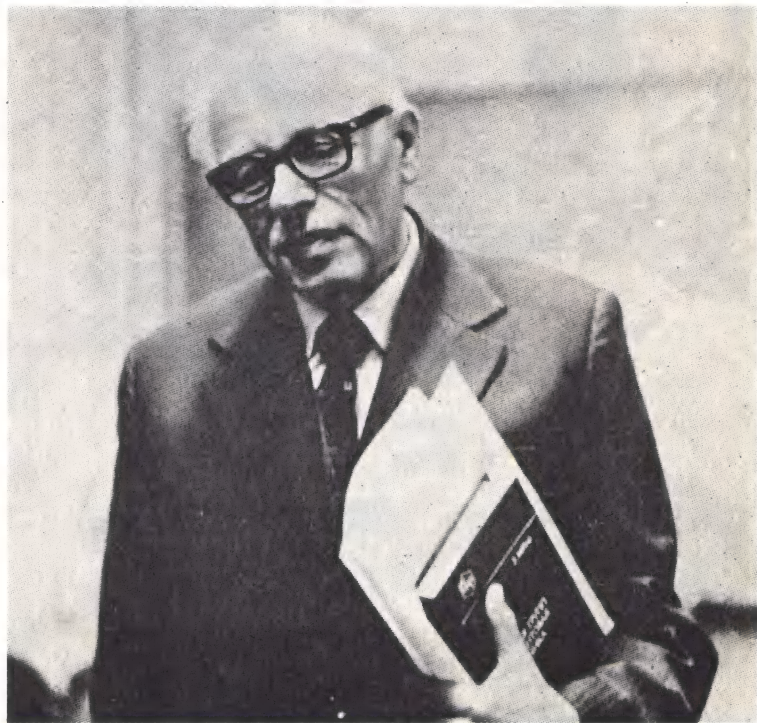

Возвращение из ссылки

Эта табличка висела все «горьковские» годы

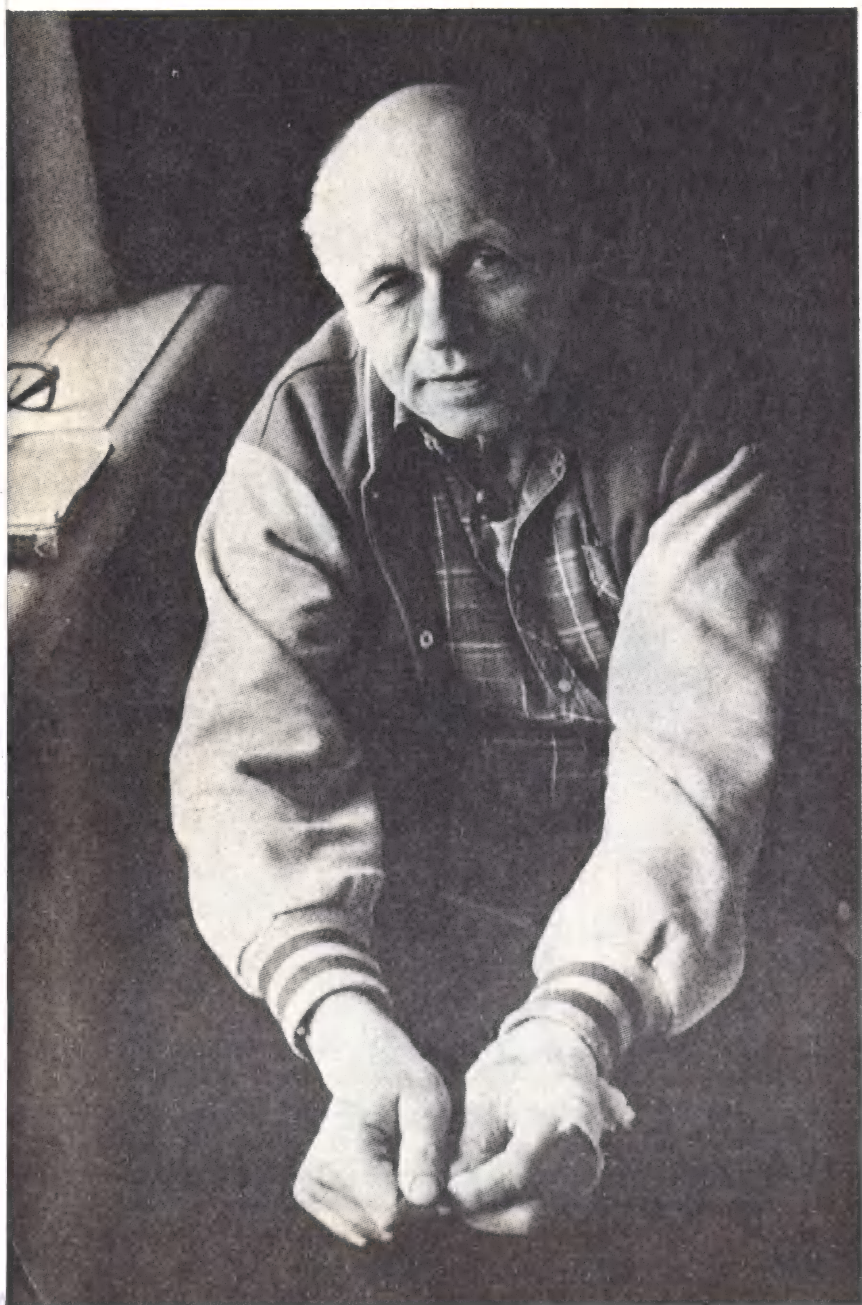

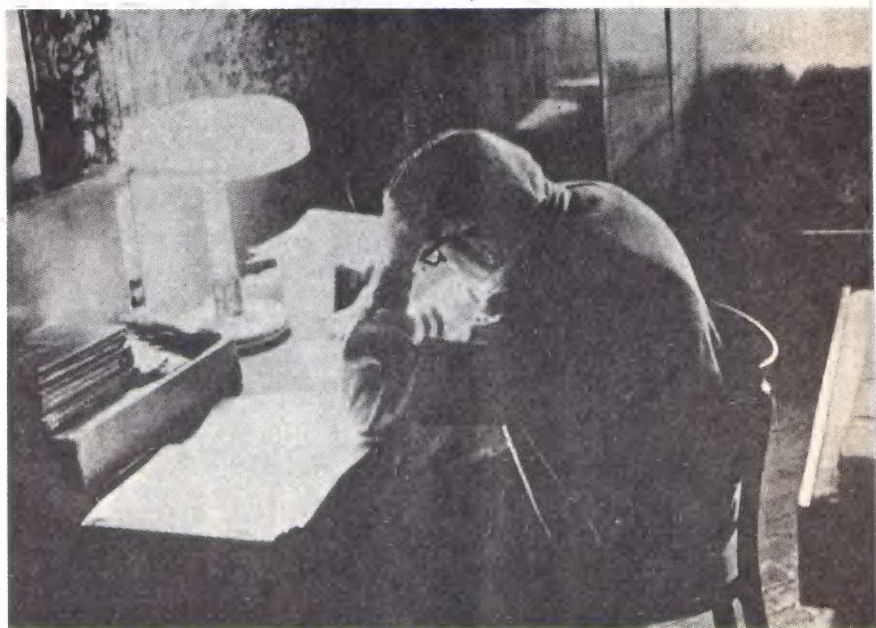
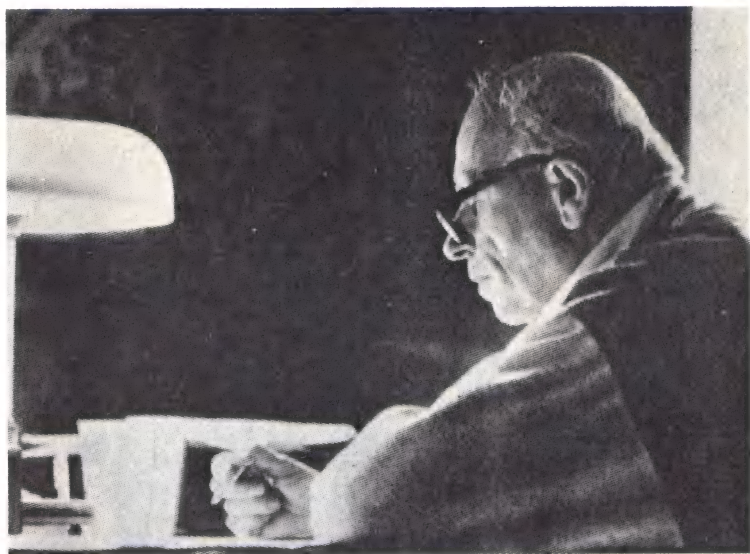
Научный семинар в ФИАНе

В Армении

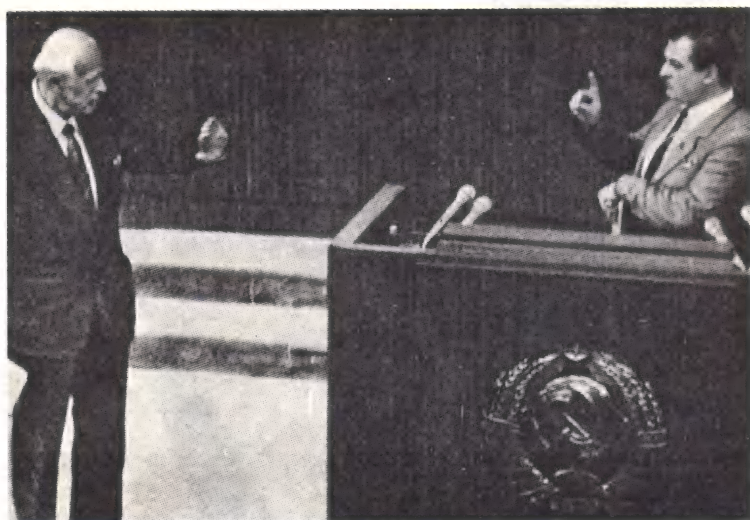
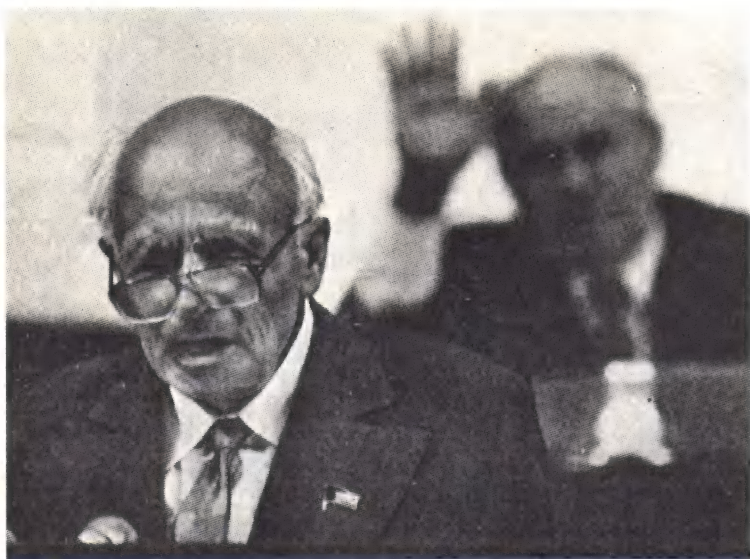

За работи

В Тбилиси, май 1989-го

На I Съезде народных депутатов

Народные депутаты СССР Андрей Сахаров и Галина Старовойтова,
писатель Юрий Рост

На I Съезде ...

Присуждение докторской степени Болонского университета

11 декабря 1989 г. За три дня ...

1970 год ...

все возможности для научной работы. Но как бы ни были важны для меня эти визиты в условиях изоляции от общения с кем-либо, при недостатке литературы и т.п., совершенно недопустима полная их зависимость от контроля КГБ, выбирающего нужные ему моменты приезда ко мне ученых и состав участников. Так, первый приезд фиановцев был приурочен к приезду доктора Лейбовица, чтобы Вы могли упомянуть о нем при встрече с ним, а второй — к приезду секретаря Национальной Академии наук США с той же демонстрационной целью. Я работаю в ФИАН с 1969 года, а до этого — с 1945 по 1950 год, и должен иметь право на основании своего желания, а не по контролю КГБ выбирать, с кем я буду говорить о науке. Я писал о недопустимости контроля КГБ академику Гинзбургу в письме от 15 сентября и просил воздержаться от командирования сотрудников ФИАН. В силу обеих этих причин — позиции Академии наук и недопустимых условий контактов с ФИАН — я прерываю свои официальные научные контакты с советскими научными учреждениями, в частности с Академией наук и ФИАН, и настоящим извещаю Вас об этом.

Перед общим собранием АН СССР в марте 1980 года я обратился в президиум АН СССР с просьбой обеспечить мой приезд для участия в собрании, что является моим правом и обязанностью согласно Уставу. Я получил ответ: "Ваше участие в общем собрании не предусматривается". Смысл этих слов был наглядно продемонстрирован действиями гебистов, с пистолетами в руках не пустивших меня в вагон поезда Горький — Москва вечером 4 марта, накануне общего собрания, когда я провожал на вокзал свою тещу и хотел занести ее чемоданы. Таким образом президиум АН допустил возможность вмешательства КГБ в дела Академии, формально оставив меня членом АН, но лишив одного из основных прав академика.

Посылая Вам это открытое письмо, я надеюсь, что Вы аргументированно ответите мне так же открыто по всем поднятым в нем вопросам, особо же по следующим из них:

Готово ли руководство АН СССР в соответствии с пожеланиями мировой научной общественности активно защищать мои нарушенные права и права других репрессированных ученых?

Готово ли руководство АН СССР потребовать моего немедленного возвращения в Москву и определения открытым

судом моей виновности или невиновности в нарушении закона и в случае установления вины — меры и срока наказания?

Готово ли руководство АН СССР решительно и на деле, а не на словах защищать меня от шантажа в отношении члена моей семьи Е. Алексеевой, способствуя ее выезду из СССР?

Я вновь обращаю Ваше внимание на то, что позиция Академии наук и ее руководства не только в моем деле, но и в делах других репрессированных ученых не соответствует традиционному пониманию солидарности ученых. Сейчас ученые несут на себе большую долю ответственности за судьбы мира, и это обязывает их к независимости от кастово-бюрократических институтов и тем более от тайной полиции, называется ли она ФБР или КГБ. Я все еще надеюсь, что Академия наук СССР проявит такую независимость.

С уважением

Андрей Сахаров,
действительный член АН СССР
с 1953 года

Горький, 20 октября 1980 г.

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ. 1980 год

Я хочу высказать некоторые мысли по волнующим меня вопросам так, как они видятся мне из глубины СССР, из закрытого для иностранцев города Горький, где я живу под неусыпным надзором КГБ.

1. Международные вопросы

В 60–70-е годы СССР, используя свой возросший, хотя и односторонний экономический и научно-технический потенциал, осуществил кардинальное переоснащение и расширение своих вооружений... Произошло (и продолжает усиливаться) серьезное изменение соотношения сил в мире. Конечно, развитие новой техники и количественное наращивание вооружений происходило не только в СССР, но и в других технически развитых странах (почти во всех), это взаимно подстегивающий процесс. В США, в частности в некоторых облас-

тах, развитие шло, возможно, на более высоком научно-техническом уровне, и это, со своей стороны, вызвало тревогу в СССР. Но для оценки ситуации очень важны особенности СССР — закрытого тоталитарного государства с фактически милитаризованной экономикой и бюрократически-централизованным управлением, которые делают его усиление относительно более опасным....

И все же я считаю, что вопросы войны и мира, вопросы разоружения так важны, что и в самой трудной ситуации они должны иметь абсолютный приоритет, и нужно использовать все существующие возможности для их решения, готовить почву для дальнейшего продвижения в будущем. И в первую очередь — для предотвращения ядерной войны — основной опасности современного мира. В этом совпадают цели всех ответственных людей на Земле, в том числе, как я считаю и надеюсь, и советских руководителей...

Любые переговоры о разоружении возможны лишь на основе стратегического равновесия...

Столь же настоятельная необходимость — мирное урегулирование "горячих" конфликтов....

2. Проблемы Запада

Тоталитарный строй ведет свою политику, руководя ею из единого центра: дипломатия, служба информации и дезинформации внутри и вне страны, международная торговля, туризм, научно-технический обмен, экономическая и военная помощь освободительным движениям (в некоторых случаях этот термин надо поставить в кавычки), внешняя политика зависимых стран, всевозможные тайные действия — все это координируется из единого центра. На тайных действиях надо остановиться особо — человеку свойственно забывать о том, что не бросается в глаза. Запад и развивающиеся страны наводнены людьми, которые являются фактическими проводниками влияния и интересов советской экспансии. Часть из них — по идейным, заслуживающим обсуждения мотивам. Ведь и в СССР, в ее эпицентре, и в Китае коммунистическая идеология не представляет собой чистого обмана, чистого заблуждения — она возникла из стремления к истине и справедливости, как и другие религиозные, этические и философские системы, и ее слабость, грехопадение и дегра-

дация, проявившиеся с ее первых шагов, — сложное историческое, научное и психологическое явление, которое требует отдельного анализа. Другая часть ведет себя "прогрессивным" образом, потому что это выгодно, престижно, модно. Третья часть — наивные и плохо информированные люди или равнодушные, закрывающие глаза и уши на горькие истины и охотно поглощающие сладкую ложь. И, наконец, четвертая часть — люди, подкупленные в прямом смысле этого слова (не всегда деньгами)...

Объединение всех сил — одно из преимуществ тоталитаризма в его общемировом наступлении, представляющем угрозу плюралистическому Западу. Что же Запад противопоставляет этому вызову? Конечно, в исторической перспективе, в условиях мирного и спокойного развития плюралистические свободные структуры более жизнеспособны и динамичны. Поэтому будущее — на путях плюралистической конвергенции и контролируемого научно-технического прогресса. Но миру предстоят очень трудные времена, жестокие катаклизмы, если Запад и определяющие свое место в мире развивающиеся страны не смогут уже сейчас проявить должную стойкость, единство и последовательность в сопротивлении тоталитарному вызову. Это относится к правительствам, интеллигенции, бизнесменам, ко всему населению...

...Недостаточное единство западных стран — это оборотная сторона демократического плюрализма, составляющего главную силу Запада, но также и результат планомерной политики вбивания "клиньев", чему Запад по беспечности и слепоте не оказывал должного противодействия. И все же я считаю, что в самое последнее время, в серьезных обстоятельствах кризиса, в позиции Запада, так же как и в позиции развивающихся стран, произошел важный сдвиг. Будущее покажет, прав ли тут я.

Из важных событий последних лет — изменение позиций некоторых европейских коммунистических партий (впрочем, французская компартия, кажется, быстро сыграла назад). Если решение отказаться от безоговорочной поддержки Москвы, например, в таких вопросах, как действия СССР в Афганистане, отказ от догматизма и принятие некоторых плюралистических принципов окажутся достаточно стойкими, то все это будет иметь глубокие последствия. Очень важна была бы поддержка европейскими коммунистическими партиями борьбы за права человека в СССР и других комму-

нистических странах вместе со всеми демократическими силами своих стран...

3. Репрессии в СССР.

Некоторые мысли о наших внутренних проблемах

Защита прав человека стала общемировой идеологией, объединяющей на гуманной основе людей всех национальностей и самых различных убеждений.... Чрезвычайно важно принципиальное ограничение ненасильственными методами... Призыв к новым революционным переворотам или к интервенциям был бы безумием и страшным преступлением в неустойчивом мире, стоящем в нескольких шагах от термоядерной пропасти...

Десятилетия тотального террора, старые и новые пред рассудки, приманка относительного благосостояния после поколений разрухи..., постоянная необходимость "ловчить", "комбинировать", нарушать правовые нормы – все это глубоко изуродовало сознание самых широких масс населения. Идеология советского мещанина (я говорю о худших, но, к сожалению, довольно типичных и для рабочих и крестьян, и для широкой интеллигенции) состоит из нескольких сложных идей:

1. Культ государства, в котором соединяются в разных комбинациях преклонение перед силой, наивная уверенность, что на Западе хуже, чем у нас, благодарность "благодетелю"-государству и в то же время страх и лицемерие.

2. Эгоистическое стремление обеспечить свое и своей семье благополучие, "живя как все", – с помощью блата, воровства, покрываемого начальством, и обязательного лицемерия. Но одновременно – у лучших – есть желание добиться этого благополучия своим трудом, своими руками, но при этом оказывается, что все равно надо ловчить и лицемерить.

3. Идея национального превосходства. Тяжелые истерические и погромные формы принимает она у некоторых русских, но и не только у них. Как часто приходится слышать – тратимся на этих черных (или желтых) обезьян, кормим дармоедов. Или – во всем виноваты эти евреи (или русские, грузины, чучмеки – т.е. жители Средней Азии). Это очень тревожные симптомы после 60 лет провозглашаемой "дружбы народов".

Официально коммунистическая идеология — интернационалистическая, но втихую используются националистические предрассудки (пока с некоторой осторожностью, и я надеюсь, что эти силы не будут развязаны, — после классовой ненависти нам только не хватает расовой; националистическая идеология, как я убежден, опасна и разрушительна даже в ее наиболее гуманных на первый взгляд "диссидентских" формах). ...Усиленно эксплуатируются общенародная трагедия войны и та гордость, которая связана у людей с их активным участием в исторических событиях того времени. Ирония жизни в том, что только во время войны рядовой человек чувствовал свою значительность и человеческое достоинство... Усиленно эксплуатируются угроза войны, пресловутые американские базы, окружившие нашу страну, культивируется чувство подозрительности к проискам "империалистов". Народ, переживший страшные потери, жестокости и разрушения войны, больше всего хочет мира. Это всеобщее, наиболее глубокое, сильное и чистое чувство. Сегодня руководители страны не идут и не могут идти против этого самого главного импульса людей...

Но и стремление людей к миру эксплуатируется, и это, быть может, самый страшный обман. Оно используется для оправдания всего негативного в нашей жизни — экономических неурядиц, сверхмилитаризации, для оправдания якобы "защитных" внешнеполитических акций — будь то Чехословакия или Афганистан, для оправдания закрытости и несвободы общества, для оправдания экологических безумств — уничтожения Байкала, лугов и пашен, рыбных богатств страны, отравления воды и воздуха.

Население страны безропотно принимает все нехватки (т.е. дома-то оно ропщет) — мяса, масла, многого другого, терпит вопиющее социальное неравенство элиты и народа, терпит произвол и жестокость властей на местах (все знают об избиениях и гибели людей в милиции, но обычно молчат). Молчат при несправедливых расправах над инакомыслящими (иногда злорадствуют), молчат при любых внешнеполитических акциях. Страна, живя десятилетия в условиях, когда все средства производства принадлежат государству, испытывает серьезные экономические и социальные трудности, не может самостоятельно прокормить себя, не может — без использования привилегий разрядки — осуществлять научно-технический прогресс на современном уровне. ...Чинов-

ные догматики и новый, приходящий им на смену слой — безымянные цепкие циники, снующие в бесчисленных "коридорах власти" отделов ЦК, КГБ, министерств, обкомов и райкомов, — толкают страну на более безопасный с их точки зрения, а на самом деле самоубийственный путь — оставить все по-старому в созданной при Сталине системе власти и экономики, продолжать гонку вооружений, прикрывая ее словами о миролюбии, "подбирать" все, что плохо лежит в мире — для поднятия престижа и общего усиления и чтобы не ржавели пушки — от Эфиопии до Афганистана; ликвидировать инакомыслящих, вернув страну к спокойному "додисидентскому" периоду...

Последние 10–15 лет отмечены углублением традиционной русской беды — пьянства. Власти, предпринимая — больше на словах — кое-какие робкие полумеры, фактически не могут ничего сделать реально.

Люди в стране, конечно, в какой-то степени дезориентированы и запуганы, но очень существенны также сознательный самообман и эгоистическое самоустранение от трудных проблем. Лозунг "Народ и партия едины", украшающий каждый пятый дом, — не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, вставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффектный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ним моральная сила и логика исторического развития. Я убежден также, что их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Президиуму Верховного Совета СССР, Председателю
Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу

Копии этого письма я адресую Генеральному секретарю ООН и главам государств — постоянных членов Совета Безопасности

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире я чувствую ответственность за происходящие

трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев – не только партизан, но главным образом мирных жителей – стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу голода для целых районов...

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылки дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать!) увеличению военных бюджетов и принятию новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасность гонки вооружений. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие, ранее безоговорочно поддерживавшие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан – вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной стра-

ны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие действия:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия — заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104 ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице его постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны — члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим — одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармаля до проведения выборов передает свои полномочия Временному совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Кармаля.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармаля и партизаны принимают участие в них на общих основаниях...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

Горький, 1980 г.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНЫХ

Ученые в современном мире в силу интернационального характера науки образуют единственное пока реально

существующее международное сообщество. Это несомненно так в профессиональном плане: уравнение Шредингера или формула $E=mc^2$ одинаково справедливы на всех континентах. Но международная интегрированность научного сообщества неизбежно выходит и должна выходить в еще большей степени за узко профессиональные рамки, охватывая широкий круг нравственных и общечеловеческих проблем.

Ученые, инженеры, специалисты обладают – в силу профессиональных знаний и особенностей положения – широким и глубинным пониманием возможностей применения на благо людям достижений науки и технологии и одновременно связанных с этим опасностей и в какой-то мере пониманием или стремлением к пониманию позитивных и негативных тенденций и возможных последствий прогресса в целом. Колоссальные резервы использования современных достижений физики, химии и биохимии, технологии и инженерии, компьютерной техники, медицины и генетики, физиологии и научной гигиены, микробиологии, в том числе промышленной, новых принципов организации промышленности и сельскохозяйственного производства, психологии и других точных и гуманитарных наук. Еще большего можно ждать от науки и технологии в будущем. Долг всех нас – всемерно способствовать полной реализации этих достижений и дальнейшему их развитию в мире, где жизнь большинства людей все еще очень тяжела, где столь многим угрожают голод, ранние болезни и преждевременная смерть.

Но ученые и специалисты не могут не думать и об опасностях неконтролируемого прогресса, в частности неконтролируемого промышленного роста, и в особенности об опасностях военного применения достижений науки. Широкие общественные дискуссии связанных с научно-техническим прогрессом вопросов – ядерной энергетики, демографического взрыва, генной инженерии, защиты среды обитания от последствий промышленного роста, защиты воздуха, флоры и фауны, рек и озер, морей и океанов, влияния на людей средств масс-медиа – часто ведутся на низком уровне информации, с предвзятостью и под влиянием политических страстей, а иногда просто недобросовестно – но они отражают реальные и серьезные проблемы. Поэтому долг специалистов – непредвзятое и максимально широкое рассмотрение всего комплекса проблем с обязательным доведением всей

общественно значимой информации до населения, причем не только в пересказах, а и из "первых рук". Очень показателен пример дискуссий по ядерной энергетике, столь важной в современных условиях. Как мне уже приходилось писать, по моему мнению, в этом вопросе на Западе возник крайне вредный перекося в сторону преувеличения ее опасностей.

С некоторыми существенными оговорками (в особенности относящимися к тоталитарным странам) ученые обладают не только большей информированностью, но и большей независимостью и свободой, и стремятся к этому. Но свобода всегда предполагает и ответственность. Ученые и специалисты имеют сейчас или могут иметь огромное влияние на общественное мнение и влияние на органы власти (не следует его переоценивать, но оно существует). Понимая так положение ученых в современном мире, я убежден в их особой ответственности — и в профессиональном, и в общественном плане. При этом часто трудно разделить первое и второе — уже информационная деятельность ученых, популяризация научных знаний, предложения или предупреждения носят такой смешанный профессионально-общественный характер.

То же самое относится к роли ученых в проблемах разоружения — в выработке программ и участию в международных переговорах, в обращениях к властям и гражданам с относящимися сюда идеями, опасениями и предложениями. Это отдельная, чрезвычайно важная тема, требующая глубокого, всестороннего и научно смелого подхода. Она требует более подробного освещения. Здесь я скажу лишь в тезисной форме, что считаю разоружение необходимым и возможным единственно на основе стратегического равновесия, я считаю необходимыми дальнейшие соглашения о всех видах оружия массового уничтожения и при достижении стратегического равновесия в области обычных вооружений с учетом всей совокупности политических, психологических и географических факторов, при условии прекращения тоталитарной экспансии — соглашения об отказе от первого применения ядерного оружия и — в перспективе — запрещении его.

Другая тема, к которой я перейду, — международная защита прав человека — также тесно связана с проблемой мира, с установлением доверия и взаимопонимания между странами. Свобода убеждений и информационного обмена,

свобода передвижения — необходимое условие реальной подконтрольности власти, предупреждающее злоупотребления ею во внутренних и международных делах. При подконтрольности власти были бы невозможны, по моему мнению, такие трагические ошибки, как советское вторжение в Афганистан, затруднены проявления экспансионистской политики, внутренние репрессии. Важным шагом в направлении реальной свободы информации в тоталитарных странах явилась бы свободная продажа в них газет, журналов и книг, публикуемых за рубежом. Не менее, а может быть, более важна отмена цензуры — что, конечно, больше всего должно быть заботой ученых и интеллигенции именно тоталитарных стран. Важно требовать прекращения глушения иностранных радиопередач, лишаящего миллионы граждан неподцензурной информации и тем самым самостоятельной оценки событий (как известно, глушение в СССР возобновилось осенью 1980 г. после 7-летнего перерыва).

Особое значение имеет, по моему мнению, поддержка требования "Эмнести интернэшнл" всеобщей всемирной амнистии узников совести. Политическая амнистия была уже проведена в последние годы в ряде стран и во многом способствовала улучшению обстановки. Амнистия узников совести в СССР, в странах Восточной Европы и во всех других странах, где есть политзаключенные — узники совести, имела бы не только большое гуманистическое значение, но и в огромной степени способствовала бы международному доверию и безопасности.

Именно в решении всех этих задач может оказаться особенно важен всемирный характер научного сообщества. Вместе с тем, защищая права человека в международном масштабе, в том числе репрессированных ученых, но и не только их, а и всех, чьи права нарушены, — научное сообщество защищает и подтверждает свой международный статус, столь необходимый для успешной деятельности в науке и для служения обществу. Ученым на Западе известны многие имена тех их коллег в СССР, которые подверглись незаконным репрессиям (в силу большей осведомленности я буду ниже говорить об СССР, хотя серьезные нарушения прав человека имеют место и в других странах, в частности в Восточной Европе). Все те, о ком я говорю, никогда не призывали к насилию и не применяли его, считая гласность единственно допустимой, эффективной и свободной от пагубных пос-

ледствий формой защиты прав человека. Таким образом, все они — узники совести в том смысле этого слова, который применяет "Эмнести интернэшнл". Очень много общего и в их дальнейшей судьбе. Суд над каждым проходил с вопиющими нарушениями гласности и других требований закона, а также простого здравого смысла. Так, мой друг Сергей Ковалев осужден в 1975 году заочно и без адвоката, то есть вообще без каких-либо возможностей защиты. Он приговорен к 7 годам заключения и 3 годам ссылки якобы за антисоветскую агитацию и пропаганду в самиздатском информационном журнале "Хроника текущих событий"; но какая-нибудь дискуссия по существу отсутствовала. Столь же незаконными были суды над основателем "хельсинкской группы" Юрием Орловым и другими членами "хельсинкских групп" и их комиссий — Виктором Некипеловым, Леонардом Терновским, Миколой Руденко, Александром Подрабинеком (и его братом Кириллом), Глебом Якуниным, Владимиром Слепаком, Мальвой Ландой, Робертом Назаряном, Эдуардом Арутюняном, Вячеславом Бахминым, Олесем Бердником, Оксаной Мешко, Николаем Матусевичем и его женой, Мирославом Мариновичем. Ожидают суда Таня Осипова, Ирина Гривнина и Феликс Серебров. Во время суда над Орловым его адвокат был насильно заперт в комнате рядом с залом суда и не мог присутствовать на части заседания, а жена подвергнута грубому личному обыску со срыванием одежды в поисках записей и магнитофона, настолько велик страх раскрытия гротескной тайны суда. В лагере все узники совести подвергаются жестокому обращению, произвольным заключениям в карцер — на пытку холодом и голодом, произвольно лишаются и без того крайне ограниченных свиданий с близкими и права на переписку. Они разделяют всю недостойную современности тяжесть режима уголовных заключенных в СССР, при этом от них требуют еще "встать на путь исправления", то есть отказа от убеждений; хочу напомнить, что ни разу ни одна международная организация, в том числе юридические и Красный Крест, не добились возможности видеть советские лагеря. Очень часты повторные осуждения политзаключенных, часто на чудовищный срок — 10 лет лагеря и 5 — ссылки. Так осуждены орнитолог Март Никлус, поэт Василь Стус, физик-учитель Олекса Тихий, юрист Левко Лукьяненко, филолог Викторас Пяткус, Балис Гаяускас; ожидает повторного лагерного суда Паруйр Ай-

рия. В эти дни я потрясен повторным (пятым!) арестом моего друга Толи Марченко, рабочего и писателя, автора двух талантливых и очень важных, как мне кажется, книг — "Мои показания" и "От Тарусы до Чуны". В заключении верующие — Ростислав Галецкий, пресвитер Горетой, Александр Огородников, Борис Перчаткин и другие. Повторно осуждены рабочие Михаил Кукобака и Юрий Гримм. Все еще в заключении Алексей Мурженко и Юрий Федоров. Я назову еще фамилии некоторых ученых (к которым можно добавить многие другие). Это известный сейчас всему миру молодой кибернетик Анатолий Щаранский, математики Татьяна Великанова, Александр Лавут, Александр Болонкин, кибернетик Виктор Браиловский, экономист Ида Нудель, инженеры Решат Джемилев, Антанас Терляцкас, Вазиф Мейланов, физики Ролан Кадыев, Иосиф Зисельс, Иосиф Дядькин, химики Юрий Кукк, Валерий Абрамкин, филологи Игорь Огурцов и Мустафа Джемилев, метеоролог Владимир Балахонов.

Очень распространенным нарушением прав человека, жертвой которого особенно часто бывают ученые, является отказ в разрешении на эмиграцию. Много фамилий таких "отказников" известно на Западе.

Более года назад я без суда выслан в Горький и подвергнут режиму почти полной изоляции. Недавно органы КГБ совершили кражу моих рукописей и дневников с выписками из научных книг и журналов. Это новая попытка лишить меня всякой возможности интеллектуальной жизни, на этот раз даже наедине с самим собой, лишить меня памяти. Свыше трех лет без каких-либо оснований задерживается в СССР жена сына Елизавета Алексеева. Я пишу об этом ввиду полной незаконности всех этих действий и потому, что задержание Лизы — неприкрытый шантаж в отношении меня, государственное заложничество.

Я обращаюсь к ученым всего мира с призывом к защите репрессированных. Я считаю, что в защите безвинных допустимы, а во многих случаях необходимы такие чрезвычайные меры, как прекращение научных контактов и другие формы бойкота. Наряду с этим я призываю использовать все возможности гласности и дипломатии. Обращаясь к руководителям СССР, следует учитывать, что они обычно не знают, да и не стремятся, вероятно, знать о большинстве адресованных им писем и обращений; поэтому особое значение приобретают личные ходатайства государственных деятелей Запа-

да, встречающихся с ними, и необходимо, используя влияние ученых в своих странах, добиваться таких ходатайств.

Я надеюсь, что тщательно продуманные и организованные действия в защиту репрессированных будут способствовать облегчению их участи, способствовать укреплению международного научного сообщества, его авторитета и деятельности.

Я назвал это письмо "Ответственность ученых". Великанова, Орлов, Ковалев и многие, многие другие решили вопрос ответственности для себя, встав на путь активной и самоотверженной борьбы за права человека, за гласность. Их жертвы огромны, но не бесполезны. Именно эти люди меняют что-то в лучшую сторону в нравственном облике нашего мира. Другие их коллеги в тоталитарных странах не нашли в себе сил для такой борьбы, но многие из них стараются честно выполнить свой профессиональный долг. Действительно, надо профессионально работать. Но не пора ли этим ученым, в узком кругу часто показывающим много понимания и неконформизма, проявить свое чувство ответственности более общественно значимым способом, более открыто — в таких вопросах хотя бы, как открытая защита своих репрессированных коллег, открытый контроль за реальным соблюдением законов страны и выполнением ее международных обязательств. И, безусловно, для каждого истинного ученого необходимо сохранить тот запас мужества и честности, который дает возможность противостоять соблазнам и привычкам конформизма. Мы здесь знаем, к сожалению, слишком много примеров обратного — иногда под предлогом сохранения лаборатории или института (обычно фальшивым), иногда — ради продвижения, иногда — ради возможности съездить за границу (главная приманка в такой закрытой стране, как наша). А ведь разве не позорное действие совершают коллеги Юрия Орлова, тайно исключая его из Академии наук Армении, и другие коллеги из Академии наук СССР, закрывающие на это глаза, как и на то, что он находится на грани физической смерти? Возможно, что рано или поздно многие активные или пассивные соучастники подобных дел столкнутся с возросшими аппетитами Молоха. Хорошего в этом мало, лучше избежать!

Для ученых Запада нет ни угрозы тюрьмы и лагеря за общественную деятельность, ни приманки заграничной поездки за отказ от нее. Но ответственность от этого не становится

менее острой. Среди какой-то части западной интеллигенции распространено предубеждение против общественной деятельности, как политики. То, о чем я пишу здесь, — не борьба за власть и поэтому не политика. Это борьба за сохранение мира и нравственных ценностей, выработанных всем развитием цивилизации. Пример и судьба узников совести показывают, что защита справедливости, международная защита конкретных жертв насилия, защита высших интересов человечества — долг каждого ученого.

Горький, 24 марта 1981 г.

P.S. Уже после того, как статья была написана, Таня Осипова осуждена на пять лет лагерей и пять лет ссылки, к семи годам лагерей и пяти годам ссылки приговорен Генрих Алтунян и в лагере после четырехмесячной голодовки трагически погиб в возрасте 41 года Юрий Кукк.

ПО ПОВОДУ ПРИСУЖДЕНИЯ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕО СЦИЛЛАРДА

Я испытываю благодарность и гордость, принимая премию имени замечательного человека и ученого Лео Сцилларда. Я знаю о выдающихся научных заслугах Сцилларда и о его общественной активности, проистекавшей из свойственного ему обостренного чувства личной ответственности за судьбу людей на нашей планете, за возможные последствия великих побед науки.

В годы, когда жил и действовал Сциллард, стало более, чем когда-либо до этого, ясно, как велика ответственность ученых перед обществом. И во многом именно благодаря ему понимание этого стало распространяться в научной среде.

К несчастью, сегодня, почти 20 лет после его смерти, волновавшие Сцилларда проблемы не менее остры и трагичны, чем тогда. Мне кажется уместным сказать об этом на сегодняшнем собрании.

Сегодня, как и тогда, мир политически и идеологически разделен на два противоположных лагеря. Обе стороны угрожают друг другу ракетно-термоядерным оружием, разрушительная мощь которого возрастает год от года и уже сей-

час достигла пределов, при которых его применение приведет к гибели сотен миллионов людей, невиданным в истории человечества разрушениям, хаосу, разрухе и страданиям, отбросит человеческое общество назад на сотни лет. Нельзя исключить возможность полного уничтожения человечества и жизни на Земле — может, уже при существующих сейчас запасах ядерного оружия, еще более вероятно — при дальнейшем качественном и количественном развитии средств массового уничтожения.

При этом не просто имеет место пассивное противостояние. Достаточно взгляда на карту мира сегодня и в первые послевоенные годы, чтобы убедиться, что линия раздела преимущественного влияния непрерывно смещалась в одну сторону — в пользу социалистического лагеря. Можно назвать это проявлением исторических закономерностей, кто-то скажет — исторической справедливости, кто-то скажет — социалистической экспансии, создающей на месте одних социальных и правовых проблем другие, не менее острые и трагичные. Важней всего объективный результат — дальнейшее обострение мирового положения и усиление опасности перерастания местных конфликтов в общемировое столкновение.

Все так же, как и ранее, остры проблемы слаборазвитых стран. Несомненно, что неравномерность развития создает огромные страдания для большей части человечества и угрожает мировой стабильности — может, это и есть главный источник опасности. Уменьшение этой неравномерности — одна из основных задач современности, требующая согласованных действий всех стран — и развитых, и развивающихся. К сожалению, разделение мира и в этом деле приводит к негативным явлениям. В настоящее время СССР лишь в очень малой степени оказывает технологическую и экономическую помощь развивающимся странам — и лишь находящимся под его влиянием, практически устранившись от участия в общемировых согласованных усилиях — но превратился в очень крупного поставщика оружия.

Начиная с конца 60-х годов серьезным дестабилизирующим фактором стал международный терроризм, нечто вроде террористического интернационала "левых" и "правых" террористов. Те государства, которые прямо или косвенно поощряют эти разрушительные силы, несомненно наносят огромный вред всему миру, в том числе и своим народам.

Одним из самых трагичных и опасных событий последних лет явилось советское вторжение в Афганистан. Многие десятки тысяч афганцев погибли за три года афганской войны, по некоторым оценкам, число жертв превышает сто тысяч человек, погибло много советских солдат, миллионы афганцев бежали от ужасов войны из страны — около трети населения стало беженцами. Советское вторжение крайне обострило международное положение, повлияло на усиление гонки вооружений, в частности на судьбу ОСВ-2. Афганистан, если в мире не произойдет изменений к лучшему, может стать Абиссинией новой мировой войны!

Сегодня мы вновь спрашиваем себя — является ли взаимное ядерное устрашение сдерживающим фактором на пути войны. Почти 40 лет мир избегает третьей мировой войны — весьма возможно, что это объясняется в значительной мере именно ядерным сдерживанием. Но я убежден, что постепенно ядерное сдерживание перерастает в свою противоположность, становится опасным пережитком. Равновесие ядерного сдерживания становится все более неустойчивым, и опасность человечеству погибнуть, если случайность или безумие, или неконтролируемая эскалация вовлекут его во всеобщую термоядерную войну — все более реальной. В свете этого необходим постепенный и осторожный перенос функции сдерживания на обычные вооруженные силы со всеми вытекающими отсюда экономическими, политическими и социальными последствиями. Необходимо добиваться ядерного разоружения.

Конечно, на всех промежуточных этапах разоружения и переговоров международная безопасность по отношению к любой возможной тактике потенциального агрессора должна быть обеспечена. Для этого, в частности, надо быть готовым к противоборству на различных возможных стадиях эскалации обычной и ядерной войны. Ни одна из сторон не должна иметь соблазна ограниченной или региональной ядерной войны.

Две конкретные проблемы. СССР основную массу своего ядерного потенциала сосредоточил в гигантских ракетах наземного базирования. По существу, это оружие первого удара. Необходимо добиваться их уничтожения или сокращения. Вряд ли это возможно раньше, чем Запад будет иметь аналогичные ракеты и готовность уничтожить их, как и другие средства ядерной войны. Вторая проблема. Вряд ли

СССР уничтожит свои мощные ракеты средней дальности, нарушившие ядерное равновесие в Европе, угрожающие Китаю и Японии, раньше, чем Запад развернет аналогичные ракеты.

Безусловно, конечная цель — международная безопасность, устранение и уничтожение ядерного оружия, сближение-конвергенция стран с различным строем — в долгосрочном плане именно конвергенция — альтернатива всеобщему уничтожению. Эта цель не может быть достигнута вне глубоких общеполитических и идеологических изменений в отношениях между социалистическими и западными странами, в самих этих странах.

В послевоенные годы Нильс Бор, а также Сциллард и многие их единомышленники мечтали об открытом обществе как важной и необходимой гарантии международной безопасности. С тех пор в СССР ушел в прошлое тиранический режим Сталина с его массовыми чудовищными преступлениями. Но многие принципиальные черты сформировавшегося при нем строя в основном сохранились — это партийно-государственная монополия в экономической и идеологической сферах, тем более в политической и военной, и связанные с этим нарушения гражданских прав, противоречащие открытости общества — нарушения свободы убеждений и информационного обмена, свободы выбора страны проживания и места проживания внутри страны, необоснованные репрессии против инакомыслящих — узников совести. Конечно, масштаб репрессий сейчас не идет ни в какое сравнение со сталинским временем, но преследование людей за убеждения, не прибегавших к насилию и не призывавших к нему, — недопустимо принципиально. Я убежден, что судьба узников совести — многие из них приговорены к 7-летним и даже к 15-летним срокам лишения свободы — не может не волновать нас. Очень важна борьба за каждого узника в отдельности. Всеобщая амнистия узников совести в СССР и во всем мире — это был бы не только акт гуманности, но и важный шаг на пути укрепления международного доверия и безопасности. В конце своего выступления я хочу вновь напомнить о глубокой тревоге наших великих предшественников — Эйнштейна, Бора, Рассела, Лео Сцилларда за судьбу человечества и о тех мыслях, которые они оставили нам. Эти мысли — о мире и угрожающей человечеству опасности, о важности взаимопонимания и терпимости, открытости общест-

ва, соблюдения прав человека, сближения государств с различным строем, об ответственности ученых — сохраняют свое значение и сегодня.

Горький, апрель 1983 г.

ОПАСНОСТЬ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу

Дорогой друг!

Я прочитал Ваши замечательные доклады "Речь о ядерном оружии"; заявление "Слушаниям о последствиях ядерной войны для окружающей среды" ("Speech on Nuclear Weapons" at Grace Cathedral, October 23, 1982; Opening Statement to Hearings on the Consequences of Nuclear War before the Subcommittee on Investigations and Oversight). То, что Вы говорите и пишете о чудовищной опасности ядерной войны, очень близко мне, глубоко волнует уже много лет. Я решил обратиться к Вам с открытым письмом, ощущая необходимость принять участие в дискуссии по этому вопросу — одному из самых важных, стоящих перед человечеством. Будучи полностью согласен с Вашими общими тезисами, я высказываю некоторые соображения более конкретного характера, которые, как мне кажется, необходимо учитывать при принятии решений. Эти соображения частично противоречат некоторым Вашим высказываниям, а частично дополняют и, возможно, усиливают их. Мне кажется, что мое мнение, сообщаемое здесь в дискуссионном порядке, может представить интерес в силу моего научно-технического и психологического опыта, приобретенного в период участия в работе над термоядерным оружием, а также потому, что я являюсь одним из немногих в СССР независимых от властей и политических соображений участников этой дискуссии.

Я полностью согласен с Вашей оценкой опасности ядерной войны. Ввиду критической важности этого тезиса останавлиюсь на нем подробнее, быть может, повторяя и хорошо известное.

Здесь и ниже я употребляю термины "ядерная война", "термоядерная война" как практические синонимы. Ядер-

ное оружие — это атомное и термоядерное оружие; обычное оружие — любое, за исключением трех видов оружия массового уничтожения — ядерного, химического, бактериологического.

Большая термоядерная война — бедствие неопишемого масштаба и совершенно непредсказуемых последствий, причем вся неопределенность в худшую сторону.

По данным экспертов комиссии ООН, к концу 1980 года общий запас ядерного оружия в мире составлял 50 тыс. ядерных зарядов. Суммарная мощность (в основном приходящаяся на термоядерные заряды мощностью от 0,04 мегатонн до 20 мегатонн) составляла, по оценкам экспертов, 13 тыс. мегатонн. Приводимые Вами цифры не противоречат этим оценкам. При этом Вы напоминаете, что суммарная мощность всех ВВ, использованных во второй мировой войне, не превосходила 6 мегатонн (по известной мне оценке — 3 мегатонн). Правда, при этом сравнении нужно учитывать большую относительную эффективность меньших зарядов при той же суммарной мощности, но это не меняет качественного вывода о колоссальной разрушительной силе накопленных ядерных зарядов. Вы приводите также данные, согласно которым СССР в настоящее время (1982 г.) имеет в своем стратегическом арсенале 8000 термоядерных зарядов, США — 9000 термоядерных зарядов. Значительная часть этих зарядов — в головных частях ракет с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения (MIRV — я буду писать РБИН). Необходимо пояснить, что у СССР основу арсенала (70%, по данным одного из заявлений ТАСС) составляют гигантские ракеты наземного базирования (в шахтах, и несколько меньшие, средней дальности, — с подвижным стартом). У США 80% составляют гораздо меньшие, но зато менее уязвимые, чем шахтные, ракетные заряды на подлодках, а также авиабомбы, среди них есть, по-видимому, очень мощные. Массовое проникновение самолетов в глубь территории СССР сомнительно — это последнее замечание должно быть уточнено с учетом возможностей крылатых ракет — они, вероятно, смогут преодолевать ПВО противника.

Крупнейшие ракеты США, существующие сейчас (я не говорю о планируемых MX), имеют в несколько раз меньшую грузоподъемность, чем основные советские ракеты, то есть несут меньше разделяющихся боеголовок, или мощность каждого заряда меньше. (Предполагается, что при разделе-

нии веса одного заряда между несколькими, скажем, десятью боеголовками РБИН, суммарная мощность уменьшается в несколько раз, но тактические возможности при атаке компактных целей резко возрастают; а разрушительная способность при стрельбе по площадям, то есть в основном по большим городам, — уменьшается незначительно, в основном за счет фактора теплового излучения; я остановился на этих подробностях, так как они, быть может, окажутся существенными при дальнейшем обсуждении.)

Вы приводите оценку из международного журнала Королевской шведской Академии наук, согласно которой сброс на основные города северного полушария 5000 зарядов суммарной мощностью 2000 мегатонн приведет к гибели 750 млн. человек только от одного из факторов поражения — ударной волны.

К этой оценке я хочу добавить следующее:

1. Общее количество имеющихся сейчас у пяти ядерных стран термоядерных зарядов примерно в 5 раз больше использованной при оценке цифры, общая мощность больше в 6–7 раз. Принятое среднее число жертв, приходящихся на один заряд — 250 тыс. человек, — нельзя считать завышенным, если сравнить принятую среднюю мощность термоядерного заряда 400 килотонн с мощностью взрыва в Хиросиме 17 килотонн и числом жертв от ударной волны не менее 40 тыс. человек.

2. Чрезвычайно важным фактором поражающего действия ядерных взрывов является тепловое излучение. Пожары в Хиросиме были причиной значительной части (до 50%) смертельных случаев. С увеличением мощности зарядов относительная роль теплового действия возрастает. Поэтому учет этого фактора должен значительно увеличить число непосредственных жертв.

3. При атаке на особо прочные компактные цели противника (такие, как стартовые шахтные позиции ракет противника, командные пункты, центры связи, правительственные учреждения и убежища, другие важнейшие объекты) следует предполагать, что значительная часть взрывов будет наземными или низкими. При этом неизбежно возникновение радиоактивных "следов" — полос выпадения поднятой взрывом с поверхности пыли, "напитавшейся" продуктами деления урана. Поэтому, хотя непосредственное радиоактивное воздействие термоядерного заряда имеет место в зоне, где

все живое и так уничтожено ударной волной и огнем, но косвенное — через осадки — оказывается очень существенным. Площадь, зараженная осадками так, что суммарная доза облучения превысит на ней опасный предел 300 рентген, для типичного термоядерного заряда в 1 мегатонну составит тысячи квадратных километров!

При наземных испытаниях советского термоядерного заряда в августе 1953 года десятки тысяч людей были заранее эвакуированы из зоны возможного выпадения осадков. В поселок Кара-аул люди смогли вернуться лишь весной 1954 года! В условиях войны планомерная эвакуация невозможна. Будет происходить паническое бегство миллионов людей, часто из одной зараженной зоны в другую. Сотни миллионов людей неизбежно станут жертвой радиоактивного облучения, массовые миграции людей будут способствовать усилению хаоса, нарушению санитарных условий, голоду. Генетические последствия облучения будут угрожать сохранению биологического вида человека и других обитателей Земли — животных и растений.

Я совершенно согласен с Вашей основной мыслью, что человечество **никогда** не сталкивалось ни с чем, даже отдаленно приближающимся к большой термоядерной войне по своему масштабу и ужасу.

Как бы ни были чудовищны непосредственные последствия термоядерных взрывов, мы не можем исключить того, что еще более существенными станут косвенные последствия. Для чрезвычайного, поэтому очень уязвимого современного общества косвенные последствия могут стать роковыми. Столь же опасны общеэкологические последствия. В силу сложного характера взаимосвязей прогнозы и оценки тут крайне затруднены. Упомяну некоторые из обсуждаемых в литературе (в частности, в Ваших докладах) проблем, не давая оценок их серьезности, хотя я и убежден, что многие из указанных опасностей вполне реальны:

1. Сплошные лесные пожары могут уничтожить большую часть лесов на планете. Дым при этом нарушит прозрачность атмосферы. На Земле наступит длящаяся много недель ночь, а потом — недостаток кислорода в атмосфере. В результате один этот фактор, если он реален, может погубить жизнь на планете. В менее выраженной форме этот фактор приведет к важным экологическим, экономическим и психологическим последствиям.

2. Высотные ядерные взрывы войны в космосе (в частности, термоядерные взрывы ракет ПРО и взрывы атакующих ракет с целью нарушения радиолокации), возможно, уничтожат или сильно разрушат озоновый слой, защищающий Землю от ультрафиолетового излучения Солнца. Оценки, относящиеся к этой опасности, весьма неопределенны — если верны максимальные оценки, то этого фактора тоже достаточно, чтобы уничтожить жизнь.

3. В современном сложном мире могут оказаться очень существенными нарушения работы транспорта и связи.

4. Несомненно нарушатся (целиком или частично) производство и доставка населению продуктов питания, водоснабжение и канализация, снабжение топливом и электроэнергией, снабжение медикаментами и одеждой — все это в масштабе целых континентов. Разрушится система здравоохранения, гигиенические условия жизни миллиардов людей вернутся к уровню средних веков, а может, и до много худших. Медицинская помощь сотням миллионов раненых, обожженных и облученных практически будет невозможной.

5. Голод и эпидемии в обстановке хаоса и разрухи могут унести много больше жизней, чем непосредственно ядерные взрывы. Нельзя также исключить, что наряду с "обычными" болезнями, которые неизбежно получат широкое распространение: гриппом, холерой, дизентерией, сыпным тифом, сибирской язвой, чумой и другими, — могут в результате радиационных мутаций вирусов и бактерий возникнуть совершенно новые болезни и особо опасные формы старых болезней, против которых люди и животные не будут иметь иммунитета.

6. Особенно трудно прогнозировать социальную устойчивость человечества в условиях всеобщего хаоса. Неизбежно появление многочисленных банд, которые будут убивать и терроризировать людей и вести борьбу между собой по законам уголовного мира: "Умри ты сегодня, а я завтра".

Но, с другой стороны, опыт социальных и военных потрясений прошлого показывает, что в человечестве есть большой "запас прочности", "живучесть" людей в экстремальных условиях превосходит все то, что можно вообразить а priori. Но даже если человечество сможет сохранить себя как некий социальный организм, что кажется маловероятным, важнейшие социальные институты, составляющие основу цивилизации, будут разрушены.

Резюмируя, следует сказать, что всеобщая термоядерная война явится гибелью современной цивилизации, отбросит человечество на столетия назад, приведет к физической гибели сотен миллионов или миллиардов людей и, с некоторой долей вероятности, приведет к уничтожению человечества как биологического вида, возможно, даже к уничтожению жизни на Земле.

Ясно, что говорить о победе в большой термоядерной войне бессмысленно — это коллективное самоубийство.

Мне кажется, что эта моя точка зрения в основном совпадает с Вашей, так же как с мнением очень многих людей на Земле.

Я полностью согласен и с другими Вашими принципиальными тезисами. Я согласен, что если будет перейден "ядерный порог", то есть если какая-либо страна применит даже в ограниченном масштабе ядерное оружие, то дальнейшее развитие событий станет плохо контролируемым, и наиболее вероятно быстрая эскалация, переводящая первоначально ограниченную по масштабам или региональную войну во всеобщую термоядерную, то есть во всеобщее самоубийство.

Более или менее безразлично при этом, почему перейден "ядерный порог" — в результате ли превентивного ядерного нападения или в ходе уже ведущейся обычным оружием войны, например при угрозе проигрыша или просто в результате той или иной случайности (технической или организационной).

В силу всего вышесказанного я убежден в истинности Вашего следующего основного тезиса: **Ядерное оружие имеет смысл только как средство предупреждения ядерной же агрессии потенциального противника.** То есть нельзя планировать ядерную войну с целью выиграть. Нельзя рассматривать ядерное оружие как средство сдерживания агрессии, осуществляемой с применением обычного оружия.

Вы отдаете, конечно, себе отчет в том, что последнее утверждение находится в противоречии с реальной стратегией Запада последних десятилетий. Длительное время, начиная еще с конца 40-х годов, Запад не полагается полностью на свои "обычные" вооруженные силы как достаточное средство отражения потенциального агрессора и для сдерживания экспансии. Причин тут много — политическая, военная и экономическая разобщенность Запада, стремление избе-

жать в мирное время экономической, социальной и научно-технической милитаризации, низкая численность национальных армий стран Запада. Все это — в то время, как СССР и другие страны социалистического лагеря имеют многочисленные армии и проводят их интенсивное перевооружение, не жалея на это средств. Возможно, в каких-то ограниченных временных рамках взаимное ядерное устрашение имело некоторое сдерживающее воздействие на ход мировых событий. Но в настоящее время ядерное устрашение — опасный пережиток! Нельзя с целью избежать агрессии с применением обычного оружия угрожать ядерным оружием, если его применения нельзя допустить. Один из выводов, который из этого следует, — и Вы его делаете: необходимо восстановление стратегического равновесия в области обычных вооружений. Вы говорите это другими словами и не очень акцентируете.

Между тем, это очень важное и нетривиальное утверждение, на котором необходимо остановиться подробнее.

Восстановление стратегического равновесия возможно только при вложении крупных средств, при существенном изменении психологической обстановки в странах Запада. Должна быть готовность к определенным экономическим жертвам и — самое главное — понимание серьезности ситуации, понимание необходимости некой перестройки. В конечном счете, это нужно для предупреждения ядерной войны и войны вообще. Сумеют ли осуществить такую перестройку политики Запада, будут ли им помогать (а не мешать, как это сейчас часто наблюдается) пресса, общественность, наши с Вами коллеги-ученые, удастся ли убедить всех сомневающихся — от этого зависит очень многое: возможность для Запада вести такую политику в области ядерных вооружений, которая постепенно будет способствовать уменьшению опасности ядерной катастрофы.

Во всяком случае я очень рад, что Вы (а в другом контексте раньше — профессор Пановский) высказались в пользу необходимости стратегического равновесия обычных вооружений.

В заключение я должен особо подчеркнуть, что, конечно, перестройка стратегии может осуществляться только постепенно, очень осторожно, чтобы избежать потери равновесия на каких-то промежуточных этапах.

В области собственно ядерного оружия Ваши дальнейшие мысли, как я понял, сводятся к следующему.

Необходимо сбалансированное сокращение ядерных арсеналов, начальным этапом этого процесса ядерного разоружения может явиться взаимное замораживание ныне существующих ядерных арсеналов. Далее цитирую Вас: "Решения в области ядерного оружия должны быть основаны просто на критерии достижения надежного устрашения, а не на каких-то дополнительных требованиях, относящихся к ядерной войне, поскольку такие требования, вообще говоря, ничем не лимитированы и нереалистичны". Это один из Ваших центральных тезисов.

При переговорах по ядерному разоружению Вы предлагаете выработать один достаточно простой и по возможности справедливый критерий оценки ядерных сил, в качестве такого критерия Вы предлагаете взять сумму числа носителей термоядерных зарядов и общего числа зарядов, которые могут быть доставлены (вероятно, надо иметь в виду максимальное число неких стандартных или условных зарядов, которые могут быть доставлены данным типом носителей при соответствующем дроблении используемого веса).

Начну с обсуждения этого последнего Вашего предложения (сделанного совместно с Вашим студентом Кентом Визнером). Оно кажется мне практичным. Ваш критерий с разным коэффициентом учитывает носители разной грузоподъемности, это очень важно (именно равновесный учет малых американских ракет и больших советских ракет явился одним из пунктов, по которым я в свое время критиковал договор ОСВ-1 при общей положительной оценке самого факта переговоров и заключения договора). При этом, в отличие от критериев, использующих мощность заряда, обычно официально не объявляемую, число доставляемых зарядов легко определяется. Ваш критерий учитывает также и то, что, например, тактические возможности 5 ракет, несущих по одному заряду, существенно выше, чем у одной большой ракеты, несущей 5 РБИН. Конечно, предложенный Вами критерий не охватывает таких параметров, как дальность, точность попадания, степень уязвимости, их надо будет учитывать дополнительно или в каких-то случаях не учитывать в целях облегчения условий соглашений.

Я надеюсь, что Ваш (или какой-либо аналогичный) критерий будет принят в качестве основы при переговорах как для межконтинентальных ракет, так и (независимо) для ракет средней дальности. В обоих случаях гораздо трудней

будет, чем сейчас, настаивать на несправедливых условиях соглашений и быстрее можно будет переходить от слов к делу. Вероятно, само принятие Вашего (или аналогичного) критерия потребует дипломатической и пропагандистской борьбы, но дело стоит того.

От этого относительно частного вопроса перехожу к более общему и более сложному, спорному. Действительно ли можно при принятии решений в области ядерного оружия игнорировать все соображения и требования, относящиеся к возможным сценариям ядерной войны, и ограничиться просто критерием достижения надежного устрашения — понимая этот критерий как наличие арсенала, достаточного для нанесения сокрушающего ответного удара? Вы отвечаете на этот вопрос — может быть, чуть иначе его формулируя — положительно и делаете далеко идущие выводы. Не подлежит сомнению, что уже сейчас США имеют большое количество неуязвимых для СССР ракет на подлодках и авиабомб на самолетах и, кроме этого, имеют еще ракеты шахтного базирования, хотя и меньшие, чем СССР, — все это в таком количестве, что при применении этих зарядов от СССР, грубо говоря, ничего не останется. Вы утверждаете, что это **уже** создало ситуацию надежного устрашения — вне зависимости и от того, что еще есть и чего нет у СССР и США! Поэтому Вы считаете, в частности, излишним создание ракет МХ и не относящимися к делу те аргументы, которые приводятся в поддержку развертывания: наличие у СССР большого арсенала межконтинентальных ракет большой грузоподъемности, которых нет у США; тот факт, что советские ракеты и ракеты МХ имеют много боеголовок, так что одна ракета может уничтожить несколько шахтных установок противника при ракетной дуэли. Поэтому же Вы считаете (с некоторыми оговорками) приемлемым для США замораживание ядерных арсеналов США и СССР на их существующем уровне.

Ваша аргументация представляется очень сильной и убедительной. Но я считаю, что изложенная концепция не учитывает всей сложной реальности противостояния двух мировых систем и что необходимо (вопреки тому, на чем настаиваете Вы) также более конкретное, разностороннее и непредвзятое рассмотрение, чем просто ориентация на "надежное устрашение" (в сформулированном выше смысле этого слова — наличие возможности нанесения сокрушающего ответного удара). Постараюсь пояснить свое утверждение.

Мы можем представить себе, что потенциальный агрессор именно в силу того факта, что всеобщая термоядерная война является всеобщим самоубийством, может рассчитывать на недостаток решимости подвергшейся нападению стороны пойти на это самоубийство, то есть может рассчитывать на капитуляцию жертвы ради спасения того, что можно спасти. При этом, если агрессор имеет военное преимущество в каких-то вариантах обычной войны или — что в принципе тоже возможно — в каких-то вариантах частичной (ограниченной) ядерной войны, он будет пытаться, используя страх дальнейшей эскалации, навязать противнику именно эти варианты. Мало радости, если надежды агрессора в конечном счете окажутся ложными и страна-агрессор погибнет вместе со всем человечеством.

Вы считаете необходимым добиваться восстановления стратегического равновесия в области обычных вооружений. Сделайте теперь следующий логический шаг — пока существует ядерное оружие, необходимо также стратегическое равновесие по отношению к тем вариантам ограниченной или региональной ядерной войны, которые потенциальный противник может пытаться навязать, т.е. действительно необходимо конкретное рассмотрение различных сценариев как обычной, так и ядерной войны с анализом вариантов развертывания событий. В полном объеме это, конечно, невозможно — ни анализ всех вариантов, ни полное обеспечение безопасности. Но я пытаюсь предупредить от противоположной крайности — "зажмуривания глаз" и расчета на идеальное благоразумие потенциального противника. Как всегда в сложных проблемах жизни, необходим какой-то компромисс.

Я понимаю, конечно, что, пытаясь ни в чем не отставать от потенциального противника, мы обрекаем себя на гонку вооружений — трагичную в мире, где столь много жизненных, не терпящих отлагательства проблем. Но самая главная опасность — сползти к всеобщей термоядерной войне. Если вероятность такого исхода можно уменьшить ценой еще десяти или пятнадцати лет гонки вооружений — быть может, эту цену придется заплатить при одновременных дипломатических, экономических, идеологических, политических, культурных, социальных усилиях для предотвращения возможности возникновения войны.

Конечно, разумней было бы договориться уже сейчас о сокращении ядерных и обычных вооружений и полной лик-

видации ядерного оружия. Но возможно ли это сейчас в мире, отравленном страхом и недоверием, мире, где Запад боится агрессии СССР, СССР — агрессии со стороны Запада и Китая, Китай — со стороны СССР, и никакие словесные заверения и договоры не могут полностью снять эти опасения?

Я знаю, что на Западе очень сильны пацифистские настроения. Я глубоко сочувствую стремлениям людей к миру, к разрешению мировых проблем мирными средствами, всецело разделяю эти стремления. Но в то же время я убежден, что совершенно необходимо учитывать конкретные политические и военно-стратегические реалии современности, причем объективно, не делая никаких скидок ни той, ни другой стороне, в том числе не следует *a priori* исходить из предполагаемого особого миролюбия социалистических стран только в силу их якобы прогрессивности или в силу пережитых ими ужасов и потерь войны. Объективная действительность гораздо сложнее, далеко не столь однозначна. Субъективно люди в социалистических и в западных странах стремятся к миру. Это чрезвычайно важный фактор. Но, повторяю, не исключаящий сам по себе возможности трагического исхода.

Сейчас, как я считаю, необходима огромная разъяснительная, деловая работа, чтобы конкретная и точная, исторически и политически осмысленная информация была доступна всем людям и пользовалась у них доверием, не заслонялась догмами и инспирированной пропагандой. Необходимо при этом учитывать, что просоветская пропаганда в странах Запада ведется давно, очень целенаправленно и умно, с проникновением просоветских элементов во многие ключевые узлы, в особенности в масс-медиа.

История пацифистских кампаний против размещения евrorакет очень показательна во многих отношениях. Ведь многие участники этих кампаний полностью игнорировали первопричину "двойного решения" НАТО — сдвиг в 70-х годах стратегического равновесия в пользу СССР — и, протестуя против планов НАТО, не выдвигали никаких требований, обращенных к СССР. Другой пример: попытка бывшего президента Картера сделать минимальный шаг в направлении равновесия обычных вооружений, а именно: провести регистрацию военнообязанных, — встретила значительное сопротивление. Между тем, равновесие в области обычных вооружений — необходимая предпосылка снижения ядерных вооружений. Для правильной оценки общественностью Запада

глобальных проблем, в частности проблем стратегического равновесия как обычных, так и ядерных вооружений, жизненно необходим более объективный подход, учитывающий реальное стратегическое положение в мире.

Вторая группа проблем в области ядерного оружия, по которой я должен здесь сделать несколько дополнительных замечаний, — переговоры о ядерном разоружении. Запад на этих переговорах должен иметь, что отдавать! Насколько трудно вести переговоры по разоружению, имея "слабину", показывает опять история с "евроракетами". Лишь в самое последнее время СССР, по-видимому, перестал голословно настаивать на своем тезисе, что именно сейчас имеется примерное ядерное равновесие и поэтому все надо оставить, как есть. Теперь следующим прекрасным шагом было бы сокращение числа ракет, но обязательно со справедливым учетом качества ракет и других средств доставки (т.е. числа зарядов, доставляемых каждым носителем, дальности, точности, степени уязвимости — большей у самолетов, меньшей у ракет; вероятно, целесообразно использование Вашего критерия или аналогичных). И обязательно речь должна идти не о перевозке за Урал, а об **уничтожении**. Ведь перебазирование слишком "обратимо". Нельзя также, конечно, считать равноценными советские мощные ракеты с подвижным стартом и несколькими боеголовками и существующие ныне "Першинг-1", английские и французские ракеты, авиабомбы на бомбардировщиках ближнего радиуса действия — как это иногда в пропагандистских целях пытается делать советская сторона.

Не менее важна проблема мощных наземных ракет шахтного базирования. Сейчас СССР имеет тут большое преимущество. Быть может, переговоры об ограничении и сокращении этих самых разрушительных ракет могут стать легче, если США будут иметь ракеты MX (хотя бы потенциально, это бы было лучше всего). Несколько слов о военных возможностях мощных ракет. Они могут использоваться для доставки самых больших термоядерных зарядов для уничтожения городов и других крупных целей противника (при этом для истощения средств ПРО противника, вероятно, одновременно будет использоваться "дождь" из более мелких ракет, ложных целей и т.п. В литературе много пишут о возможности разработки систем ПРО, использующих сверхмощные лазеры, пучки ускоренных частиц и т.п. Но создание на этих пу-

тях эффективной защиты от ракет кажется мне очень сомнительным). Для характеристики того, что представляет собой атака на город мощными ракетами, приведем следующие оценки. Предполагая, что максимальная мощность единичного заряда, переносимого большой ракетой, может составлять величину порядка 15–25 мегатонн, находим, что площадь полного разрушения жилых зданий составит 250–400 кв. км, зона поражения тепловым излучением – 300–500 кв. км, зона радиоактивного "следа" (при наземном взрыве) составит по длине до 500–1000 км и по ширине до 50–100 км.

Столь же существенно, что мощные ракеты могут использоваться для разрушения с помощью РБИН компактных целей противника, в частности расположенных в шахтах аналогичных ракет противника. Вот примерный расчет такой атаки на стартовые позиции. Сто ракет типа МХ (количество, предложенное для плана первой очереди администрацией Рейгана) могут нести тысячу боеголовок по 0,6 мегатонны. Каждая из боеголовок с учетом эллипса рассеяния при стрельбе и предполагаемой прочности советских стартовых позиций, разрушает, согласно опубликованным в американской прессе данным, одну стартовую позицию с вероятностью 60%. При атаке на 500 советских стартовых позиций – по две боеголовки на каждую позицию – останется неповрежденным 16%, то есть "только" 80 ракет.

Особая опасность, связанная с ракетами шахтного базирования, заключается в следующем. Они относительно легко могут быть разрушены в результате атаки противника, как я только что продемонстрировал. В то же время они могут быть применены для разрушения стартовых позиций противника (в количестве в 4–5 раз большем, чем число использованных для этого ракет). У страны, располагающей большими шахтными ракетами (в настоящее время это, в первую очередь, СССР, а если в США будет осуществлена программа МХ, то и США), может возникнуть "соблазн" применить такие ракеты первыми, пока их еще не уничтожил противник, то есть наличие ракет шахтного базирования в таких условиях является дестабилизирующим фактором.

Мне кажется, в силу всего вышесказанного, что при переговорах о ядерном разоружении очень важно добиваться уничтожения мощных ракет шахтного базирования. Пока СССР является в этой области лидером, очень мало шансов, что он легко от этого откажется. Если для изменения положе-

ния надо затратить несколько миллиардов долларов на ракеты МХ, может, придется Западу это сделать. Но при этом если советская сторона действительно, а не на словах, пойдет на крупные контролируемые мероприятия сокращения наземных ракет (точней, на их уничтожение) — то и Запад должен уничтожить не только ракеты МХ (или не строить их!), но осуществить и другие значительные акции разоружения. В целом, я убежден, что переговоры о ядерном разоружении имеют огромное, приоритетное значение. Их надо вести непрерывно — и в более светлые периоды международных отношений, но и в периоды обострений, — настойчиво, предусмотрительно, твердо и одновременно гибко, инициативно. Политические деятели при этом, конечно, не должны думать об использовании этих переговоров, как и всей ядерной проблемы в целом, для своего сиюминутного политического авторитета — а лишь в долгосрочных интересах страны и мира. Планирование переговоров должно входить важнейшей составной частью в общую ядерную стратегию, в этом пункте я вновь согласен с Вами!

Третья группа проблем, которые следует тут обсудить, носит политический и социальный характер. Ядерная война может возникнуть из обычной, а обычная война, как известно, возникает из политики. Все мы знаем, что в мире неспокойно. Причины очень многообразны — в их числе национальные, экономические, социальные, тирания диктаторов. Многие из происходящих сейчас трагических событий уходят корнями в далекое прошлое. Было бы совершенно неправильно видеть всюду только руку Москвы. И все же, рассматривая то, что происходит на Земле, в целом, укрупненно, нельзя отрицать происходящего начиная с 1945 года неотступного процесса расширения сферы советского определяющего влияния — объективно это не что иное, как общемировая советская экспансия. По мере экономического, хотя и одностороннего, и научно-технического усиления СССР и его военного усиления этот процесс становится все более широким. Сегодня он приобрел масштабы, опасно нарушающие международное равновесие. Запад не без оснований опасается, что под ударом оказались мировые морские пути, нефть Арабского Востока, уран и алмазы, другие ресурсы юга Африки.

Одна из основных проблем современности — судьба развивающихся стран, большей части человечества. Но фактически для СССР — а в какой-то мере и для Запада — эта проб-

лема стала разменной картой в борьбе за господство и стратегические интересы. Миллионы людей в мире ежегодно умирают от голода, сотни миллионов живут в условиях недоедания, бызысходной нужды. Запад оказывает развивающимся странам экономическую и технологическую помощь, но все же совершенно недостаточно, в особенности в обстановке возросших цен на нефть. Помощь от СССР, социалистических стран меньше по объему и в еще большей степени, чем помощь Запада, носит односторонний военный, блоковый характер. И что очень существенно — никак не увязана с общемировыми усилиями.

Не затухают, а разгораются очаги локальных конфликтов — угрожая перерасти в глобальные войны. Все это вызывает большую тревогу.

Наиболее острым негативным проявлением советской политики явилось вторжение в Афганистан, начавшееся в декабре 1979 года с убийства главы государства. Три года чудовищно жестокой антипартизанской войны принесли неисчислимые страдания афганскому народу, свидетельством чему являются более четырех миллионов беженцев в Пакистане и Иране.

Именно общий поворот в мировом равновесии, вызванный вторжением в Афганистан и другими одновременно происходившими событиями, явился глубинной причиной того, что не был ратифицирован договор ОСВ-2. Я сожалею об этом вместе с Вами. Но не могу не видеть тех причин, о которых только что написал.

Есть еще одна тема, которая тесно связана с проблемой мира, — открытость общества, права человека. Я употребляю термин "открытость общества" в том смысле, в котором более тридцати лет назад его ввел великий Нильс Бор.

В 1948 году государства — члены ООН приняли Всеобщую декларацию прав человека, подчеркнули их значение для поддержания мира. В 1975 году взаимосвязь прав человека и международной безопасности провозгласил Хельсинкский акт, подписанный тридцатью пятью государствами, в том числе СССР и США. Среди этих прав: право на свободу убеждений, свободное получение и распространение информации внутри страны и за ее пределами, право на свободный выбор страны проживания и места проживания в пределах страны, свобода религии. Свобода от психиатрических репрессий. Право граждан контролировать принятие руководителями

страны тех решений, от которых зависят судьбы мира. А ведь мы даже не знаем, как и кем было принято решение о вторжении в Афганистан! Люди в нашей стране не имеют и малой доли той информации о событиях в мире и в стране, которой располагают граждане Запада. Возможность же критиковать политику руководства своей страны в вопросах войны и мира так, как это свободно делаете Вы, в нашей стране полностью отсутствует. Не только критические, но и просто информационные выступления даже по гораздо менее острым вопросам часто влекут за собой аресты и осуждения на очень большие сроки заключения или психиатрическую тюрьму. В соответствии с общим характером этого письма я воздерживаюсь тут от многих конкретных примеров, но не могу не написать о судьбе Анатолия Щаранского, погибавшего в Чистопольской тюрьме за право видеться с матерью и писать ей, и о Юрии Орлове, уже в третий раз помещенном на шесть месяцев в лагерную тюрьму в Пермском лагере после того, как он был избит в присутствии надзирателя.

В декабре 1982 года была объявлена амнистия в честь 60-летия СССР, но, так же как в 1977 году и в предыдущих амнистиях, из нее **специально** были исключены статьи, по которым находятся в заключении узники совести. Так далеко от провозглашенных принципов в СССР — стране, несущей на себе столь большую ответственность за судьбы мира!

В заключение я еще раз подчеркиваю, насколько важно всеобщее понимание абсолютной недопустимости ядерной войны — коллективного самоубийства человечества. Ядерную войну невозможно выиграть. Необходимо планомерно — хотя и осторожно — стремиться к полному ядерному разоружению на основе стратегического равновесия обычных вооружений. Пока в мире существует ядерное оружие, необходимо такое стратегическое равновесие ядерных сил, при котором ни одна из сторон не может решиться на ограниченную или региональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна лишь на основе стабилизации международных отношений, отказа от политики экспансии, укрепления международного доверия, открытости и плюрализации социалистических обществ, соблюдения прав человека во всем мире, сближения — конвергенции — социалистической и капиталистической систем, общемировой согласованной работы по решению глобальных проблем.

2 февраля 1983 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА МОСКОВСКОМ ФОРУМЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я согласился принять участие в состоявшемся 14–16 февраля в Москве форуме "За безъядерный мир, за выживание человечества" и выступал на трех заседаниях. Мое решение привлекло большое внимание, некоторые одобряли его, некоторые осуждали, многие характеризовали как сенсационное. Но для меня оно было самоочевидным.

Мои взгляды сформировались в годы участия в работе над ядерным оружием; в активных действиях против испытаний этого оружия в атмосфере, воде и космосе; в общественной и публицистической деятельности; в участии в правозащитном движении и в горьковской изоляции. Основы позиции отражены в статье 1968 года "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", но изменяющаяся жизнь требовала ответных изменений, конкретного ее воплощения. В особенности это относится к последним переменам во внутренней жизни и внешней политике СССР. Главными и постоянными составляющими (ingredients) в моей позиции являются — мысль о неразрывной связи сохранения мира с открытостью общества, с соблюдением прав человека так, как они сформулированы во Всеобщей декларации прав человека ООН; убеждение, что только конвергенция социалистической и капиталистической систем — кардинальное, окончательное решение проблемы мира и сохранения человечества.

Я понимал, что участие в Форуме неизбежно будет в той или иной степени использовано для чисто пропагандистских целей. Но я исходил из того, что положительное значение публичного выступления после того, как многие годы мой рот был полностью зажат, — гораздо существенней.

Мысли, высказанные мной, отличаются во многом от официальной советской позиции, во многом же совпадают с

с ней. В обоих случаях это — мои мысли, мои убеждения. На Форуме советские участники академик Велихов и заместитель директора Института США и Канады Кокошин выступили с развернутыми возражениями против некоторых из моих утверждений. Я считаю это показателем важности и нетривиальности моих высказываний.

Первое выступление состоялось на заседании, посвященном сокращению стратегических вооружений, второе — на заседании по противоракетной обороне и программе СОИ, третье — на заседании по проблеме запрещения подземных испытаний. Особенное значение я придаю второму выступлению, в котором высказываюсь за отмену принципа "пакета", то есть за отказ СССР от жесткой обусловленности соглашений по сокращению термоядерного оружия заключением соглашения по СОИ, а также соображениям по безопасности ядерной энергетики в третьем выступлении. Я бы хотел широкой общественной дискуссии по этим вопросам.

В материалах о Форуме, опубликованных советской прессой, сообщается о моем участии, но указанные основные тезисы не упоминаются. Вот что напечатано в "Правде": "Академик А.Д. Сахаров отметил несостоятельность позиции сторонников СОИ. Он также отметил, что неправильным является утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ мешает переговорам. Ученый предложил также свой вариант решения вопроса о 50-процентных сокращениях ядерных вооружений". В сообщениях западных радиостанций, которые мне довелось услышать в эти дни, моя точка зрения излагалась также неточно и неполно. Это только подтвердило ранее принятое мной решение опубликовать полные тексты моих выступлений на Форуме.

I

У меня есть соображения технического характера о сокращении стратегических вооружений. Я выскажу их в конце выступления. Но прежде я хочу остановиться на некоторых общих вопросах.

Как гражданин СССР, я в особенности обращаюсь со своими призывами к руководству нашей страны, наряду с другими великими державами несущей особую ответственность за положение в мире.

Международная безопасность и реальное разоружение невозможны без большего доверия между странами Запада и СССР, другими социалистическими странами.

Необходимо разрешение региональных конфликтов на основе компромисса; восстановление стабильности всюду в мире, где она нарушена; прекращение поддержки дестабилизирующих и экстремистских сил, всех террористических группировок; не должно быть попыток расширения зоны влияния одной стороны за счет другой; необходима совместная работа всех стран для решения экономических, социальных и экологических проблем. Необходима большая открытость и демократизация нашего общества — свобода распространения и получения информации, безусловное и полное освобождение узников совести, реальная свобода выбора страны проживания и поездок; свобода выбора места проживания внутри страны; реальный контроль граждан над формированием внутренней и внешней политики.

Несмотря на происходящие в стране прогрессивные процессы демократизации и расширения гласности, положение остается противоречивым и неопределенным, а в чем-то наблюдается попятное движение (например, в законодательстве о свободе эмиграции и поездок).

Без решения политических и гуманитарных проблем прогресс в области разоружения и международной безопасности будет крайне затруднен или вовсе невозможен.

Но есть и обратная зависимость — демократизация и либерализация в СССР и тесно связанный с ними экономический и социальный прогресс будут затруднены без ослабления гонки вооружений. Горбачев и его сторонники, ведущие трудную борьбу против косных, догматических и своекорыстных сил, заинтересованы в разоружении и в том, чтобы гигантские материальные и интеллектуальные ресурсы не отвлекались на вооружение и перевооружение на новом технологическом уровне. Но в успехе преобразований в СССР заинтересован и Запад, весь мир. Экономически сильный, демократизированный и открытый Советский Союз явится важнейшим гарантом международной стабильности, хорошим и надежным партнером для других стран в совместном решении глобальных проблем. И наоборот. Если на Западе возобладает политика изматывания СССР при помощи гонки вооружений — ход мировых событий будет крайне мрачным. Загнанный в угол противник всегда опасен. Нет никаких шансов, что гон-

ка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном. Но процесс демократизации и либерализации прекратится, научно-техническая революция будет иметь одностороннюю военно-промышленную направленность, во внешней политике, как можно опасаться, получат преобладание экспансионистские тенденции, блокирование с деструктивными силами.

Теперь о более специальных вопросах ограничения стратегических вооружений. В Рейкьявике обсуждалась схема одновременного пятидесятипроцентного сокращения всех видов стратегического оружия США и СССР, с сохранением тем самым для каждой стороны сложившихся пропорций различных видов вооружения (я опираюсь на имеющиеся публикации; возможно, что какие-то детали мне не известны). "Пропорциональная" схема наиболее проста, и вполне оправданно, что продвижение началось именно с нее. Но она не оптимальна, так как не решает проблемы стратегической стабильности.

Большая часть ракетно-термоядерного потенциала СССР — мощные шахтные ракеты с разделяющимися боеголовками. Такие ракеты уязвимы по отношению к предупредительному удару современных высокоточных ракет потенциального противника. Принципиально важно, что одна ракета противника с разделяющимися боеголовками уничтожает несколько шахтных ракет. То есть уничтожение всех шахтных ракет при примерном равенстве сторон (СССР и США) возможно с использованием противником лишь части его ракет. Стратегическое значение "первого удара" колоссально возрастает. Страна, опирающаяся в основном на шахтные ракеты, может оказаться вынужденной в критической ситуации к нанесению "первого удара". Это объективная военно-стратегическая реальность, которую не может не учитывать противоположная сторона. Я хочу подчеркнуть, что такое положение никем не планировалось при развертывании шахтных ракет в 60-х и 70-х годах. Оно возникло в результате разработки и принятия на вооружение разделяющихся боеголовок и повышения точности стрельбы. Но сегодня шахтные ракеты, вообще любые ракеты с уязвимыми стартовыми позициями являются важнейшим фактором военно-стратегической нестабильности. Поэтому я считаю чрезвычайно важным при сокращении ракетно-стратегических вооружений принять принцип преиму-

щественного сокращения ракет с уязвимыми стартовыми позициями, то есть тех ракет, которые принципиально являются оружием первого удара. Особенно важно преимущественное сокращение советских шахтных ракет, так как они составляют основу советских ракетно-термоядерных сил, а также американских ракет МХ. Возможно, целесообразно часть советских шахтных ракет одновременно с общим сокращением заменить на менее уязвимые ракеты эквивалентной ударной силы (ракеты с подвижным замаскированным стартом, крылатые ракеты различного базирования, ракеты на подводных лодках и т.д.). Для американских ракет МХ проблема замены, как я думаю, не стоит, так как они составляют менее существенную часть в общем балансе и их можно безболезненно уничтожить в процессе двустороннего сокращения.

Выработка соглашения о непропорциональном сокращении более сложна для экспертов и дипломатов, чем подписание соглашения о пропорциональном сокращении. Но я убежден, что это крайне желательно. Дополнительные расходы на перевооружение советских стратегических сил представляются мне вполне оправданными. Они будут тем меньше, чем глубже одновременное общее сокращение стратегических сил.

Перехожу к этому последнему вопросу, уже обсуждавшемуся сегодня. Определение порога сокращения стратегических сил из условия сохранения стратегической стабильности — задача очень трудная, включающая множество неизвестных и даже не определенных корректно факторов.

Приведу два соображения, иллюстрирующие эти трудности.

При расчете наносимого ущерба можно исходить из различных сценариев войны. В частности, можно производить оценку для случая первого удара или удара возмездия. Эти оценки могут существенно отличаться. Как мне кажется, страна, идущая на опасное обострение, при этом может принять одновременно решение о первом ударе; в этом случае она оценивает свои возможные потери по более низкому уровню удара возмездия.

Гораздо более сложен вопрос о предельно допустимом ущербе. То есть какой максимальный ущерб для населения своей страны, для ее экономического и военного потенциала может допустить решающееся на ядерное обострение правительство в качестве платы за победу. Предполагается, что речь идет об уровнях стратегического ядерного вооружения, при

которых нет взаимного гарантированного уничтожения. Этот вопрос нельзя решать исходя из психологии мирного времени. Я вспоминаю о решениях, принимавшихся в острых ситуациях руководителями недавнего прошлого, — а ведь ситуация, о которой идет речь, вообще не имеет прецедента. Поэтому я бы затруднился сегодня назвать конкретный уровень. Он может быть близок или равен уровню гарантированного взаимного уничтожения! Вернуться к этому вопросу целесообразно после осуществления пятидесятипроцентного сокращения.

Безъядерный мир — желанная цель. Он возможен только в будущем, в результате многих радикальных изменений в мире. Условиями мирного развития сейчас и в будущем являются: разрешение региональных конфликтов; равновесие обычных вооружений; либерализация и демократизация, бóльшая открытость советского общества, соблюдение гражданских и политических прав человека; компромиссное решение проблемы противоракетной обороны без объединения ее в "пакете" с другими вопросами стратегического оружия. Эту последнюю тему я надеюсь обсудить завтра.

Кардинальным, окончательным решением проблемы международной безопасности является конвергенция, сближение мировых систем социализма и капитализма.

II

В Рейкьявике наметилась возможность достигнуть соглашения по ряду важнейших проблем разоружения. Но переговоры наткнулись на проблему СОИ. Точней: 1) На нежелание Рейгана — или невозможность этого для него — заключить компромиссное соглашение по СОИ, предусматривающее мораторий на развертывание в космосе элементов ПРО (непременный элемент соглашения) и определенные ограничения на испытания элементов СОИ с выводом в космос и с использованием подземных ядерных взрывов. В наиболее приемлемом для СССР варианте соглашение должно предусматривать ограничение работ по СОИ только лабораторными исследованиями. По-видимому, предлагаемое советской стороной компромиссное решение оказалось неприемлемым для американской стороны, так как оно лишало ее перспективы свободной работы по СОИ. 2) При такой позиции Рейгана (которую можно было предвидеть) решающее значение приобрел принятый советской стороной принцип "пакета", согласно которому за-

ключение соглашения по СОИ является необходимым условием заключения других соглашений по разоружению, в особенности соглашения о сокращении числа баллистических межконтинентальных ракет с термоядерными зарядами.

Возникла тупиковая ситуация. Я считаю, что принцип "пакета" может и должен быть пересмотрен.

Соглашения о разоружении, в частности о значительном сокращении баллистических межконтинентальных ракет и о ракетах средней дальности и поля боя, должны быть заключены как можно скорее независимо от СОИ в соответствии с линиями договоренности, наметившимися в Рейкьявике.

Компромиссное соглашение по СОИ может быть, по моему мнению, заключено во вторую очередь. Таким образом, опасный тупик в переговорах был бы преодолен.

Я постараюсь проанализировать соображения, приведшие к принципу "пакета", и показать их несостоятельность. Я также попытаюсь показать несостоятельность доводов сторонников СОИ. Начну с последнего.

Я убежден, что система СОИ неэффективна для той цели, для которой она, по утверждению ее сторонников, предназначена.

Объекты ПРО, размещенные в космосе, могут быть выведены из строя еще на неядерной стадии войны, и особенно в момент перехода к ядерной стадии с помощью противоспутникового оружия, космических мин и других средств. Так же будут разрушены многие ключевые объекты ПРО наземного базирования. Использование ракет, имеющих уменьшенное время прохождения активного участка, потребует непомерного увеличения числа космических станций СОИ. Системы ПРО обладают особенно малой эффективностью в отношении крылатых ракет и ракет, запускаемых с близкого расстояния. Результативным способом преодоления любой системы ПРО, в том числе СОИ, является простое увеличение числа ложных и боевых головок, использование помех и различных способов маскировки. Все это и многое другое заставляет считать СОИ своего рода "космической линией Мажино" — дорогой и неэффективной. Противники СОИ утверждают, что СОИ, будучи неэффективной в качестве оборонительного оружия, является щитом, под прикрытием которого наносится "первый удар", так как может быть эффективной для отражения ослабленного удара возмездия. Мне это кажется неправильным. Во-первых, удар возмездия не обязательно будет сильно ослаблен.

Во-вторых, почти все приведенные выше соображения о неэффективности СОИ относятся и к удару возмездия.

Тем не менее в настоящее время ни одна из сторон, по-видимому, не может отказаться от поисковых работ в области СОИ, поскольку нельзя исключить возможности неожиданных успехов и — что существенней и реальней — поскольку концентрация сил на новейшей технологии может принести важные побочные результаты в мирной и военной областях, например в области компьютерной науки. Я все же считаю все эти соображения и возможности второстепенными в масштабе огромной, непомерной стоимости работ по СОИ и при сопоставлении с негативным влиянием СОИ на военно-стратегическую стабильность и на переговоры о разоружении. Сторонники СОИ в США, возможно, рассчитывают с помощью усиления гонки вооружений, связанной с СОИ, экономически измотать и развалить СССР. Я уже говорил вчера, что подобная политика неэффективна и крайне опасна для международной стабильности. В случае СОИ "асимметричный" ответ (т.е. преимущественное развитие сил нападения и средств уничтожения СОИ) делает такие расчеты особенно беспочвенными. Неправильно также утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ, наоборот, затрудняет эти переговоры.

Перейду к центральному вопросу о принципе "пакета". В защиту принципа "пакета" приводится такой, на первый взгляд очень серьезный, аргумент. Представим себе, что СССР отказался от "пакета", произошло существенное сокращение стратегических ракет с термоядерными зарядами, а США сохранили свободу рук в развертывании СОИ и в некоторый момент начинают выводить в космос объекты СОИ, например в варианте, предложенном Уайнбергером. Этот проект предусматривает создание в космосе за несколько лет сети станций, на каждой из которых находится несколько десятков противоракет для поражения советских МБР на активном участке траектории. Кроме того, создается сеть станций наблюдения и управления огнем. Возникает опасность, что такая система, которая была бы неэффективна против первоначального количества советских ракет, после их сокращения окажется уже достаточно действенной и СССР фактически станет безоружным. Кроме того, на сотнях станций можно будет спрятать ядерные ракеты типа космос — земля, лазерное оружие космос — земля для создания пожаров. Начну с последнего опасе-

ния. Оружие космос — земля не кажется мне очень перспективным. Ракеты, размещенные на космических станциях, будут иметь гораздо более легкую боеголовку, чем баллистические ракеты "за те же деньги". Станции и спускаемые с них аппараты очень уязвимы. Лазеры для поджога на расстоянии в 100 и более километров непомерно мощные и вряд ли очень эффективны.

Главный аргумент защитников принципа "пакета" — возможная эффективность СОИ против сокращенных сил МБР СССР. Я считаю, что с большой долей вероятности США просто не решатся на развертывание СОИ в условиях сокращения вооружений, учитывая крайне отрицательные последствия этого шага в политическом, экономическом и военно-стратегическом смысле, для стабильности положения в мире. Как полагают видные политические деятели США, "конгресс этого не допустит". Если начнется разоружение, программа СОИ в США потеряет свою популярность. Но если все же в США возобладают силы, настаивающие на развертывании СОИ в космосе, СССР не окажется в безвыходном положении. Он прекратит сокращение своих стратегических сил и начнет ускоренное строительство мобильных стратегических ракет, которые таким образом заменят уязвимые шахтные ракеты. Как я говорил вчера, такая замена крайне желательна по независимым соображениям. Одновременно СССР начнет ускоренное развитие противоспутникового оружия и космических мин, что даст ему возможность уничтожить или парализовать американскую систему СОИ. Особенно легко уничтожить сравнительно немногочисленные станции наблюдения. Расходы СССР в этом случае возрастут, но не превзойдут приемлемые пределы. Они, вероятно, будут близки к тем, которые требуются от СССР при сохранении принципа "пакета" и существующего уровня гонки вооружений. Конечно, второй путь развития событий менее благоприятен для СССР, чем первый. Но он менее благоприятен и для США, и для всего мира. Поэтому можно надеяться, что США не решатся на развертывание СОИ и ограничатся поисковыми работами, которые при отсутствии запрещения получают полное развитие и, может, даже принесут плоды в мирной области.

Итак, альтернатива такова. Или сохранение принципа "пакета" и продолжение гонки вооружений на существующем и возрастающем уровне и неизбежное развертывание СОИ. Или отказ от принципа "пакета"; это дает выход из тупика,

возникшего в Рейкьявике. Правда, в худшем случае (вероятность которого, по-моему, невелика) новый виток гонки вооружений, с заменой у СССР шахтных ракет на мобильные. В целом военно-стратегическое положение СССР и стабильность положения в мире даже в худшем случае, по моему мнению, не будут отличаться от положения при сохранении "пакета", а политическое положение будет много лучше.

Я всецело за отмену принципа "пакета".

III

О проблеме ядерных испытаний.

Я утверждаю, что боеспособность многих новых вариантов ядерного (как атомного, так и термоядерного) оружия может быть надежно установлена без проведения ядерных испытаний. Исключение, быть может, составят виды оружия, основанные на новых физических и конструктивных принципах, если таковые будут выдвинуты. Однако уже известные физико-конструктивные принципы вполне достаточны для эффективного решения всех военных задач ядерного оружия. Не требует, в частности, новых ядерных испытаний проверка вариантов, отличающихся от ранее испытанных габаритами, весом, компоновкой и другими чисто конструктивными параметрами. Тем более не требует ядерных испытаний проверка надежности оружия при его длительном хранении, а также проверка устойчивости оружия по отношению к механическим, тепловым и радиационным воздействиям, которые могут иметь место при боевом применении.

Условно можно выделить в каждом ядерном заряде "сектора" (не следует придавать этому слову геометрического или конструктивного смысла) — электротехнический, баллистический, атомный и (для термоядерного заряда) — термоядерный сектор.

Надежность первых трех секторов может быть подтверждена лабораторными испытаниями, дополненными "индикаторным" взрывным испытанием (т.е. испытанием, при котором в результате маломощной реакции деления или ядерного синтеза образуется малое количество нейтронов, достаточное для регистрации расположенным вблизи испытываемого заряда счетчиком).

Четвертый (термоядерный) сектор не требует в большинстве случаев испытаний, так как его надежность может быть

установлена по аналогии с ранее испытанными зарядами, основанными на тех же физико-конструктивных принципах. При этом также очень полезны расчеты процесса термоядерного взрыва на ЭВМ (вполне надежны расчеты процессов, обладающих сферической симметрией, или симметрией наличия оси вращения; надежность и точность расчетных методик устанавливаются применением их к ранее испытанным зарядам, основанным на тех же принципах).

В силу сказанного продолжение или прекращение ядерных испытаний не имеет принципиального критического значения для проблемы сдерживания гонки ядерных вооружений. Вопрос о ядерных испытаниях, по моему мнению, имеет второстепенное, вторичное значение по отношению к другим военно-техническим, политическим и дипломатическим аспектам предупреждения термоядерной катастрофы.

Важно, что подземные испытания при достаточной глубине залегания взрывной камеры и соблюдении других мер безопасности не наносят никакого экологического ущерба ни в стране, производящей испытания, ни тем более за ее пределами.

Пока существует и не запрещено ядерное оружие, решение об его подземных испытаниях является внутренним суверенным делом каждой из ядерных держав.

Я считаю, что исключение вопроса о полном запрещении ядерных испытаний из числа первоочередных облегчит и упростит переговоры о более актуальных и неотложных проблемах разоружения.

Я намеренно не касался пропагандистских и психологических аспектов проблемы.

Ядерное оружие разделяет человечество, угрожает ему. Но есть мирное использование ядерной энергии, которое должно способствовать объединению человечества. Разрешите мне сказать несколько слов по этой теме, связанной с основной целью форума.

В эти дни в выступлениях участников много раз упоминалась катастрофа в Чернобыле, явившаяся примером трагического взаимодействия несовершенства техники и человеческих ошибок.

Нельзя тем не менее переносить на мирное использование ядерной энергии то неприятие, которое люди вправе иметь к ее военным применениям. Человечество не может обойтись без ядерной энергетики. Мы обязаны поэтому найти такое решение проблемы безопасности, которое полностью исключило

бы возможность повторения чего-либо подобного чернобыльской катастрофе в результате ошибок, нарушения инструкций, конструктивных дефектов и технических неполадок.

Такое кардинальное решение — размещение ядерных реакторов под землей на глубине, исключающей выделение радиоактивных продуктов в атмосферу при любой мыслимой аварии. При этом будет также обеспечена ядерная безопасность в случае войны, ведущейся без использования ядерного оружия. Особенно существенно иметь полную безопасность для теплофикационных станций, располагаемых вблизи больших городов. Идея подземного размещения ядерных реакторов не нова, против нее выдвигаются соображения экономического характера. На самом деле с использованием современной землеройной техники цена будет, как я убежден, приемлемой. Жалеть же деньги на предотвращение радиационных катастроф нельзя. Я считаю, что мировая общественность, обеспокоенная возможными последствиями мирного использования ядерной энергии, должна сосредоточить свои усилия не на попытках вовсе запретить ядерную энергетику, а на требовании обеспечить ее полную безопасность.

Февраль 1987 г.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Наше общество оказалось (не "вдруг", конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным. Симптомы болезни — последняя стадия которой получила название "эпоха застоя" — известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубинной ясности еще далеко).

В первую очередь это отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике (за исключением периода нэпа), в идеологии. С этим тесно связана бюрократизация всей жизни страны. Все нити управления концентрируются в руках людей, обладающих властью в силу **должности** в государственно-хозяйственном или партийном аппарате и образующих особый социальный "бюрократический" слой. Бюрократия — необходимая часть современного общества, организованного общест-

ва вообще. Всюду с ее функционированием, часто весьма полезным, бывают также в той или иной мере связаны некоторые негативные явления — административно-командная структура управления с механическим подчинением средних звеньев вышестоящим инстанциям и пренебрежением демократическим контролем снизу, иногда вопреки интересам дела, элитарность, потеря гибкости. Но в "антиплюралистических" условиях нашей страны эти явления приобрели качественно иной, самодовлеющий характер.

Возникла новая общественная сила, олицетворением которой надолго стал Сталин. Это не значит, однако, что у бюрократии при Сталине была легкая жизнь. Фактически в тот период сформировалась единоличная диктатура, усугубленная жестокостью и другими общеизвестными качествами Сталина. Но "мандат" на власть он получил от бюрократии, правда, не только от нее.

Новая сила показала свои "зубы", ликвидировав нэп. Можно предполагать, что именно нэп мог бы явиться базисом плюралистического развития нашего общества в сочетании с добровольным (т.е. частичным!) производственным кооперированием в деревне и рациональным строительством государственной промышленности на здоровой экономической основе. Но именно это было бы неприемлемо для "новой бюрократии".

Что было потом — известно. Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня. Потом "великий террор", охвативший не только старую революционную гвардию и военачальников, но и все живые силы общества с трагическим апогеем в 1937 году. Потом многое другое...

Предпринятая Хрущевым и его помощниками попытка реформ так же, как экономическая реформа 60-х годов, встретила сопротивление "номенклатуры" и оказалась (особенно последняя) почти бесплодной. Эти неудачи в значительной степени предопределили психологический климат последующих десятилетий. Еще одна попытка "перестройки" в пределах соцлагеря была подавлена танками в 1968 году.

И все же после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более "ци-

вилизованной”, с лицом если и не совсем человеческим, то, во всяком случае, не тигриным. Более того, в каком-то смысле эта эпоха была психологически комфортной для некоторой части населения. И в то же время она действительно была эпохой застоя, страна все более и более заходила в тупик!

В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной. Технический прогресс не выгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структуры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются (так как бюрократизация захватывает и сферу науки). Большая часть научно-технических идей приходит с Запада, при этом часто с опозданием на годы и десятилетия. Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции, становится ее ”паразитом”. Эффективность вложений в народное хозяйство катастрофически падает. В строительстве преобладает ”долгострой”. Общий итог всего этого мы находим в недавнем заявлении М.С. Горбачева — уже 4 пятилетки нет абсолютного прироста национального дохода, а в 80-е годы наблюдалось даже его снижение. Сельское хозяйство страны находится в состоянии перманентного кризиса, в результате — низкое качество питания населения, скудость ассортимента продовольственных магазинов, необходимость закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за границей. Бюрократия при этом с особой силой противостоит всем инициативам, направленным на усиление самостоятельности низших звеньев хозяйственного механизма и реальной материальной заинтересованности людей в конечном результате их труда. Так был уничтожен Худенко, один из предтеч перестройки; как известно, он был обвинен в нарушении финансовой дисциплины и погиб в лагере.

Другая сторона эпохи власти бюрократии, тесно связанная с экономическими уродствами, не менее трагическая — нравственная деградация общества. В прессе, радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Особенно тяжело эта давящая психологическая обстановка сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее.

Бюрократия далеко не бескорыстна. Прикрываясь демагогической фразеологией, она попирает социальную справед-

ливость во всех сферах материальной жизни – таких, как проблема жилья, качество здравоохранения (большая часть населения, в частности, лишена возможности приобретения современных лекарств), качество образования и др. Зарплата значительной части трудящихся искусственно занижена, что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода. Особенно занижена зарплата в наиболее массовых интеллигентных профессиях. Постыдно малы пенсии у подавляющей массы пенсионеров. Одновременно существуют элитарные группы населения, обладающие огромными социально несправедливыми привилегиями.

Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития различных форм коррупции; возникают чисто мафиозные группы, сращенные с местным партийным и государственным аппаратом, от которого, как правило, нити тянутся вверх. Классический пример – узбекистанская мафия с ее многомиллиардными хищениями и приписками к производству хлопка, систематическим взяточничеством, эксплуатацией уборщиков хлопка, при этом тысячи людей, особенно детей, стали жертвами бесконтрольного массового применения дефолиантов и других химикатов, с жесточайшими расправами над недовольными в подземных личных тюрьмах и психушках.

В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны. В последние десятилетия размах этой рабовладельческой экономики существенно уменьшился, но все же, по-видимому, от одного до двух миллионов людей находится в лагерях и на так называемой "химии". Режим в местах заключения и сейчас очень тяжел, не соответствует современным стандартам и требованиям гуманности. Заключенные страдают от непосильного труда, плохого питания, от ограничения свиданий (разрешенных очень редко и только с родными), от произвола начальства. Сроки заключения непомерно велики. Лагерь и тюрьмы сейчас, в отличие от сталинских времен, по-

полняются в основном людьми, осужденными за уголовные преступления. Однако наша судебная и следственная система очень несовершенна (в последние годы гласности данные об этом проникли на страницы прессы). Нравственный и юридический уровень судей часто низок, они зависят от местного начальства, приговоры часто не мотивированы, повторяют выводы предвзятого следствия, иногда основанного на вынужденных избиениях признаниях обвиняемых. При этом наиболее опасные преступники оказывались безнаказанными, а некоторые занимали высокие посты; сращенной с этой мафией оказывалась в ряде случаев и милиция, МВД, прокуратура и суды.

Лагерный мир... Это дно нашего общества. Его ужас, серая беспросветность отражают в себе всю глубину социальной трагичности и нравственной ущербности нашей жизни, так же как быт и трагедия детских домов и детских колоний, о которых теперь стала писать наша пресса и показывать телевидение. Эти две стороны жизни тесно соприкасаются. Часто приходится слышать, что среди заключенных непомерно много воспитанников детских домов, слышать о жестоких приговорах им. Казалось бы, к этим обездоленным людям надо бы относиться особенно снисходительно. Но часто бывает наоборот. Очень часты также несправедливые и жестокие приговоры бывшим заключенным. В 70-х годах я получал сотни писем, в которых нашли отражение все эти темы (а также в особенности тема эмиграции). Помочь кому-либо было не в моих силах.

Что касается КГБ, то в 70–80-е годы очень характерно новое усиление этой организации после некоторой потери влияния в 50–60-е годы. При этом роль КГБ оказывается неоднозначной. С одной стороны – безжалостные репрессии против инакомыслящих. Как известно, в конце 60-х годов (или несколько ранее) в нашей стране возникли относительно немногочисленные, но принципиально важные общественные движения, психологически и морально подготавливающие необходимую плюралистическую эволюцию общества. В особенности мне близки те, кто решился на активные действия в защиту гласности и принципов прав человека. Среди них – издатели знаменитого информационного сборника "Хроника текущих событий". Этот машинописный самиздатский сборник с огромными жертвами и самоотверженностью издавался (с небольшим перерывом) более 13 лет. Он информировал советскую и мировую общественность о несправедливых судах,

психиатрических репрессиях, условиях в местах заключения, о наболевших проблемах эмиграции, религиозной и национальной жизни. Другие группы инакомыслящих связаны с теми или иными частными проблемами, в том числе с некоторыми из перечисленных.

Инакомыслящие в 70–80-е годы жестоко преследовались, многие из них долгие годы провели в тюрьмах, лагерях и в психиатрических больницах. Многие погибли в заключении, среди них Юрий Куку, замечательный украинский поэт Василь Стус, учитель Алекса Тихий, рабочий и писатель Анатолий Марченко. Особо жестокой и социально опасной являлась практика использования в политических целях психиатрии (эта опасность не уменьшается тем, что большей частью жертвами психиатрических репрессий становятся люди, нуждающиеся в доброй помощи психиатра, и лишь изредка – вполне здоровые, как, например, недавно умерший за рубежом один из выдающихся людей нашего времени генерал Петр Григорьевич Григоренко). Справедливости ради надо сказать, что масштаб политических репрессий в "годы застоя" был несравнимо меньше сталинского.

Существовали ли связи КГБ с возникшим в 60–70-е годы "террористическим интернационалом", другими деструктивными акциями? Это важный вопрос, требующий детального непредвзятого изучения в обстановке гласности (подобно тому, как аналогичное изучение было проведено в США в отношении ЦРУ). Я уверен, что высшие интересы страны требуют полной правды о прошлом и настоящем, какой бы она ни была трудной. В нашей жизни не должно быть недоступных свету уголков. Это гораздо важнее, чем так называемые соображения "государственной безопасности", специфика секретных служб и т.п. (конечно, "открывать" резидентов я не призываю!).

С другой стороны, именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии. Эта двойственность отразилась в личной судьбе и позиции руководителя КГБ Ю.В. Андропова. Став во главе государства, он продолжил борьбу с коррупцией и преступностью, но не сделал никаких других шагов в преодолении негативных явлений эпохи застоя.

Особо необходимо сказать о международной политике последних десятилетий. В ней тоже проявились черты застоя, не-

достатка гибкости, отсутствие принципиально нового подхода к беспрецедентным проблемам современности. В некоторых регионах политика СССР объективно оказалась направленной на поддержку деструктивных сил (в частности, на Ближнем Востоке, где, конечно, необходим компромисс и готовность к уступкам как со стороны Израиля, так и со стороны палестинцев и арабских государств). Политика в области вооружения и разоружения не была достаточно гибкой и рациональной. Установка в 70–80-х годах ракет средней дальности в Европе – один из примеров. Доверие к СССР, а значит, международная безопасность непрерывно падали. Шумные, часто инспирированные акции "борьбы за мир" тут ничего не меняли.

Особенно большое трагическое значение имели действия СССР в отношении Афганистана. Ввод войск вызвал острую реакцию национального сопротивления, СССР ответил жесткой многолетней войной, принесшей огромные страдания и жертвы всему афганскому народу. Число афганцев, погибших в результате "войны кишлаков", превышает 600 тысяч и, вероятно, близко к 1 млн. человек, в стране голод и эпидемии, число беженцев больше 4 млн. человек, т.е. около одной четверти населения страны. Погибло и искалечено много советских солдат. Участие в несправедливой войне имеет для СССР пагубные психологические и социальные последствия.

События в Афганистане стали главным источником международной напряженности и недоверия в большом регионе, угрозой миру во всем мире.

Афганская авантюра как бы воплотила в себе всю опасность и иррациональность закрытого тоталитарного общества.

Такова общая картина тупика, застоя, как она вырисовалась к середине 80-х годов. К счастью, в СССР нашлись здоровые силы, осознавшие, что дальше так продолжаться не может. Лозунги перестройки, ее идеология известны. Это экономическая реформа, гласность, демократизация, в особенности новые принципы выдвижения руководителей, социальная справедливость, новое политическое мышление, провозглашающее приоритет общечеловеческих целей выживания и общемирового развития над всеми государственными, классовыми, национальными, ведомственными и частными интересами.

Реальна ли программа перестройки? Этот вопрос волнует сейчас всех.

Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера. Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую "антишколу", приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лицемерию, лжи, эгоизму и приспособленчеству (говоря "народ", я имею в виду и интеллигенцию). Сохранились ли в нем достаточные внутренние нравственные силы? Если этих сил мало, то наш путь будет медленным, противоречивым, с отступлениями и падениями. Но я верю, что в народе всегда, в особенности в молодежи, под наносной оболочкой горит живой огонь. Он должен дать о себе знать. Это зависит от всех нас. Нужна нравственная и материальная мотивация перестройки, заинтересованность каждого в ее успехе! И еще — чувство большой общей цели, такое по заказу и уговорам не получается, но без этого все повиснет в воздухе. Народ должен поверить, что ему говорят правду, — а для этого нужно одно — говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами.

Но и в любом, даже самом благоприятном случае будут большие трудности. Уже сейчас переход к самоокупаемости и самофинансированию, к новым системам снабжения и кооперирования приводит к потере многими части их доходов и даже работы. А ведь это только начало трудного пути. Поменьше бы при этом глупостей и побольше здравого смысла и чувства ответственности. Главные препятствия перестройки — в общей косности сложившейся десятилетиями административно-бюрократической системы, в реальных интересах миллионов ее деятелей на всех уровнях. Саморегулирующаяся эффективная система им просто не нужна, они окажутся как бы не у дел. Отсюда опасность того, что кто-то активно или пассивно, по неумению, будет мешать перестройке, искажать, карикатуризировать ее. И представлять ее временные трудности как окончательный провал. Через все это придется пройти.

О чем же я думаю, что жду от перестройки?

Прежде всего — о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общеизвестно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно

было в прошлом и есть в настоящем. Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу.

Другая, не менее важная основа нравственного здоровья общества — социальная справедливость. Тема эта широкая и многосторонняя, я уже писал о таких ее аспектах, как привилегии элиты, уровень зарплаты и пенсий, социальное равноправие. Коснусь тут одного частного вопроса. По-видимому, неизбежно упорядочивание системы цен в соответствии с экономическими законами, в частности повышение цен на продукты питания. Люди с низким уровнем дохода на члена семьи должны получать компенсацию. Наиболее справедливой, на мой взгляд, является выдача 30–40% населения талонов на бесплатное приобретение части продуктов питания, с тем чтобы для этих менее обеспеченных людей скомпенсировать повышение цен. По-видимому, значительная часть существующих сейчас государственных дотаций на продукты питания должна быть использована для этих талонов. Остальная часть суммы дотации пойдет на другие формы компенсаций или останется в государственном бюджете. Если общая сумма дотаций в год составляет 60 млрд. рублей (точных цифр я не знаю), то выдача 100 млн. граждан талонов на 50% этой суммы составит 25 рублей в месяц на человека (в среднем), что должно скомпенсировать потери от повышения цен. Необходимо также скомпенсировать для менее обеспеченных граждан увеличение квартплаты и некоторых других статей расхода. При этом чисто денежные формы компенсации, особенно на продукты питания, не являются, на мой взгляд, приемлемыми. Ведь многие, особенно молодежь, а она составляет значительную долю плохо обеспеченных людей, при этом будут тратить деньги на одежду и т.п. и просто голодать. Поэтому я писал о талонах, вероятно, нужно какое-то комбинированное решение.

Я, не будучи специалистом, воздержусь от обсуждения критически важных экономических вопросов и ограничусь некоторыми замечаниями "аутсайдера". Необходимо создать экономические и юридические условия, при которых выгодна инициатива, гибкое реагирование на экономическую конъюнктуру, выгоден технический прогресс, выгодна хорошая лич-

ная работа — без каких-либо тормозов и ограничений догматического свойства. Сейчас мы имеем: закон о государственном предприятии, проект закона о кооперации (вероятно, предварительный), закон об индивидуальной трудовой деятельности. Все эти документы очень важны и в принципе открывают качественно новые политико-экономические возможности. Вместе с тем в них бросаются в глаза недоговоренности и противоречия с основным духом документов. Например, что в условиях кооператива значит "контроль партийной организации"? В преамбуле проекта закона о кооперации оговорено право свободного выхода из кооператива. Но в дальнейшем в числе функций общего собрания колхоза почему-то не упомянуто рассмотрение вопроса о выходе (иными словами, общее собрание в противоречие с преамбулой наделяется правом отказа в выходе из колхоза). В законе о кооперации и Уставе колхоза необходимо предусмотреть право беспрепятственного выхода каждого члена, с соответствующей компенсацией за вложенный труд, с сохранением стажа и, по желанию выходящего, — с выделением земельного долевого участка. Колхозник не крепостной, колхоз должен быть абсолютно добровольным объединением. Всякое нарушение этого принципа чревато очень глубокими социальными, психологическими и экономическими опасностями для общества, плоды этого мы сейчас наблюдаем. Очень важно дальнейшее развитие системы семейного и коллективного подряда, его юридическая, экономическая и социально-нравственная поддержка. Необходимо долгосрочное выделение желающим хороших земель (с правом наследования). Только так можно гарантировать бережное сохранение одного из главных богатств общества — плодородной земли. Особо большую роль должны играть "малые кооперативы" (примыкающие с рядом переходных форм к коллективному подряду). Необходимо максимально поддержать индивидуальную трудовую деятельность, создать для нее максимально благоприятные экономические и юридические условия, создать психологическую атмосферу длительной перспективы. Конечно, надо отменить все постановления вроде указа о нетрудовых доходах, которые противостоят целям развития индивидуальной трудовой деятельности. Не надо бояться больших доходов отдельных граждан, если их источником явился личный труд, инициатива, изобретательство, использование конъюнктуры, использование личного имущества. Принцип "разрешено все, что не запрещено

законом", должен пониматься буквально. Некоторые особенно социально полезные виды индивидуальной трудовой деятельности должны быть освобождены от налогов (например, пчеловодство).

Как я уже писал, в 70–80-х годах происходили жестокие преследования инакомыслящих. В течение 1987 года большая часть узников совести – т.е., по терминологии международной правозащитной организации "Эмнести интернэшнл", людей, репрессированных за убеждения и связанных с убеждениями ненасильственных действий, – была освобождена (еще раньше были освобождены Анатолий Щаранский, Юрий Орлов, автор этой статьи и моя жена Елена Боннэр). Однако все еще остается в заключении около 20 осужденных по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР (включая ссыльных), а также некоторые осужденные по другим статьям и находящиеся в психиатрических больницах. Все они должны быть освобождены. Это чрезвычайно важно в нравственном отношении, для оздоровления всей обстановки в стране, для преодоления "инерции страха" (название одной из самиздатовских книг). Психологически и политически важно, чтобы все узники совести были реабилитированы, а не просто "втихую" освобождены как помилованные. Пора уже отойти от системы реабилитировать невиновных посмертно, а не при жизни. Требования в 1987 году от узников совести заявлений о помиловании, конечно, были неправомерны с нравственной и юридической точек зрения. Не менее важно – отмена всех тех статей Кодекса, по которым имели место преследования за убеждения. Это уже упомянутая статья 70 УК РСФСР (и аналогичные статьи союзных республик), почти буквально списанная с одного из пунктов трагически знаменитой 58-й статьи сталинского кодекса. Это статья 190-1: "заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй"; суды не утруждали себя доказательством или анализом "заведомой ложности". Это две статьи, допускающие преследования за религиозную деятельность, – 142 и 227 УК РСФСР. Конечно, необходима гуманизация пенитенциарной системы в соответствии с международными нормами. Необходима также полная отмена института смертной казни. Беккариа, Гюго, Толстой и другие писатели и гуманисты прошлого открыли людям глаза на психологическую бесчеловечность смертной казни. В судебной практике неизбежны ошибки, в случае смертного приговора исправление их невозможно

но. Отмена смертной казни, несомненно, будет способствовать гуманизации общества. К сожалению, многие не верят в это и, возмущенные известными им преступлениями, продолжают возражать против отмены смертной казни. Я надеюсь, что их точка зрения не возобладает.

Перестройка должна способствовать "открытости общества" как одного из основных условий нравственного и экономического здоровья страны, международного доверия и безопасности. Понятие открытости включает в себя контроль общественности за принятием ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Все эти положения сформулированы в одном из важнейших документов нашего времени — Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и в Пактах о правах человека, ратифицированных СССР. На последний из этих документов имеется также ссылка в Хельсинкском акте. Коротко остановлюсь на последних двух правах. Свобода выбора страны проживания подразумевает право эмиграции и право возвращения. Право эмиграции не сводится к объединению семей, поэтому совершенно неправомерно требование так называемых "вызовов" от родственников, тем более — от ближайших родственников (сейчас очень многим отказывают в принятии заявления на эмиграцию по причине недостаточно близкого родства с лицом, пославшим вызов; а при отсутствии вызова вообще не разговаривают). В своем полном виде право на эмиграцию имеет большое социальное, политическое и международное значение, давая каждому гражданину возможность лично выбрать то общественно-экономическое устройство, которое является для него наилучшим. Границы между странами в некотором смысле исчезают. В конечном итоге это будет важной гарантией мира. Выбор при этом не должен иметь окончательного, фатального характера, люди должны иметь возможность пересмотреть свои оценки, исправить ошибку — поэтому так важно дополнение права на эмиграцию правом на возвращение.

Право на свободу места проживания в пределах страны я хочу обсудить в связи с проблемой крымских татар. Это одна из двух национальных проблем, которым посвящено мое письмо на имя М.С. Горбачева, дальнейшее изложение частично следует этому письму.

В мае 1944 года, вскоре после освобождения Крыма, сотни тысяч крымских татар, в основном дети, женщины и старики, так как мужчины находились на фронте, были по приказу Сталина насильственно вывезены из Крыма. Переселение осуществлялось с большой жестокостью под руководством Кобулова, одного из заместителей Берию (осужденного и расстрелянного вместе с ним в 1953 г.). "Переселение народов" — одно из преступлений Сталина, осужденное еще в 50-х годах. Почти все переселенные народы вернулись, за двумя или тремя исключениями; среди них крымские татары, до сих пор безуспешно добивающиеся права жить на родине. Созданная при Президиуме Верховного Совета СССР комиссия не нашла пока путей восстановления справедливости. На местах продолжаются дискриминационные действия в отношении крымских татар, желающих вернуться в Крым, — отказы по национальному признаку в прописке и приобретении домов, провокационная агитация в прессе.

Обстановка обостряется. Все еще используется, особенно неофициально, аргумент о сотрудничестве крымских татар с немцами во время войны. Но распространение на весь народ ответственности за действия отдельных его представителей неправомерно. Активистов национального движения называют экстремистами, между тем все движение всегда проходило в строго законных формах, с полным исключением насилия. И это несмотря на то, что дома татар в Крыму сносились бульдозерами, сжигались, людей доводили до саможжения. Я считаю, что нужно привлечь активистов национального движения к работе комиссии. Целесообразно проведение референдума среди крымских татар для определения путей решения проблемы (приемлемых для других народов страны) и выявления всех желающих вернуться в Крым. Справедливость должна быть восстановлена! По моему мнению, необходимо правительственное решение об организованном возвращении в Крым всех желающих вернуться крымских татар с предоставлением им преимущественного права на прописку, льготных условий покупки домов, специальных ссуд, устройством на работу. Вероятно, целесообразно преимущественное переселение (в добровольном порядке) крымских татар в один из районов степного Крыма, с созданием там национального автономного округа в качестве компромиссной основы для дальнейшего продвижения в решении национальной проблемы крымских татар, с учетом общесоюзных интересов. Южный

берег Крыма, вероятно, должен находиться в общесоюзном подчинении как уникальная здравница для всего населения СССР и курорт мирового значения.

Другая особо острая национальная проблема, о которой я писал, — судьба Нагорного Карабаха. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% — азербайджанцы, русские и курды. В 1923 году доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха. На протяжении последующих десятилетий оно являлось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации армян, диктата, ущемления национальной культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля 1988 г. на сессии областного Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов народных депутатов. Решения районных и областного Советов были поддержаны многочисленными мирными демонстрациями и митингами в области и Армении. Несомненно, во всем этом проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайств органом Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам, одновременно появились сообщения в печати и телевидении, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, есте-

ственно, не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, Нагорном Карабахе и других местах прошли новые демонстрации, забастовки и митинги, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года. Опять убийства женщин и детей, чудовищные зверства, насилие и издевательства. Я думаю, что события в Азербайджане, так же как волнения 1986 года в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арьергардные (хотелось бы надеяться!) бои. 23 марта я написал дополнение к письму. В нем я пишу: "Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайства областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Армении и Верховном Совете Азербайджана; в случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие..." В тот же день было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором без упоминания о решениях областного Совета народных депутатов автономной области отвергалась возможность пересмотра территориальных границ в обстановке давления и нагнетания страстей, как крайне опасное действие с непредсказуемыми последствиями. По моему мнению, к крайне опасным последствиям для процесса перестройки может привести именно игнорирование демократического волеизъявления народа, решения органа Советской власти, отступление перед шантажом антиперестроечных сил. Не случайно преступление в Сумгаите произошло тогда, когда выявились признаки неуверенности в позиции центральных властей. Я надеюсь, что Постановление от 23 марта не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума по этой проблеме.

С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам.

К числу таких ключевых проблем относятся: возвращение крымских татар в Крым и воссоединение Арцаха (Нагорный Карабах) с Арменией. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

Перехожу к проблемам мира и разоружения. Они всегда лежали в центре моих общественных выступлений, начиная с первой опубликованной в 1968 году в "самиздате" и на Западе статьи "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Эпоха гласности дала мне возможность изложить свои взгляды непосредственно перед советской аудиторией. В феврале 1987 года я принял участие в Московском форуме за выживание человечества. В своем выступлении я, в частности, отрицательно оцениваю влияние на международную безопасность и стабильность приоритетную ориентацию на создание системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Такая система может быть создана в чисто техническом плане, но она крайне уязвима и малоэффективна и может быть преодолена относительно меньшими (более простыми и дешевыми) усилиями потенциального противника. Однако при этом противник будет вынужден пойти на целый ряд ответных мер, а общий порог стратегической стабильности, основанный на концепции "гарантированного взаимного уничтожения", повышается. В результате процесс разоружения усложняется. Вместе с тем я защищал на Форуме необходимость отказа от так называемого принципа "пакета", увязывающего возможность соглашений по разоружению с заключением соглашения по СОИ. Это является очень важной частью моей позиции, а именно: я защищаю тезис о необходимости заключения соглашений по ракетам средней дальности и о 50%-ном сокращении стратегических вооружений независимо от позиции США по проблеме СОИ и каких-либо иных условий. Более глубокое сокращение стратегических вооружений, по моему мнению, возможно лишь при наличии целого ряда дополнительных военно-стратегических и политических условий, в частности относящихся к действиям сторон в области противоракетной обороны. Как известно, вскоре СССР заявил об отказе от принципа "пакета" в отношении ракет средней дальности, а в декабре 1987 года М.С. Горбачев и Р. Рейган подписали в Вашингтоне договор о ракетах средней и меньшей дальности. Это поистине историческое соглашение впервые предопределяет уничтожение цело-

го класса ракетно-ядерного оружия и устанавливает беспрецедентные меры контроля. Оно, как мы надеемся, открывает возможности дальнейшего прогресса.

По общему мнению, следующим этапом должно быть соглашение о 50%-ном сокращении стратегических вооружений. Стороны проявили волю к достижению этого соглашения, сделав важные встречные шаги. Очень важно дойти тут до конца, преодолев оставшиеся трудности в вопросе о контроле и некоторые другие.

Ни одна из сторон в обозримом будущем не может полностью отказаться от поисковых работ в областях, в которых возможны важные военные достижения. Необходимы компромиссные решения. Сейчас, по-видимому, наиболее полезным является заключение соглашений, относящихся к открытости научных исследований. Важное предложение сделал на встрече советских и американских ученых в Вильнюсе глава американской делегации Вольфганг Пановский. Научные и конструкторские работы с устройствами, которые потенциально могут быть использованы в качестве оружия нового типа, должны вестись **открыто, если параметры устройств превосходят определенные пределы**; другие страны должны быть информированы о ведущихся работах, в случае необходимости должно быть возможным посещение научных лабораторий. Так, например, открыто должны вестись работы по лазерным устройствам, если параметры пучка достаточны для использования в системе ПРО с космическим базированием или для поражения из космоса наземных целей. Пановский в Вильнюсе говорил именно в связи с проблемой СОИ, но его предложение имеет и более широкое значение.

Чрезвычайно важно установление равновесия обычных вооружений. В частности, это одна из предпосылок глубокого сокращения ядерных вооружений. Эксперты уже много лет ведут тут споры, связанные как с недостатком информации, так и с объективной сложностью и неоднозначностью ситуации. Важная задача — такое сокращение обычных вооружений и изменение их структуры, при котором каждая сторона уверена, что противоположная сторона преследует чисто оборонительные цели. Но достичь этого чрезвычайно трудно даже в чисто техническом плане, и тем более в мире, раздираемом взаимным недоверием, региональными конфликтами.

Одной из предпосылок укрепления доверия является прекращение войны в Афганистане. Я убежден, что вывод

советских войск из Афганистана, о начале которого с 15 мая 1988 г. объявило Советское правительство, должен быть осуществлен без каких-либо предварительных условий. Но одновременно должны вестись переговоры о прекращении поставок оружия враждующим сторонам на взаимной основе, о создании условий для возвращения беженцев из Пакистана и Ирана, о предоставлении СССР убежища всем, кто этого пожелает. Для установления порядка в стране, вероятно, целесообразно использование сил ООН. Вероятно, необходима международная гуманитарная — экономическая и медицинская — помощь.

В Европе мне кажется целесообразным предложение об установлении коридора шириной в 150–200 км, разделяющего вооруженные силы НАТО и Варшавского Пакта и свободного от какого-либо оружия (обязательно — не только ядерного, но и обычного). Это сильно уменьшит возможность внезапного крупномасштабного нападения одной стороны на другую и будет способствовать укреплению доверия.

В более широком аспекте я считаю возможным и необходимым рассмотреть вопрос об осуществлении СССР смелого, грандиозного по своему общечеловеческому значению шага — сокращения в одностороннем порядке срока службы в армии, флоте и авиации (ориентировочно — в 2 раза), тем самым уменьшения численности вооруженных сил с одновременным сокращением (в той же пропорции) всех видов вооружений (но, вероятно, с относительно меньшим сокращением офицерского состава). Конечно, такое решение может быть принято после всестороннего учета всех возможных последствий, в том числе для военной безопасности СССР и других стран социалистического содружества, а также с учетом социальных и демографических факторов. Необходимо также исходить из прогнозов развития международной обстановки, возможных ее осложнений. Но нельзя не учитывать того, что лежит на противоположной чаше весов! Предполагаемый шаг сразу и кардинально изменит всю ситуацию в мире. Откроется прямая дорога к глубокому и всестороннему разоружению, к сбалансированному сокращению обычных и ядерных вооружений, вплоть до полного уничтожения ядерного оружия! Укрепится международное доверие. Это будет, в частности, способствовать урегулированию региональных конфликтов на всех континентах. Разоружение освободит огромные материальные средства, так необходимые для перестройки в СССР, а в обще-

мировом масштабе — для решения социальных, экологических и других всеобщих проблем, для борьбы с голодом, болезнями, для преодоления неравномерности общемирового развития.

Значительными будут социальные последствия сокращения срока службы в армии внутри страны. Облегчится возвращение юношей к производительному труду и учебе. Произойдет также оздоровление внутренних отношений в армии — исчезнут корни так называемой "дедовщины" (помыкание солдатами первого года службы). Сокращение срока службы в армии вполне возможно, в частности, и потому, что в армию приходят сейчас гораздо более подготовленные ребята, чем, скажем, в 30-е годы; многие из них знакомы с трактором, автомобилем, радио; обучить их военным специальностям можно значительно быстрее!

Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества, при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении. Нужно новое мышление человечества!

25 марта 1988 г.

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПЛАТФОРМА

1. Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией. Ликвидация всевластия министерств и ведомств. Расширение самостоятельности государственных предприятий. Свободный рынок рабочей силы, средств производства, сырья и полуфабрикатов. Развитие арендного, кооперативного, акционерного производства. Необходимо немедленно (до посевной 1989 г.) ликвидировать нерентабельные колхозы и совхозы и передать в аренду землю, хозяйственные постройки и технику на льготных условиях. Мы обязаны накормить страну! Также в аренду или акционерное владение

передать нерентабельные промышленные предприятия. Разукрупнить крупные предприятия с целью стимулировать конкуренцию и не допустить монопольного ценообразования. Независимая комплексная экологическая и экономическая экспертиза крупных проектов планов развития народного хозяйства в целом. Отказ от экстенсивного развития народного хозяйства — от роста объема добычи полезных ископаемых, количественного роста промышленного производства без качественной перестройки. Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидация или перевод на полный хозрасчет. Ядерная энергетика необходима человечеству, но она должна быть безопасной (в том числе необходимо учитывать сейсмическую опасность, опасность террористических актов, возможность разрушения в войне с применением обычного оружия). Должно быть полностью запрещено строительство атомных электро- и теплостанций с расположением ядерных реакторов на поверхности земли. Строительство с подземным расположением, с исключением возможности попадания при аварии радиоактивных продуктов в почвенные воды. Закрытие экологически вредных производств. Легализация и поддержка общественных движений, борющихся за охрану окружающей среды. Публикация всех данных об экологической обстановке во всех регионах страны. Прекращение экологически опасного гидротехнического и иного строительства. Доходы каждого — по результатам его труда. Снятие всех ограничений на личные доходы, единственный регулятор — прогрессивный налог. Отмена всех привилегий, не связанных со служебной необходимостью. Открытость данных об окладах. Обязательная регулярная (не реже раза в год) публикация финансовых отчетов всех общественных фондов, включая оклады сотрудников, представительские расходы, поездки. Максимальное сокращение штатов во всех общественных организациях. Ввести реалистический курс рубля и в дальнейшем перейти к его конвертируемости.

2. Социальная и национальная справедливость. Защита прав личности. Открытость общества. Свобода убеждений. Свобода выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Свобода ассоциаций, митингов и демонстраций. Контроль общества за принятием важнейших решений. Пересмотр Закона о выборах и принятых в 1988 году поправок к Конституции. Прямые выборы депутатов Верховного Сове-

та и его Председателя. Демократическая система выдвижения кандидатов и их регистрация без контроля аппарата и отсева кандидатов. Один человек — один голос. Обязательное условие проведения выборов — наличие не менее двух кандидатов на одно место. Возвращение к ленинской концепции СССР как союза равноправных государств. Не должно быть никакого ущемления малых наций большими. Компактные национальные области должны иметь права союзных республик. Отсутствие внешней границы не должно быть причиной ущемления их прав. Федеративная система на основе союзного договора. Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик. Республиканский и региональный хозрасчет. Добиваться принятия Закона о печати, обеспечивающего свободу от идеологического контроля и любых ограничений, кроме пропаганды войны и насилия, национальной розни, порнографии и раскрытия государственных тайн. Но тайн в открытом обществе должно становиться все меньше и меньше. Разрешить частную и кооперативную деятельность в области распространения информации при тех же ограничениях. Постепенная отмена паспортной системы. Изменение пенсий и других постоянных выплат в соответствии с инфляционным коэффициентом, отнесенным к шестидесятым годам. До всестороннего изучения последствий не повышать цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Улучшение жилищных условий за счет ликвидации бесчисленных контор и помещений, используемых под служебные, и поощрение всех форм жилищного строительства. Увеличение ассигнований на образование и медицинскую помощь. Изменение законодательства и социальной структуры с целью облегчения положения работающих женщин-матерей и денежного поощрения женщин, посвящающих себя воспитанию детей дошкольного возраста.

3. Искоренение последствий сталинизма, правовое государство. Раскрыть архивы НКВД — МГБ, обнародовать данные о преступлениях сталинизма и всех неоправданных репрессиях. Учредить комиссии Верховного Совета по контролю за действиями МВД, КГБ, МО. Возможность обжаловать в суде решения и действия не только отдельных должностных лиц, но и государственных и партийных органов. Суд присяжных. Допуск адвоката с начала следствия. Отмена приговора суда при наличии процессуальных нарушений или выявлении незаконных методов следствия и обязательная судебная ответ-

ственность за них. Гуманизация мест заключения. Отмена смертной казни. Освобождение и реабилитация узников совести, членов комитета "Карабах" и "Крунк".

4. Организация науки. Значительно повысить роль вузовской науки. Расширить международные контакты советских ученых за счет ранее мало включенных в этот процесс молодых и провинциальных ученых. Шире практиковать финансирование и материальное снабжение научных работ по проектам, выдвигаемым инициативными группами. Повысить роль Академии наук в фундаментальных исследованиях и ее ответственность за экологическую и экономическую экспертизу.

5. Поддержка политики разоружения и разрешения региональных конфликтов. Публикация данных о действиях и политике СССР в региональных конфликтах (включая Афганистан и Ближний Восток). Сокращение срока службы в армии (ориентировочно вдвое) и ее численности, пропорциональное сокращение всех видов оружия, но при этом значительно меньшее сокращение офицерского состава с перспективой постепенного перехода к профессиональной армии. Запрещение химического и бактериологического оружия. Наличие ядерного оружия — лишь для предупреждения ядерного нападения противника. Переход на полностью оборонную стратегическую доктрину.

6. Конвергенция (сближение) социалистической и капиталистической систем, сопровождающаяся встречными плюралистическими процессами в экономике, социальной сфере, культуре и идеологии, — единственный путь радикального устранения опасности гибели человечества в результате термоядерной и экологической катастроф.

5 февраля 1989 г.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ 1-го СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Уважаемые народные депутаты!

Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много

принципиально новых, прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: "Вся власть Советам!" Съезд откалзался даже от обсуждения "Декрета о власти".

До того, как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу, "как правило" — нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказываются "свадебные генералы". Такой Верховный Совет будет — как можно опасаться — просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного аппарата.

В стране, в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений, происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас — именно сейчас! — ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием. Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым — необратимость перестройки и гармоническое развитие страны. Я вновь обращаюсь к Съезду с призывом принять "Декрет о власти".

Декрет о власти

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции СССР отменяется.
2. Принятие Законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории Союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом Союзной республики.
3. Верховный Совет является рабочим органом Съезда.
4. Комиссии и Комитеты для подготовки законов о государственном бюджете, других законов и для постоянного контроля за деятельностью государственных органов, над экономическим, социальным и экологическим положением в стране создаются Съездом и Верховным Советом на паритетных началах и подотчетны Съезду.
5. Избрание и отзыв высших должностных лиц СССР, а именно:
 - 1) Председателя Верховного Совета СССР,
 - 2) Заместителя Председателя Верховного Совета СССР,
 - 3) Председателя Совета Министров СССР,

4) Председателя и членов Комитета конституционного надзора,

5) Председателя Верховного Суда СССР,

6) Генерального прокурора СССР,

7) Верховного арбитра СССР,

8) Председателя Центрального банка,

а также:

1) Председателя КГБ СССР,

2) Председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию,

3) Главного редактора газеты "Известия" — исключительное право Съезда.

Поименованные выше должностные лица подотчетны Съезду и независимы от решений КПСС.

6. Кандидатуры на пост Заместителя Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР предлагаются Председателем Верховного Совета СССР и, альтернативно, народными депутатами. Право предложения кандидатур на остальные поименованные посты принадлежит народным депутатам.

7. Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

Примечание. В будущем необходимо предусмотреть прямые общенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР и его Заместителя на альтернативной основе.

Я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета и поставить его на голосование на чрезвычайном заседании Съезда. Я прошу создать редакционную комиссию из лиц, разделяющих основную идею Декрета. Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать Декрет в индивидуальном и коллективном порядке, подобно тому как они это сделали при попытке скомпрометировать меня и отвлечь внимание от вопроса об ответственности за афганскую войну.

Я хотел бы возразить тем, кто пугает невозможностью обсуждать законы двумя тысячами человек. Комиссии и Комитеты подготовят формулировки, на заседаниях Верховного Совета обсудят их в первом и втором чтении, и все стенограммы будут доступны Съезду. В случае необходимости дискуссия продолжится на Съезде. Но что действительно неприемлемо — если мы, депутаты, имея мандат от народа на власть, передадим наши права и ответственность своей одной пятой, а

фактически — партийно-государственному аппарату и Председателю Верховного Совета.

Продолжаю. Уже давно нет опасности военного нападения на СССР. У нас самая большая армия в мире, больше чем у США и Китая, вместе взятых. Я предлагаю создать комиссию для подготовки решения о сокращении срока службы в армии (ориентировочно в два раза для рядового и сержантского состава, с соответствующим сокращением всех видов вооружения, но со значительно меньшим сокращением офицерского корпуса), с перспективой перехода к профессиональной армии. Такое решение имело бы огромное международное значение для укрепления доверия и разоружения, включая полное запрещение ядерного оружия, а также огромное экономическое и социальное значение. Частное замечание: надо демобилизовать к началу этого учебного года всех студентов, взятых в армию год назад.

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики "разделяй и властвуй". Жертвой этого наследия являются малые Союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав Союзных республик по принципу административного подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которых лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике. В нынешней острой межнациональной ситуации необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ образований и состава федерации, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет Союз равноправных республик, объединенных Союзным договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой республики в минимально необходимых преде-

лах (в вопросах обороны, внешней политики и некоторых других). Различие в размерах и численности населения республик и отсутствие внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей. Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа комиссии Президиума Верховного Совета по проблеме крымских татар была явно неудовлетворительной.

К национальным проблемам примыкают религиозные. Недопустимы любые ущемления свободы совести. Совершенно недопустимо, что до сих пор не получила официального статуса Украинская католическая церковь.

Важнейшим политическим вопросом является утверждение роли советских органов и их независимости. Необходимо осуществить выборы советских органов всех уровней истинно демократическим путем. В избирательный закон должны быть внесены уточнения, учитывающие опыт выборов народных депутатов СССР. Институт окружных собраний должен быть уничтожен и всем кандидатам должны быть предоставлены равные возможности доступа к средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства; демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных; следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача — следить за исполнением Закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск и не утверждать Указ от 8 апреля.

Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу разрешить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических га-

рантий этих проблем — это то, что он обязан сделать. Именно этого от нас ждет страна! Вся власть Советам!

Сегодня внимание всего мира обращено к Китаю. Мы должны занять политическую и нравственную позицию, соответствующую принципам интернационализма и демократии. В принятой Съездом резолюции нет такой четкой позиции. Участники мирного демократического движения и те, кто осуществляет над ними кровавую расправу, ставятся в один ряд. Группа депутатов составила и подписала обращение, призывающее правительство Китая прекратить кровопролитие.

Присутствие в Пекине посла СССР сейчас может рассматриваться как неявная поддержка действий правительства Китая правительством и народом СССР. В этих условиях необходим отзыв посла СССР из Китая! Я требую отзыва посла СССР из Китая!

9 июня 1989 г.

ПРОЕКТ

КОНСТИТУЦИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ЕВРОПЫ И АЗИИ

1. Союз Советских Республик Европы и Азии (сокращенно — Европейско-Азиатский Союз, Советский Союз) — добровольное объединение суверенных республик Европы и Азии.

2. Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии и его органов власти — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения.

3. Европейско-Азиатский Союз опирается в своем развитии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов.

4. Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом, к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем

мире. Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением конвергенции в перспективе должно быть создание Мирового правительства.

5. Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье. Целью и обязанностью граждан и государства являются обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом. Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с законами Союза и республик и принципами Всеобщей декларации прав человека ООН. Международные законы и соглашения, подписанные СССР и Союзом, в том числе Пакты о правах человека ООН и Конституция Союза имеют на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик.

6. Конституция Союза гарантирует гражданские права человека — свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и необоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены.

7. В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости.

8. Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. На территории Союза в мирное время полностью запрещена смертная казнь.

9. Принципы презумпции невиновности являются основополагающими при судебном рассмотрении любых обвинений каждого гражданина. Никто не может быть лишен какого-либо звания и членства в какой-либо организации или публично обвинен в совершении преступления до вступления в законную силу приговора суда.

10. На территории Союза запрещена какая-либо дискриминация в вопросах работы, оплаты труда и трудоустройства, поступления в учебные заведения и получения образования по признакам национальности, религиозных и политических убеждений, наличия в прошлом судимости, при условии ее снятия, а также (при отсутствии прямых противопоказаний) по признакам пола, возраста и состояния здоровья.

11. На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах предоставления жилья, медицинской помощи и в других социальных вопросах по признакам пола, национальности, религиозных и политических убеждений, возраста и состояния здоровья, наличия в прошлом судимости.

12. Никто не должен жить в нищете. Пенсии по старости для лиц, достигших пенсионного возраста, пенсии для инвалидов войны, труда и детства не могут быть ниже прожиточного уровня. Пособия и другие виды социальной помощи должны гарантировать уровень жизни всех членов общества не ниже прожиточного минимума. Медицинское обслуживание граждан и система образования строятся на основе принципов социальной справедливости, доступности минимально достаточного медицинского обслуживания (бесплатного и платного), отдыха и образования для каждого, вне зависимости от имущественного положения, места проживания и работы.

Вместе с тем должны существовать платные системы повышенного типа медицинского обслуживания и конкурсные системы образования, обеспечивающие более высокий общий уровень на основе конкуренции.

13. Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессионизма. Вооруженные силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности.

14. Союз подтверждает принципиальный отказ от применения первым ядерного оружия. Ядерное оружие любого типа

и назначения может быть применено лишь с санкции Главнокомандующего Вооруженными силами страны при наличии достоверных данных об умышленном применении ядерного оружия противником и при исчерпании иных способов разрешения конфликта. Главнокомандующий имеет право отменить ядерную атаку, предпринятую по ошибке, в частности уничтожить находящиеся в полете запущенные по ошибке межконтинентальные ракеты.

Ядерное оружие является лишь средством предотвращения ядерного нападения противника. Долгосрочной целью политики Союза является полная ликвидация и запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, при условии равновесия в обычных вооружениях, при разрешении региональных конфликтов и при общем смягчении всех факторов, вызывающих недоверие и напряженность.

15. В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка. Тайная деятельность за пределами страны ограничивается задачами разведки и контрразведки. Тайная политическая, подрывная, дезинформационная деятельность, поддержка террористической деятельности и участие в ней, участие в контрабанде, в торговле наркотиками и в других незаконных действиях запрещаются.

16. основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение.

17. Вступление республики в Союз Советских Республик Европы и Азии осуществляется на основе Союзного договора в соответствии с волей населения республики по решению высшего законодательного органа республики.

Дополнительные условия вхождения в Союз данной республики оформляются Специальным протоколом в соответствии с волей населения республики. Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик, Конституция Союза не предусматривает, но республика может быть разделена на отдельные административно-экономические районы.

Решение о вхождении республики в Союз принимается на Учредительном съезде Союза или на Съезде народных депутатов Союза.

18. Республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе республики из Союза должно быть принято высшим

законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее, чем через год после вступления республики в Союз. Республика может быть исключена из Союза. Исключение республики из Союза осуществляется решением Съезда народных депутатов Союза большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов, в соответствии с волей населения Союза, не ранее чем через три года после вступления республики в Союз.

19. Входящие в Союз республики принимают Конституцию Союза в качестве Основного закона, действующего на территории республики, наряду с Конституциями республик. Республики передают Центральному Правительству осуществление основных задач внешней политики и обороны страны. На всей территории Союза действует единая денежная система. Республики передают в ведение Центрального Правительства транспорт и связь союзного значения. Кроме перечисленных общих для всех республик условий вхождения в Союз, отдельные республики могут передать Центральному Правительству другие функции, а также полностью или частично объединять органы управления с другими республиками. Эти дополнительные условия членства в Союзе данной республики должны быть зафиксированы в протоколе к Союзному договору и основываться на референдуме на территории республики.

20. Оборона страны от внешнего нападения возлагается на Вооруженные силы, которые формируются на основе Союзного закона. В соответствии со специальным протоколом республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на территории республики. Республиканские Вооруженные силы и подразделения входят в Союзные Вооруженные силы и подчиняются единому командованию. Все снабжение Вооруженных сил вооружением, обмундированием и продовольствием осуществляется централизованно на средства союзного бюджета.

21. Республика может иметь республиканскую денежную систему наряду с союзной денежной системой. В этом случае республиканские денежные знаки обязательны к приему повсеместно на территории республики. Союзные денежные знаки обязательны во всех учреждениях союзного подчинения и допускаются во всех остальных учреждениях. Толь-

ко Центральный банк Союза имеет право выпуска и аннулирования союзных и республиканских денежных знаков.

22. Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью. Все решения, относящиеся к хозяйственной деятельности и строительству, за исключением деятельности и строительства, имеющих отношение к функциям, переданным Центральному Правительству, принимаются соответствующими органами республики. Никакое строительство Союзного значения не может быть предпринято без решения республиканских органов управления. Все налоги и другие денежные поступления от предприятий и населения на территории республики поступают в бюджет республики. Из этого бюджета для поддержания функций, переданных Центральному Правительству, в Союзный бюджет вносится сумма, определяемая бюджетным Комитетом Союза на условиях, указанных в Специальном протоколе.

Остальная часть денежных поступлений в бюджет находится в полном распоряжении Правительства республики.

Республика обладает правом прямых международных экономических контактов, включая прямые торговые отношения и организацию совместных предприятий с зарубежными партнерами.

23. Республика имеет собственную, независимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система). Однако судебные решения и приговоры по уголовным и гражданским делам, принятые в республике, могут быть обжалованы в кассационном порядке в Верховном Суде Союза. Приговоры по уголовным делам могут быть отменены в порядке помилования Президентом Союза или Президиумом Съезда Народных депутатов Союза. На территории республики действуют союзные законы при условии утверждения их Верховным законодательным органом республики, и республиканские законы.

24. На территории республики государственным является язык национальности, указанной в наименовании республики. Если в наименовании республики указаны две или более национальности, то в республике действуют два или более государственных языка. Во всех республиках Союза официальным языком межреспубликанских отношений является

русский язык. Русский язык является равноправным с государственным языком республики во всех учреждениях и предприятиях союзного подчинения. Язык межнационального общения не определяется конституционно. В республике Россия русский язык является одновременно республиканским государственным языком и языком межреспубликанских отношений.

25. Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций в соответствии со Специальным протоколом.

26. Границы между республиками являются незыблемыми первые 10 лет после Учредительного Съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение республик, разделение республик на меньшие части осуществляются в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального Правительства.

27. Центральное Правительство Союза располагается в столице (главном городе) Союза. Столица какой-либо республики, в том числе столица России, не может быть одновременно столицей Союза.

28. Центральное правительство Союза включает:

- 1) Съезд народных депутатов Союза;
- 2) Совет Министров Союза;
- 3) Верховный Суд Союза.

Глава Центрального Правительства Союза — Президент Союза Советских Республик Европы и Азии. Центральное правительство обладает всей полнотой высшей власти в стране, не разделяя ее с руководящими органами какой-либо партии.

29. Съезд народных депутатов Союза имеет две палаты.

1-я Палата, или Палата Республик [1000 (750?) депутатов], избирается по территориальному принципу по одному депу-

тату от избирательного территориального округа с приблизительно равным числом избирателей. 2-я Палата, или Палата Национальностей, избирается по национальному признаку. Избиратели каждой национальности, имеющей свой язык, избирают определенное число депутатов, а именно по одному депутату от 600 тыс. (500 тыс.?) избирателей данной национальности и дополнительно еще два депутата данной национальности. Выборы в обе палаты — всеобщие и прямые на альтернативной основе — сроком на пять лет.

Обе палаты заседают совместно, но по ряду вопросов, определенных регламентом Съезда, голосуют отдельно. В этом случае для принятия закона или постановления требуется решение обеих палат.

30. Съезд Народных депутатов Союза Советских Республик Европы и Азии обладает высшей законодательной властью в стране. Законы Союза, не затрагивающие положений Конституции, принимаются простым большинством голосов от списочного состава каждой из палат и имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения, кроме Конституции.

Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии и законы Союза, затрагивающие положения Конституции, а также прочие изменения текста статей Конституции принимаются при наличии квалифицированного большинства не менее $\frac{2}{3}$ голосов от списочного состава в каждой из палат Съезда. Принятые таким образом решения имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения.

31. Съезд обсуждает бюджет Союза и поправки к нему, используя доклад Комитета Съезда по бюджету. Съезд утверждает высших должностных лиц Союза. Съезд назначает Комиссии для выполнения одноразовых поручений, в частности для подготовки законопроектов и рассмотрения конфликтных ситуаций. Съезд назначает постоянные Комитеты для разработки перспективных планов развития страны, для разработки бюджета, для постоянного контроля над работой органов исполнительной власти. Съезд контролирует работу Центрального банка. Только с санкции Съезда возможны несбалансированные эмиссия и изъятие из обращения союзных и республиканских денежных знаков.

32. Съезд избирает из своего состава Президиум. Члены Президиума не имеют других функций и не занимают никаких руководящих постов в Правительстве Союза и республик и в партиях. Президиум съезда обладает правом помилования.

33. Совет Министров Союза включает Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство оборонной промышленности, Министерство финансов, Министерство транспорта союзного значения, Министерство связи союзного значения, а также другие Министерства для исполнения функций, переданных Центральному Правительству отдельными республиками в соответствии со Специальными протоколами к Союзному договору. Совет Министров включает также Комитеты при Совете Министров Союза.

Кандидатуры всех министров, кроме министра иностранных дел и министра обороны, предлагает Председатель Совета Министров и утверждает Съезд. В том же порядке назначаются Председатели Комитетов при Совете Министров.

34. Верховный Суд Союза имеет четыре палаты:

- 1) палата по уголовным делам;
- 2) палата по гражданским делам;
- 3) палата арбитража;
- 4) Конституционный суд.

Председателей каждой из палат избирает на альтернативной основе Съезд народных депутатов Союза.

35. Президент Союза Советских Республик Европы и Азии избирается сроком на пять лет в ходе прямых всеобщих выборов на альтернативной основе. До выборов каждый кандидат в Президенты называет своего Заместителя, который баллотируется одновременно с ним.

Президент не может совмещать свой пост с руководящей должностью в какой-либо партии. Президент может быть отстранен от своей должности в соответствии с референдумом на территории Союза, решение о котором должен принять Съезд народных депутатов Союза большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов от списочного состава. Голосование по вопросу о проведении референдума производится по требованию не менее 60 депутатов. В случае смерти Президента, отстранения от должности или невозможности им исполнения обязанностей по болезни и другим причинам его полномочия переходят к Заместителю.

36. Президент представляет Союз в международных переговорах и церемониях. Президент является Главнокомандующим Вооруженными силами Союза. Президент предлагает на утверждение Съезда кандидатуры Председателя Совета Министров Союза и министров иностранных дел и обороны. Президент обладает правом законодательной инициативы в отношении союзных законов и правом вето в отношении любых законов и решений Съезда народных депутатов, принятых менее чем $\frac{2}{3}$ от списочного состава депутатов.

37. Экономическая структура Союза основана на плюралистическом сочетании государственной (республиканской и союзной), кооперативной, акционерной и частной (личной) собственности на орудия и средства производства, на все виды промышленной и сельскохозяйственной техники, на производственные помещения, дороги и средства транспорта, на средства связи и информационного обмена, включая средства масс-медиа, и собственности на предметы потребления, включая жилье, а также интеллектуальной собственности, включая авторское и изобретательское право.

38. Земля, ее недра и водные ресурсы являются собственностью республики и проживающих на ее территории наций. Земля может быть непосредственно без посредников передана во владение на неограниченный срок частным лицам, государственным, кооперативным и акционерным организациям с выплатой земельного налога в бюджет республики. Для частных лиц гарантируется право наследования владения землей детьми и близким родственникам. Находящаяся во владении земля может быть возвращена республике лишь по желанию владельца или при нарушении им правил землепользования, и при необходимости использования земли государством по решению законодательного органа республики с выплатой компенсации.

39. Количество принадлежащей одному лицу частной собственности, изготовленной, приобретенной или унаследованной без нарушения закона, ничем не ограничивается. Гарантируется неограниченное право наследования являющихся частной собственностью домов и квартир с неограниченным правом поселения в них наследников, а также всех орудий и средств производства, предметов потребления, денежных зна-

ков и акций. Право наследования интеллектуальной собственности определяется законами республики.

40. Каждый имеет право распоряжаться по своему усмотрению своими физическими и интеллектуальными трудовыми способностями.

41. Частные лица, кооперативные, акционерные и государственные предприятия имеют право неограниченного найма работников в соответствии с трудовым законодательством.

42. Использование водных ресурсов, а также других возобновляемых ресурсов государственными, кооперативными, арендными и частными предприятиями и частными лицами облагается налогом в бюджет республики. Использование невозобновляемых ресурсов облагается выплатой в бюджет республики.

43. Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях, пользуются равной и полной самостоятельностью в распределении и использовании своих доходов за вычетом налогов, а также в планировании производства, номенклатуры и сбыта продукции, в снабжении сырьем, заготовками, полуфабрикатами и комплектующими изделиями, в кадровых вопросах, в тарифных ставках, облагаются едиными налогами, которые не должны превышать в сумме 35% фактической прибыли, в равной мере несут материальную ответственность за экологические и социальные последствия своей деятельности.

44. Система управления снабжения и сбыта продукции в промышленности и сельском хозяйстве, за исключением предприятий и учреждений союзного подчинения, строится в интересах непосредственных производителей на основе их органов управления, снабжения и сбыта продукции.

45. Основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции. Государственное регулирование экономики осуществляется через экономическую деятельность государственных предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости.

ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

(14 декабря в Кремле на собрании межрегиональной депутатской группы)

Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, а разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки.

Мы одновременно, объявляя себя оппозицией, принимаем на себя ответственность за предлагаемые нами решения, это вторая часть термина. И это тоже чрезвычайно важно.

Сейчас мы живем в состоянии глубокого кризиса доверия к партии и к руководству, из которого можно выйти только решительными политическими шагами. Отмена статьи 6 Конституции и других статей Конституции, которые к ней примыкают, — это сегодня политический акт. Не чисто юридически-организационный. Это важнейший политический акт, который именно сейчас необходим стране, а не через год, когда будет завершена работа над новым текстом Конституции. Тогда это все будет уже поздно. Нам нужно уже сейчас возродить к делу перестроечные процессы.

И последнее, что нам необходимо, — это восстановить веру в нашу межрегиональную группу. Межрегиональная группа — с ней связывало население страны огромные надежды. За эти месяцы мы стали терять доверие.

Последнее, о чем я хотел сказать, — то, что говорил Голдманский: был ли подарком правым силам призыв к политической двухчасовой забастовке, и будет ли подарком правым силам объявление оппозиции. И с тем, и с другим я категорически не согласен. То, что произошло за эту неделю при об-

суждении нашего призыва, — это важнейшая политизация страны, это дискуссии, охватившие всю страну. Совершенно неважно, много ли было забастовок. Их было достаточно много. В том числе были забастовки в Донбассе, были они и в Воркуте, были во Львове, во многих местах. Но не это даже принципиально важно. Важно, что народ нашел наконец форму выразить свою волю, и он готов оказать нам политическую поддержку. Это мы поняли за эту неделю. И мы этой поддержки не должны лишиться. Единственным подарком правым силам будет наша критическая пассивность. Ничего другого им не нужно, как это.

СЪЕЗД НЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ВСЕ СРАЗУ

*С академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым
беседует Юрий Рост*

— Андрей Дмитриевич, закончился первый Съезд народных депутатов. Как вы оцениваете его результаты?

— Если иметь в виду итоговый документ, то в нем ряд важных положений сформулирован с гораздо большей определенностью, чем в прежних государственных актах. Вопрос о собственности звучит более радикально, чем в материалах мартовского Пленума ЦК. И в целом итоговый документ содержит заметные сдвиги. Но, к сожалению, декларативно, поскольку они не подкреплены изменениями в политической системе. Остались неучтенными предложения, прозвучавшие в выступлениях Попова, Шмелева, Емельянова, Яблокова и ряда других депутатов из разных регионов страны. Даже секретари обкомов — люди, включенные в существующую административно-хозяйственную систему, — поддерживали весьма радикальные экономические и организационно-структурные идеи. Впрочем, те же люди, переходя от конкретных хозяйственных вопросов к идеологическим, продолжали занимать консервативные позиции.

Это проявление общей половинчатости Съезда, противоречивости настроения в существующем партийно-государственном аппарате, который, с одной стороны, понимает абсолютную необходимость кардинальных экономических изменений и некоторых политических, но в отношении политических изменений старается обойтись минимумом. А то и пытается вообще ничего не менять. Сформировавшееся в такой среде большинство Съезда не случайно оказалось в отношении политической и идеологической структуры чрезвычайно консервативным.

— Но предложения по изменению экономической структуры, выдвинутые представителями "левой части" зала, нашли эмоциональную поддержку и "правой".

— Да. Но, я убежден, все взаимосвязано. Нельзя быть консервативным в политике, идеологии и прогрессивным в экономике.

— Провалы нашей экономики и очевидная необходимость кардинальных реформ подталкивают общество и на изменение политических структур.

— Экономика, конечно, подталкивает. Но пока что большинство Съезда, как и большая часть партийного и государственного аппарата, придерживается такой половинчатой структуры, которая в каком-то отношении соответствует китайскому пути после устранения Ху Яобана. Этот путь несостоятелен, полагаю, в условиях Китая. Он несостоятелен и в условиях СССР.

Действительно, например, как мы можем проводить радикальную земельную реформу, при которой земля должна попасть в руки местных органов власти, а затем в руки свободных цивилизованных кооператоров, по выражению Ленина, если местная власть будет под прессом партийно-государственной структуры, не заинтересованной в земельной реформе. Единственно, на что пока согласилась эта структура, — программа оздоровления сельского хозяйства горчицниками, или, как я говорил в своем выступлении, реанимационными вливаниями в слабые звенья. Все колхозы в такой системе сохраняются, слабые получают прощение своих долгов, своей задолженности за счет того, что сильные не получают поддержки. И никакой рост производства при этом невозможен. Слабые просто бесполезно проглотят то, что им дается.

— Вы считаете, что центральные ведомства являются паразитической надстройкой?

— Я не могу ее назвать паразитической, потому что она реально осуществляет руководство, реально какую-то регулирующую функцию на себе несет. Но это является сегодня тормозом нормального экономического развития и неразрывно связано с социальной несправедливостью. Диктат ведомств должен быть ликвидирован по двум направлениям. С одной стороны, за счет политической реформы, а с другой — за счет национальной конституционной реформы. Потому что у нас идет диктат не только по административной производственной вертикали, но он идет еще также по национальному при-

знаку. Национальным республикам навязывается единая структура производства, и отсутствие самостоятельности на местах приводит к диспропорциям, нарушению социальной справедливости, тормозит экономическое развитие.

Так вот, третье, что не сделано, — это касается решения национальной проблемы. Здесь не произошло никакого сдвига. Нам говорят: это будет решать Пленум ЦК. На самом деле, мне кажется, Пленум может что-то обсуждать, но он не должен подменять Съезд народных депутатов, которому предназначено решать национально-конституционные вопросы. Ничего подобного не оказалось в повестке дня.

— Вы, идя на Съезд, рассчитывали, что все вопросы могут быть решены именно сейчас?

— Нет. На самом деле я рассчитывал на то, что и произошло. Но это не значит, что я при этом удовлетворен тем, что произошло...

Меня беспокоит сосредоточение чрезвычайно большой личной власти в одних руках. Это считаю потенциально опасным явлением.

— В чем его опасность?

— Инициатор перестройки, человек высокого интеллекта и четко выраженной ориентации на реформы, может некоторым образом оказаться управляемым закулисными силами. В случае изменения обстоятельств он может оказаться незащищенным демократическими механизмами.

— Власть, которую Горбачев получил, будучи избранным на Съезде, и является гарантией, что он будет защищен от воздействия закулисных сил.

— Нет. Если бы он получил власть в результате нормального волеизъявления народа и прямых выборов, это действительно было бы так. Полагаю, в будущем необходимо ввести именно такую систему, когда бы Председатель Верховного Совета и его заместитель избирались прямым всенародным голосованием на альтернативной основе. А пока его власть получена очень сложным и непрямым способом. На Съезде народных депутатов он прошел безальтернативно по списку КПСС, включающему ровно столько кандидатов, сколько было мест.

Дальше. Председатель Верховного Совета, как известно, не проходит процедуру тайных выборов в Верховный Совет. Это не есть нарушение Конституции, но это не укрепляет полученного им мандата.

Я впервые услышал выступление Горбачева в Горьком, находясь в больнице. Единственными моими собеседниками были тогда сотрудники КГБ. Я им сказал, что стране повезло: впервые за долгий период у нас появился безусловно умный руководитель. И этой оценки продолжаю придерживаться. Но у него очень трудная ситуация. И она не стала после Съезда прозрачной, безоблачной. Это одна сторона опасности. Другая заключается в самой сохранившейся политической системе, допускающей столь огромную персональную власть.

Политическая система страны претерпевает изменения на наших глазах. И с нашим участием. Свидетельство тому – выборы. Однако система пока такова, что она контролирует фактически и назначение на посты, и всю законодательную деятельность.

Верховный Совет оказался очень управляемым. Это уже было видно из хода первых заседаний. В него вошли частью люди, недостаточно квалифицированные в законодательной деятельности, частью – выходцы из аппарата или те, кто не оставляет своей основной работы, продолжая не только по убеждениям, но и по штату принадлежать аппарату. Эти люди будут, мне кажется – а некоторые и не задумываясь, – подчиняться той линии, которая проводится. Кому они будут подчиняться при изменении политической ситуации – неизвестно. Есть опасность, что они будут всегда подчиняться той силе, которая будет наверху. Мысль о том, что должен быть постоянно работающий советский парламент, хороша абстрактно. В реальности она не учитывает условий однопартийной системы и специфической системы аппаратного подбора, а не персонального выбора этого Верховного Совета.

– Какой же, исходя из наших реальных условий, вам видится система, обеспечивающая народовластие в стране?

– Я думаю, народные депутаты должны сохранять в себе ту власть, которая дана им выборами, и пользоваться ею. Верховный Совет должен исполнять функции рабочего органа в период между съездами. Но законов не принимать. Комиссии, которые создаются из членов Верховного Совета и других народных депутатов, будут готовить законы. Верховный Совет в предварительном порядке их будет обсуждать. (Детальное обсуждение законов на Съезде невозможно.) Результаты же обсуждения должны быть известны народным депутатам. Таким образом, народный Съезд не станет штампующим органом. На основе полной информации он либо отвергнет закон,

либо примет. И, разумеется, возможно дополнительное обсуждение на самом Съезде в спорных случаях. Я говорю о том, что считаю необходимым в качестве гарантии народо-властия.

— По-вашему, таких гарантий съезд не создал?

— По-моему, не создал, хотя, я считаю, это была главная задача, которая стояла перед Съездом. Это поправимая беда. Она может быть исправлена на следующих сессиях Съезда. Но пока сегодня мы не получили реальной новой политической структуры, которая обеспечивала бы осуществление перестройки.

— Выступая в самом начале на Съезде, вы предложили принять Декрет о власти. Ваше предложение не было поддержано большинством. Предполагали ли вы такой результат? Если да, то какой смысл был в вашем предложении?

— Во-первых, Съезд после голосования по Декрету стал уже не совсем тем, чем был. По своим тенденциям. Во-вторых, очень много людей думает, наблюдая за тем, что происходит на Съезде. И многие меняют свою позицию. Мы это наблюдали на протяжении всей работы Съезда. Происходил постепенный сдвиг в сторону более "левого" меньшинства. "Левое" меньшинство постепенно приближалось к тому, чтобы стать большинством. Этого не произошло, но тенденция в этом направлении наблюдалась. Это не материальный пока что еще процесс, но может стать материальным.

— Не кажется ли вам, что вы и другие члены "московской группы", предложения которых с ходу были отвергнуты большинством голосов, тактически поступили как неопытные парламентарии, предложив Съезду с самого начала столь серьезные темы для обсуждения? Несмотря на демократический, как правило, характер выборов, многие из людей, попавших в Кремлевский Дворец, воспринимали Съезд все-таки как ритуальное собрание, хотя и окрашенное перестроечными лозунгами. Если бы вы вышли со своими предложениями в тот момент, когда зал понял, что и время иное, и задачи их собрания иные, может, тогда был бы и другой результат?

— Нет. Не было бы другого результата. Именно то смещение зала "влево", которое произошло, в значительной степени возникло из-за того, что "левая часть" (не "московская группа", а вообще "левая часть") предлагала все время альтернативные ходы. Кроме того, была попытка компромисса. Попов предлагал компромиссную повестку дня. Я-то счи-

тал, что это было ошибочно, но она была тоже отвергнута. Тем не менее все это расшатывало большинство.

— Ну, а что все-таки ценного, с вашей точки зрения, было на Съезде?

— В итоговом документе Съезд сформулировал необходимость принятия решения по социальным вопросам. Тут мы продвинулись довольно далеко. Однако мы не просто должны исправить положение на данный момент, повысив минимальные пенсии до нынешнего прожиточного минимума, нужен механизм, который держал бы уровень пенсии на уровне меняющегося со временем прожиточного минимума. Замечу и другое: в докладе Рыжкова и в итоговом документе указано, что работающие пенсионеры будут получать пенсию вне зависимости от того, какая у них зарплата. Очень важная вещь! Это должно стимулировать труд квалифицированных и опытных людей. Потом оказалось, что это касается лишь рабочих-пенсионеров и мастеров.

— Я встретил Алеся Адамовича. Он сказал, что по его предложению крестьян включили...

— А врачей?

— Врачей нет.

— Вот видите. Медсестра, получая пенсию, прекрасно могла бы работать. Как будто у нас слишком много медсестер!

— Каково, с вашей точки зрения, влияние Съезда на народ, который впервые как бы получил мандат делегата с совещательным голосом?

— Это тотально-психологическая роль Съезда. Она необычайно интересна и необычайно важна для формирования общественного мнения в стране, для политического просвещения народа. Она важна и для самих депутатов, которые воспитывались в ходе Съезда. Пробуждение политического чувства миллионов людей началось еще во время выборной кампании. Выяснилось, что народ вовсе не пассивен внутренне. У него просто не было поля приложения своих сил. А когда такое поле появилось, то и возникла реальная политическая активность. Значение ее будет все яснее.

— Одним из достижений Съезда мне представляется поляризация мнений не только отдельных депутатов, но и целых групп, разделение собрания на большинство и меньшинство. Откинув безразличное единогласие, Съезд заявил о существовании альтернативного подхода к решению политических и экономических проблем.

— ...И выявил, как на ладони, сильные и слабые стороны каждой группы. Он показал, что "либеральное" меньшинство действительно меньшинство, оно расколото. Внутри него нет ясности и единодушия. (В то же время наличие этой части делегатов необычайно важно.) Надо заметить, что москвичи заранее подготовили концептуальные документы и пытались их распространить. Это им не удалось полностью, как и попытка в ходе Съезда привлечь на свою сторону общественное мнение. Возникло вроде бы неприятие. Мне кажется, попытка чем-то была искусственной и упиралась в то, что вообще провинция не очень любит Москву, поскольку та имеет ряд преимуществ и в материальном, культурном смысле, и в идеологическом. Это вызывает и зависть, и озлобленность.

"Московская группа" со своей стороны вела себя порой неосторожно. А порой даже нетактично. Москвичи много выступали, вместо того чтобы поделить тяжесть выступлений между единомышленниками из других мест. Создавалось впечатление исключительности. Не было тактически все учтено, и возникла своего рода конфронтация большинства с "московской группой", которая сама по себе была демократична. Но эта ее демократичность была не во всем понятна большинству Съезда. Примерно то же самое, с меньшей определенностью, можно сказать о "ленинградской группе". И о некоторых других, где были такие, как, например, Сергей Конев, на свой страх и риск вместе с несколькими единомышленниками выходивший на открытую политическую арену.

Таким образом, во многих депутациях, и в московской тоже, произошел раскол, и в конце Съезда он, раскол, как бы оформился организационно. Возникла межрегиональная группа, которая не есть группа на определенной политической платформе. Эта группа основана на стремлении сохранить право на инакомыслие. И на защиту представления Съезду альтернативного мнения. Мне представляется, что потенциально должны возникнуть такие демократические механизмы, когда мнение меньшинства не было бы механически подавлено. Это возможно.

— А что вы скажете о большинстве?

— Оно было зачастую агрессивным — вспомните, как оно аплодировало генералу Родионову, участвовавшему в подавлении митинга в Тбилиси. Это сила. Но это не монолит. От него довольно легко откалывается (и уже частично произошел этот откол) центр. Этот центр сейчас питает левую сторону.

Вот такое распределение сил произошло на Съезде. "Правое" большинство отражает волю административно-хозяйственной системы. У этих людей есть свой социальный заказ, многие из них стали депутатами от общественных организаций. Они не прошли систему выборов, и, по существу, не выбраны, а отобраны. С другой стороны, выборы в общественных организациях дали возможность попасть на Съезд многим депутатам, которые оказались в меньшинстве.

Что касается тех, которые прошли по территориальным и территориально-национальным округам, то там есть и "правые", и "левые", но в общем это и есть основной источник, из которого будет и впредь подпитываться "демократическая", так условно назовем, часть Съезда. И вот при таком сложном составе пошла дискуссия. Она очень сильно управлялась. В какой-то мере Горбачев даже провоцировал дискуссию.

— В слове "провоцировал" есть негативный смысл?

— Нет, в него я не вкладываю никакого осуждения.

Провоцировал в том смысле, что дал возможность развернуть эту дискуссию. Он немножко подставлял "левых" под критику. С другой стороны, давал им выступить. Дал возможность представить разные точки зрения. Вообще я должен сказать, что он показал себя как очень хороший дирижер собрания. В какой-то мере он добился желательных ему результатов голосования. Результатов с некоторым сдвигом в сторону "правых". Но это отражало состав Съезда.

— А в какой степени состав Съезда отражает настроение населения, которое он представляет?

— Я думаю, что общественное мнение — вещь не очень определенная и очень динамичная. Поскольку выборы шли под контролем аппарата (в частности, окружные собрания часто давали возможность отклонить "нежелательных" кандидатов), то, полагаю, настроение населения даже на момент выборов было более радикальным. Некая селекция шла в сторону консервативных кандидатов. Аппарат смещал результат, но он полностью его не сместил. Не мог или не хотел, или же ему народ не дал этого сделать...

— Какова роль прямой телевизионной трансляции на зрителей и самих депутатов?

— Это чрезвычайно важная вещь, совершенно небывалая в истории страны. И, учитывая особый политический характер нашего Съезда, вообще небывалая в мировой истории. Теле-

визионные дебаты привлекли огромное внимание и послужили дальнейшей политизации населения. Весьма скачкообразной политизации. Я не знаю, входило ли это в планы Горбачева. Мы никогда не знаем, какие из решений принимаются им, а какие возникают по его желанию, но как бы сами собой. Он умеет строить подобные комбинации, когда возникает как бы "цугцванг", выражаясь шахматным языком, и получается именно то, что он хочет. В этом отношении он совершенно блестящий политик.

На встрече с Лукьяновым было обещано, что будет телевизионная трансляция. Затем мы увидели телепрограмму на время Съезда, из которой было очевидно, что ничего подобного не будет. И когда возникло бурное обсуждение этого вопроса с очень сильными выражениями, Лукьянов и партийный аппарат как бы вынуждены были отступить. Но я до сих пор не знаю, было ли это действительно вынужденное отступление или оно только было разыграно, а на самом деле Горбачев хотел, чтобы страна увидела все.

— Какое у вас впечатление от ваших собственных выступлений? Как сложились взаимоотношения между вами и залом и президиумом Съезда?

— Я почувствовал, что Горбачев в какой-то мере меня выпускает. Он ведь выпустил меня на трибуну одним из первых. Даже, кажется, совсем первым, как бы "коверным", выражаясь на языке цирковой жизни. И сразу возникла конфронтация с залом. Я не знаю, было ли это предусмотрено или же...

— Но кто мог предусмотреть, что вы захотите пойти сразу так далеко?

— Я тоже думаю, что председатель ничего не подстраивал. Конфронтация с залом отразила закоснелый консерватизм значительной части депутатов, который в какой-то мере, я думаю, даже не соответствует планам Горбачева. С другой стороны, я сказал, наверное, больше, чем этого хотел Горбачев. Поэтому он начал меня придерживать. Он очень долго не давал мне выступления. Потребовался очень большой нажим с моей стороны, чтобы я получил последнее слово.

— Андрей Дмитриевич, а как вы чувствовали себя во время эпизода 2 июня, когда на вас обрушилась эмоциональная лавина после выступления инвалида афганской войны? Не было ли ощущения, что зал несправедлив к вам? Ведь после вашего выступления в 1980 году против вторжения в

Афганистан вас сослали в Горький. Прислушайся тогда правительство к вашим словам, тысячи парней остались бы живыми.

— Я чувствовал себя морально совершенно неуязвимым. Конечно, сложность моего положения в том, что у меня не было документальных доказательств. Но я хочу сказать, что в подавляющем большинстве случаев, о которых приходится говорить, нет документальных доказательств. Главное, я считал, что вся эта акция как бы субъективно или объективно направлена на то, чтобы отвлечь внимание от основного вопроса — от ответственности за афганскую войну, за те огромные жертвы с двух сторон, которые мы принесли в угоду преступному политическому решению. Сейчас я видел письмо группы афганцев, где они требуют, чтобы им было сообщено, кто подписал приказ о вводе советских войск поименно. Такого приказа до сих пор никто не опубликовал.

— Что было напечатано в канадской газете, которую, полагаю, никто из выступающих не видел?

— И я не видел. Главным был вопрос о пленных. Я основывался на западных передачах, относящихся к первым годам войны. Сейчас есть подтверждение моих слов, но оно дает только внешнюю картину событий. В армии, чтобы защитить себя, говорят: нельзя назвать расстрелом, когда командир вызывал огонь на себя. Но, кроме командира, там были и солдаты... Наверное, лично командира это морально оправдывает, но, по-моему, совершенно неважно для оценки ситуации в целом.

— Финал Съезда... С одной стороны, как вы говорите, Горбачев вас придерживал, но в конце концов он дает вам слово. И получилось, что вы выступили с альтернативной оценкой с его же подачи.

— Я считаю это важным в двух смыслах. В смысле психологического влияния на всю страну, на общество. Это с одной стороны. И кроме того, это давало оценку того, что представляется негативным, невыполненным в работе Съезда, и того, что необходимо сделать в будущем. Съезд, разумеется, не может сразу накормить страну, сразу вернуть чистый воздух, чистую воду. Съезд не может сделать все сразу. Но Съезд должен был, обязан был создать для этого политические предпосылки. И, к сожалению, этого Съезд не сделал.

Мое выступление было несколько драматизировано эпизодом с исключением телевидения. Но тут не было связи

со мной. Эпизод был связан с заявлением межрегиональной группы о своем существовании... Председатель заподозрил, видимо, что вслед за этим заявлением последует еще что-то непредсказуемое. Правда, мне тоже выключали микрофон в зале.

— С одной стороны, вам дают высказаться по концептуальным вопросам, пусть и с микрофонными помехами, а с другой стороны, в финальном слове председательствующий опровергает вас.

— Я не предполагал, что он разделит мою точку зрения. Вполне все в порядке вещей. На самом деле, в любом плюралистическом обществе должны быть разные оценки. И вот это мы сейчас имели. В результате Съезд оказался идеологически гораздо более глубоким, чем он мог бы быть... Что и ценно. И это, может быть, самый важный итог Съезда. В расчете на перспективу. На далекую перспективу.

*С академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым
беседует Григорий Цитриняк*

Перед беседой с народным депутатом СССР академиком А.Д. Сахаровым мне хотелось сделать особый снимок: не в обиду нашим славным генералам будь сказано, его зовут "генеральским" – со всеми орденами и медалями, а главное – с тремя Золотыми Звездами Героя Социалистического Труда, которых он был так постыдно лишен во время такой постыдной семилетней ссылки в Горький. Мне казалось, читателям будет приятно узнать, что кривда кончилась, что правда торжествует.

– Мне их не вернули... – ответил Андрей Дмитриевич.

– Как "не вернули"? Как это может быть?

– Вот так. Мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что вопрос рассматривается. Я ответил, что возвращение мне наград – это вопрос о реабилитации, и я не считаю себя вправе принять обратно награды, пока не реабилитированы другие узники совести.

– Другие? Вы имеете в виду...

– Вообще – всех, кто так или иначе пострадал от репрессий за убеждения в застойные годы.

– Дай Бог, чтоб всем вам пришлось ждать не очень долго...

Начинать разговор, ради которого я пришел, уже было как-то не совсем удобно. Но и молчать...

– Андрей Дмитриевич, в свое время вы пожертвовали деньги на строительство Онкологического центра...

– В 1969 году я пожертвовал деньги на строительство Онкоцентра и Красному Кресту в равных долях.

– В равных – от какой суммы?

– 139 тысяч рублей. И получил от Красного Креста благодарность. Правда, я хотел разделить на три части – третью отдать детским учреждениям, но мне не удалось – почему-то не оформили, сказали, что возникли какие-то юридические вещи. Вот почему тогда не получилось.

– А еще какие-то благотворительные акции связаны с вашим именем? Расскажите – о них ведь не знают.

– Ну, у меня уже не было возможности...

– Почему? – возразила только вернувшаяся с покупками Елена Георгиевна, жена Андрея Дмитриевича. – Ты же в 1974 году получил международную премию Чино дель Дука...

– А, правда, – отозвался Сахаров, – я забыл.

– ...и поручил мне основать на нее фонд помощи детям политзаключенных. Что я и сделала.

– Какова была сумма премии?

– 25 тысяч долларов. Несмотря на то, что брали большие налоги, – продолжала Елена Георгиевна, – мы все равно посылали деньги: до ссылки в Горький – всегда, и даже из Горького – в Чехословакию и Польшу.

– С 1974-го? Хорошо понимая, что посылаете из нашей страны...

– Не из нашей – эти деньги, я к ним не прикасалась.

– Она их в руках не держала, – сказал Сахаров. – Она только заполняла большие такие банковские листы. Вся финансовая часть шла помимо нас – мы только давали адреса.

Время шло, пора было начинать разговор...

”МЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ...”

– Андрей Дмитриевич, общая оценка Съезда народных депутатов изложена в вашем выступлении на последнем заседании?

– Не полностью – я не успел сказать все. В целом я считаю, что Съезд стал очень важным событием. Он очень политизировал общество. Процесс политизации начался еще во время выборов. Люди проснулись к активной политической жизни, почувствовали себя не бесправными винтиками и показали, что они что-то хотят сделать для страны. Процесс политизации очень усилился в результате 12 дней прямой телетрансляции заседаний, когда было видно, что такое большинство, когда стало ясно, что в зале есть те, кто может предложить реальные

альтернативы, западающие в умы. А кроме того, Съезд показал всю трагичность положения во всех регионах с большей ясностью, чем могла сделать наша пресса на протяжении всего периода гласности.

Мы как бы перешли на новый уровень понимания самих себя. В этом самая главная роль Съезда.

Но я говорил и о том, что Съезд, на мой взгляд, не выполнил той основной задачи, которая исторически стояла перед ним и выражена в лозунге "Вся власть Советам!". Он, может быть, и не мог этого сделать в силу своего состава, но хорошо, что, во всяком случае, поставил такую задачу. Власть — ключевой момент, без власти невозможно решить все проблемы, стоящие перед страной: ни экономические, ни социальные, ни другие. Без власти Советов не преодолеть диктат ведомств — никоим образом. Невозможно создать подлинно самоуправляемые свободные предприятия. Нельзя осуществить земельную реформу и вообще вести такую аграрную политику, которая отличалась бы от бессмысленных, как я говорил, реанимационных вливаний в нерентабельные, разваливающиеся колхозы.

И уж, конечно, невозможно решение экономических задач: их следует решать Советам всех уровней, для чего они должны быть независимы.

Съезд не решил также и необычайно острые национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма имперскую систему с имперской идеологией, с имперской политикой "разделяй и властвуй". Систему угнетения малых республик и малых национальных образований, входящих в состав союзных республик, которые таким образом сами превращались в империи меньшего масштаба.

Подобная система угнетала и большие народы, в особенности — русский, который стал одной из главных жертв. На его плечи легла основная тяжесть всего нашего исторического пути, всех имперских амбиций, догматизма, авантюризма во внешней, во внутренней политике — за все пришлось расплачиваться народу.

— У вас есть какие-то конкретные предложения в этом плане?

— Я предлагаю конфедерацию. Всем республикам — союзным и автономным, автономным областям, национальным округам надо предоставить равные права с сохранением нынешних территориальных границ. Все они должны получить

максимальную степень независимости. Их суверенитет должен быть минимально ограничен вопросами совместной обороны и внешней политики, транспорта, связи... может быть, еще чего-то. Главный пункт: во всем остальном они полностью независимы и на такой основе вступают в отношения союзного договора.

— Похожий проект переустройства выдвигают народные фронты Прибалтики.

— Он мне кажется совершенно правильным. Я его только дополняю тем, что включаю не одни союзные республики, а все существующие ныне национальные образования. Так, например, Якутия, Чувашия, Башкирия, Татария, Коми АССР приобретают такие же права, как Украина или Эстония.

— Это очень разные образования, у многих из них нет внешних границ...

— В США тоже есть штаты разного размера, что не приводит ни к каким затруднениям. Несущественно также, что многие национальные образования не имеют внешних границ. В каждой такой республике будут жить, конечно, люди разных национальностей, и они должны иметь — в пределах данной республики — абсолютно одинаковые права. За этим может и должен следить Совет Национальностей Верховного Совета СССР, который со временем будет, вероятно, проводить корректировку границ, изменение состава конфедерации и т.п.

Почему необходима такая глубокая степень самостоятельности? Потому что мы отталкиваемся от имперского насильственного объединения и не можем его... не можем...

— Демонтировать?..

— ...да, демонтировать частично. Надо — полностью, а затем уже из кусков сложить некое новое целое. Составляющие такого целого вначале будут слабо связаны, связи должны развиваться от нуля, естественно, сами собой. Потом возникнут более тесные связи — экономические, политические, культурные, но — потом. А начинать надо, повторяю, с полного демонтажа имперской структуры. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми по существу являются союзные республики — например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования. Если же начать с Грузии, а в РСФСР не сделать того же самого, возникнут очень большие трудности. Они возникнут в любом случае, но если переустройство на

основе конфедерации произойдет сразу во всей огромной стране, будет легче. Станет ясно, что избран некий общий для всех принцип, в конечном счете справедливый. В том смысле, что большая нация, стремящаяся к свободе и независимости, признает те же права за всеми.

В предлагаемой системе должны быть только республики. Бывшие автономные области тоже превращаются в республики. Например, республика Нагорный Карабах не будет принадлежать ни Армении, ни Азербайджану — она будет сама по себе и получит право вступать в экономические и другие отношения с теми, с кем сама захочет.

От такого решения выиграют все граждане страны. И только на таком пути, как мне представляется, можно добиться решения национального вопроса.

Как известно, национальный вопрос будет обсуждаться на очередном Пленуме ЦК партии. Мне хотелось бы, чтобы эта точка зрения — она не является моей личной, а разделяется большим числом людей, в частности в Прибалтийских и некоторых других республиках, — тоже могла бы послужить неким отправным пунктом для дискуссии.

Ну, я более-менее закончил свою вводку... У вас есть вопросы?

— И много... На Съезде вы говорили, что собираетесь предложить альтернативную Конституцию?

— Это я сказал, когда обсуждался вопрос о моем включении в комиссию по разработке проекта Конституции. Я сказал, что уверен, что по принципиальным вопросам останусь в меньшинстве или в одиночестве и поэтому могу принять участие в работе только для составления альтернативных проектов — Конституции или отдельных статей; во всяком случае, чтобы высказать альтернативные мнения. Но не для того, чтобы присоединиться к основному проекту. Вот такое было мое суждение.

— А вы еще не знаете первой статьи Конституции, которую бы предложили? Вы для себя ее не формулировали?

— Я могу сказать... "Мы, представители... нижепоименованных республик, заявляем, что вступаем в отношения союзного договора..." Формулировки, конечно, пока нет, но...

— Идея такая?

— Идея такая.

— Она похожа на ту, что когда-то была положена в основу Конституции США: "Мы, народ Соединенных Штатов..."?

— Да. Идея объединения независимых государств союзным договором. Я думаю, это будет первая же статья. А на ее основе должно разворачиваться все остальное. Будет оговорено, какие права остаются у республик, какие делегируются. Вот так. И, кроме того, одним из пунктов Конституции должно стать провозглашение как основополагающего документа Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году.

— Я хочу уточнить: вы имеете в виду федеративное устройство, как в Соединенных Штатах, или конфедерацию по образцу Швейцарии? Дело в том, что по Конституции США права штатов в известной мере ограничены — скажем, они не имеют права на сепессию — выход из федерации по своему желанию.

— Я имею в виду конфедерацию — пусть вас не смущает упоминание о Конституции США. А право выхода из состава СССР, признаваемое за союзной республикой нынешней Конституцией, надо сохранить и в новой.

— Сохранить и за малочисленными национальными образованиями, где население может насчитывать всего несколько тысяч человек?

— У всех должны быть равные права независимо от численности.

— Вы сказали, что все будущие республики должны быть экономически самостоятельными. Вы считаете, что можно сравнить возможности большой республики и небольшого национального округа?

— Ну, каждая республика, конечно, не производит все виды продукции, нужные для ее существования. Но она может вступать в отношения с другими на основании хозяйственных договоров.

— Как с нынешними союзными республиками — понятно: они большие. А какова все же будет экономическая самостоятельность какого-то национального образования, главное богатство которого — небольшое народонаселение? Потому что есть, скажем так, богатые республики, а есть бедные национальные округа.

— Ну, у них и народа меньше.

— Народа меньше, Андрей Дмитриевич, но и он, как правило, хочет кушать.

— То есть вы хотите сказать, что у них природные условия недостаточно хороши?.. Ну, я думаю, что повсюду, где

живут люди, есть достаточная база для их существования. Плюс возможность торговать. Это ведь проблема, которая стоит перед любым маленьким государством — на свете их очень много, и все они прекрасно существуют. На самом деле мы видим, что в маленьких государствах жизнь и лучше, и свободнее, и безопаснее, чем в больших. Как правило... В Исландии, например.

— Спасибо за уточнения. Вопросы вызваны тем, что мне впервые приходится говорить с человеком, предлагающим альтернативную Конституцию СССР. Вернемся к Съезду?

— Да. Выступая, я призывал принять обращение о Китае. Мне кажется, что в Китае произошли события огромного значения для всего мира. Потому что вопрос демократизации самой большой по численности страны на земном шаре — вопрос судьбы человечества. В конечном счете. И мы здесь, в другой великой стране, находящейся рядом, должны исходить из принципов интернационализма и защиты демократии. И не можем ставить в один ряд тех, кто в ходе мирных студенческих и общенародных демонстраций требовал демократизации, свободы печати, борьбы с коррупцией, с теми, кто осуществил над ними кровавую расправу.

Поэтому я поддержал обращение межрегиональной депутатской группы, посвященное событиям в Китае. Оно выражало другую позицию, чем обращение, принятое Съездом без обсуждения — простым голосованием, где даже не было призыва к китайскому правительству прекратить кровопролитие и казни. Развивая мысль обращения межрегиональной группы, я обратился с требованием — отозвать советского посла из Китая, как это сделали многие западные страны; форма — приемлемая для нашего правительства: для консультаций или иначе. Отсутствие подобного шага означало бы, что Советское правительство от имени советского народа якобы поддерживает тех, кто осуществил кровавые акции в Пекине.

Это такого же типа расправа, как 9 апреля в Тбилиси...

— В Новочеркасске в 1962-м...

— ...И в других городах нашей страны. Но в Тбилиси — самый трагический момент.

— Вы отказались принять участие в работе комиссии по расследованию обстоятельств кровавого воскресенья в Тбилиси. Почему?

— По двум причинам. Во-первых, прежде я имел сложные, неоднозначные отношения с лидерами неформального

движения, что ставило бы меня в ходе работы комиссии в ложное положение.

– С неформалами Грузии?

– Грузии, да, Грузии. Но, с другой стороны, я считаю, что работа комиссии сейчас уже вообще беспредметна. На главный вопрос – кто дал приказ, кто санкционировал именно такую форму действий войск? – комиссия не сможет дать ответ: его должны дать те, кто стоит у власти.

– Анатолий Иванович Лукьянов показал Съезду подлинники телеграмм из Тбилиси, подписанных тогдашним первым секретарем ЦК партии Грузии Патиашвили. В цивилизованном обществе на вопрос полагается давать ответ. Но телеграммы из Москвы оглашены не были. Между тем кто-то ведь дал "добро"?

Сегодня известно, что расстрел мирной демонстрации в Новочеркасске в 1962 году санкционировали два члена Политбюро – Ф.Р. Козлов и А.И. Микоян. Логично предположить, что и в 1989 году решение применить войска для разгона мирной демонстрации в Тбилиси принималось на столь же высоком уровне. Я ничего не утверждаю, я только говорю: логично предположить. Так кто же дал "добро"?

– Вот это осталось неизвестным. Кстати, один из самых драматичных моментов – выступление на Съезде Патиашвили. Он, было видно, колеблется, что-то хочет сказать. И в тот момент Съезд фактически согнал его с трибуны и не дал договорить. Точнее, не Съезд, а те люди, которые присутствовали, не являясь депутатами, – это в основном их работа.

– Против такой "работы" в первый же день Съезда протестовал депутат А.Е. Себенцов из Москвы. Если помните, он предложил добавление к статье 20 Временного регламента: что приглашенные лица не имеют права вмешиваться в работу Съезда, "проявляя свое мнение выкриками, аплодисментами и другими способами". Такое пожелание поддержал Горбачев, добавив, что "все депутаты сидят в партере, и, кроме них, никого здесь нет". "Да, – возразил Себенцов, – но мы слышали уже выкрики с балкона". "Балкон" "работал" и в другие дни, судя по всему. Но мы отвлеклись – итак, Патиашвили "захлопали"...

– Мне кажется, при этом мы упустили возможность узнать что-то очень важное. Патиашвили хотел что-то сказать перед лицом народа Грузии и всей страны. Ему не дали... Мы все ви-

дели, как он спустился с трибуны, потом сделал несколько шагов обратно, потом в полной растерянности, с мучительным выражением на лице ушел в зал. А ведь именно Патиашвили знал, кто давал ответ из Москвы. Именно он, единственный человек, кто мог бы сказать. Но уже не скажет. Мог сказать — в тот момент, в той аудитории. Общесоюзной, даже общемировой. Кто ответил, знает он один.

— Сомневаюсь: ответ из Москвы Патиашвили обязан был сообщить секретарям и членам Бюро ЦК партии Грузии. И комиссия может потребовать у них ответа.

— Ну, вот мое мнение: комиссия уже не способна это сделать. Вот почему я отказался.

КЕМ СТАНЕТ НОВОРОЖДЕННЫЙ?

— На Съезде вы говорили и об армии.

— О сокращении срока службы. И еще: сокращение численного состава нашей армии на 500 тыс. человек, которое было объявлено в декабре прошлого года Михаилом Сергеевичем Горбачевым во время выступления в Нью-Йорке и начало осуществляться, — очень важный шаг, но он недостаточно радикален, чтобы коренным образом изменить международную и внутреннюю обстановку. Армия у нас сегодня непомерно велика, больше, чем в любых трех других странах, вместе взятых.

— На Съезде вы называли только две страны — США и Китай...

— Можно добавить любую — например, ФРГ.

— А какой она должна быть? Странно, никто не спросил министра обороны: какова **должна быть** численность нашей армии в условиях, когда "на вооружение" принята новая концепция — оборонительной достаточности? "От пуза", как говорили когда-то, можно только есть, держать армию "от пуза" для народа накладно. Да и ребят жалко — лучшие годы тратят. Должны же быть какие-то научные проработки на этот счет?

— И без таких проработок ясно, что армия непомерно велика. Сейчас нет реальной опасности военного нападения на СССР, и одностороннее сокращение армии, если его сделает наша страна, кардинально изменит всю ситуацию. Возникнет совершенно новая международная обстановка — в духе

нового политического мышления, провозглашенного по инициативе СССР.

И внутреннее значение будет исключительно велико. Облегчится возвращение к труду наиболее активной части населения, облегчится получение студентами высшего образования. В этой связи важно, чтобы студенты, призванные год назад, не отбывали двухлетнего срока, а были демобилизованы еще до начала учебного года*.

Надо сократить и срок службы в армии, тогда исчезнет — во всяком случае, колоссально уменьшится — такое явление, как "дедовщина": для него будет гораздо меньше почвы.

Мы знаем сейчас такой предельно трагический случай, когда доведенный до отчаяния человек — военнослужащий срочной службы — расстрелял из автомата восемь человек после многих месяцев совершенно нечеловеческих издевательств над ним.

Вообще, я думаю, только на основе радикального сокращения армии будет возможна полная ликвидация ядерного оружия. Она нереальна без такого шага.

— Андрей Дмитриевич, я хочу задать вам один вопрос... Ну, хорошо, вот другой: во многих странах военные министры ходят в гражданском платье, они люди вполне штатские. Как вы считаете, целесообразно ли это?

— ...У нас, по-моему, Устинов ходил в гражданском?

— Его сразу сделали маршалом.

— А, да — маршалом. Хотя воинское звание все же было вторичным фактором.

— Но — в принципе?

— Я думаю, что армия не должна быть политической силой ни в одной стране. Всегда существует большая опасность, если армия самостоятельно выходит на политическую арену. Когда военный министр штатский, возможно, такая опасность в какой-то мере и уменьшается. Но главное-то, чтобы была уменьшена вероятность военных переворотов.

— К переворотам мы еще вернемся, а теперь я все же задам вопрос, на который вы, может быть, не захотите отвечать.

— Нет, почему? Пожалуйста.

* Как быстро меняется ситуация: наш разговор был в июне, а 11 июля Постановлением Верховного Совета СССР объявлена демобилизация в августе — сентябре студентов дневных (очных) вузов. — Г.Ц.

— Как вы — лауреат Нобелевской премии Мира — могли когда-то быть разработчиком атомной и водородной бомбы?.. Тогда вы думали иначе?.. Не хотите — не отвечайте...

— Нет, я отвечаю... Вы задали вопрос, который всегда передо мной стоит... Я не был разработчиком атомного оружия — я вступил в эту систему в 1948 году, когда атомное оружие в нашей стране уже было на выходе; дальнейшая разработка его, конечно, продолжалась, но я в ней не принимал непосредственного участия.

Что касается термоядерного, то действительно я играл очень активную роль в этой большой коллективной работе, в которой принимало участие огромное количество людей — и чрезвычайно инициативных, и прилагавших огромные усилия. Я тоже прилагал огромные усилия, потому что считал: это нужно для мирового равновесия. Понимаете, я и другие думали, что только таким путем можно предупредить третью мировую войну.

Конечно, с тех пор мои взгляды эволюционировали. Но в этом основном пункте, я считаю, моя позиция — в тот период, в той исторической ситуации — была оправданна. Именно наличие термоядерного оружия у всех стран — СССР, США и у других ядерных держав — стало неким фактором, который удержал мир от сползания в новую мировую войну. Такая опасность возникала неоднократно, и мы совершенно не знаем, как бы развивались события, если бы угрозы взаимного уничтожения не существовало.

Конечно, такое равновесие неустойчиво — на острие ножа. И длительное, неограниченное время сохранять мир на подобной основе невозможно.

Поэтому наша работа была исторически оправданна, несмотря на то что мы давали оружие в руки Сталину — Берия. Правда, характер глобального фактора ядерное оружие приобрело позднее, в осень 53-го.

Сейчас необходим постепенный и очень осторожный переход к полному запрещению ядерного оружия, хотя я считаю, что этого нельзя сделать без большого числа стратегических и политических условий. Стратегическое условие — равновесие обычных вооружений, причем с постепенным сокращением их до уровня оборонительной достаточности, как теперь принято говорить. А политические условия связаны с большей степенью доверия и большей глубиной перестройки в СССР. Перестройка должна до-

стичь такой стадии, когда она сможет считаться необратимой.

Мне кажется, сейчас такой ситуации еще нет. Мы находимся в опасной, противоречивой стадии перестройки. В этих условиях, я думаю, все взаимоотношения с Западом должны строиться с определенной степенью осторожности, особенно это относится к такому ключевому вопросу, как отказ от ядерного оружия.

— Андрей Дмитриевич, вы действительно считаете, что можно добиться всеобщего запрещения ядерного оружия и, главное, реально изъять его из рук человеческих?

— Да, я так считаю, и, более того, полное запрещение является очень важной целью. Это провозглашено Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Хотя я думаю, что он недостаточно оценил те два момента, о которых я сказал. Я еще думаю, что должны быть условия, относящиеся к общественно-политической эволюции во всех странах мира. К такому шагу, как запрещение и отказ от ядерного оружия, надо подойти очень осторожно. Не один Запад, а все должны проявлять осторожность в таком деле.

— Тогда разубедите меня, пожалуйста.

— Да?

— Во-первых, растет ядерный клуб. Формально в нем сегодня пять великих держав.

— Уже больше, конечно...

— И тех, что мы знаем, и тех, что не знаем, как можно предположить?

— Можно: Индия, Израиль и некоторые другие.

— Пакистан, ЮАР...

— Бразилия... Мы можем предположить еще, что, во всяком случае, на подходе к ядерному клубу и Аргентина.

— Вас не смущает, что ЭВМ "Минск", на которой вы когда-то, видимо, работали...

— Да...

— ...была огромной и занимала несколько комнат...

— Да...

— ...а сейчас намного более совершенные компьютеры пятого поколения помещаются в чемоданчике? Что "Малыш", уничтоживший Хиросиму, весил больше четырех тонн, а сейчас есть уже артиллерийские снаряды с атомной начинкой? Вас не смущает, что полным ходом идет миниатюризация?

— Меня все это волнует...

— Наконец, в марте этого года два химика, как писал "Ньюсуик", "не известных ордену термоядерщиков" — вашему бывшему ордену, — объявили, "что им удалось осуществить ядерный синтез в пробирке, не пользуясь почти ничем, кроме воды, проволоки и электричества", — то, что потом называли "холодным термоядом", поскольку реакция происходит при комнатной температуре. Сейчас открытие проверяется, хотя...

— Ну, там в очень малых масштабах...

— Андрей Дмитриевич, кто может предсказать, кем станет новорожденный? И кто может гарантировать, что завтра у какого-то террориста не окажется в руках "карманный вариант" атомной бомбы?

— Вы... ваш вопрос в какой-то мере носит ведь риторический характер? Но действительно положение в мире очень тревожно. Мы могли бы сюда добавить и генную инженерию, которая способна создать совершенно новые средства бактериологической войны. Можно назвать совершенно новые возможности оружия, действующего из космоса. И очень, очень много таких вещей, которые пока еще находятся в лабораториях и о которых никто еще даже не знает. Все верно. Это говорит о том, что человечество приблизилось к критической черте...

— Когда ядерное оружие расплзется по миру и обладание им уже невозможно будет проконтролировать.

— Мы же говорим не только о ядерном оружии — и о многом другом? На все должен быть ответ политический и гуманитарно-нравственный. Человечество должно найти в себе силы отойти от многоликой опасности — не только военного уничтожения, но и экологического: сейчас все переплелось в один узел.

— Не должно ли запрещение ядерного оружия включать в себя запрещение любых исследований в этом направлении? Немедленное? Иначе миниатюризация, упрощение технологии изготовления и прочее сведут на нет подобное запрещение. Завтра будет поздно.

— Запрещение исследований и работ никогда не было возможным и эффективным. Мы можем требовать только открытости работ, когда они выходят за какие-то рамки по своей опасности. То есть общество должно уходить все дальше и дальше от обстановки секретности военных исследований. Тайн должно быть все меньше и меньше, что возможно лишь

при радикальном оздоровлении международной обстановки. Одним из условий этого является ликвидация противостояния двух экономических систем – то, что я называю конвергенцией.

Я убежден, что никакого прочного решения проблем глобальных опасностей нельзя добиться без конвергенции, без плюралистического сближения социалистической и капиталистической систем. Мне говорят: невозможно. На самом деле такой процесс уже реально происходит, и мы можем сказать, что, например, такая страна, как Швеция, на самом деле является образцово-социалистической страной. Это – в капиталистических странах.

Но процесс происходит и у нас и называется перестройкой. Ведь перестройка есть движение нашего общества в сторону плюрализма, объективно – именно так, что бы ни говорили наши руководители. Они часто боятся слова "плюрализм", но на деле именно так: нам необходима плюрализация экономики, то есть все формы собственности должны стать в конце концов юридически и экономически равноправными.

- Это-то как раз Горбачев провозглашает.
- Провозглашает, но не любит слова "плюрализм".
- Но он не раз говорил, что в экономике...
- В идеологии и в политике он его не любит. Или некоторое время назад не любил – может, сейчас уже к нему привык.

Во всяком случае, я считаю, что перестройка – это плюрализация во всех сферах. И это конвергенция.

ПЕРЕВОРОТ, ДИКТАТУРА – ВОЗМОЖНЫ ЛИ?

– Вернемся, как обещали, к другой проблеме. Как вы считаете, есть ли у нас сейчас опасность правого переворота? Военного или партийного – на манер октября 1964 года, когда был смещен Хрущев?

– Страна стоит накануне экономической катастрофы – так говорят экономисты. Люди живут хуже, чем жили в эпоху застоя. Произошло драматическое и трагическое обострение национальных противоречий. Все это приводит к чрезвычайно мощным подспудным процессам, одним из которых является кризис доверия народа к руководству страны, о чем я говорил на Съезде.

Это очень опасное, неустойчивое положение, когда возможны любые опасности, любые непредсказуемые или предсказуемые, но совершенно ужасные, трагические вещи. То есть возможен взрыв системы, в которой напряжения доведены до предела, а в то же время какие-то связи уже распались.

Я считаю, что в такой ситуации возможен военный переворот.

Возможен и правопартийный переворот.

Возможны также аналогичные ситуации, не связанные со сменой руководства страны. Руководство может оказаться заложником сил, которые используют те или иные рычаги, какие-то личные моменты и связи, даже — угрозы и Бог его знает что еще. Тогда — без смены руководства — возможен сдвиг вправо, тем более что власть у нас оказалась в руках одного человека, который может попасть под пресс совершенно непреодолимого давления. Я с величайшим уважением отношусь к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, но это не личный вопрос, а политический. Никто не вечен, и я говорю о фигуре главы государства и ситуации, которая может сложиться.

— А есть ли опасность установления диктатуры именно Горбачева? На Съезде заходили разговоры...

— Заходили, и мы видим, что вся конституционная структура построена так, чтобы в итоге Горбачев получил всю власть. Причем без выборов — прямых, во всяком случае. Народным депутатом он стал без альтернативы, когда было 100 кандидатов на 100 мест. В Верховный Совет он вообще не голосовался: мы имеем совершенно парадоксальное положение, когда Председатель Верховного Совета СССР не является его избранным членом. То есть его избрали Председателем, не избрав членом Верховного Совета. Такова процедура, установленная декабрьскими поправками к Конституции СССР. Именно это дало возможность Михаилу Сергеевичу Горбачеву занять свой пост без малейшей опасности, которая всегда заключается в выборах вообще, в альтернативных — в частности.

А мы ведь видели на примере Ельцина, что, когда он оказался в ситуации альтернативных выборов в Верховный Совет, то был забаллотирован, хотя за него голосовали миллионы москвичей. То есть по числу голосов он имел самую большую поддержку в стране. Тем не менее...

Такого рода опасности у Горбачева не было: он прошел на свой пост без конкурса, что создало у ряда депутатов определенное мнение — Съезд фактически явился тем эскалатором, который вынес его на верхний пост. И что произошло нечто вроде 18 брюмера Наполеона на современный лад.

Тут сложная ситуация и большие опасности. Возможны разные формы закулисного давления на Горбачева, возможен его собственный сдвиг вправо в условиях единоличной власти. Такое мы видели в истории много раз. Повторяю: сосредоточение такой большой личной власти в руках одного человека опасно, вне зависимости от того, кто он, даже — инициатор перестройки. Кроме того, есть и иная опасность: он может быть заменен на другого, и практически неограниченная власть окажется в чьих-то руках, в чьих — мы не знаем.

— Верно ли я вас понял, что правовых гарантий, исключающих возможность установления единоличной диктатуры, у нас сейчас нет?

— Правовых гарантий нет — вы совершенно правильно сформулировали. Но есть важнейший фактор — то, что сам Горбачев явился инициатором перестройки четыре года назад. Мы должны все время помнить, что он уже сделал для страны. Это фактор и политический, и психологический, и исторический. Его мы тоже не можем списывать со счета. Кроме того, опасность, о которой шла речь, — потенциальная. Мы все-таки должны действовать так, чтобы облегчить Горбачеву движение по пути перестройки, и сделать невозможным, насколько в наших силах, скатывание вправо. Это — безотносительно к оценке личности Горбачева — только то, что сейчас исторически нужно.

— Успех прямой трансляции работы Съезда был неслыханным. Выступления депутатов доносились из радиоприемников автомашин, из раскрытых окон первых этажей домов; я видел женщину, которая везла детскую коляску с висящим на ней приемником, мужчину, который на ходу прижимал транзистор к уху. И т.д. Есть предварительные сообщения: из-за того, что народ смотрел и слушал прямые трансляции, страна не получила пятую часть продукции. Ничего подобного никто из нас никогда не видел. И вдруг в последний день работы Съезда председательствовавший на заседании Горбачев призвал выключить прямую трансляцию — и ее выключили. Выключил телевизор и я. Но потом — на всякий случай — включил: трансляция продолжалась. Михаил Сергеевич сказал, что

какая-то статья отменяется; видимо, речь шла об 11-прим Указа от 8 апреля нынешнего года — о дискредитации. Что же произошло в зале заседаний?

— Совершенно правильно — была отменена статья 11-прим, а произошло вот что — тоже один из очень драматических моментов Съезда.

В повестке дня был пункт, названный "Разное". Когда дело дошло до него, люди поочередно выходили на трибуну и имели очень короткое время для сообщений. Выступил представитель Урала — я сейчас не помню его фамилии...

— Шаповаленко В.А. из Оренбурга...

— ...и неожиданно для всех объявил, что создана межрегиональная группа депутатов, которая стремится к диалогу, к защите права каждого на выражение своей точки зрения и противостоит таким образом той части Съезда, которая препятствует диалогу, тем самым не давая возможности Съезду выполнить его задачу — двигать страну вперед в ходе всесторонней дискуссии. Он сказал, что обращение подписали больше 150 депутатов из разных регионов.

Образование такой группы, видимо, было неожиданно для Горбачева, и его больше всего, наверно, взволновало то, что это был представитель не московской группы, а человек с Урала, для него совершенно неизвестный. Он не знал, что будет дальше, может быть, опасался, что случится что-то такое, что нежелательно показывать всему миру.

В тот момент Горбачев и сделал свое заявление: что сейчас у нас пошли внутренние дела, надо отпустить прессу и отключить телевидение. Он при этом забыл, что прежде надо закрыть Съезд. Он немножко потерял контроль над ситуацией и над самим собой.

— Не означает ли это, что при какой-то другой непредсказуемой ситуации мы увидим другие непредсказуемые, импульсивные действия? Выключение трансляции, конечно, мелочь, но — очень характерная.

— Конечно, мелочь — и не мелочь. Потому что это попытка вывести события из-под общественного контроля. Действие очень симптоматичное. И когда мы обсуждаем, что собой представляют перспективы нашего общества в новой политической ситуации, мы не можем не анализировать и такого события. Хотя, казалось бы, речь шла об абсолютно невинном заявлении группы депутатов. Мы не знаем, чего испугался Горбачев, но он безусловно испугался. Другого объяснения

случившемуся мы дать не можем. Он настолько испугался, что был готов сорвать публичную трансляцию закрытия Съезда.

— Между тем в первый же день работы Съезда Горбачев на вопрос: "Гарантируется ли непрерывность телетрансляции Съезда?" — ответил: "Гарантируется". Выходит, гарантия "не дошла" до последнего часа последнего заседания?

— Ну, спустя минут 10 — после требования ряда депутатов...

— А были требования?

— Конечно. Кричали еще "Позор!". Я, в частности, сказал, что не буду выступать без трансляции. А он сказал: мы сейчас посоветуемся... И включил трансляцию перед тем, как было объявлено решение относительно статей Указа от 8 апреля — 7 и 11-прим. Это действительно большая победа общест-венности — изменение формулировки статьи 7.

— Что уголовно наказуемыми признаются публичные при-зывы к свержению Советской власти?

— Да. Там вставлено слово, на котором я и многие на-стаивали: "насильственным". Что касается призыва к насиль-ственным действиям. Что слово "насилие" является тем рубе-жом, который отделяет уголовно наказуемые деяния от уголовно ненаказуемых. Этот юридический принцип был при-нят, и, кроме того, была отменена 11-прим, которая вообще совершенно выходила из всех общепринятых норм междуна-родного права.

— Если бы она действовала, то академик Сахаров вполне мог быть...

— Не только академик Сахаров, а, по-моему, пол-Съез-да могло бы быть привлечено к ответственности... прав-да, у нас есть депутатская неприкосновенность. Но многие в стране уже привлекались по 11-прим. Кроме того, при наличии такой статьи в нашем Уголовном кодексе Конфе-ренция по правам человека в Москве в 1991 году была бы, конечно, недопустимой. Ни одно государство на это бы не пошло.

Вот каким был тот драматический момент, очень инте-ресный и показательный, на мой взгляд.

— Кстати, Указы последнего времени — с лета прошлого года — например, о митингах...

— И демонстрациях, — они уже стали законами. Они не от-менены, к сожалению, Съездом.

— Но я хочу спросить о другом. Скажем, Указ о внутренних войсках, нарушающий конституционный принцип суверенитета союзной республики, поскольку войска вводятся на ее территорию без согласования с республиканским Верховным Советом — по приказу министра внутренних дел страны. Указ от 8 апреля и другие. У всех у них есть нечто общее: все Указы готовили какие-то "аппаратные гномы" — имен мы не знаем, все обнаруживают страстное желание "тащить и не пущать!", хотя и выраженное не всегда юридически грамотно; все писались втайне и появлялись вдруг, как бог из машины, — без предварительной публикации в открытой печати, без всенародного обсуждения. И все подписал Михаил Сергеевич Горбачев, имеющий высшее юридическое образование. Рядом был его первый зам Анатолий Иванович Лукьянов, доктор юридических наук. В чем дело?

— Все так. Это, конечно, показатель все того же страха части руководства перед проснувшейся активностью масс. Очень плохой симптом, — мы это слово сегодня уже употребляли в другом контексте. Плохой симптом и плохие последствия. Здесь скрывается колоссальная опасность. И хотя у очень многих народных депутатов наказы избирателей требовали отмены таких Указов, к сожалению, Съезд этого не осуществил. Но сам факт принятия подобных актов, сочиненных "аппаратными гномами", без предварительного опубликования проектов и всенародного обсуждения кажется мне очень плохим симптомом.

— От Указов вернемся к действующей Конституции: согласно изменениям, внесенным в декабре, Председатель Верховного Совета, только он, называет кандидата на пост своего первого заместителя. Съезд волен утвердить его или нет, но не может предлагать свои кандидатуры. При этом приходится слышать ссылки на опыт США, где президент тоже называет кандидата в вице...

— Там он не просто предлагает: президент баллотируется вместе со своим заместителем.

— Но есть разница: они в одной лодке. Президент может потерять голоса избирателей, если предложит кандидата, скажем так, с неважной репутацией, в итоге — даже проиграть.

— Если плохого заместителя — да. Там голосуют сразу за обоих.

— А у нас президент лично ничем не рискует: его уже утвердили. Есть тут разница в политической мизансцене?

— Безусловно. Поэтому я считаю, что если сохраняется нынешняя система выборов главы государства, то именно Съезд должен иметь право предлагать альтернативные канди-

датуры на пост его первого заместителя. Хотя, конечно, кандидат президента должен рассматриваться в первую очередь. Такая возможность должна быть предусмотрена в Конституции. Тут действительно есть дилемма: либо мы прямыми общенародными выборами голосуем за Председателя и его первого зама на альтернативной основе, когда имеются другие тандемы и есть конкуренция между ними, — одна возможность.

Либо — худшая, но все-таки лучшая, чем то, что имеется: когда Председатель выбран по нынешнему алгоритму, а зама мы выбираем ему на Съезде на альтернативной основе, хотя и с учетом кандидатуры, предложенной Председателем. Он, конечно, имеет право предлагать кандидата, и тот должен рассматриваться самым серьезным образом, поскольку он тот человек, с которым президент будет работать.

Это — худший вариант. Лучший — прямые выборы тандемом по американскому образцу.

— На Съезде сложилась известная вам ситуация. Пока одни кандидаты в депутаты участвовали во всех актах предвыборной драмы, другие выдвигались на пленумах и съездах общественных организаций, — их было 750. Как вы относитесь к такого рода выборам — от общественных организаций?

— Я думаю, что — в будущем, во всяком случае, — выборы должны проходить только по территориальному принципу, потому что система, включающая общественные организации, нарушает принцип "один человек — один голос", и разные депутаты избираются от разного по величине контингента. Такое положение нельзя сохранять. Как оно сработало сейчас — другой вопрос: сейчас, может быть, здесь были и положительные последствия. Но сохранять его нельзя.

— Между тем есть люди, требующие распространить известный "принцип ста" и на выборы в местные Советы. На апрельском Пленуме ЦК КПСС этого года первый секретарь Волгоградского обкома партии В.И. Калашников предложил предусмотреть в законе о выборах в местные Советы "практику выдвижения кандидатов от партии и других общественных организаций". А первый секретарь Коми обкома КПСС В.И. Мельников прямо сказал: секретари горкомов и райкомов заявляют, что не пойдут на местные выборы, "потому что стопроцентная гарантия, что их не изберут". Тут раздалось голоса "Правильно..." — и тогда не выдержал Горбачев: "Правильно?! Выходит, партия должна уклониться от участия в руководстве и в выборах?" Так что есть реальная опасность, что Закон о выборах в местные Советы может быть изменен.

— Я тоже думаю, что Закон о выборах в местные Советы надо изменить, но в прямо противоположную сторону. Чтобы с учетом опыта выборов в народные депутаты СССР обеспечить большую демократичность.

Мне кажется, выборы во всех случаях должны обязательно проходить на альтернативной основе. Все кандидаты должны иметь равный доступ к средствам массовой информации, и, самое главное, необходимо ликвидировать институт окружных собраний. Кандидаты должны сразу выдвигаться в коллективах, не должно быть механизма отсева неугодных. Из-за такого вот механизма на выборах народных депутатов было потеряно очень много прекрасных кандидатов. Причем целенаправленно — в интересах аппарата.

То есть закон следует изменить так, чтобы уменьшить возможность аппарата диктовать результаты выборов.

А то, что предложили секретари обкомов, конечно, превратило бы выборы в фарс. И привело бы к катастрофическим последствиям для процесса демократизации страны.

— И последний блок вопросов. В одном отношении, по крайней мере, нынешний Съезд народных депутатов СССР в мае — июне 1989-го походил на Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре (ноябре) 1917-го, объявивший о победе Революции: здесь и там голосовали "вручную". Подсчета голосов с помощью электроники не было. Объяснения на сей счет не хочется и приводить, потому что в нынешнем же мае состоялась сессия Верховного Совета Литвы, где подсчет голосов вели компьютеры: были три кнопки — зеленая ("за"), желтая ("воздержался"), красная ("против"), на стенах — два экрана. Почему же Секретариат Верховного Совета в Москве оказался неповоротливее Секретариата Верховного Совета в Вильнюсе? Он не только не оказался на высоте, а просто — в Марианской впадине океана проблем.

Материалы сессии депутатам заранее не прислали. Записки, поданные в президиум и секретариат Съезда, терялись. Микрофонов в зале сначала не было, потом они, бывало, не работали. Председательствовавшие на заседаниях не успевали извиняться за неразбериху. Председатель счетной комиссии вице-президент Академии наук СССР Ю. Осипьян, по свидетельству Ю. Черниченко, "за" и "против" подсчитывал на счетах. Позже председатель Совета Союза академик Е. Примаков считал на бумажке — "столбиком" — число голосов, и надо сказать, не сильно быстро.

— К вашему списку я могу добавить, что, когда выбирали в Верховный Совет и комиссии, в списках для голосования оказывались люди, которых делегации не выдвигали. И наобо-

рот, некоторые кандидаты, названные делегациями, оттуда исчезали, что иногда даже всплывало на Съезде. Но таких случаев было, мне кажется, гораздо больше.

Я еще могу добавить саму картину голосования в Верховный Совет. Тогда люди получили довольно объемистые бюллетени, заполнить их в кабинах было невозможно — кабин мало, сидели бы до утра. Поэтому заполняли просто "на весу" или же рассаживались на ступеньках лестниц Кремлевского дворца, и тут уж о тайне голосования речи не могло быть.

Ко мне подошли телевизионщики, они меня сфотографировали за таким занятием. А я им закричал: "Что вы делаете?! Ведь у вас на экране получается изображение моего бюллетеня, где я часть фамилий уже зачеркнул!"

В смысле техническом аппарат организовал работу плохо, но она была плохой еще и в другом смысле: этот аппарат в какой-то мере манипулировал Съездом.

Что касается техники, то здесь все понятно: она же не была нужна — когда все единогласно, не надо ни электронной, ни какой-то другой системы. Даже если один — возможно — проголосует "против", техника тоже не нужна: это уровень счета, доступный большинству птиц, которые замечают, что у них вместо четырех яиц — три. Компьютер тут не нужен.

— Видя мучения Осипьяна и Примакова, я очень хотел подарить каждому знаменитому академику по детскому микрокалькулятору на четыре действия арифметики. Но разве этого не должен был сделать Секретариат?

— Я действительно не понимаю, почему не было хотя бы калькуляторов, чтобы складывать числа... Все-таки позорно, что у нас нет электронной техники голосования... А может, дело в том, что они еще не доверяют этой технике? Вдруг калькулятор неправильно работает... — Сахаров засмеялся. — Когда по старинке считаешь "столбиком", вроде бы верней. Или на счетах, как Осипьян. Ведь счета — тоже примитивный компьютер.

— Но совсем не тот, что требуется на пятом году перестройки.

— Да... пошел пятый год... Как мало успели...

— Здесь мне трудно с вами согласиться, Андрей Дмитриевич: мне кажется, сам факт публикации такого разговора, как наш сегодняшний, — для нас уже грандиозно много, стоит лишь оглянуться... И, может быть, мы поймем это только завтра...

Июнь, 1989 г.

*Диалог А. Сахарова и А. Адамовича;
ведет В. Синельников*

Беседа, которую вы сейчас прочтете, состоялась ровно год назад. Я до мельчайших деталей помню тот летний очень жаркий день. Но начался он, можно сказать, двумя годами раньше, когда мы с режиссером Р. Сергиенко буквально штурмовали инстанции, чтобы получить разрешение на съемки в Чернобыле. Тогда же хотели включить в фильм интервью с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Но месяц ушел, чтобы уговорить инстанции не беспокоиться о здоровье съемочной группы. Потом часы и дни мы тратили, чтобы получать разрешения на каждый выезд в зону бедствия. И опять же нам говорили, что пекутся о нашем здоровье. А когда картина была готова, те, кто оберегал нас от радиации, теперь уже под знаменем национальной безопасности более полугода не выпускали "Колокол Чернобыля" к зрителю.

Тогда мне казалось, что появление в фильме интервью с Андреем Дмитриевичем сыграет фатальную роль в судьбе картины. И оно не состоялось. Но несколько похожих на инквизиторские беседы в кабинетах Главатома и других запрещающих инстанций укрепило меня в мнении, что донести до народа слово и облик возвращенного из г. Горького А.Д. Сахарова — мой гражданский долг. Год назад мы встретились впервые перед камерой и поговорили.

Вспоминая об этом интервью сейчас, сознаешь, как все-таки быстро развиваются общественные процессы в нашем обществе. Подумать только: год назад, чтобы снять Сахарова, понадобилась строгая конспирация. Теперь, когда Андрей Дмитриевич избран народным депутатом, конспирация (хочется верить) не нужна, и трудности перед создателями фильма стоят иные: оказаться на уровне снятого материала.

Беседа, с частью которой вы познакомитесь, коснулась широкого круга проблем нашей жизни. Этому во многом способствовало участие в ней Алеся Адамовича (надо сказать, что они встретились впервые в жизни). Прослушивая беседу после записи раз, другой, третий, я убедился, что многочасовой синхрон создал основу для картины об академике А.Д. Сахарове. Но нужно было снимать и снимать, чтобы она сложилась.

Снимали заседание международного фонда "За выживание и развитие человечества", в который вошел академик Сахаров. Сначала только в Москве. Члены президиума и совета директоров фонда отказались собираться в других странах до тех пор, пока там с ними вместе не сможет работать Андрей Дмитриевич. И они дождались, а мы сняли тот миг, когда шестидесятисемилетний академик впервые в жизни пересек государственную границу своей страны и отправился на заседание фонда в Вашингтон.

Через несколько дней ночью в гостиничном номере, прильнув к крошечному дисплею видеокамеры, мы просмотрели материал, отснятый на вручении Сахарову Эйнштейновской премии, которая дожидалась его несколько лет.

Еще один готовый эпизод — у входа в Национальную академию США в Вашингтоне. Андрей Дмитриевич раз за разом медленно обходит карту Вселенной на полированном черном мраморе, над которой в позе сидящего ребенка склонился бронзовый Эйнштейн. Находившиеся рядом с Андреем Дмитриевичем в ту минуту слышали, как он произнес, наконец, остановившись, как бы вырвавшись из круга мыслей, которыми он жил во время только что произнесенной речи после вручения премии, и из круга, очерченного его шагами пространства: "Гений — всегда ребенок".

Мы успели снять Сахарова и у посольства СССР под табличкой "Площадь Сахарова". И сказали друг другу: а ведь и сегодня такой таблички нет ни в Москве, ни в Горьком.

Могу себе представить, какую цену заплатили бы историки науки, чтобы узнать, о чем говорили в Вашингтоне, удивившись от мира на несколько минут, "отцы водородной бомбы" Сахаров и Теллер во время их первой, может быть, и единственной встречи. Мы взяли интервью и у Теллера, но, разумеется, не спросили о содержании беседы.

Съемки в Москве продолжались. Ждет своего часа пленка предвыборной борьбы в Академии наук и поездки в Гру-

зию для расследования трагических событий. Есть и другие материалы для фильма, которые еще предстоит осмыслить.

Владимир Синельников. В мире сейчас существует неприятие атомной энергетики как таковой. А поскольку скомпрометированы и другие источники энергии, то некоторые считают, что лучше жить при лучине, но только не подвергать себя и своих детей опасности. Что вы думаете по этому поводу?

Андрей Сахаров. Жить при лучине — это значит вообще жить без всех или большей части достижений цивилизации. Но есть такая эмпирическая закономерность: средняя продолжительность жизни очень сильно растет в линейной зависимости от расхода энергии на душу населения. Поэтому представляется, что в смысле человеческих жертв и человеческих страданий отказ от производства больших количеств энергии на душу населения — это тоже убийство. Только убийство другим способом. Энергия нужна. Только как ее получать сегодня?

Альтернативные, чистые источники энергии в настоящее время экономически не конкурентны с "грязными", даже с гидроэлектростанциями. Это положение, по-видимому, сохранится очень длительное время. Хотя, конечно, и здесь происходит непрерывный процесс. Ядерная энергия сейчас дороже, чем получаемая с помощью привычных источников, но нефть и газ в перспективе будут истощаться, уголь экологически очень вреден, любые тепловые станции создают парниковый эффект. По-видимому, в перспективе все большую и большую роль должна играть все-таки ядерная энергетика. Во всяком случае на протяжении достаточно длительного времени, на которое мы можем делать технические прогнозы. Ее, конечно, надо сделать безопасной. Тут есть разные пути.

Прежде всего усовершенствование ядерного реактора. Созданы водоводяные реакторы, в которых нечему гореть; реакторы с газовым охлаждением, в которых не образуется взрывчатая смесь — гремучий газ; реакторы, в которых при любой аварии происходит уменьшение реактивности. Все это в принципе возможно. И все же стопроцентной уверенности в полной безопасности нет. К примеру, проблемы терроризма, обстрела ракетами и бомбардировка с воздуха с применением

обычных взрывчатых веществ остаются до тех пор, пока мы живем в таком мире, как сейчас. Мне присылают много писем из Армении, авторы которых очень боятся, как бы какие-нибудь террористы не взорвали их станцию, которая близка по конструкции черныбыльской... Ну, может быть, несколько лучше...

Алесь Адамович. Академик Легасов мне говорил, что, по его предположению, первой взорвется армянская атомная¹.

А. Сахаров. Да, я знаю это его высказывание. На ней уже было много разных неприятностей локального характера... На ленинградской были еще большие неприятности. В общем, они идут в первом ряду, эти две станции.

А. Адамович. Еще спасибо душманам, что они не пальнули по армянской станции. Но у них, наверное, такой ракеты нет...

А. Сахаров. Да, им довольно далеко. Хотя в принципе все могло быть. В общем, вывод у меня такой — кардинальным решением безопасности является подземное расположение ядерных реакторов.

А. Адамович. А вот что делать с теми станциями, которые уже стоят на земле, и в том числе четырнадцать таких, как черныбыльская?

А. Сахаров. Надо делать защитные колпаки. Это мера, которая заметно снизит опасность большой беды. Потом постепенно консервировать станции.

А. Адамович. Мне говорили люди опытные в этих делах, что над черныбыльским реактором колпак невозможно создать в принципе и над уже действующими четырнадцатью станциями, подобными черныбыльской, — тоже.

А. Сахаров. Слово "в принципе" тут, наверное, неточно. Если вложить большие деньги — все можно сделать. Но, конечно, неизвестно, что дешевле — закрыть реакторы и построить подземные или же... При чем подземный реактор может быть и графитовый, тут мы можем себе позволить это, или водоводяной, какой хотите.

Кроме того, есть очень важный экономический фактор — это консервация станции. Каждая станция, скажем, через тридцать лет выработает свой ресурс, и ее надо законсервировать. Если это была наземная действующая станция, то проблема консервации необыкновенно сложна, надо делать сар-

¹ После трагического землетрясения в Армении правительство приняло решение о закрытии армянской станции. — Прим. ред.

кофаг или разобрать ее с помощью роботов и сделать зеленую лужайку. Это стоит почти столько же, сколько построить новую станцию. А подземную вы можете просто закрыть на ключ и оставить навечно.

А. Адамович. Против вашей идеи есть аргумент — подземные воды. Можно отравить подземную нашу коммуникацию...

А. Сахаров. Если делать с умом, то этого не произойдет. Если в скальном грунте — это уже исключено. У нас есть достаточно много мест, даже в европейской части СССР, где геологические условия благоприятны, где почвенные воды текут над непроницаемым глинистым слоем. И вы всегда можете сделать сравнительно дешевый поддон, через который даже расплавленная масса, образовавшаяся при аварии, не проникнет. В общем, при учете геологических условий эта опасность может быть сведена до минимума.

В. Синельников. Можно ли сказать, что проект, методы строительства и эксплуатации чернобыльской станции предопределили неизбежность трагедии?

А. Сахаров. С полной уверенностью этого сказать нельзя. Но, конечно, в реакторе был ряд недостатков очень серьезных. Возможность аварии, именно катастрофической аварии, была потенциально заложена. Какие это недостатки? Во-первых, отсутствие защитного корпуса. Во-вторых, то, что реактор на графите, а графит может гореть, в-третьих, — положительный коэффициент паровой реактивности, то есть при образовании пара система разгоняется, в-четвертых, там такая конструкция регулирующих стержней, что при введении начальной их части реактивность увеличивается. Кроме того, станция не была снабжена автоматической защитой. Современная кибернетика предполагает оснащение любого опасного производства системой, которая должна исключить возможность катастрофически ошибочных решений. Есть менее существенные, но в совокупности очень серьезные недостатки.

В. Синельников. Но на скамье подсудимых после чернобыльской катастрофы были только эксплуатационники, работники станции, а все, что вы сказали...

А. Сахаров. Это к ним вообще не имеет никакого отношения. Эксплуатационники, работники станции виноваты в том, что они разработали опасную программу испытаний.

А. Адамович. Вот Легасов писал в "Правде", что конструктор станции знал о недостатках, которые вы называли, они были очевидны...

В. Синельников. А вы, Андрей Дмитриевич, в своей статье в "Московских новостях" называете фамилию академика Александрова.

А. Сахаров. Да, на Александрове, конечно, большая персональная ответственность за выбор этого направления. Перед ним стояла такая дилемма: либо подождать, когда у нас будет построен "Атоммаш" и через несколько лет можно будет делать более совершенные реакторы, либо развивать энергетику на бескорпусных графитовых реакторах, более громоздких, между прочим.

А. Адамович. Можно подумать, что у нас уже не было ни нефти, ни газа и мы задохнулись без ресурсов.

А. Сахаров. Ход мысли был такой, что надо начинать, иначе мы потеряем темп, и, когда нефти не будет, мы окажемся у разбитого корыта.

А. Адамович. Но ведь теперь уже убедились, что этот тип станции и водяные тоже — вчерашний, может, позавчерашний день атомной энергетики, что, наверное, будут созданы более безопасные станции. Но продолжают в эйфории ставить и множить те же станции...

А. Сахаров. Но новых сверх четырнадцати, насколько я понимаю, не строят.

А. Адамович. А водяные строят.

А. Сахаров. Водяные будут строить до 2000 года, и остановить это ужасно трудно. Для этого нужно волевое решение на самом верхнем уровне. Я считаю, что необходимо прекратить строительство наземных реакторов, хотя это будет означать потерю темпа нашей атомной энергетики на пять, может быть, несколько больше лет...

А. Адамович. Японцы не боятся потерять темп. Они ждут новейшей технологии. Мы ведь тоже можем через пять лет взять новейшую вместо вот этой старой...

А. Сахаров. Японцы не боятся, а мы боимся. На самом деле мы должны вообще отменить пятилетний план по атомной энергетике, потому что и следующий пятилетний план не учитывает изменений экономической структуры государства.

А. Адамович. Он противоперестроечный.

А. Сахаров. Да, он противоперестроечный. Пятилетний план по атомной энергетике все равно надо выкинуть в му-

сорную корзину, правда, это удар по всем тем, кто себя связал работой в атомном энергостроении. Создан задел на будущее, а это многомиллиардные затраты.

А. Адамович. Значит, погибай вся страна, но проекты что-бы осуществлялись и зарплата шла.

А. Сахаров. Аналогичную картину мы видим в очень большом числе других наших начинаний. Сейчас исподтишка строят все-таки Волго-Дон-2 и Волга – Чограй и таким образом делают необходимым поворот рек, который действительно необычайно опасен экологически. Это идет по такой страшной ведомственной инерции, за которой стоят, конечно, конкретные интересы сравнительно небольшого числа людей, зато очень влиятельных. Это страшно.

В атомной энергетике действуют те же механизмы. Тем не менее добиться отмены наземного строительства реакторов необходимо. Я думаю, что это задача очень трудная в смысле психологического поворота мышления.

В. Синельников. Вернусь к Чернобылю. Учитывая масштаб преступления, считаете ли вы справедливым, что не понесли наказание люди, которые гораздо больше виноваты, чем наказанные? Ведь если все останется как есть, то легко укрепиться во мнении, что ничего не нужно менять.

А. Сахаров. Я думаю, что проблема наказания – это проблема сложная. Всегда в этом есть и отрицательная сторона. Но проблема ответственности и проблема вины несомненно должна быть.

А. Адамович. Ну, вот у Легасова, я думаю, это чувство было.

А. Сахаров. Я не знаю, какую он лично играл роль во всей предыстории...

А. Адамович. Ну, во всяком случае они с Александровым влияли на политику "аэсизации страны", и в нем чувство вины жило очень сильно. Оно глушилось, но человек, который покончил с собой... Со второй попытки... Я с ним разговаривал. Он мне график назвал взрывов станций, вот говорит: эта взорвется, эта. Я спрашиваю: это понимают другие ученые? Он отвечает: думаю, что да. Почему молчат? Он говорит: клановый интерес. Очень мощный интерес.

В. Синельников. Сегодня общественное мнение предъявляет чрезвычайно большой счет науке и ученым как людям,

при содействии которых научно-технический прогресс оборачивается опасностью. Насколько это справедливо, как вы считаете?

А. Сахаров. Ученым все-таки в большей мере, чем ведомственным кланам, присуще чувство ответственности. Но не забывайте, мы только начинаем понимать все происходящее на Земле в комплексе. Здесь очень трудно выделить главное звено и найти правильную стратегию. Сейчас к этим проблемам привлечено внимание во всем мире, но остановить прогресс невозможно.

Можно ли остановить поиск лекарств, поиск в области биотехнологии, в области генной инженерии? Нельзя. Без генной инженерии мы рискуем оказаться беззащитными перед СПИДом и перед другими опасностями, которые будут нас подстерегать в ближайшем будущем.

А. Адамович. А если высказать такую мысль, я ее академику Велихову высказывал: если сегодня "запретить" атомную энергетику, гений ученых пойдет по пути поисков альтернативных способов получения энергии?

В. Синельников. А солнечная энергия?

А. Сахаров. Сейчас вкладываются средства в солнечную энергетику, но, наверное, недостаточные. И это не означает еще возможности обойтись без ядерной энергии. Реальный технико-экономический прогноз на ближайшие десятилетия показывает, что она все-таки нужна.

А. Адамович. Мы игнорируем одну очевидную вещь. Вот Михаил Сергеевич Горбачев, когда собирал энергетиков-атомщиков, предупредил: еще одна станция взорвется, ни нам, ни вам делать будет нечего в этой стране.

Еще один Чернобыль, и наша страна просто переломится пополам. Никакой героизм больше не спасет. Будет ярость народная. Просто начнут ученых отлавливать, как в средние века врачей отлавливали и топили. Все будет, все возможно.

А. Сахаров. Я согласен, что второй Чернобыль, даже не очень большая авария, более локальная, скажем, все равно будет иметь совершенно неопишуемые человеческие последствия.

А. Адамович. И вот тогда начнем закрывать эти станции, впопыхах...

А. Сахаров. Тогда уже будет не до станций, я согласен в этом с Горбачевым. А что ответили Горбачеву?

А. Адамович. Хорошо могу себе представить, как они потупили глазки и сказали: честное слово, больше не взорвется!

А. Сахаров. Речь шла о закрытии четырнадцати станций?

А. Адамович. Говорят, да. Более того, шел разговор о создании независимого института контроля. Но для такого института у нас не находится кадров, то есть специалистов с альтернативными взглядами.

А. Сахаров. Еще раз могу совершенно авторитетно сказать следующее. Есть одно кардинальное решение: подземное расположение ядерных станций... У нас есть только две возможности: или никакой, или подземная ядерная энергетика.

В. Синельников. Скажите, а практика такого строительства в мире уже есть?

А. Сахаров. Есть, но в небольшом масштабе. В Швеции, во Франции. Я считаю, что должен быть международный закон, запрещающий наземное строительство ядерных реакторов. Международный закон должен гарантировать нас от этой опасности и одновременно успокоить мировое общественное мнение. Когда люди находятся в панике, это просто ужас. Все-таки значительная часть всех тех симптомов, на которые люди жалуются, — психогенная.

А. Адамович. Понимаете, вот то, что в Белоруссии люди не боятся, — выгодно ведомствам и губительно для людей. Они сидят в своих зараженных деревнях. Проложили асфальт до школы, дети едут туда по асфальту, возвращаются по асфальтику, и предполагается, что они не выходят в сад, в лес, в огород. А поскольку все говорят: покидать места эти жалко — родина — и опасность невелика, люди живут. А надо бы испугать, потому что они набирают рентгены... А дети? Вы представляете, дети, для которых враждебен дождь, трава, враждебны яблоко, груша в собственном саду. Представляете, кто это вырастает даже если не биологически, то психологически? У нас только на Могилевщине более тридцати семи таких зараженных населенных пунктов. Но поскольку радиоактивность обнаружена потом, поселки не вошли в сферу правительственных забот¹. Эти районы как бы не существуют. А в народе ходит упрямый слух, что радиоактивное облако посадили на Могилевщине, на Брянщине. Спасали Москву. Был такой факт?

¹ Спустя почти три года после взрыва Чернобыльской АЭС под сильным воздействием общественности принято решение о выселении людей из пораженных районов Белоруссии. Вновь подчеркнем — через год после публикуемой беседы. — Прим. ред.

А. Сахаров. Я думаю, что это абсолютный факт. После выброса, по-моему, 5 мая, возникло радиоактивное облако, которое пошло на Москву, и была применена авиация, выкинувшая соответствующие химикаты. Было ли это целенаправленное действие, или осаждение облака в Белоруссии — случайность?.. Во время американской катастрофы 1979 года многие газеты непрерывно печатали радиационные карты, хотя цифры радиации были очень скромные. У нас же я не видел ни одной карты, опубликованной в печати.

А. Адамович. У нас медики в Белоруссии подняли эту проблему, сказали: дайте нам радиационные карты, чтоб мы могли грамотно работать в этой местности. Никаких карт они пока не получили, ибо все делается для сокрытия беды...

А. Сахаров. Я считаю, что абсолютно необходимо иметь радиационные карты. Они должны быть доступны медикам, чтобы четко контролировать всю радиационную обстановку. Это даже обсуждению не подлежит¹. Кроме того, все люди, которые соприкасаются с радиоактивностью или заняты ликвидацией последствий аварии, должны иметь индивидуальные дозиметры. Все люди должны точно знать, что им грозит.

А. Адамович. А как вы посмотрите на такую практику: в районах, где посадили облако, производят сельскохозяйственную продукцию. Но одновременно завозят туда чистые продукты. Молоко здешнее нельзя пить, овощи и мясо нельзя есть, их отправляют в Могилев, а что дальше делают — большая загадка. Утверждают, что все это идет для "невредных добавок" в продукты. Агропром настаивал на производстве продуктов в этих районах, хотя наша республика много раз просила исключить их из планирования.

А. Сахаров. Но население надо предупредить... Люди должны иметь право сами решать свои проблемы с открытыми глазами.

А. Адамович. Есть еще одна проблема, уже новейшая, которую вы, наверное, тоже знаете. Мне позвонил один человек (житель из Брянской области). Их 120, которые схватили радиацию (большинство спасали нас в Чернобыле) и лечатся в московской шестой больнице. Получить спецпенсию им не

¹ И это требование общественности было удовлетворено совсем недавно. — Прим. ред.

удается. А когда заявляют свои права, их называют симулянтами. Они писали и Чазову, и в "Литературную газету", но пока безрезультатно.

А. Сахаров. Ложь и умолчание — ужасны, они всегда приводят только к большому вреду.

Я много занимался проблемой радиации в период испытаний. В 53-м году испытания проводили наземно, поднималась радиоактивная пыль. Мы потребовали эвакуации населения из подветренной зоны. Начальство очень боялось огласки, но пошло нам навстречу. Это было в районе Семипалатинска. След накрыл несколько населенных пунктов, но когда оттуда уже было эвакуировано население. Все-таки до, а не после.

А. Адамович. Проклятие лжи висит над атомной энергетикой. Правду говори — не поверят!.. Андрей Дмитриевич, а я вдруг вспомнил, что вы отец нашей водородной бомбы. Как вы это сами внутренне переживаете?

А. Сахаров. Я, правда, был не единственным отцом. Это коллективное дело, но от этого не менее страшное. Тогда мы были убеждены, что создание сначала атомной бомбы (я в этом участия не принимал), потом термоядерной — необходимо для установления мирового равновесия, для того, чтобы наша страна могла спокойно и мирно развиваться, не находясь под прессом подавляющего превосходства другой стороны. Я и до сих пор не могу этого исключить. Мы — я включаю сюда и американцев — создали оружие, которое дало человечеству мирную передышку. Она еще продолжается. Но я убежден, что эта передышка не бесконечна. Если будет продолжаться ядерное противостояние на таком чудовищном уровне, который достигнут сейчас, то никакое "честное слово" не поможет. Военные уже не умеют обойтись без ядерного оружия. Например, как уничтожить подводные лодки противника с 16 или с 24 ядерными ракетами? Единственный реальный способ — применить против них ядерное оружие. Соблазн есть, и большой.

А. Адамович. А вот у нас, у гуманитариев, есть иллюзия, что у физиков должен быть "комплекс Оппенгеймера", синдром вины. Это так или нет?

А. Сахаров. Это иллюзия. Мы себя успокаиваем тем, что мы отодвигаем возможность войны.

В. Синельников. А экстремистская безответственность малых стран?

А. Сахаров. Они пока что все-таки не имеют ядерного оружия. Вряд ли будут иметь в обозримый срок. Во всяком случае такого, как великие державы, и хотя это антидемократическое решение — о нераспространении ядерного оружия, — оно, по-видимому, было совершенно необходимо.

В. Синельников. Кажется, мы вплотную подошли к проблемам морали. Андрей Дмитриевич, как вы относитесь к тому, что церковь сегодня получила большие права в духовной жизни общества?

А. Сахаров. Я очень далек от церковных дел, но чисто умозрительно я считаю, что это хорошо. Не вполне понимая психологию людей, близких к церкви, думаю, есть у нее огромный духовный потенциал. Церковь, конечно, должна быть не единая, между разными церковными направлениями не должно быть антагонизма... Я бы лучше сказал все-таки не церковь, а религия. Она имеет большую духовную силу.

В. Синельников. Не противостоящую разуму, науке?..

А. Сахаров. Нет, в наше время не противостоящую. Противостояние религии и науки — это пройденный этап. Но должен быть пройден какой-то этап и в развитии религии, и вообще в духовной жизни человека, чтобы все это было окончательно понято. Как? Я от этого далек. Я воспитанник другой эпохи и другого мировоззрения...

В. Синельников. Вы материалист или дуалист? Или пантеист?

А. Сахаров. Я думаю, что есть какой-то внутренний смысл в существовании Вселенной. Я... не знаю... пантеист, наверное... или нет. Это что-то другое. Но внутренний смысл, нематериальный, у Вселенной должен быть. Без этого скучно жить.

А. Адамович. А вот если собрать ваши взгляды, Эйнштейна, других на эту проблему и создать религию ученых...

А. Сахаров. Я думаю, что у каждого своя концепция. И эйнштейновская концепция никому не ясна до конца, он не очень на эту тему распространялся.

А. Адамович. Как он сказал? Господь Бог изобретателен, но не коварен...

А. Сахаров. Это не имело отношения к религии, скорее — к философии. В данном высказывании Господь Бог просто синоним природы. Думаю, что не надо место человека толковать антропоцентристски. Может или не может он стоять в центре Вселенной — человек сам должен доказать в дальнейшем. А пока по отношению к природе ведет себя очень плохо.

В. Синельников. Вот о чем я хочу вас спросить. Выплеск апокалипсических настроений сегодня, толки о сроках, которые нам поставлены в Библии, существуют. Все чаще звучат голоса, что наша цивилизация конечна, как все в этом мире. Как наука должна отнестись к этим утверждениям?

А. Сахаров. Ну, тут две стороны вопроса. Сначала об ответственности науки. Я считаю, что острота глобальных проблем, стоящих перед человечеством, — экологической опасности, термоядерной войны и других — не просто создана наукой или прогрессом (лучше говорить прогресс, потому что наука — это нечто более узкое). Она создана прежде всего общественным, политическим и социальным развитием мира, его сложившейся структурой.

В мире, разделенном на две системы, существует, можно сказать, глобальная конкуренция, в которой есть фактор взаимного недоверия, есть желание не отстать от соперника, более того, обогнать его. Так называемым реальным политикам (я говорю в кавычках и с иронией) рядом с этим желанием экологические проблемы представляются какой-то романтической мечтой. Мне кажется, что главная опасность для человечества — разделение его на две системы. Именно из-за того оно, человечество, может погибнуть или в огне термоядерной войны, или экологически.

А. Адамович. А может быть, проблема не в разделении на две системы, а в отношении к другой системе как к неприменимому врагу, который должен исчезнуть с лица земли...

А. Сахаров. Пока две системы существуют и развиваются на параллельных началах, сейчас даже мирно развиваются. Но все равно обе держат камень за пазухой. Желание не отстать и обогнать сохраняется...

А. Адамович. Но, может быть, это оттого, что каждая хочет собой заменить другую?

А. Сахаров. Не только поэтому! Нет!

А. Адамович. А если чувствовать в другой системе партнера, который помогает мне быть лучше?..

А. Сахаров. Если создастся такая идеальная ситуация, то уже нет разделения на две системы. Это возможно только при сильнейшем сближении. К счастью, в какой-то мере, я считаю, такое сближение реально происходит. С одной стороны, наша административно-командная система, назовем ее сталинской системой, показала свою неэффективность в условиях научно-технической революции и интенсивного хозяйства. С дру-

гой стороны, капиталистическая система вводит очень много социалистических элементов: участие трудящихся в распределении прибыли и в управлении производством. Можно назвать еще и появление государственного сектора в народном хозяйстве, очень мощную систему социальной защиты.

А. Адамович. Значит, мы нужны друг другу?

А. Сахаров. Да, мы нужны друг другу. Но социальная система передовых капиталистических стран гораздо совершеннее нашей. Мы только приближаемся к такой социальной структуре защиты интересов детей, стариков, нацменьшинств, нуждающихся... В обеих системах наблюдаются элементы движения. С нашей стороны — то, что называется перестройкой. Перестройка — движение к плюрализму, в противном случае никакая это не перестройка, одни только слова. А плюрализм — это конвергенция, сближение, реальный процесс, который уже происходит, который необходим.

В. Синельников. Слово "конвергенция" стоило вам нескольких лет жизни в Горьком...

А. Сахаров. Да, это слово стоило мне довольно дорого.

А. Адамович. Евтушенко написал в "Советской культуре", что слова "конвергенция" у нас боятся больше, чем ядерной бомбы. Но тут можно и поспорить с вами. Допустим, вчера думали, что национальные особенности будут стираться, исчезать, а сейчас во всем мире они, наоборот, подчеркиваются. И значит, проблема не в том, чтобы их стереть, а чтобы научиться воспринимать дружески чужую особенность. Так же, наверное, и с социальными проблемами. Вовсе не обязательно сближение, но необходимо отношение к другой системе, как к естественному отличию от тебя самого.

А. Сахаров. Есть большое различие между сосуществованием и национальными системами. Мирное национальное сосуществование, безусловно, неизбежно. А сближения социальных систем необходимо добиваться, потому что это принципиальная задача построения общества, которой непросто найти единственно правильное решение. Оно возможно только на путях встречного движения, взаимного обмена опытом — здесь и нужно сближаться.

А. Адамович. Но ведь обязательно появится мессианство, желание свое навязать другому.

А. Сахаров. Должно быть встречное движение, а мессианство — это всегда экстремизм.

В. Синельников. Вы рискнули бы предположить фатальную нашу обреченность, как это делает религия?

А. Сахаров. Есть общий и несомненный предел существования цивилизации на Земле — существование солнечной системы. Это десять — двенадцать миллиардов лет, Земля уже просуществовала более трети отпущенного ей времени.

А. Адамович. Ну, Циолковский обещал, что мы превратимся в лучевую энергию и рассеемся по Вселенной.

А. Сахаров. Я думаю, что это не так. Человечество все-таки должно жить на Земле, жить долго, не загубить себя в ближайшие несколько столетий или несколько десятилетий, или несколько лет. Конечно, в отдаленной перспективе оно будет колонизировать другие миры, что не означает прекращения жизни на Земле. И все же разрешите за несколько миллиардов лет вперед не заглядывать, нет никаких данных для представления о том, что там будет. А вся наша цивилизация в сравнении с этим сроком — мгновение.

А. Адамович. Что совершенно точно: слова "капитализм" и "социализм" через миллиарды лет никто знать не будет...

А. Сахаров. Я не знаю, будут ли слова вообще. Может быть, способ общения и мышления будет другой, но это нас совершенно не должно волновать. На тысячелетие вперед планировать жизнь человечества, наверное, можно, но мы должны выйти на какой-то стационарный режим, который совместим с экологической безопасностью. Это произойдет, как я думаю, как я надеюсь, на протяжении нескольких десятилетий или столетий, и в стационарном режиме человечество будет сохраняться, жить на воспроизводимых ресурсах, не нарушая среды обитания, — вот идеальная схема, которая возможна только с использованием достижений науки, будущей науки. Уже сегодня у нас довольно широкий диапазон возможностей. Если вернуться к ядерной энергии, с которой мы начали, то она принадлежит именно к этому диапазону. На путях бедности мы не придем к благополучному миру. К нему можно перейти только благополучно развиваясь, имея высокий уровень жизни, имея возможность не беспокоиться за себя и за своих близких.

А. Адамович. Но мы ведь согласились: еще один незапланированный "мирный" взрыв, и конец стране.

А. Сахаров. Взрывов быть не должно. Это нужно исключить не с вероятностью честного слова. Не строить наземных станций, категорически не строить. А мы все время возвраща-

емся к новым экологически вредным проектам, и каждый проект имеет своих защитников. Нельзя этим защитникам поручать экспертизу на безопасность, это даже психологически для них непреодолимый барьер.

А. Адамович. Вы считаете, что экологическая опасность сегодня становится чуть ли не номером один?

А. Сахаров. Я думаю, нумеровать опасности — не так уж обязательно. Мы можем без этого обойтись, если примем твердое решение, что не упускаем из вида ни ту, ни другую — ни военную, ни экологическую. Вот такое решение принять необходимо. Вот, например, есть проблема бразильских лесов. Моя жена говорила на Пагуошской конференции, что надо платить бразильцам за кислород. Они дают всему миру кислород. Если мы можем платить крестьянам в Турции, чтобы они не разводили мак, то тем более можно платить бразильцам, чтобы они не рубили свои леса. Это решение может быть принято международной организацией — установить определенный процент национального дохода, маленький процент, скажем, одна десятая процента, на самом деле это будут колоссальные деньги. Я не знаю, какой суммарный национальный доход на Земле, но он триллионами исчисляется... Иначе бразильцы через 50 лет лишат нас "легких", ну просто дышать нечем будет...

В. Синельников. А озонная дыра?

А. Сахаров. Проблема озонной дыры очень неясна в научном смысле. Мы не знаем, что является ее причиной, может быть, это проявление каких-то периодических космических процессов, которые Земля уже много раз переживала и выходила из них без больших потерь.

А. Адамович. Японцы уже отнеслись к этому практически, они закрывают фреоновые производства...

А. Сахаров. Есть международное решение по этому вопросу, оно очень интересно составлено, развитые страны сокращают производства, слаборазвитым странам оно разрешено. Советский Союз к слаборазвитым странам отнесен...

А. Адамович. А мы и обрадовались? А была идея у американцев — надувать шары озоном и запускать, то есть латать дыры в атмосфере. Поднимать их туда и там озон выпускать.

А. Сахаров. У меня есть более сумасшедшая идея: колоссальное количество озона образуется при высотных ядерных взрывах.

А. Адамович. Образуется озон?

А. Сахаров. Да. Так чудесно пахнет после взрыва.

А. Адамович. Да тот ли это озон?

А. Сахаров. Озона двух сортов не бывает. Это как осетрина второй свежести.

В. Синельников. Вы, пожалуйста, не высказывайте эту идею.

А. Сахаров. Да, я боюсь ее высказывать. Но если дойдет до катастрофического положения...

А. Адамович. А вот была когда-то идея одного дипломата: если разоружение не получается, давайте над Антарктидой взорвем водородную бомбу, соберем всех политиков, корреспондентов, пусть посмотрят в натуре, что это такое. Может быть, и напугаем.

А. Сахаров. Один из моих друзей высказывал другую идею. Построить город, людьми его не заселять, поместить там животных...

А. Адамович. Опять животные должны отдуваться?

А. Сахаров. Да... Сделать там коммуникации, газ, провести электроэнергию, в общем, реальный город, потом взорвать большую термоядерную бомбу и показать людям. Это будет реальная демонстрация.

Я должен сказать, что, когда в свое время я был на испытаниях, было построено семь или восемь больших зданий, и когда я шел мимо них, разрушенных, это было очень сильное впечатление.

В. Синельников. А у вас есть личная доза облучения?

А. Сахаров. Может быть, и есть. Я совершил большую глупость после испытания 12 мая 1953 г. — из машины вышел на поле. Я не знаю, какая там была доза, это было минуты две-три, а потом мы уехали довольно скоро, я не знаю своей дозы.

В. Синельников. Хочу вам задать, Андрей Дмитриевич, личный вопрос. Скажите, кто вам помогал выстоять в самое трудное для вас время? Кто вас поддерживает?

А. Сахаров. Прежде всего моя жена. Весь горьковский и предгорьковский период моя жена была, собственно, главным объектом атаки. Это проявилось в серии клеветнических статей, которые появились сначала за границей, а потом здесь. Очень чувствовалось, что определенные органы хотят меня изобразить таким невинным, совращенным агнцем, а ее главной виновницей, согласно библейской легенде. Но я-то совратился раньше, чем ее увидел, еще когда была жива моя пер-

вая жена. Именно тогда я уже начал грешить — выступал против ядерных испытаний в 50-е годы, в 60-е годы. Это драматическая часть моей биографии. Потом я выступил со статьей о ядерной опасности, конвергенции и об интеллектуальной свободе. Это было тоже давно, двадцать лет назад. Так вот в Горьком меня поддерживала моя жена, но одновременно я понимал, что на нее падает главный удар, и была все время попытка противопоставления нас обоих, очень тяжелая психологически.

Я чувствовал поддержку со стороны общественного мнения и в нашей стране и за рубежом. Она помогла выжить, помогала конкретным делам. Удалось добиться выезда за рубеж нашей невестки к сыну Елены Георгиевны, которого я тоже считаю своим сыном, удалось добиться выезда за рубеж моей жены, уже после ее инфарктов, когда она не имела возможности здесь лечиться. На Западе ей сделали операцию на сердце, и, кроме того, она увидела своих детей и маму.

В. Синельников. А что было в вашей московской квартире, когда вас здесь не было?

А. Сахаров. Что-то ужасное. Квартира была на замке, у дверей стояли милиционеры, никого не пускали внутрь. Жена тут лежала с инфарктом, но к ней все равно никого не пускали. Именно тогда установили милицейский пост, когда у нее случился инфаркт, видимо, хотели облегчить ей переход в лучший мир. Но когда ее после того, как она сумела подняться с постели, задержали в Горьком, а потом судили и присудили к ссылке, то она уже в Москву не могла вернуться. А квартира продолжала оставаться под присмотром. Тут вылавливали случайных людей, которые к ней подходили, квартира была как бы липкой бумагой для доверчивых. В одной из комнат раскрылось окно, и тогда лопнули батареи, треснул потолок, рухнули на вещи и книги куски штукатурки, все отсырело и было обречено на гибель.

В. Синельников. Я слышал, что вам в Горький звонил Михаил Сергеевич Горбачев.

А. Сахаров. Да. Поздно вечером мы сидели с женой у телевизора. Пришли три человека, один из КГБ и два монтера. Их подняли с постели.

В. Синельников. А у вас не было телефона?

А. Сахаров. Нет, семь лет не было.

А. Адамович. Очень спокойная была жизнь.

А. Сахаров. Да. Очень спокойная жизнь. Мы были полностью изолированы от каких-либо контактов, на улице тоже никого к нам не подпускали. Был такой эпизод, жена ехала на машине, и мужчина с больным ребенком на руках просил подвезти их в больницу, ребенок плакал. Она остановилась, но отца и ребенка вытащили из машины.

В коридоре у нас сидел милиционер, а вокруг него клуб из жильцов собирался. Потому что скучно, естественно. Там с утра до вчера у них стоял шум, иногда и выпивки бывали.

А. Адамович. А вас приглашали?

А. Сахаров. Нет, нас не приглашали. Милиционеры с нами не общались, когда мы с ними здоровались, не отвечали. По утрам жена выходила за газетой, милиционер сидел спиной к двери, он брал газету со столика и через плечо ей подавал. Молча. Эта сцена повторялась каждое утро.

Так вот. Уходя, этот представитель КГБ сказал: вам завтра позвонят. Ну, мы сидели, ждали, он сказал: утром, часов в десять. Но в десять никто не позвонил. А в три часа раздался звонок, я уже собирался за хлебом. Это звонил Горбачев. Разговор с Горбачевым был такой. Михаил Сергеевич сказал: принято решение о вашем возвращении в Москву, также получит возможность вернуться Боннэр. Я довольно резко говорю: это моя жена (мне в интонации что-то не понравилось). Да, да, затруднений не будет, можете возвращаться. Я говорю: большое вам спасибо, я глубоко вам благодарен, я хотел только вам сказать, что несколько дней назад в Чистопольской тюрьме, можно сказать, убит мой друг, писатель Анатолий Марченко, он был первым в том списке политических заключенных, который я вам послал. Горбачев сказал: да, мы получили этот список, разбирались, многие из них освобождены, положение других улучшено, но там очень разные люди. Я говорю: я с вами не согласен. Это люди, которые осуждены за свои убеждения, и все они должны быть освобождены. Горбачев сказал: тут я с вами не могу согласиться. Я сказал: умоляю вас подумать, это очень важно для вашего престижа и для успеха всех ваших дел, для вашего авторитета. Вот на этом закончился наш разговор. А потом по поручению Горбачева приехал Марчук. И еще через несколько дней мы выехали в Москву, сначала налегке, а потом вернулись и за вещами.

На следующее утро после звонка Горбачева милиционеры собрали все свое хозяйство, электроплитку, термосы, мы с

ними очень любезно попрощались. Я спросил: что же вы теперь будете делать? А они говорят: продолжать службу. Такой был конец.

В. Синельников. Андрей Дмитриевич, что вы можете сказать о людях, пострадавших за политические убеждения?

А. Сахаров. Ситуация очень смягчилась в результате массового освобождения 1987 года. Правда, это освобождение было произведено стыдливым способом. С людей требовали прошение о помиловании.

Ясно, что нужно всех этих людей освободить и именно реабилитировать, а не вымогать у них прошение о помиловании. Это совершенно неправомерно и несправедливо. За этим стоит только честь мундира.

Я с настороженностью отношусь к тому, что происходит сейчас, ибо вижу: то и дело возникает что-то вроде закулисных, временных соглашений перестроечников с антиперестроечниками. Может быть, у перестроечников нет иных путей, тогда будем надеяться, что они сумеют на этом извилистом пути дойти до цели. Но нам наблюдать это жутковато.

В. Синельников. А как был обставлен ваш отъезд из Москвы в Горький?

А. Сахаров. Это выглядело таким образом. 22 января 1980 г., это был вторник, я собрался на семинар в ФИАН, вызвал машину из Академии и поехал. Когда мы доехали до Краснохолмского моста, вдруг поперек дороги встала машина ГАИ. Мой водитель, очень удивленный, пошел навстречу милиционеру, тот, я видел, ему козырнул, а в это время задние двери открылись, и в машину влезли два человека в форме. Показав мне красные книжечки, они сказали, что они из МВД. Когда вернулся водитель, они ему приказали ехать за машиной ГАИ. При этом мы заметили, что движение перекрыто с обеих сторон, и мы были в полном одиночестве на этом Краснохолмском мосту.

Приехали в прокуратуру, и там прокурор Рекунков объявил мне, что я по постановлению Президиума Верховного Совета СССР лишен всех своих наград. Он очень волновался. Я его спросил, почему вы меня доставили таким странным способом? Я всегда являлся на вызовы прокуратуры. Он сказал: ввиду срочности вопроса.

Он дал мне ознакомиться с текстом этого постановления, я увидел, что там нет подписи Брежнева и Георгадзе, но он меня уверил, что это несущественно, что это чисто техниче-

ский момент. Я написал, что я отказываюсь вернуть награды, считаю это необоснованным. Он сказал, что компетентные органы приняли решение о моей высылке в город Горький (впоследствии меня все время убеждали, что это постановление Президиума Верховного Совета СССР, но этого документа я никогда не видел). Я также не видел никакого документа, по которому меня вернули из Горького в Москву.

А. Адамович. Может, вы и не ездили, вас не высылали в Горький?

А. Сахаров. Может быть. У меня обманом забрали паспорт, на паспорте был штамп, что 70-е отделение милиции меня выписало из Москвы. Паспорт я отказывался брать долгое время, потом пришлось взять по каким-то житейским причинам. И меня прописали в городе Горьком. Когда я приехал в Москву, то в 70-м отделении милиции запросили электронную машину паспортного отдела города, и она выдала ответ, что я все это время проживал в городе Москве. И в паспорте оказался штамп 70-го отделения милиции, который здесь не ставили.

А. Адамович. Мистика! Булгаков!

В. Синельников. Андрей Дмитриевич, вы встречались в свое время с Брежневым, с Хрущевым?

А. Сахаров. С Брежневым я несколько раз встречался, разговаривал с ним по телефону по вопросам о Байкале, второй раз пытался позвонить — о смертном приговоре угонщикам самолета — ленинградское дело. Приговорили к смертной казни, но фактически это не было актом воздушного пиратства, они собирались захватить самолет без пассажиров, на земле, и никого не убивать. Это было предосудительное действие, несомненно, но не заслуживающее смертной казни, с моей точки зрения.

Личных встреч с Никитой Сергеевичем было несколько. Я видел его еще в 50-е годы несколько раз, до 1955 или до 1956 года я бывал на заседаниях Политбюро или Президиума КПСС, не помню, как это тогда называлось. Потом я его видел на одном большом совещании в 59-м году. И наиболее интересный контакт был в 61-м году, когда я ему подал записку о том, что считаю нецелесообразным односторонний разрыв моратория по ядерным испытаниям. Он мне ответил речью, большой речью. Это было уже прямое столкновение.

А. Адамович. Андрей Дмитриевич, вам не приходили мысли о том, что не стоило выносить из лаборатории "рецепт"

бомбы? Не кажется вам, что все последующие годы вам пришлось бороться с последствиями своего изобретения?

А. Сахаров. Тогда я считал, да и сейчас считаю, что, передавая это оружие советскому правительству, я способствовал поддержанию стратегического военного равновесия.

Вообще я человек эволюционирующий... но не настолько...

В. Синельников. Андрей Дмитриевич, вы для нас всех на протяжении многих лет являетесь человеком, каждое слово которого очень много значило, когда оно до нас доходило, разумеется. Как вам сейчас живется? Каково ваше отношение к происходящему?

А. Сахаров. Настроение у меня настороженное. Я очень обеспокоен тем, как по-разному развиваются события в нашей стране.

Нужно создать политические условия, чтобы люди почувствовали уверенность, реальную уверенность в необратимости перестройки. Чтобы они, к примеру, понимали: если начнут брать землю в аренду, то через десять, через пять или через двадцать лет никто ее не отберет. Не отберет все, что нажито тяжелым трудом.

Нужно прекратить всякий зажим гласности. Гласность должна быть абсолютной.

В. Синельников. А вы лично в своих статьях, выступлениях почувствовали уже после возвращения из Горького какие-то пороги гласности?

А. Сахаров. Конечно. У меня не прошла статья в "Аргументах и фактах", в которой я призываю обсудить вопрос о сокращении срока службы в армии наполовину. Мысль моя заключается в том, что СССР имеет огромную сухопутную армию. Под ружьем в армии и на флоте у нас служат больше солдат на душу населения, чем в какой бы то ни было стране, и мы можем себе позволить без ущерба для нашей безопасности в одностороннем порядке сократить вдвое срок службы в армии. Именно это определяет численность людей, которые находятся в армии одновременно. Офицерский корпус, вероятно, надо сокращать гораздо меньше.

Я думаю, что такой шаг кардинально изменит все военнополитическое соотношение и все переговоры по разоружению, особенно в Европе. Они мгновенно пойдут совсем с другой скоростью.

Такое решение будет иметь колоссальное социальное значение для нашей страны, потому что длительный срок службы

в армии фактически выбивает наших юношей из того направления жизни, которое они выбрали. После армии не возвращаются в деревню очень многие. До 30% вообще не возвращаются к своей профессии, теряют темп. Творческий потенциал теряется. Цыплят надо обучать ходить за матерью в первые секунды, так же и людей надо в определенный период учить. Я думаю, что и при сокращении срока службы на один год обучить людей военному делу можно, люди сейчас грамотные, подготовленные, трактора водят и автомобили и с радиоприемником умеют обращаться.

А. Адамович. Вариант профессиональной армии тоже сейчас обсуждается.

А. Сахаров. Я не возражаю против этого, это тоже очень хорошая идея, но она экономически очень сложна.

А. Адамович. Понимаете, трагедия не в том, что придется сократить армию, а в том, что придется сократить генералов, вот где большая трагедия.

А. Сахаров. Да, это большая трагедия для генералов. Ну, так давайте их не сокращать. Это будет гораздо дешевле и проще. Только важно понять, какие общественные настроения они будут поддерживать.

У нас общественные процессы идут волнами, и несут их разные течения. Вроде бы провокация Нины Андреевой была отражена...

А. Адамович. Так называемой Нины Андреевой.

А. Сахаров. Да, так называемой Нины Андреевой. Но силы, которые стояли за этим псевдонимом, еще сохранились в нашем обществе, эти силы продолжают существовать. Структура нашего общества очень сложная, по существу сталинистская. Хотя, может быть, она начала создаваться до Сталина, продолжала развиваться после Сталина, но будет справедливо дать ей именно это наименование.

В. Синельников. Что же делать всем нам сегодня?

А. Сахаров. Надо действовать активно. Пассивное отношение к новым процессам, если оно станет общим настроением, будет пагубно. От перестройки в нашей стране зависит очень многое — и для наших людей, и для всего мира. Вот я говорил о конвергенции. Я действительно отождествляю перестройку с плюрализмом, а плюрализм с конвергенцией. Поэтому я считаю, что перестройка — важный шанс. Последний шанс. Может быть, не последний. Никогда не надо говорить совсем уж страшных слов. Но в общем это предоставившийся нам шанс выйти из тупика и помочь всему миру выйти из тупика. Для этого нужна активная позиция во всех спектрах деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства.....	3
От составителя.....	5
Автобиография.....	7
Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе	11
Памятная записка и Послесловие к ней.....	48
О письме Александра Солженицина "Вождям Советского Союза" ..	63
Мир через полвека.....	73
О стране и о мире.....	86
Нобелевская лекция "Мир, прогресс, права человека".....	151
Письмо в Организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни.....	164
Ядерная энергетика и свобода Запада.....	168
Тревога и надежда	173
Статьи и письма из Горького.....	185
Открытое письмо Президенту Академии наук СССР А.П. Александрову.....	185
Тревожное время.....	194
Открытое письмо Л. И. Брежневу	199
Ответственность ученых	201
По поводу присуждения премии имени Лео Сцилларда	208
Опасность термоядерной войны. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу	212
После ссылки	228
Выступления на Московском форуме	228
Неизбежность перестройки	239
Предвыборная платформа	257
Речь при закрытии I-го Съезда народных депутатов	260
Конституция Союза Советских республик Европы и Азии (проект)	266
Последнее выступление	277
Съезд не может сделать все сразу (интервью с Юрием Ростом)...	279
Степень свободы (интервью с Григорием Цитриняком)	290
Жить на Земле, и жить долго (диалог с Алексеем Адамовичем)	312

Публицистика

Сахаров Андрей Дмитриевич

ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

2-е изд.

Редактор А.А. Черкизов

Оформление художника Е.М. Омеляновской

Художественный редактор С.С. Водчиц

Технический редактор З.Д. Гусева

ИБ № 5

Сдано в набор 25.12.89. Подписано в печать 16.01.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. имп. № 1. Гарнитура «Пресс-Роман». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 19,45. Уч.-изд. л. 19,91. Дополнительный тираж 50 000 экз. Заказ № 1147.
Цена 5 руб. Изд. № 1 Интер—Версо.

Издательство "Интер — Версо"

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Издательство "Международные отношения"

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

5 руб.

ИНТЕР-ВЕРСО

Я считаю особенно важным преодоление распада
мира на антагонистические группы государств,
защиту человеческих прав, закона и свободы.

А. Сахаров

А.А.СВЯТАЯ ПОБЕДА БОГА
У НАС ЕСТЬ